

В.Б.Кувалдин

АМЕРИКАНСКИЙ КАПИТАЛИЗМ И ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРОСПЕКТ»

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ
И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

В.Б.Кувалдин

АМЕРИКАНСКИЙ КАПИТАЛИЗМ И ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ

ИСТОРИКО-СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ
ОЧЕРК

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА 1983

В книге анализируются положение и роль представителей интеллектуального труда в американском обществе, раскрываются специфика формирования, характерные черты их духовного облика. Особое внимание уделено анализу оппозиционных тенденций в сознании и поведении американской интеллигенции, перспективам союза рабочего класса и интеллигенции в борьбе против господства монополий.

Ответственный редактор

Г. Г. ДИЛИГЕНСКИЙ

ВВЕДЕНИЕ

Проблема интеллигенции является одной из ключевых для понимания характера изменений, происходящих в современном буржуазном обществе. Ее значение определяется новой ролью культуры, знания, интеллектуального труда в эпоху научно-технической революции и грандиозных социальных изменений, происходящих сегодня в мире. Без учета этого фактора наше понимание современного капитализма будет суженным, обедненным.

Не случайно проблема интеллигенции привлекает все большее внимание советских исследователей¹. В 60—70-е годы в СССР вышли книги и статьи, в которых анализируются положение и роль лиц интеллектуального труда в различных странах капиталистического мира². Среди работ этого профиля значительное место занимает исследование различных сторон жизни американской интеллигенции³. К трудам, посвященным американской интелли-

¹ *Амбарцумов Е. А.* Интеллигенция в капиталистическом обществе.— В кн.: *Городские средние слои современного капиталистического общества*. М., 1963; *Симуш П. И.* Социальная роль и судьба интеллигенции. М., 1969; *Надель С. Н.* Современный капитализм и научно-техническая интеллигенция.— *Коммунист*, 1970, № 1; *Тропольская И. М.* Интеллигенция как особая общность. М., 1974; *Шикин Ю. М.* Современные буржуазные концепции интеллигенции. Л., 1975; *Амбарцумов Е. А.* Интеллигенция капиталистических стран в современной борьбе идей.— В кн.: *Идеологическая борьба и мировой революционный процесс*. М., 1978; *Надель С. Н.* Современный капитализм и средние слои. М., 1978, с. 198—273; *Шляхтун П. А.* Интеллигенция в современном буржуазном обществе. Киев, 1980.

² *Иерусалимский В.* Социально-экономические аспекты положения интеллигенции в ФРГ.— *Рабочий класс и соврем. мир*, 1972, № 4; *Кувалдин В. Б.* Интеллигенция в современной Италии. М., 1973; *Айвазова С. Г., Горелова В. В., Оныщук И. П., Великовский С. И.* Трудовая интеллигенция Франции.— *Рабочий класс и соврем. мир*, 1974, № 1, 2; *Арская А. П.* Научно-техническая интеллигенция Японии. М., 1974; *Максимова В. С.* Научно-техническая интеллигенция Франции и ее место в борьбе за социальный прогресс. Петрозаводск, 1978.

³ *Кон И.* Размышления об американской интеллигенции.— *Новый мир*, 1968, № 1; *Мельников А.* Интеллигенция США: числен-

генции, примыкают статьи и книги о студенчестве в США⁴. В то же время в советской литературе нет обобщающих монографических трудов, рассматривающих формирование и развитие американской интеллигенции в широком социально-историческом контексте.

В настоящей работе под интеллигенцией понимается социальный слой лиц, профессионально занятых сложным, квалифицированным умственным трудом. Квалифицированный интеллектуальный труд требует высокого уровня образования, длительной профессиональной подготовки. Поэтому в дальнейшем изложении понятия «интеллигенция», «лица умственного труда», «специалисты» используются как синонимы.

Для социологического портрета американской интеллигенции можно использовать данные многочисленных конкретных исследований, проводимых в США. Однако даже лучшие из них, такие, как обобщающая работа Бауэна⁵, страдают общим методологическим пороком: различные черты интеллигенции рассматриваются как набор отдельных характеристик, между которыми существуют определенные корреляции. Несмотря на обилие материала, введенного в научный оборот, в американской литературе нет фундаментальных исследований проблемы интеллигенции, сочетающих конкретный анализ с теоретическими разработками. Американские работы на эту тему или грешат эмпиризмом, или представляют собой

ность, состав, социальная дифференциация.— МЭ и МО, 1970, № 1; *Надель С. Н.* Научно-техническая интеллигенция в современном буржуазном обществе. М., 1971; *Ханжин С. В.* Проблема участия интеллигенции США в антиимпериалистической коалиции: Канд. дис. М., 1973; *Мирошниченко В. И.* Интеллигенция в современном буржуазном обществе: (По материалам США). Канд. дис. М., 1976; *Зарецкая С. Л.* Кадры специалистов в США в условиях научно-технической революции: Канд. дис. М., 1977; *Салмин А. М.* Интеллигенция США в поисках социальной позиции.— В кн.: Рабочий класс в мировом революционном процессе. М., 1978; *Кувалдин В. Б.* Особенности социально-экономического положения американской интеллигенции.— В кн.: Рабочий класс в мировом революционном процессе. М., 1979.

Салычева А. А. Американский университет сегодня.— США — экономика, политика, идеология, 1976, № 9, с. 39—49; *Новинская М. И.* Студенчество США. М., 1977; *Косенко Е. И.* Молодежь в современном американском обществе. М., 1977; *Салычева А. А.* Прогрессивное студенчество.— В кн.: Массовые движения социального протеста в США. М., 1978.

Bowen H. R. Investment in Learning: The Individual and Social Value of American Higher Education. San Francisco, 1978.

априорные идеологические конструкции с минимальным фактическим обоснованием. Впрочем, заданность исходных позиций чувствуется и в подходе к конкретным исследованиям.

В США понятие «интеллигенция» не приобрело таких прав гражданства, как в Европе. Американские авторы предпочитают говорить не об интеллигенции, а об интеллектуалах, сравнительно небольшой группе идеологов, играющих ключевую роль в духовной жизни общества. Хотя в американской науке растет интерес ко всему слою в целом, он пока что слабо проявляется в конкретных исследованиях, сконцентрированных на отдельных категориях лиц интеллектуального труда, наиболее активно участвующих в формировании общественного сознания. Имеющийся в нашем распоряжении материал, характеризующий массовые отряды интеллигенции, весьма ограничен; его ценность снижается склонностью американских авторов рассматривать лиц интеллектуального труда как набор профессиональных групп, имеющих между собой мало общего.

Основные концепции интеллигенции, выдвинутые в американской литературе, разрабатываются в рамках более широких идейно-теоретических построений, призванных объяснить ход общественного развития. Консервативные идеологи и публицисты — И. Кристоу, Г. Кан, М. Новак — видят в интеллигенции первопричину всех бед американского общества, представители либерально-демократического лагеря — М. Харрингтон, Дж. Гэлбрейт — возлагают на нее большие надежды. В американской литературе, посвященной этой теме, можно выделить четыре основных направления: интеграционистское, технократическое, гиперболизирующее и радикальное. Наиболее видным представителем первого направления является Т. Парсонс, глава структурно-функциональной школы в американской социологии. В социологической теории Парсонса интеллигент — это специалист высокой квалификации, призванный обеспечить бесперебойное функционирование общественного механизма. Парсонс считает, что в американском обществе происходит слияние интеллигенции и господствующего класса. На этой основе образуется новая правящая элита, пользующаяся авторитетом и уважением в обществе⁶.

⁶ *Parsons T. The Social System. Glencoe, 1952, ch. 10; Idem. Essays in Sociological Theory. Glencoe, 1967, ch. 18; Idem. Professions.*—

Технократическая традиция, ведущая начало в западной общественной мысли от французского социалиста-утописта Анри Сен-Симона, на американской почве дала первые плоды в трудах Т. Веблена. В книге «Инженеры и система цен», вышедшей в 1918 г., Веблен — в духе сенсимоновской школы, разграничивавший собственность и знания, — проводит последовательное различие между интересами «бизнеса» и «промышленности»⁷. Линия рассуждений Веблена в виде разграничения капитала-собственности и капитала-функции продолжается в ряде работ видных американских экономистов, социологов, юристов⁸.

Переходными от второго к третьему направлению можно считать работы, рассматривающие развитие науки и техники как самостоятельный, не зависящий от воли людей процесс, который все больше определяет направление развития общества, придавая ему качественно новый характер. Вступление общества в новую фазу — «технопотропный век», «постиндустриальное общество» — выдвигает на первый план научно-техническую интеллигенцию, превращая ее в ключевой элемент социальной системы⁹.

Характерной особенностью гиперболизирующего направления является представление об интеллигенции как новом господствующем классе буржуазного общества¹⁰. Первоначальной разновидностью этих теорий, вышедших из технократического направления, является концепция «революции управляющих», впервые сформулированная Дж. Бэрнхэмом в 1941 г.¹¹. Сохраняясь в научном обороте, концепция «менеджеральной революции» постепенно уступает место теориям, рассматривающим всю интеллигенцию как новый господствующий класс, идущий на смену буржуазии. Например, известный социолог А. Гоулднер видел в интеллигенции «буржуазию культуры, ко-

In: International Encyclopedia of Social Sciences. N. Y., 1968, vol. 12, p. 536—546.

Veblen T. The Engineers and the Price System. N. Y., 1936, Ch. 4. Berle A. A., Means G. C. The Modern Corporation and Private Property. N. Y., 1932, p. 352—357; *Idem.* Power without Property. N. Y., 1959, p. 69—76; Гэлбрейт Дж. Новое индустриальное общество. М., 1969, гл. 6.

Brzezinski Z. Between two Ages. N. Y., 1970; Bell D. The Coming of Post Industrial Society. N. Y., 1973.

Bazelon D. T. Power in America: The Politics of the New Class. N. Y. 1967.

Burnham J. The Managerial Revolution. N. Y., 1941, ch. 6.

торая присваивает культурные богатства, созданные коллективным трудом на протяжении веков... для которой капиталом служат не деньги, а контроль над культурными ценностями»¹². Эти представления, широко проникшие и в буржуазную публицистику¹³, призваны закамouflировать реальный характер процессов, происходящих в сфере классовых отношений современного капитализма.

Несколько особняком в общественной мысли США стоят концепции интеллигенции, вышедшие из-под пера представителей радикального направления. Уделяя большое внимание феномену интеллигенции, теоретики-радикалы резко расходятся в оценке общественных потенций этого слоя. В то время как большинство представителей радикального направления связывают свои надежды на глубокое обновление общества прежде всего с интеллигенцией¹⁴, в их среде раздаются и негодующие голоса тех, кто клеймит ее за прислужничество властям.

Идеологическая функция буржуазных теорий интеллигенции не ограничивается мистификацией реальности государственно-монополистического капитализма. Буржуазные авторы стремятся использовать свои априорные схемы для опровержения марксистской теории общественного развития. В своей последней книге А. Гоулднер писал: «Беглые замечания Маркса и Энгельса о лицах умственного труда показывают, что здесь марксизм неожиданно достиг границ самопознания. Действительно, столкнувшись с этой фундаментальной проблемой, Маркс и Энгельс отделались молчанием, скрытым за словесной мишурой»¹⁵.

Изучение трудов основоположников марксизма убедительно доказывает беспочвенность подобных рассуждений. Разработанная Марксом, Энгельсом, Лениным теория интеллигенции базируется на основных принципах исторического материализма, органически входит в марксистскую философию истории. Маркс в «Немецкой идеологии» и «Манифесте Коммунистической партии» выделяет особую группу в составе господствующего класса — мыс-

¹² Gouldner A. W. The Future of Intellectuals and the Rise of the New Class. N. Y., 1979, p. 19, 21.

¹³ US News and World Report, 1980, Febr. 25, p. 66—69.

¹⁴ Здесь к ним нередко примыкают и теоретики других направлений. См., напр.: Gouldner A. W. Op. cit., p. 7, 83; Гэлбрейт Дж. Указ. соч., с. 349, 463.

¹⁵ Gouldner A. W. Op. cit., p. 58.

лителей, идеологов,—представители которой при определенных условиях могут перейти на сторону борющегося пролетариата. Энгельс, в последние годы жизни уделявший много внимания анализу надстройки, ее обратного влияния на базис, фактически во весь рост поставил проблему роли интеллигенции в истории.

Ленин в новую историческую эпоху, эпоху империализма и пролетарских революций, подчеркивал первостепенное значение интеллигенции как идеолога и представителя различных классов и слоев общества. Он писал: «...интеллигенция потому и называется интеллигенцией, что всего сознательнее, всего решительнее и всего точнее отражает и выражает развитие классовых интересов и политических группировок во всем обществе»¹⁶.

Ленин придавал огромное значение участию представителей интеллигенции в рабочем движении, подчеркивая, что только таким образом пролетариат может выработать революционное классовое сознание, выйти за рамки тред-юнионистских представлений. Он писал: «Мы сказали, что социал-демократического сознания у рабочих и не *могло быть*. Оно могло быть принесено только извне. История всех стран свидетельствует, что исключительно своими собственными силами рабочий класс в состоянии выработать лишь сознание тред-юнионистское, т. е. убеждение в необходимости объединяться в союзы, вести борьбу с хозяевами, добиваться от правительства тех или иных необходимых для рабочих законов и т. п. Учение же социализма выросло из тех философских, исторических, экономических теорий, которые разрабатывались образованными представителями имущих классов, интеллигенцией»¹⁷.

Ленинское положение об интеллигенции как необходимым компоненте блока социальных сил, ставящих своей целью революционное преобразование общества, творчески разработал выдающийся итальянский марксист, один из основателей Итальянской коммунистической партии, Антонио Грамши¹⁸.

Для рабочего класса США, развитие политического сознания которого происходит в исключительно трудных условиях, эта сторона дела имеет особое значение. Изу-

¹⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 7, с. 343. См. также т. 6, с. 389.

¹⁷ Там же, т. 6, с. 30.

¹⁸ См.: Григорьева И. В. Исторические взгляды Антонио Грамши. М., 1978, с. 168—171, 184—185, 206—220, 275—276, 283—284.

чение сознания и поведения лиц интеллектуального труда необходимо для решения тех задач, которые стоят перед прогрессивными силами Америки, ведущими упорную борьбу за создание широкой демократической коалиции, способной положить конец произволу монополий. Генеральный секретарь Компартии США Гэс Холл подчеркивал: «Процессы становления и кристаллизации антимонополистической коалиции — вот центр всех будущих событий. Это рубеж, который всем прогрессивным силам, всем противникам капитализма в союзе с самыми широкими народными движениями предстоит взять»¹⁹.

Марксистский анализ сознания и поведения общественных классов и слоев, образцом которого является работа Энгельса «Положение рабочего класса в Англии», предполагает воссоздание конкретных социальных условий, в которых реализуется общественная практика индивидов. Характеризуя материалистический подход к исследованию исторического процесса, основоположники марксизма писали в «Немецкой идеологии»: «Его предпосылками являются люди, взятые не в какой-то фантастической замкнутости и изолированности, а в своем действительном, наблюдаемом эмпирически, процессе развития, протекающем в определенных условиях»²⁰.

Исследование сознания и поведения американской интеллигенции в их социально-исторической обусловленности требует выделения той сферы общественных отношений, того среза действительности, который оказывает на нее наибольшее влияние. Аналогичная проблема встает перед каждым, кто занимается изучением сознания и поведения классов и слоев в современном буржуазном обществе²¹. Однако в применении к интеллигенции она представляется особенно сложной в силу большой внутренней разнородности этого слоя.

По-видимому, ее решение надо искать в роли культуры и положении ее носителей — представителей интеллигенции — в данном обществе. Они не могут быть статичными и неизменными, в процессе перехода от одной фазы развития общества к другой они претерпевают глубокие

¹⁹ Пробл. мира и социализма, 1976, № 4, с. 336.

²⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 3, с. 25.

²¹ См., напр.: Дилигенский Г. Г. Рабочий на капиталистическом предприятии. М., 1969, с. 16; Песчанский В. В. Служащие в буржуазном обществе. М., 1975, с. 161—162; Буин И. М. Буржуазия в современном французском обществе. М., 1978, с. 23.

изменения, и их внутренняя динамика самым тесным образом связана с особенностями национальной истории. Конечно, особенности развития страны, национальная специфика влияет на общественно-политическое сознание всех классов и слоев населения. Но на формирование общественного сознания интеллигенции, особенно американской, история наложила чрезвычайно сильный отпечаток. По своему положению интеллигенция выполняет роль носителя национальных традиций, «коллективной памяти» общества. В Соединенных Штатах, в течение долгого времени развивавшихся в относительной изоляции от внешнего мира, влияние специфики национальной истории на формирование сознания интеллигенции было исключительно сильным и глубоким.

Необходимость «вписать» феномен интеллигенции в контекст национальной истории, рассматривать их в постоянном соотношении означает, что в поле зрения исследователя должен находиться весьма широкий круг явлений, характеризующих различные стороны жизни общества — от экономики до идеологии. В то же время широкая историческая панорама дает необходимую точку отсчета, позволяющую проследить эволюцию положения и роли интеллигенции в обществе.

Разумеется, автор не ставил своей целью ни самостоятельное исследование американского прошлого, ни его всестороннюю, сбалансированную оценку. Его задача иная: опираясь на то, что сделано в советской науке, выделить, акцентировать те особенности американской истории, которые наложили наиболее сильный отпечаток на процесс формирования интеллигенции, ее духовный облик.

Соединительным звеном между личностью и обществом, основой формирования ее психологии и сознания служит опыт. Будучи очень емкой категорией марксистской социологии, опыт социальной группы включает всю сферу общественной практики ее представителей. Отражая широкий круг явлений жизни, по своему характеру он многообразен и противоречив. Можно выделить два основных его компонента: социально-экономический и общественно-политический. В зависимости от исторической ситуации один из них выступает на первый план в качестве главного аккумулятора нового опыта. В периоды экономических потрясений первостепенное значение приобретают различные аспекты материального положе-

ния лиц интеллектуального труда, необходимость поддерживать достигнутый жизненный уровень. Фазы общественного подъема, отмеченные резким усилением социальной активности интеллигенции, — время интенсивного освоения новых, ранее не изведанных сторон действительности.

Различные стороны социального опыта обладают неодинаковой ценностью в глазах отдельных категорий лиц интеллектуального труда. Для учителей на первом плане стоят материальные заботы, представителей интеллектуальной элиты волнуют судьбы культуры и цивилизации. С точки зрения усвоения опыта немалое значение имеет микросреда, непосредственное окружение личности. Правда, несмотря на большой разброс, характерный для мира интеллектуального труда, существует тенденция гомогенизации опыта представителей этого слоя.

Социальный опыт класса или слоя, запечатленный в психологии и сознании его представителей, имеет сложную внутреннюю структуру. Его основные элементы — индивидуальный, групповые различного уровня (микрогрупповой, профессионально-корпоративный, макрогрупповой, отражающий опыт класса или слоя в целом), общенациональный — находятся в постоянном взаимодействии, вырабатывая определенную «модель мира», которую личность использует в качестве ориентира в своей практической деятельности. Для формирования общественного сознания интеллигенции особое значение имеют и другие компоненты, выходящие за национальные рамки: общекультурный, связанный с освоением духовного наследия человечества, и интернациональный, отражающий реакцию на важнейшие события, происходящие в мире.

В центре внимания автора — групповые компоненты социального опыта американской интеллигенции. Личный жизненный опыт, индивидуальная судьба имеют решающее значение для исследования психологии личности или создания художественного образа, но не всегда позволяют выявить характерные черты психологического облика определенного слоя. Национальное сознание американцев, привлекающее внимание советских исследователей²²,

²² См., напр.: *Замощкин Ю. А.* Кризис буржуазного индивидуализма и личность. М., 1966; *Он же.* Личность в современной Америке. М., 1980; *Петровский В. Э.* Суд Линча. М., 1967.

1

дает общую рамку, в которой надо прописать различные социальные фигуры, типичные для данного общества.

Источником группового опыта является общественная практика соответствующей социальной единицы, действия, формирующиеся в процессе практической деятельности коллективные представления о возможностях, путях и методах достижения своих целей. Поэтому анализ сознания и поведения интеллигенции требует воссоздания того социального контекста, в котором реализуются ее потребности и стремления.

Исследованию основных компонентов социального опыта американской интеллигенции посвящены специальные разделы монографии. Анализ социально-экономического положения лиц интеллектуального труда служит основой для характеристики обыденного сознания, мотивов поведения в повседневной жизни. Исследование политического сознания интеллигенции позволяет выявить общественный потенциал этого слоя.

Конечно, в одной работе невозможно охватить все богатство связей и отношений, заключенных в процессе формирования сознания американской интеллигенции. В лучшем случае можно только наметить общие контуры этого процесса. Внимание автора в первую очередь привлекало все то, что связано с вызреванием альтернативной, демократической тенденции в сознании лиц интеллектуального труда, тенденции, на базе которой может формироваться установка на борьбу за радикальное преобразование общества. Учитывая особые трудности, на которые наталкивается развитие революционной тенденции в рабочем и демократическом движении США, для исследователя-марксиста это одна из ключевых проблем американской политической жизни.

* * *

Автор считает своим приятным долгом выразить глубокую признательность К. Б. Козловой, И. М. Савельевой, А. А. Галкину, Г. Г. Дилигенскому, В. Г. Кисунько, Н. А. Косолапову, В. Л. Малькову, С. В. Пронину, В. М. Шамбергу, коллегам по Институту мировой экономики и международных отношений АН СССР за ценные советы и замечания.

Часть первая

ФОРМИРОВАНИЕ АМЕРИКАНСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

Глава первая

ЛИЦА СВОБОДНЫХ ПРОФЕССИЙ В ДОМОНОПОЛИСТИЧЕСКУЮ ЭПОХУ

Колониальный период

В 1700 г., почти столетие спустя после того, как первые переселенцы из Англии обосновались на территории будущих Соединенных Штатов, население североамериканских колоний насчитывало около 251 тыс. человек¹. В Бостоне, самом крупном городе страны, было около 7 тыс. жителей². Несмотря на малочисленное население, жившее в замкнутых, разбросанных на большой территории поселениях, элита колониального общества отличалась высоким уровнем образования. Среди первого поколения американцев было немало людей, получивших первоклассное европейское образование. В 1646 г. в Новой Англии насчитывалось около 100 выпускников Оксфорда и 30 выпускников Кембриджа. На каждые 40—50 семей приходился 1 человек с университетским образованием³.

Эти люди, подавляющее большинство которых были протестантскими священнослужителями, создали в Новой Англии очаг европейской культуры. Однако теократическая система правления, существовавшая в Новой Англии, пуританская неприязнь к свободному полету мысли и фантазии сковывали развитие общественной мысли, науки и искусства.

В XVIII в. число жителей колоний быстро росло. В 1776 г., накануне войны за независимость, вдоль Атлан-

¹ Historical Statistics of the United States: Colonial Times to 1957. Wash., 1960, p. 756.

² Hofstadter R. Anti-intellectualism in American Life. N. Y., 1963, p. 61.

³ Cremin L. A. American Education. N. Y., 1970, p. 207; Hofstadter R. Op. cit., p. 60.

тического побережья тонкой цепочкой протянулись будущие 13 американских штатов с населением 2,2 млн. человек⁴.

Век Просвещения не обошел стороной американские колонии. Открываются школы и колледжи, издаются газеты и журналы, печатаются книги, создаются публичные библиотеки, растут культурные центры: Бостон, Филадельфия, Нью-Йорк, Чарльстон и Вильямсбург. Расширяется круг образованных людей, из среды которых вышли многие видные деятели американской революции⁵. В 1743 г. по инициативе Б. Франклина было создано Американское философское общество, ставившее своей целью объединение усилий ученых.

Несмотря на несомненные успехи просвещения, развитие культуры в колониях сковывалось рядом обстоятельств.

Устройство на новом месте требовало огромных затрат времени и сил. Подводя скромные итоги развития американской культуры в колониальный период, Л. Райт пишет: «В течение первых полутора веков колонизации и развития поселенцы направляли главную свою энергию в русло практической и утилитарной деятельности, что было вполне естественно на этом диком и неосвоенном континенте»⁶.

Характерный для пионеров упор на практическую деятельность закреплялся всей системой общественных отношений. Предпринимавшиеся в колониях попытки насадить феодальные порядки не имели успеха, и они с самого начала развивались на буржуазной основе. Завершая фундаментальное исследование первых десятилетий жизни колоний, советский историк Л. Ю. Слѣзкин пишет: «Среди историков, кажется, нет серьезных разногласий относительно того, что путь развития США — от основания первых английских поселений до сегодняшнего дня — есть путь развития капитализма. Наше исследование служит тому еще одним подтверждением»⁷.

Вступившие на путь капиталистического развития колонии как магнит притягивали людей деятельных и

⁴ Wells R. V. The Population of the British Colonies in America before 1776: A Survey of Census Data. Princeton, 1975, p. 284.

Martin J. K. Men in Rebellion. N. Y., 1976, p. 138, 173.

⁶ Литературная история Соединенных Штатов Америки: Пер. с англ. М., 1977, т. 1, с. 58.

⁷ Слѣзкин Л. Ю. У истоков американской истории. М., 1980, с. 331.

предприимчивых, жаждавших быстрого обогащения. В поисках материальной выгоды они быстро и легко меняли занятия в зависимости от обстоятельств.

Американская жизнь отличалась практической направленностью интересов. Среди книг, ввозимых в колонии, преобладали религиозные трактаты, наставления, учебники, практические пособия; развлекательная литература, беллетристика занимала более чем скромное место. Практические императивы определяли и духовную жизнь колонистов. «Люди больше интересовались обобщением опыта, чем поисками истины», — отмечает американский историк Д. Бурстин⁸. Прагматизм стал глубинной установкой американцев задолго до того, как получил философское обоснование в конце XIX в. Бурстин объясняет эту особенность американской жизни ее новизной, освобождением от гнета культурных традиций. Думается, что решающее значение имело другое: утверждение и развитие в колониях буржуазной личности с присущими ей запросами и интересами.

Столь же практичным был подход колонистов к образованию. Оно ценилось в той мере, в какой было необходимо в жизни. Новая капиталистическая действительность требовала от человека элементарной грамотности, практических навыков, но не широкой эрудиции. Колонии отличались высоким уровнем грамотности населения. Но упор делался на домашние, неинституализированные формы обучения (в семье, в процессе трудовой деятельности). Накануне революции школы посещали, хотя бы непродолжительное время, не более 10% детей⁹. Только 1 из 600 жителей колоний в свое время учился в колледже. Даже среди представителей политической элиты колониального общества почти половина формально не имела никакого образования¹⁰.

Впрочем, образование, полученное в колониальных колледжах, оставляло желать лучшего. Из 9 колледжей, существовавших в колониях к началу войны за независимость, только 3, основанные в XVII в., имели прочные традиции. Это были маленькие частные учебные заведения, находившиеся под контролем властей. Колледжи, основу которых составляли богословские факультеты, были

⁸ Boorstin D. J. The Americans: The Colonial Experience. Harmondsworth, 1965, p. 174.

⁹ Филиппова Л. Д. Высшая школа США. М., 1981, с. 15.

¹⁰ Martin J. K. Op. cit., p. 128, 129.

оплотом влияния церковников, и развитие науки шло помимо них. В колониальный период из 18 американских ученых, избранных членами Королевского общества в Лондоне, только один, Джон Уинтроп из Гарварда, был преподавателем колледжа¹¹.

Вся атмосфера колониального общества мало стимулировала развитие науки и искусства. Д. Бурстин отмечает позитивизм американского научного мышления, преобладание описания над анализом¹². Под воздействием практических императивов деформировалось развитие изящной словесности. В обращении к читателю, которым открывается фундаментальный коллективный труд американских авторов, посвященный истории возникновения и развития национальной литературы, говорится: «В такой культуре, как наша, которая была так тесно сопряжена с потребностями быстро развивающейся демократической нации, словесность и речь имеют способность быстро перемещаться в область полезного, где они снабжают информацией, не будя воображение, или рассказывают, не пытаясь затронуть чувства»¹³.

Основными очагами культуры были города. Но они развивались медленно, с трудом. В колониальной Америке безраздельно господствовал аграрный тип поселений; 90—95 % населения были заняты сельским хозяйством. Только 4 % населения проживали в городах (свыше 8 тыс. жителей)¹⁴. Крупнейшие города страны — Филадельфия и Бостон — насчитывали всего лишь 28 тыс. и 16 тыс. жителей. Для сравнения можно сказать, что во Франции накануне революции конца XVIII в. около 10 % населения проживало в городах. В таких городах, как Марсель, Бордо, Лион и Нант, насчитывалось более 60 тыс. жителей; население Парижа составляло 600 тыс. человек¹⁵. Концентрация городов на Атлантическом побережье, отсутствие среди них общепризнанного культурного центра ограничивали их влияние в духовной жизни страны.

Относительно невысокий уровень культурного развития колоний заставляет усомниться в справедливости то-

¹¹ Ladd E. C., jr., Lipset S. M. *The Divided Academy*. N. Y., 1975, p. 11.

¹² Boorstin D. J. *The Americans: The Colonial Experience*, p. 190—195.

¹³ Литературная история Соединенных Штатов Америки, т. 1, с. 27.

¹⁴ *A Century of Population Growth*. Wash., 1909, p. 15; Фурсенко А. А. *Американская революция и образование США*. Л., 1978, с. 147.

¹⁵ *Вопр. истории*, 1972, № 11, с. 66.

го противопоставления интенсивной интеллектуальной жизни колониального периода духовному убожеству последующей эпохи, которое проводит Р. Хофстедтер в книге «Антиинтеллектуализм в американской жизни». По-видимому, в сфере культуры Америка XIX в. в гораздо большей степени продолжала тенденции развития, которые наметились еще в колониальный период. Сам генетический код, заложенный в американском обществе при его рождении,— буржуазный тип личности переселенцев, их стремление к материальному богатству — не способствовал расцвету духовной культуры.

Отсутствие единства также тормозило развитие культуры в колониях. Различные районы страны, отличавшиеся своим экономическим укладом (свободные фермеры на Севере, рабовладельческое плантационное хозяйство на Юге), развивались неравномерно. К началу революции Юг заметно отставал не только по уровню промышленного, но и культурного развития¹⁶. На Юге было меньше крупных городов, из 9 колледжей на его долю приходилось только 1, его культура и образование в основном питались из Англии. 90% населения Юга (1790 г.) составляли чернокожие рабы, лишенные элементарных человеческих прав¹⁷.

Синкретизм деятельности, отсутствие углубленной специализации в какой-либо области, неотделенность культуры от других сфер общественного бытия препятствовали образованию особой прослойки лиц интеллектуального труда. За весь колониальный период колледжи окончило немногим более 5 тыс. человек; накануне революции в колониях насчитывалось около 2,5 тыс. лиц с высшим образованием¹⁸. Но это были не специалисты, получившие профессиональную подготовку. Хотя колледжи давали духовное образование, в конце XVIII в. только около 1/4 их выпускников становились священниками¹⁹. Юридических школ не было, первая медицинская школа была открыта в 1765 г. Учеба в колледже стоила недешево и была по карману лишь состоятельным людям²⁰. Они

¹⁶ Wright L. B. The cultural life of the American colonies, 1607—1763. N. Y., 1957, p. 146—153, 242—246; Каримский А. М. Революция 1776 года и становление американской философии. М., 1976, с. 18, 19.

¹⁷ Фурсенко А. А. Указ. соч., с. 392.

¹⁸ Rudolph F. Curriculum. San Francisco, 1977, p. 25.

¹⁹ Boorstin D. J. The Americans: The Colonial Experience, p. 212.

²⁰ Ibid., p. 210.

стремились дать своим детям образование, чтобы подготовить их к занятию общественными делами.

В колониальной Америке интеллигенция представлена только лицами духовного звания. Профессии врача и юриста еще не выделились в самостоятельную область деятельности; медицинской и юридической практикой нередко занимались власть имущие, рассматривая их как часть процесса управления. За отсутствием специализированного образования интеллектуальные профессии, так же как любое ремесло, осваивали на практике, постепенно накапливая необходимые знания и навыки. Например, в XVIII в. в Вирджинии только 1 врач из 9 имел медицинское образование²¹.

В целом можно сказать, что в американском обществе колониального периода круг образованных людей был невелик и они являлись составной частью господствующего класса, связанной тысячами нитей с правящей элитой. Отсутствие светской интеллигенции, способной улавливать социальные противоречия и переводить их на язык лозунгов и теорий, сказалось в идейно-политической жизни колоний в эпоху революции. Чтобы полностью проявить заложенные в ней потенции развития, американская революция особенно нуждалась в столь чутком инструменте, поскольку колониальное общество не знало таких социальных противоречий, как французское XVIII в.

Век Просвещения подорвал монополию протестантского клира в духовной жизни колоний. Но американское Просвещение в отличие, например, от французского мирно уживалось с религиозной традицией. Отсутствие господствующей религии, обилие церковных деноминаций дробили общественную мысль на множество оттенков, не способствовали ее концентрации на разных полюсах. Протестантизму, буржуазной разновидности христианства²², было легче, чем другим течениям религиозной мысли, найти *modus vivendi* со светской идеологией нарождающейся буржуазии. В процессе секуляризации, который переживало американское общество в XVIII в., религиозные убеждения колонистов слабели, освобождая заложенное в них буржуазное содержание. Выросшая на основе Просвещения революционная идеология хорошо

²¹ Ibid., p. 263.

²² См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 89.

ложилась на традиционные представления масс²³. Отсутствие глубоких идейных конфликтов между светской и религиозной культурой привело к тому, что в Америке колониального периода не сложилась воинствующая рационалистическая традиция. Америка не знала того напряженного противостояния светской и религиозной мысли, которое можно наблюдать в европейской культуре XVIII—XIX вв., и это серьезно обедняло интеллектуальную жизнь молодой нации.

Столь же остро чувствовался дефицит свободных, независимых умов в общественно-политической жизни колоний. Как отмечает А. А. Фурсенко, отсутствие представителей интеллигенции, способных организовать и возглавить движение городских низов, сыграло немалую роль в утверждении идейно-политической гегемонии имущих слоев населения в предреволюционный период²⁴.

Органическая связь знания, денег и власти в колониальной Америке со всей отчетливостью проявилась в годы революции. Из 56 членов II Континентального конгресса, принявшего Декларацию независимости, 7 были лицами свободных профессий, 28 — юристами²⁵. Среди 55 делегатов филадельфийского конвента 1787 г., разработавшего и принявшего конституцию страны, были государственные и политические деятели, ученые, философы, адвокаты. Все они были богатыми людьми, 38 из них владели крупным движимым и недвижимым имуществом²⁶. После смерти одного из «отцов-основателей» американского государства, Б. Франклина, его состояние оценивалось в 150 тыс. долл., большей частью в недвижимости²⁷. Командующий революционной армией, первый президент страны Дж. Вашингтон принадлежал к числу богатейших людей страны²⁸.

Вряд ли можно согласиться с Р. Хофстедтером, когда он пишет, что «отцы-основатели» молодой республики

²³ См.: *Фурман Д. Е.* Религия и социальные конфликты в США. М., 1981, с. 68—76.

²⁴ *Фурсенко А. А.* Указ. соч., с. 38—39.

²⁵ Там же, с. 257.

²⁶ *Маттиас Л.* Обратная сторона США. М., 1968, с. 43; *Мишин А. А.* Государственное право США. М., 1976, с. 12, 13.

²⁷ *Майерс Г.* История американских миллиардеров. М., 1924, с. 22.

²⁸ *Myers G.* History of the Great American Fortunes. N. Y., 1973, p. 49.

«были интеллектуалами»²⁹. Безусловно, руководители патриотического движения принадлежали к интеллектуальной элите колониального общества, но главное не в этом. Их социальное лицо определяли не знания, не владение пером, а густая сеть материальных интересов познавшей вкус наживы буржуазии. На значительность материальных интересов, стоявших за идейным творчеством революционного лагеря, указывают и буржуазные авторы. Историк Р. Нисбет пишет: «Идейные вожди американской революции, как правило, были предпринимателями или землевладельцами; у них было что защищать»³⁰.

Среди вождей американской революции мы не найдем людей якобинского типа, способных, отражая интересы низов, выйти за рамки буржуазных представлений. Социально-экономическая программа радикального крыла патриотического движения ограничивалась требованиями буржуазно-демократических преобразований. Не найдем мы в американской революции и коммунистических идеалов, присутствующих в других раннебуржуазных революциях: английской и французской³¹.

Конечно, в годы революции американское общество не пережило столь крутой ломки всей системы социальных отношений, как французское. Не произошло и того глубокого переворота в сознании масс, которым сопровождалась Великая французская революция. Но верно и другое: наиболее обездоленная часть американского общества — черные и белые рабы, городская и сельская беднота, — составлявшая накануне революции более $\frac{1}{3}$ населения колоний³², не имела идеологов, способных выразить ее чаяния и стремления. Более того, в случае возникновения конфликтов и противоречий в стане патриотов низы и образованная часть населения оказывались по разные стороны баррикад. (По-видимому, это одна из причин, почему до нас дошло так мало сведений об этих конфликтах и противоречиях.) Например, во время восстания Шейса в 1786 г. купцы восточных районов штата Массачусетс сформировали кавалерийский полк из студентов коллед-

²⁹ *Hofstadter R.* Op. cit., p. 145.

³⁰ *The Wilson Quarterly*, 1976, Autumn, p. 107.

³¹ См.: *Согрин В. В.* Идейные течения в американской революции XVIII века. М., 1980, с. 59, 164—181, 288.

³² *Main J. T.* *The Social Structure of Revolutionary America.* Princeton, 1965, p. 272.

жей для устрашения населения³³. Неудивительно, что симпатии просвещенной части общества во многом были на стороне умеренного крыла патриотов, выражавшего интересы крупных собственников. Фигура его главного теоретика, адвоката Александра Гамильтона, игравшего видную роль в становлении американской государственности, символизирует тесную связь знания и богатства в первые десятилетия существования молодой республики.

В то же время наличие в американской революции сильной демократической струи, ставшей частью ее официального идейно-политического наследия, позволило в дальнейшем интегрировать протест радикальных группировок интеллигенции в рамки буржуазного мировоззрения, представить его как возвращение к основам, забытым и преданным принципам революции.

Монополия буржуазии на культуру и образование, отсутствие среди просвещенной части общества какой-либо группировки, выражающей интересы народных низов, слабость, неоформленность сил, способных отстаивать иные принципы социальной организации, иной «общественный проект», позволили правящей элите полностью контролировать духовную жизнь формирующейся нации. Важнейшим инструментом этого контроля была призвана стать нарождающаяся интеллигенция.

Американский путь

Образование единого государства открыло широкий простор для развития различных сфер жизни. Но в списке задач, стоявших перед молодой республикой, развитие духовной культуры занимало одно из последних мест. Один из «отцов-основателей», второй президент страны Дж. Адамс, сформулировал шкалу приоритетов, существовавшую в общественном сознании, следующим образом: «Искусство для нас не первая необходимость; нашей стране нужны ремесла — простые и бесхитростные»³⁴.

Так же как в колониальный период, все помыслы американцев были устремлены в сферу практической деятельности. Освобождение от колониальной зависимости открыло перед ними новые горизонты, разорвало путы, сковы-

³³ Ефимов А. В. США: Пути развития капитализма. М., 1969, с. 410.

³⁴ Цит. по: Литературная история Соединенных Штатов Америки, т. 1, с. 199.

вавшие энергию буржуазной личности. Ключ к пониманию особенностей развития американского общества в домонополистическую эпоху дает нам известное ленинское положение об американском пути развития капитализма в сельском хозяйстве. Характеризуя этот путь, Ленин писал: «Основой капиталистического земледелия становится свободный фермер на *свободной*, т. е. очищенной от всего средневекового хлама, земле. Это — *американский* тип аграрного капитализма, *наиболее быстрое развитие производительных сил* при условиях, наиболее благоприятных для массы народа из всех возможных при капитализме»³⁵. Американский путь развития создает оптимальные условия для частнопредпринимательской деятельности, характеризуется ростом капитализма снизу на основе мелкотоварного хозяйства, предполагает наличие достаточно развитой системы буржуазно-демократических институтов.

Материальные предпосылки для широкого развертывания индивидуальной предпринимательской деятельности в сельском хозяйстве и связанных с ним отраслях промышленности были созданы наличием огромного фонда свободных земель, находящихся в ведении государства, и закреплены победой Севера в гражданской войне, окончательно определившей путь развития капитализма в американском сельском хозяйстве как фермерский, основанный на свободном труде независимых товаропроизводителей. Вследствие непрерывной экспансии на Запад, сопровождавшейся интенсивным освоением свободных земель, Соединенные Штаты вплоть до последних десятилетий XIX в. оставались аграрной страной. В 1860 г., заняв четвертое место в мире по производству промышленной продукции, США тем не менее оставались страной мелких предприятий, преимущественно занятых переработкой сельскохозяйственной продукции³⁶. Основным предметом вывоза за границу был хлопок, на долю которого в 1860 г. приходилось почти $\frac{2}{3}$ доходов от экспорта³⁷. Американская промышленность не имела прочной материальной базы и зависела от поставок машин и оборудования из Европы. Оценивая степень хозяйственной само-

³⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 17, с. 150.

*)

³⁶ Захарова М. Н. Народное движение в США против рабства, 1831—1860. М., 1965, с. 34.

³⁷ Заславский Д. О. Очерки истории Северо-Американских Соединенных Штатов XVIII и XIX вв. М., 1931, с. 50.

стоятельности заокеанского гиганта в середине 60-х годов прошлого века, Маркс писал, что «Соединенные Штаты в экономическом смысле все еще представляют собой колонию Европы»³⁸.

Вплоть до последних десятилетий XIX в. в социальной структуре страны доминирует фермер. В 1820 г. почти $\frac{3}{4}$ рабочей силы было занято в сельском хозяйстве. Хотя удельный вес фермеров в самостоятельном населении непрерывно снижался, до начала 80-х годов они составляли абсолютное большинство³⁹. Даже в рабовладельческих штатах на юге страны наиболее распространенной экономической единицей было фермерское хозяйство. В 1850 г. только 30% белых семей на Юге имели рабов. Три четверти из них имели менее 10 рабов, что заставляло хозяина трудиться на своем участке земли вместе с рабами⁴⁰.

Бурный рост американского капитализма на базе мелкого предпринимательства не предъявлял сколько-нибудь значительный спрос на интеллектуальный труд. В фермерском хозяйстве он был не нужен, а относительно простое по структуре промышленное производство не требовало больших затрат труда специалистов. Хотя число инженеров быстро росло, оно оставалось весьма скромным (в 1800 г.— не более 30, в 1850 г.— 2 тыс. человек)⁴¹; они были заняты главным образом на строительстве каналов и железных дорог.

Одной из основных предпосылок формирования интеллигенции является достаточно развитая и стабильная социальная структура. Но в первой половине прошлого века американское общество менялось буквально на глазах. С 1790 по 1860 г. население страны увеличилось с 3929 до 31 513 тыс. человек⁴². Начиная с 20-х годов возобновилась массовая иммиграция. С 1820 по 1860 г. в США прибыло 5460 тыс. иммигрантов⁴³. Новоприбывшие, как правило, были вынуждены браться за самую грязную, низкооплачиваемую работу, что позволяло старожилам обратиться к более прибыльным занятиям⁴⁴.

³⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 774.

³⁹ Mills W. C. White Collar. N. Y., 1951, p. 16.

⁴⁰ Ibid., p. 6.

⁴¹ American Federationist, 1974, Sept., p. 12; Noble D. F. America by Design. N. Y., 1977, p. 21.

⁴² Historical Statistics..., p. 7.

⁴³ Подсчитано по: Historical Statistics..., p. 61.

⁴⁴ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 21, с. 263—264.

Социальная мобильность населения дополнялась географической. Американское общество постоянно находилось в движении, граница поселений быстро уходила на Запад. О мощи человеческого потока, устремившегося на Запад в первой половине XIX в., можно судить по росту населения в пяти северо-западных штатах (Огайо, Индиана, Иллинойс, Мичиган, Висконсин), которое с 1800 по 1860 г. увеличилось с 51 тыс. до 6927 тыс. человек⁴⁵. Победа Севера в гражданской войне открыла для свободных поселенцев весь американский Запад, и освоение новых земель продолжалось вплоть до конца XIX в.

Огромные природные богатства бескрайнего континента в сочетании с жаждой наживы, быстрого обогащения обусловили неустойчивость, хрупкость социальных связей и структур. Непрочный характер существовавших социальных образований отчетливо проявлялся во время предпринимательских лихорадок, периодически потрясавших американское общество. Во время «золотой лихорадки» в Калифорнии в середине прошлого века люди бросали свои занятия, чтобы попытаться счастья на золотых приисках. В Сан-Франциско за одну ночь исчезли из города все редакторы и сотрудники газет, судьи, полицейские. Ту же картину можно было наблюдать во время знаменитой новых земель продолжалось вплоть до конца XIX в.

Говоря о текучести и изменчивости американской жизни, Токвиль пишет: «Американцам очень легко менять занятия, и они этим пользуются, применяясь к потребностям данной минуты. Между ними встречаются такие, которые последовательно были адвокатами, земледельцами, торговцами, евангелическими пасторами, врачами»⁴⁶. На стремительно растущем Западе врачи

⁴⁵ Historical Statistics..., p. 13.

⁴⁶ Токвиль А. О демократии в Америке. М., 1897, с. 333. Книга Алексиса де Токвиля, французского юриста, посетившего Соединенные Штаты в начале 30-х годов прошлого века, является ценным источником для изучения американской жизни этого периода. Написанная полтора века назад, она во многом сохранила значение и сегодня. Наглядное тому свидетельство — книга известного американского политического и общественного деятеля Ю. Маккарти «Вновь посетив Америку... Спустя 150 лет после путешествия Токвиля» (М., 1981), недавно переведенная на русский язык. В предисловии к книге советский историк Р. Ф. Иванов, отдавая должное Токвилю, относит его к числу «тех деятелей, которые смогли дать вдумчивую, критическую оценку проблем, которые проходят через всю историю страны»,

становились торговцами, священники — банкирами, юристы — промышленниками⁴⁷

Эта черта национальной психологии — легкость на подъем, когда впереди маячит призрак наживы, — дает себя знать и в XX в. Весть об открытии крупных месторождений нефти — будь то в Оклахоме, Восточном Техасе или на Аляске — всякий раз срывает с места десятки тысяч человек и бросает их на поиски удачи.

Экстенсивный характер экономического развития, подвижность, незакрепленность социальных связей тормозили рост городов. Слабое развитие городов, характерное для Америки колониального периода, сохранилось и в XIX в. В 1860 г. в городах проживало менее 20% населения страны⁴⁸. Особенно медленно росли города на Юге. В 1860 г. в Нью-Йорке было 800 тыс. жителей, в Филадельфии — 500 тыс., в Балтиморе и Бостоне — свыше 200 тыс. В то же время на Юге только три города насчитывали больше 30 тыс. жителей: Ричмонд, Новый Орлеан и Чарльстон⁴⁹. Миграционные процессы, о которых говорилось выше, больше всего затрагивали города. Исследования историков «новой городской школы» показали, что текучесть городского населения была особенно велика⁵⁰. Неразвитость городов, являющихся естественной средой обитания интеллигенции, замедляла процесс кристаллизации этого слоя.

Подвижность, незакрепленность социальных связей и статусов тормозили процесс образования классов в Америке XIX в. Замедленное, как отмечали К. Маркс и Ф. Энгельс, формирование классов в американском обществе⁵¹, неразвитость классовых противоречий и антагонизмов⁵² ослабляли объективную потребность в разви-

отмечает, что в «„Демократии в Америке“ ...содержатся глубокие характеристики Соединенных Штатов 1831—1832 гг.» (с. 6, 13).

⁴⁷ Boorstin D. J. The Americans: The National Experience. N. Y., 1967, p. 123.

⁴⁸ Historical Statistics..., p. 9.

⁴⁹ Заславский Д. О. Указ. соч., с. 58—59; Ефимов А. В. Указ. соч., с. 508.

⁵⁰ Daedalus, 1974, Spring, p. 366.

⁵¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 8, с. 127; т. 19, с. 287.

⁵² В недавно опубликованном письме к эмигрировавшим в США немецким пролетарским революционерам, И. Вейдемейеру и А. Клуссу, написанном в 1852—1853 гг., Маркс говорит о наличии «печетко выраженных, расплывчатых, находящихся в движении классовых отношений в Америке». См.: США — экономика, политика, идеология, 1977, № 5, с. 6.

тии тех структур и институтов, которые, обеспечивая централизованное руководство обществом и государством, предъявляют значительный спрос на интеллектуальный труд.

Следствием политической децентрализации, господствовавшей в американской жизни прошлого века, было слабое развитие государственного аппарата. Даже в начале 90-х годов Энгельс, сравнивая Соединенные Штаты с Европой, писал: «Там нет ни династии, ни дворян, ни постоянной армии, за исключением горстки солдат для наблюдения за индейцами, нет бюрократии с постоянными штатами и правами на пенсии»⁵³. Относительная простота задач, стоявших перед американским государством в сфере внутренней и внешней политики, делала излишним содержание большой армии чиновников. Низкий уровень оплаты, невысокий социальный престиж сделали государственную службу малопривлекательной в глазах образованной части общества. К тому же до середины 80-х годов прошлого века комплектование различных звеньев государственного аппарата строилось на основе так называемой «системы добычи», при которой победившая на выборах партия изгоняла своих соперников с административных постов и заполняла освободившиеся места своими сторонниками. На «системе добычи» зиждилось могущество политических боссов, которые, как отмечал Энгельс, превратили борьбу за контроль над государственным аппаратом в выгодное коммерческое предприятие⁵⁴. Незрелость специализированного аппарата управления, превращение его в военный трофей, предмет вождения соперничающих политических клик еще больше ограничивали сферу применения интеллектуального труда в Америке XIX в.

Будучи сравнительно простым, однотипным по структуре социальным организмом, американское общество первой половины XIX в. остро нуждалось в рабочих руках, а не в образованных умах. Поэтому в глазах европейской интеллигенции прошлого века Новый Свет не обладал такой притягательной силой, как для нищих, безземельных крестьян или рабочих, влачивших полуголодное существование. Сравнительно слабые силы притяжения Американского континента часто были не в со-

⁵³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 22, с. 199.
Там же, с. 199—200.

стояний преодолеть развитую систему социальных связей и отношений, удерживавших интеллигента на родине, в Европе. Гуманитарная интеллигенция XIX в. была прочно связана с национальной почвой, национальной культурой и с трудом приживалась на новом месте. Неудивительно, что в многомиллионном человеческом потоке, пересекавшем в поисках лучшей доли Атлантический океан, удельный вес интеллигенции был весьма скромен. Среди иммигрантов, переселившихся в США с 1820 по 1860 г., лица свободных профессий составляли всего 20,5 тыс. человек, или менее 0,4% новоприбывших⁵⁵.

Но и этот достаточно ограниченный приток специалистов из Европы не находил себе спроса на американском рынке труда. Переселившись в Америку, эти люди зачастую были вынуждены сменить род занятий и социальную принадлежность.

Сравнительно легко находили себе применение специалисты с техническим и естественнонаучным образованием, поскольку оно было большой редкостью в Америке первой половины XIX в. и они могли не опасаться конкуренции со стороны коренного населения. Так, среди пью-йоркских врачей в 1854 г. $1\frac{1}{3}$ составляли немцы⁵⁶. Значительно сложнее было найти работу по специальности лицам с гуманитарным образованием. Массовый приток из Европы, особенно после поражения революции 1848 г., представителей немецкой, французской, ирландской интеллигенции мгновенно и надолго перенасытил американский рынок интеллектуального труда. Не найдя работу по специальности, бывшие профессора, офицеры, студенты, юристы, священники, учителя добывали себе средства к жизни, превращаясь в фермеров, рабочих, торговцев, владельцев пивных и гостиниц. Из среды интеллигентов-иммигрантов немецкого происхождения, которые в силу своей многочисленности подверглись особенно интенсивному процессу «депрофессионализации», вышла любопытная социальная фигура «латинского фермера» — высокообразованного земледельца, знающего латынь. Целое поселение таких «латинских фермеров» существовало в Белвилле (Иллинойс), где селились члены немецких студенческих союзов. «Латинский фермер» стал характерной фигурой Западного Техаса, где было

Подсчитано по: Historical Statistics..., p. 61.

⁵⁶ Богина III. А. Иммиграция в США. М., 1965, с. 115.

много немецких поселений. В 1850 г. «Нью-Йорк дейли трибюн» сообщала о немецком поселке в Западном Техасе, где хозяйства вели бывшие профессора, а в грубо сколоченных жилищах хранилось множество книг⁵⁷. Переход представителей немецкой интеллигенции в другие социальные категории осуществлялся в таких масштабах, что к концу XIX в. стереотип немца, распространенный в американском обществе, не предполагал, как раньше, высокого уровня образования⁵⁸.

Те, кто не хотел расставаться со своей профессией, часто были вынуждены на новом месте идти к ней долгим, кружным путем. «Для многих,— пишет советский исследователь миграционных процессов в США,— путь к интеллигентной профессии в Америке пролегал через физическую работу по найму и случайные виды деятельности»⁵⁹.

Но и сохранение в новых условиях своей профессиональной принадлежности не означало, что иммигрант становился частью американской интеллигенции. В большинстве случаев эмигранты первого поколения не могли полностью преодолеть даже языковой барьер, не говоря уже о барьерах психологических. Малая частица, подхваченная огромным потоком (в 1870 г. иммигранты двух поколений составляли около трети населения страны⁶⁰), интеллигенты-иммигранты полностью разделили его судьбу. В процессе ассимиляции на базе отдельных иммигрантских групп формировались внутренние противоречивые, переходные этнические общности, сохранявшие многие характерные черты национальной культуры. «Иммигранты и их потомки,— резюмирует тот же автор,— находившиеся на разных стадиях ассимиляционного континуума, были маргинальными людьми, стоявшими на грани двух культур, причастными к обеим. Маргинальность была свойственна и переходным этническим иммигрантским группам»⁶¹.

Интеллигенты-иммигранты (журналисты, священники, учителя), выполнявшие роль связующего звена между своей этнической группой и американским обществом, вряд

⁵⁷ Там же, с. 94—95, 99.

⁵⁸ *Богина III. А.* Американские переселенцы (последняя треть XIX в.).— В кн.: Американский ежегодник, 1976. М., 1976, с. 162.

⁵⁹ *Богина III. А.* Иммигрантское население США. Л., 1976, с. 29.

⁶⁰ Там же, с. 176.

⁶¹ Там же, с. 224.

ли могут рассматриваться как органическая часть нарождавшейся американской интеллигенции. Сначала они должны были (часто вместе со своей иммигрантской группой) «довариться» в огромном котле под названием Соединенные Штаты, пройти полный курс американизации, что, как правило, достигалось не раньше второго поколения. Существование больших этнических общностей, подвергавшихся различным формам дискриминации, создавало также питательную среду для формирования националистически настроенных групп интеллигенции, основной задачей которых было сохранение национальной самобытности в чужом и зачастую враждебном окружении.

Незавершенность ассимиляционных процессов, необходимость для значительной части интеллигенции из числа представителей иммигрантских групп выступать агентами-посредниками в процессе включения своих этнических общностей в состав молодой нации тормозили процесс формирования американской интеллигенции.

Малочисленность лиц интеллектуального труда, растворенных в огромном море мелкобуржуазной стихии, была далеко не единственным препятствием на пути развития группового сознания нарождающейся американской интеллигенции. С самого начала она столкнулась с прочно укорененным в общественной психологии и сознании комплексом идей и установок, крайне затруднявшим выработку самостоятельного представления о мире⁶².

Американское общество создавалось переселенцами из Европы. Сама способность порвать с прошлым, покинуть землю отцов, чтобы где-то за океаном в чужом, неведомом мире начать новую жизнь, предполагает определенный тип личности. В конце 1893 г. Энгельс писал Даниельсену: «Соединенные Штаты современны, буржуазны уже с самого их зарождения; ...они были основаны мелкими буржуа и крестьянами, бежавшими от европейского феодализма с целью учредить чисто буржуазное общество»⁶³.

Золотым временем для этого типа личности был XIX век, открывший такие возможности индивидуально-

⁶² Характеристике основных стереотипов американского буржуазного сознания посвящена монография: *Гаджиев К. С. США: эволюция буржуазного сознания*. М., 1981.

⁶³ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 39, с. 128; см. также т. 3, с. 73.

го обогащения, которые и не снились Старому Свету. Огромные богатства целого континента становились добычей тех, кто отличался быстрой реакцией, не слишком твердыми моральными принципами, нелюбовью к теоретизированию. Приоритет действия над мыслью стал устойчивой чертой национального характера. Тернер, исследователь «пионерской цивилизации», сыгравшей столь значительную роль в американской жизни прошлого века, писал: «...самоанализ... не характерен для исторически сложившегося типа американца. Он искал счастливого случая, а не занимался теориями. Судьба бросила его в поток, который быстро нес его сквозь такую массу возможностей, что размышление и тщательно продуманное планирование казались для него пустой тратой времени. Он не знал, куда влечет его судьба, но шел своей дорогой, веселый, оптимистически настроенный, деловой и жизнерадостный»⁶⁴.

Кульٹ наживы, которым была пропитана атмосфера общества, непрерывная погоня за богатством, жестко ограничивающая возможный набор жизненных целей и проектов, привели к господству в общественном сознании голого практицизма. «Они,— писал Д. Брайс об американцах,— склонны применять ко всем и ко всему мерилу практической пользы, считать самым дельным человека, который быстрее подвигается к своей цели, и самым достойным поддержки то предприятие, которое обещает большие выгоды. Им не по вкусу отвлеченное мышление, а тонкие умственные доводы внушают им недоверие; они считают практичным только то, что просто, ясно и всякому понятно»⁶⁵.

Прагматизм американцев, подход ко всему с меркой практической пользы определял их отношение к образованию и культуре: они ценились лишь в той мере, в какой могли способствовать успеху в жизни. Предпринимательская деятельность, активное участие в общественных делах требовали определенного уровня грамотности, которого, правда, можно было достичь без особого труда. По охвату населения школьным обучением в 1830 г. США уступали только Германии, а к середине прошлого века вырвались вперед, оставив позади другие страны⁶⁶.

⁶⁴ Turner F. J. The Frontier in American History. N. Y., 1920, p. 290.

⁶⁵ Брайс Д. Американская республика. М., 1890, ч. 3, с. 44.

⁶⁶ США — экономика, политика, идеология, 1976, № 7, с. 58.

В начале 30-х годов прошлого века Токвиль отмечал почти поголовную грамотность американцев⁶⁷. К концу 20-х годов XIX в. США имели больше газет и читателей, чем какое-либо другое государство в мире⁶⁸. Но и Токвиль, и современные американские исследователи единодушны в признании того факта, что в XIX в. уровень образования среднего американца был невысок: оно заканчивалось в одном из классов начальной школы, ограничиваясь необходимым минимумом⁶⁹.

Поскольку образование не имело самостоятельной ценности, считалось, что чем быстрее молодой человек, получив необходимые начатки грамоты, покинет школу, тем лучше: настоящее образование даст ему жизнь. Каждый знал немало примеров преуспевающих бизнесменов, лиц свободной профессии, получивших весьма скромное образование. К образованию как средству развития личности относились скептически, потому что ключ к успеху в жизни видели не в знаниях и культуре, а в силе характера, в умении постоять за себя в любой ситуации⁷⁰. Образованность как таковая скорей вызывала подозрения, поскольку в общественном сознании она ассоциировалась с пребывающей в праздности аристократией, с покинутым навсегда миром тирании и социальной несправедливости, от которого пришлось бежать за океан, с моральным разложением европейского общества.

Такая атмосфера не способствовала развитию высшего образования. Большинство колледжей и университетов были небольшими частными учебными заведениями, не имевшими ни прочных традиций, ни квалифицированных преподавателей⁷¹. На рубеже 30-х годов флагман высшей

⁶⁷ Токвиль А. Демократия в Америке. Киев, 1860, т. 1, с. 58.

⁶⁸ Живейнов Н. Капиталистическая пресса США. М., 1956; с. 30.

⁶⁹ Hofstadter R. Op. cit., p. 324; Wiebe R. H. The Search for Order, 1877—1920. N. Y., 1967, p. 117—118.

⁷⁰ Эти представления, по-видимому, заимствованы из Англии. Советский журналист, проживший несколько лет в Англии, писал: «Английская система воспитания ставит во главу угла характер, а не интеллект... На высшее образование вплоть до недавних пор принято было смотреть как на излишнюю роскошь... Существовало укоренившееся представление о том, что университет — пустая трата времени, что для овладения избранной специальностью важнее практическая подготовка на месте работы...» (Овчинников В. Корни дуба.— Новый мир, 1979, № 4, с. 241; № 5, с. 222).

⁷¹ Филиппова Л. Д. Указ. соч., с. 20—22; Boorstin D. J. The Americans: The National Experience, p. 160.

школы, Гарвард, являл собой довольно жалкое зрелище⁷². Зачастую высшее образование было уделом тех, кого считали непригодным для другой деятельности. В Новой Англии был исстари укоренившийся обычай: «В семьях скромного достатка в колледж посылали обычно того из сыновей, чье здоровье не позволяло ему заняться более трудоемкой работой»⁷³. Те, кто хотел получить полноценное образование, отправлялись в Европу.

Так же, как и всеобщая грамотность, привычка к чтению не была проявлением духовных запросов и интересов. Л. Лири пишет: «Американцы гордились своими газетами. Разве могла похвастаться таким количеством читателей другая страна мира? Это и была литература Америки — на другую не хватало времени»⁷⁴. В начале 30-х годов многие издания носили преимущественно коммерческий характер, низок был уровень образования и культуры редакторов⁷⁵. В середине века страну захлестнул поток дешевого чтива — журнальчиков и «воскресных газет». Серьезные писатели были вынуждены приспосабливаться к вкусам публики, воспитанной на чтении периодики.

Духовное развитие оставлялось на долю женщин. «Образование ради духовного обогащения в отличие от образования как средства к жизни было монополизировано женщинами... К середине века большинство потребителей художественной литературы были женщины высшего и среднего классов», — отмечает У. Чарват⁷⁶. «В Америке культура считалась женским занятием», — пишет американский историк К. Лэш⁷⁷.

В утверждении скептического отношения к культуре исключительно важную роль сыграло изменение соотношения сил внутри господствующего класса. Революционные бури и потрясения основательно потрепали образованную элиту колониального общества. Многие оказались в лагере лоялистов и после победы революции бежали из

⁷² См.: Литературная история Соединенных Штатов Америки, т. 1, с. 288.

⁷³ Цит. по: Брукс В. В. Писатель и американская жизнь. М., 1967, с. 247.

⁷⁴ Литературная история Соединенных Штатов Америки, т. 1, с. 226.

⁷⁵ Маккарти Ю. Указ. соч., с. 143, 150.

⁷⁶ Литературная история Соединенных Штатов Америки. М., 1978, т. 2, с. 43—46.

⁷⁷ Lasch Ch. The New Radicalism in America. N. Y., 1965, p. 65.

страны. Потребовались десятилетия, чтобы восполнить понесенный урон. В то же время бурное развитие экономики страны меняло структуру господствующего класса, удельный вес и значение отдельных его компонентов, степень их влияния в общенациональном масштабе. Начиная с конца 20-х годов политическая власть на Севере постепенно переходит от земельных спекулянтов, судовладельцев, купцов, ростовщиков, банкиров, представляющих архаические формы капитала, к промышленникам. Приблизительно в то же время на Юге утрачивают политическое влияние плантаторы-аристократы из Вирджинии, игравшие столь значительную роль в первые десятилетия существования американского государства. Оно переходит к плантаторам из Южной Каролины, Джорджии, из районов, прилегающих к Миссисипи и Мексиканскому заливу. Еще более важное значение имело бурное освоение западных территорий, выдвинувшее на авансцену американской жизни предпринимателя новой формации⁷⁸. Символом перемен стало избрание в 1828 г. президентом США генерала Э. Джексона, неотесанного солдата-рубачи с Запада, положившее конец полувековой монополии образованной элиты Атлантического побережья на высшую политическую власть в стране.

Еще более значительная передвижка политической власти произошла в результате гражданской войны, которая не только подрывала экономические корни господства плантаторского Юга, но и нанесла тяжелейший удар по связанным с ним фракциям буржуазии Севера, представлявшим допромышленные формы капитала.

На смену выходцам из старых аристократических семей Атлантического побережья, получившим хорошее образование и склонным покровительствовать наукам и искусствам, пришли не отягощенные знаниями дельцы, энергией и предприимчивостью проложившие себе дорогу к богатству и власти. Сохранение за Бостоном в течение веков роли крупного культурного центра в определенной мере связано с устойчивым господством в деловой жизни города старой финансовой аристократии: Адамсов, Кэботов, Лоуэллов.

Английский путешественник середины прошлого века оставил нам социальный портрет нарождавшегося амери-

⁷⁸ О параллельном росте городов на Западе и утверждении бизнесмена как ключевой фигуры американского общества см.: *Boors-tin D. J. The Americans: The National Experience*, p. 115—123.

канского бизнесмена: «Они одинаково ограничены, судя по внешнему виду, манерам и речи... В их среде культивируется только способность делать деньги. Они не способны приобрести общие познания по широкому кругу вопросов; их интересы ограничиваются торговлей, финансами, законодательством и мелкими новостями местного характера. Для них искусство, наука, литература пустой звук»⁷⁹

Предприниматель новой формации, «человек из низов, добившийся успеха упорным трудом» (self-made man), стал духовным идеалом формирующегося общества, а этика бизнеса почти безраздельно господствовала в массовой психологии. Чувствуя себя полновластным хозяином, молодая американская буржуазия выработала свою систему ценностей, основанную на преклонении перед материальным богатством, и сумела навязать ее общественному сознанию. Принципиальная несовместимость духа буржуазного предпринимательства и мира высокой культуры, на которую неоднократно указывал Маркс⁸⁰, нигде не проявилась столь очевидно, как в Америке XIX в.

Идейная гегемония буржуазии в американском обществе закреплялась системой буржуазно-демократических институтов, придававших господствующим взглядам силу народного предрассудка. Как отмечают Токвиль и Брайс, нигде общественное мнение не было столь могущественной силой, как в Соединенных Штатах⁸¹. Духовная тирания мелкобуржуазной среды делала интеллектуальную атмосферу чрезвычайно удушливой. «Я не знаю ни одной страны, где бы было предоставлено менее независимости мысли и действительной свободы спорам, как в Америке... — свидетельствует Токвиль. — В Америке большинство проводит страшные границы вокруг мысли. В этих границах писатель свободен, но горе ему, если он осмелится выйти из них»⁸².

Соединенные Штаты, страна множества церквей и деноминаций, проявляли большую терпимость в отношении различных форм религиозных убеждений. Но в американской жизни религиозный плюрализм сочетался с крайней

⁷⁹ Цит. по: *Hofstadter R.* Op. cit., p. 250.

⁸⁰ См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 4, с. 427; т. 26, ч. I, с. 280.

Токвиль А. О демократии в Америке, с. 348, 522; *Брайс Д.* Указ. соч., с. 3.

⁸² *Токвиль А.* Демократия в Америке. Киев, 1860, т. 2, с. 144—145.

петерпимостью в отношении любых форм инакомыслия. Все противоречащее общепринятым взглядам считалось «антиамериканским» и жестоко преследовалось.

В основе религиозной терпимости лежал американский практицизм, превращавший религию в земное предприятие, почти коммерческую сделку. Американский автор, верующий католик, пишет: «Несмотря на разнообразие религиозных организаций в стране, существовал типично американский подход к религии, и он не способствовал развитию содержательной, интересной духовной жизни. В религии, как вообще в жизни, американцы отдавали приоритет практике перед теорией. Их не интересовали теологические и доктринальные споры, они ждали от религии практических результатов: счастья, уверенности, лучшей жизни в этом мире»⁸³.

На основе общепринятых норм столь же тщательно, как духовная жизнь личности, регламентировалось ее поведение⁸⁴.

XIX век закрепил в массовом сознании заложенную еще в колониальный период традицию антиинтеллектуализма — настороженно-враждебного отношения к духовной культуре и ее носителям⁸⁵. Американский антиинтеллектуализм — явление сложное и многоплановое⁸⁶. Он вырос на базе английской культурной традиции, в которой в отличие от романской решающее значение придается практическому опыту, а не разработке теории. Освоение огромного континента поглощало все физические и интеллектуальные силы молодой нации и требовало определенной системы массовых стереотипов. В американском антиинтеллектуализме нашел свое отражение — в гипертрофированной форме — примат практического действия: стремление к конкретным, осязаемым результатам, уважение ко всякого рода навыкам и умению, имеющим практическую ценность. Наконец, антиинтеллектуализм

⁸³ *Trent J. W. Catholics in College*. Chicago; London, 1967, p. 10.

⁸⁴ См.: *Гаджиев К. С.* Указ. соч., с. 145—146.

⁸⁵ Жители колоний питали глубокое недоверие к людям, выделяющимся своей ученостью. См.: *Boorstin D. J. The Americans: The Colonial Experience*, p. 216.

⁸⁶ Мы используем термин «антиинтеллектуализм», поскольку он широко применяется в американской литературе. В то же время надо помнить, что антиинтеллектуализм — это комплекс социально-психологических установок буржуазной личности, увиденный извне, глазами представителя интеллектуальной элиты. Поэтому сам термин «антиинтеллектуализм» нельзя воспринимать буквально, как бунт против разума.

проникнут убеждением, что мораль важнее интеллекта; американцы уделяли больше внимания нравственному воспитанию, чем развитию ума⁸⁷.

Обостренный интерес к человеку, мотивам его поведения, характеру поступков порожден объективными условиями жизни заокеанской республики. Быстро распространившаяся по бескрайним просторам огромного континента цивилизация доллара отличалась относительной слабостью, неразвитостью социальных связей, основанных прежде всего на личной выгоде, индивидуальном интересе. Тем острее ощущалась потребность в различных формах идейно-психологического контроля за поведением личности, обеспечивающих целостность и жизнеспособность социального организма. Благодаря целой системе общезначимых, прочно интериоризированных норм, регулирующих поведение буржуазной личности, ее своекорыстные устремления удерживались в определенных пределах.

Важнейшим инструментом социального контроля стала религия. Не придавая большого значения теологическому содержанию различных доктрин (это было ненужно и опасно в условиях национально-культурной неоднородности социальной ткани), общественное сознание рассматривало религию как силу, направляющую человека в сторону добра. Будучи важнейшей социальной ценностью, религия выступала как господствующая форма сознания, задавала систему координат, в рамках которой шли духовные поиски молодой нации.

Американский антиинтеллектуализм не означал огульного отрицания культуры, достижений человеческого разума. Однако общественным признанием пользовалось только то, что имело несомненную практическую ценность. Этим, в частности, определялось отношение американцев к различным видам интеллектуального труда. Американское общество прошлого века не знало исторически сложившегося в европейской цивилизации подчинения деревни городу, физического труда умственному. В Америке не существовало такой пропасти между умственным и физическим трудом, как в Европе. Труд ценил-

⁸⁷ Д. Бауэрс пишет: «Конечно, между американцами и европейцами были существенные различия. Интересы европейцев XVIII и XIX веков находились преимущественно в интеллектуальной и эстетической сферах, интересы американцев — в нравственной» (Литературная история Соединенных Штатов Америки, т. 1, с. 424).

ся как абстрактный труд, создатель новой стоимости, независимо от его конкретной формы. Поэтому любой труд, являясь источником дохода, считался почетным, и к интеллектуальным занятиям относились без особого пиетета. Равенство различных видов труда делало невозможным существование иерархии профессий.

Признанию особого статуса интеллигентных профессий серьезно мешало то обстоятельство, что для занятий умственным трудом в Америке XIX в. было вовсе необязательным получение специального образования. Часто интеллигентную профессию осваивали в процессе практического обучения как любое другое ремесло. В 1833 г. в стране было около 150 студентов-юристов⁸⁸. В последующие десятилетия число изучающих право росло, но уровень теоретической подготовки оставался низким. В 1860 г. продолжительность обучения в 12 из 21 юридической школы составляла всего один год⁸⁹. Юридической практикой «разрешалось заниматься кому угодно, если судья выносил решение, что данный человек способен так или иначе трактовать законы»⁹⁰. Юристы-самоучки встречались на каждом шагу. Например, Авраам Линкольн, наряду с политической деятельностью занимавшийся адвокатской практикой, по его собственным словам, «в целом... посещал школу менее года»⁹¹. Он был самоучкой и считал, что с помощью книг можно собственным умом дойти до всего⁹². Еще ниже был уровень теоретической подготовки врачей, учителей, инженеров⁹³. Относительная доступность интеллигентных профессий, отсутствие труднопреодолимых межпрофессиональных барьеров тормозили процесс кристаллизации мира умственного труда в виде особой сферы жизни американского общества.

В отличие от европейского в американском обществе линия водораздела проходила не между физическим и интеллектуальным трудом, а внутри сферы умственного труда, между представителями различных интеллигентных

⁸⁸ Boorstin D. J. The Americans: The Democratic Experience. N. Y., 1973, p. 62.

⁸⁹ Ibid.

⁹⁰ Маккарти Ю. Указ. соч., с. 125.

⁹¹ Scripps J. Life of Abraham Lincoln. Bloomington, 1961, p. 33.

⁹² The Collected Works of Abraham Lincoln. New Brunswick, 1953, vol. 2, p. 327; Sandburg C. Abraham Lincoln: Prairie Years and War Years. N. Y., 1954, p. 13.

⁹³ Daedalus, 1963, N 4, p. 706, 710, 750—751; Noble D. F. Op. cit., p. 27.

профессий. Выше говорилось, что американское общество XIX в., развивавшееся «вширь» путем экспансии на новые земли, отличалось относительной слабостью социальных связей. С точки зрения интересов господствующего класса формирующаяся интеллигенция была призвана стать связующей тканью, цементирующим началом разношерстного, бурно развивающегося общественного организма. Поэтому в отличие от Европы в мире интеллектуального труда наиболее видными общественными фигурами были не писатели и философы, а юристы и священнослужители.

В Америке функции юристов, как и священников, с самого начала были не узкопрофессиональными, а несли в себе большую общественную нагрузку. В первые сто лет существования американского государства юристы играли ключевую роль в общественно-политической жизни страны. Из их среды вышла политическая элита молодой нации. С 1790 по 1930 г. две трети американских президентов и сенаторов и около половины членов палаты представителей были юристами⁹⁴. Благодаря своему положению в обществе юристы послужили образцом для других отрядов нарождавшейся интеллигенции, которая формировалась как конгломерат профессиональных групп (в отличие, например, от России, где она зарождалась как социальная прослойка, а профессиональное деление имело второстепенное значение).

Совсем иным было положение учителя. Скептическое отношение к образованию распространялось и на учителей. В глазах окружающих они были просто неудачниками, непригодными для занятий каким-либо стоящим делом. В отличие от Европы, где общественный престиж учителей был высок, в Америке фигура учителя не вызвала уважения. Плохо оплачиваемый, не имеющий веса в обществе, находящийся под неусыпным контролем окружающих даже в личной жизни, он в лучшем случае вызывал сострадание, смешанное с легким презрением.

Столь же прагматичным было отношение американцев к науке и искусству. В научной деятельности их отличали эмпиризм мышления, неприязнь к чистой теории, уважение только к таким занятиям, из которых можно извлечь практическую пользу⁹⁵. «Американец,— пишет Токвиль,—

Mills W. C. Op. cit., p. 127.

На эту черту американского сознания неоднократно указывал

изучает науку, как будто занимается избранным ремеслом, и извлекает из нее только то, что может быть удобно применено на практике, что признано полезным в материальном отношении»⁹⁶. Характерная для американцев направленность интеллекта на решение практических задач проявилась в изобретательстве, которое в середине прошлого века приобрело характер повального увлечения, настоящей национальной страсти⁹⁷.

Еще меньшую, чем ученые, поддержку в обществе находили представители творческой интеллигенции. Отсутствие в Америке XIX в. достаточно развитых, относительно самостоятельных социальных образований, способных обеспечить материальную базу творческой деятельности (централизованный государственный аппарат, общенациональная церковная организация, меценатствующая аристократия, имеющие национальное значение объединения в сфере науки и искусства), сделало их полностью зависящими от сбыта своей продукции на рынке. Например, ограниченный спрос на художественную литературу вынуждал писателей и поэтов искать другие виды заработка: Г. Лонгфелло преподавал в Гарварде, Р. У. Эмерсон читал лекции, Н. Готорн служил на таможне.

Таким образом, острое американского антиинтеллектуализма было направлено не против разума и культуры вообще, а против тех видов духовной деятельности, которые, выходя за рамки потребностей сегодняшнего дня, представлялись в глазах обывателя ненужной роскошью. Но в руках нуворишей антиинтеллектуализм стал могучим оружием сначала для борьбы со старой образованной элитой, сформировавшейся в колониальный период и первые десятилетия существования республики, а затем для закрепления своей идейно-политической гегемонии над трудящимися массами. При их активном содействии антиинтеллектуализм не только прочно укоренился в сознании рядового американца, он проник в культуру, сферу образования, науку, искусство. Антиинтеллектуализм имел своих идеологов и пропагандистов, придававших ему подобие идейного течения.

Энгельс. См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 36, с. 451; т. 37, с. 110; т. 39, с. 47.

⁹⁶ Токвиль А. Демократия в Америке, т. 1, с. 58—59. См. также: Гаджиев К. С. Указ. соч., с. 105—106.

⁹⁷ См.: Захарова М. Н. Указ. соч., с. 13.

Отбирая в сфере культуры только то, что ему было необходимо, антиинтеллектуализм обеднял духовную жизнь общества, придавая ей плоский, одномерный характер. Национальная культура была еще слишком слаба, чтобы выработать действенное противоядие по отношению к антиинтеллектуалистским установкам общественного сознания. С оттеснением старой образованной элиты на второй план распалось хрупкое единство духовной жизни формирующейся нации, существовавшее на рубеже XVIII и XIX вв.

Растут культурные различия между Севером и Югом, восточными и западными штатами.

Господство рабовладения на Юге тормозило развитие культуры. Диспропорция в уровне образования населения Севера и Юга, наметившаяся еще в колониальный период, продолжала углубляться. К началу гражданской войны Север располагал разветвленной сетью колледжей, в ряде штатов было введено всеобщее начальное обучение за общественный счет. На Юге колледжей было мало, уровень подготовки преподавателей был низок. Даже среди белого населения, не говоря о неграх-рабах, большинство составляли неграмотные. В середине XIX в. на Атлантическом побережье Юга уровень неграмотности среди белых был в 5 раз выше, чем в Новой Англии, а в сравнительно молодых центральных южных штатах — в 3 раза выше, чем на Среднем Западе⁹⁸.

Необходимость защиты рабства — «особого института» Юга — создавала мрачную, удушливую атмосферу в этой части страны. Всякое проявление свободомыслия жестоко преследовалось, особенно после подавления восстания рабов под предводительством негритянского проповедника Ната Тернера в начале 30-х годов.

Рабовладельческий характер хозяйства расщепил до основания духовную жизнь южных штатов. Ценой закрепощения подавляющего большинства населения на Юге была создана аристократическая культура плантаторской верхушки, во многом построенная на рыцарском кодексе чести. Она была интеллектуально бесплодной, «главными плодами досуга на Старом Юге явились спорт, политика, сплетни и пиршества»⁹⁹.

⁹⁸ Подробнее см.: Литературная история Соединенных Штатов Америки, т. 2, с. 41.

⁹⁹ Там же, с. 195. См. также с. 139—140.

Культура Атлантического побережья сильно отличалась от «пионерской цивилизации», существовавшей на Западе. К середине века приобретший значительный вес в экономике и политике страны Запад начинает задавать тон в жизни общества. Здесь получили наиболее полное развитие многие характерные черты национальной психологии и сознания. «Человек с Запада, как он описан современниками, — констатирует Г. Н. Смит, — был неутомимым, предприимчивым накопителем. В его душе патетическая, но абстрактная жажда культуры уживалась с едва скрываемым презрением к непрактичным, бесплодным представителям старших цивилизаций. Он считал себя воинствующе демократичным, но его демократизм часто принимал формы непризнания никаких авторитетов, превосходства над другими... Запад потерял контакты с культурной традицией Европы, не создав еще собственной цивилизации»¹⁰⁰.

Хранителем культурных традиций оставалась Новая Англия. Ее соками питались другие районы страны. В середине века учителя на Западе и Юге были выходцами из Коннектикута и Массачусетса¹⁰¹. Однако постоянное перемещение центра жизни страны на Запад подрубило корни культуры Новой Англии. Она все больше приобретает аристократически-снобистский характер, ей претит вульгарный материализм американской жизни¹⁰².

Национальное культурное единство могло бы укрепляться за счет городов, но они, как отмечалось, развивались медленно. К тому же значение городов как центров культурной жизни в определенной мере обесценивалось скоплением огромных масс иммигрантов в крупнейших городах страны. Как показали более поздние исследования, — в отличие от бытовавших ранее представлений — в середине XIX в. в сельскохозяйственные районы страны попадало меньшинство переселенцев, большинство оседало в городах¹⁰³. Накануне гражданской войны иммигранты составляли половину населения Чикаго и Сент-Луиса,

¹⁰⁰ Там же, с. 174—175.

¹⁰¹ Брукс В. В. Указ. соч., с. 192.

¹⁰² Там же, с. 70, 95—96; Литературная история Соединенных Штатов Америки, т. 2, с. 54—55.

¹⁰³ Материалы первого симпозиума советских историков-американистов. М., 1973, ч. 1, с. 227, 230.

почти половину населения Нью-Йорка¹⁰⁴. Крупнейшие города страны выполняли основную часть работы по их «перевариванию» в американском «плавильном котле» и включению в жизнь формирующейся нации.

Медленный рост городов — результат экстенсивного развития, экономической и политической децентрализации. Внешним проявлением этой децентрализации, характерной для американской жизни прошлого века, было отсутствие столицы европейского типа, города, который стал бы средоточием духовной жизни молодой нации. Из-за отсутствия общенационального центра притяжения интеллектуальных сил американская культурная среда отличалась крайней раздробленностью. Английский автор писал в 80-х годах прошлого века: «В Америке нет недостатка в здоровой культуре, но она так разбросана по различным центрам и по небольшим группам, редко имеющим случай сходиться вместе, что в Америке нет многочисленного образованного общества вроде того, какое мы находим в европейских столицах, или вроде того, какое создали для Германии ее университеты. В Бостоне хозяин дома мог лет двадцать тому назад собрать вокруг своего обеденного стола девять человек, таких же интересных и образованных, каких мог бы найти в Париже или в Лондоне. Но нельзя было собрать восемнадцать таких людей, даже едва ли собрать девять где-либо, кроме Бостона»¹⁰⁵.

Развитие национальной культуры также сковывали некоторые особенности духовной жизни молодой нации. Здесь прежде всего надо указать на относительную краткость американской истории, отсутствие прочных культурных традиций, сохранение и развитие которых являются важной прерогативой интеллигенции.

Молодость американской нации не позволила в первые десятилетия существования единого государства отложиться письменной традиции национальной культуры, способной стать тем стержнем, вокруг которого происходит формирование сознания интеллигенции. Несмотря на широкое распространение образования, для американского общества прошлого века характерно преобладание устного слова над письменным. Английский литератор Лэнг, пу-

¹⁰⁴ *Богина III. А.* Население США накануне гражданской войны. — В кн.: К столетию гражданской войны в США. М., 1961, с. 70; *Иванов Р. Ф.* Авраама Линкольн и гражданская война в США. М., 1964, с. 146.
Брайс Д. Указ. соч., с. 429.

тешествовавший в 80-х годах по США, писал: «По всей стране люди неустанно рассказывают друг другу истории, в барах, в поездах и на пароходах, во время бесконечных американских переездов. Как мало подобных рассказов услышишь в Англии!»¹⁰⁶. Неудивительно, что в американской литературе XIX в. культура устного рассказа и искусство рассказчика занимают видное место.

Основным измерением американской истории XIX в. является пространство, а не время; вплоть до завершения освоения Североамериканского континента она разворачивается вширь, не набрав еще глубины и основательности. Экстенсивный, «плоскостной» характер американской истории прошлого века, относительно медленное вызревание социальных антагонизмов позволили отложить «на потом» анализ и осмысление глубинных процессов, разворачивавшихся в американском обществе. Проведение анализа такого рода является важнейшей функцией интеллигенции и служит мощным катализатором развития ее сознания.

Мелкобуржуазная ограниченность сознания рядового американца, его поглощенность сиюминутными, сугубо практическими заботами, неразвитость в его мышлении «социетарного измерения», ощущения социального целого¹⁰⁷, обесценивали функции интеллигенции как выразителя определенных общественных потребностей, лишали ее *raison d'être*, препятствовали осознанию ею своей роли в обществе.

Другой характерной особенностью духовной жизни американцев, ограничивавшей внутренние потенции развития национальной культуры, было отсутствие мощной антиклерикальной традиции в общественной жизни США. Слабость светской струи в американской культуре прошлого века не давала ей возможности превратиться в оплот вольнодумства и инакомыслия. Антиклерикализм как общественное течение был уделом иммигрантов¹⁰⁸.

Американская действительность одинаково мало стимулировала и процесс формирования интеллигенции, и развитие национальной культуры. Характеризуя Америку прошлого века, Р. Хофстедтер пишет: «Это было общество, требовавшее мужества и силы характера, упорст-

¹⁰⁶ Цит. по: Американская новелла XIX века. М., 1946, с. 9—10.

¹⁰⁷ См.: *Замошкин Ю. А.* Личность в современной Америке. М., 1980, с. 117.

¹⁰⁸ *Богина Ш. А.* Иммиграция в США, с. 141.

ва и практической смекалки, но это не было общество, в котором рождаются поэты, художники и ученые»¹⁰⁹.

Малочисленность американской интеллигенции XIX в., почти полное отсутствие крупных фигур в различных областях интеллектуальной деятельности единодушно отмечали и современники¹¹⁰, и позднейшие исследователи. Рассказывая о трудном пути становления национальной культуры, один из видных историков американской мысли, Г. Шнейдер, пишет: «Америка была интеллектуальной колонией долгое время после того, как завоевала политическую независимость, и оставалась интеллектуальной провинцией долгое время после того, как перестала быть интеллектуальной колонией»¹¹¹. Даже в области естественных наук, суливших практическую отдачу, Америка питалась достижениями европейской мысли. Как отмечает американский историк науки и техники Б. Хиндл, «передача технологии из Европы в Америку имела основополагающее значение для всего периода промышленной революции в США»¹¹².

Скудость той почвы, на которой произрастала духовная культура нации, вынуждала американцев широко прибегать к заимствованиям из европейской, в первую очередь английской, культуры. Эти заимствования часто носили поверхностно-утилитарный характер, не сопровождались освоением богатейшего культурного наследия, созданного Европой в течение тысячелетий. В свою очередь во многом зависимый характер американской культуры прошлого века, относительно невысокое качество импортируемых образцов не стимулировали развитие духовной жизни молодой нации.

Падение значения Новой Англии в жизни страны под напором стремительно растущего, поглощенного материальными заботами Запада усиливало социальную изоляцию культурной элиты. Пропась, существовавшая между основной массой населения и творцами духовных ценностей, нередко заставляла их чувствовать себя чужестранцами на родной земле. Бостонский скульптор первой половины прошлого века Г. Гринаф писал юристу и лите-

¹⁰⁹ Hofstadter R. Op. cit., p. 80.

¹¹⁰ Токвиль А. Демократия в Америке, т. 2, с. 220—221; Брайс Д. Указ. соч., с. 444.

¹¹¹ Schneider H. History of American Philosophy. N. Y., 1947, p. VIII.

¹¹² Hindle B. Technology in Early America. Williamsburg, 1966, p. 18.

ратору Ричарду Дана-младшему: «Америка всегда относилась к своим художникам как курица, которая по оплошности вывела утят. Она никак не поймет, чего они все время бегут к воде, а не к благодатной навозной куче, которую только повороши — и будешь сыт. Со временем она это уразумеет, но еще не скоро»¹¹³.

Чувство одиночества и изоляции пронизывает мироощущение многих служителей муз. «Все устремления этой нации,— записал 27 февраля 1853 г. Генри Торо,— которые направлены не ввысь, а на запад, к Орегону, Калифорнии, Японии и так далее, лишены всякого интереса для меня независимо от того, движутся ли в этом направлении пешком или по тихоокеанской железной дороге. Это движение не пронизано мыслью, оно не согрето чувством; в нем нет ничего такого, ради чего стоило пожертвовать жизнью или просто принять вызов — в нем едва ли найдешь нечто такое, о чем стоит прочесть в газете. По своему духу это чисто языческое предприятие — движение флибустьеров на небо великим западным путем. Нет, они могут двигаться навстречу своему предназначению, которое, я надеюсь, не распространяется на меня»¹¹⁴.

Творческая интеллигенция с завистью смотрела на положение своих коллег в крупных государствах Западной Европы. Х. Блодgett отмечает, что американским писателям этого периода свойственны «неизбывное чувство ностальгии по старой европейской культуре, тоска по нравам и обычаям традиционного общества с его высокой цивилизацией и художественной культурой»¹¹⁵. Из-под пера писателя-романтика первой половины прошлого века Натаниела Готорна вырывается горькое признание: «Я предпочел бы жить в любой чуждой мне стране, чем вернуться на родину. Соединенные Штаты пригодны для многих прекрасных целей, но, конечно, не для того, чтобы жить в них»¹¹⁶. Подолгу жили в Европе писатели В. Ирвинг и Дж. Ф. Купер, поэты Г. Лонгфелло, О. У. Холмс, Дж. Р. Лоуэлл. Н. Готорн, побывав в 1858 г. в Риме и Флоренции, застал там маленькие колонии американских

¹¹³ Цит. по: Брукс В. В. Указ. соч., с. 332.

¹¹⁴ The Writings of Henry David Thoreau. Boston; New York, 1906, vol. 6, p. 210.

¹¹⁵ Литературная история Соединенных Штатов Америки, т. 2, с. 153. «Старый Свет,— записал в дневнике Г. Лонгфелло,— это почти святая земля» (Там же, с. 120).

¹¹⁶ Цит. по: Gurko L. Crisis of the American Mind. L., 1956, p. 56.

«беглецов», возглавляемые художниками и скульпторами¹¹⁷.

В Европе поклонники красоты искали прибежище от духовной тирании мелкобуржуазной среды, возможность свободного выявления творческой индивидуальности, общество, способное ценить достижения человеческого гения независимо от материальных соображений. Антибуржуазные настроения определенной части интеллигенции проявились и в утопических проектах социальных реформ, и в участии в жизни коммун, основанных на принципах коллективизма¹¹⁸.

Слабость, неразвитость национальной культуры, социальная изоляция ее немногочисленных творцов и носителей наложили глубокий отпечаток на духовный облик формирующейся американской интеллигенции. В XIX в. в Соединенных Штатах в отличие от крупных государств Западной Европы не сложилось органического ядра традиционной интеллигенции гуманитарного толка, которое, став естественным центром притяжения, могло бы стимулировать развитие самосознания этого слоя. Если в процессе формирования интеллигенции по каким-либо причинам не вырабатывается чувство общности в качестве специфического социального слоя со своими запросами, интересами, функциями в обществе, то появление его в дальнейшем сильно затруднено вследствие быстрого роста, профессиональной специализации, резко-го увеличения удельного веса практических задач в повседневной деятельности лиц интеллектуального труда.

Даже внутри отдельных профессий распространение корпоративного духа наталкивалось на значительные трудности. Обилие возможностей, обусловленное принадлежностью к молодой, стремительно развивающейся нации, слабость цеховой регламентации открывали широкий простор для внутрипрофессиональной конкуренции. Развитию корпоративных форм сознания препятствовала и традиция буржуазного индивидуализма, получившая в Соединенных Штатах исключительно широкое распространение.

Взаимное отчуждение, существовавшее между культурной элитой и обществом, отразилось не только на развитии сознания интеллигенции. Лишив поддержки те

¹¹⁷ Брукс В. В. Указ. соч., с. 344.

¹¹⁸ Подробнее см.: Баталов Э. Я. Социальная утопия и утопическое сознание в США, М., 1982, с. 122—129, 178—179,

радикальные элементы, которые могли бы отстаивать иные принципы социальной организации, иной «общественный проект», оно позволило быстро набравшей силу промышленной буржуазии относительно легко установить свою полную идейно-политическую гегемонию в обществе, в том числе и среди нарождавшейся интеллигенции. Отсутствие сколько-нибудь серьезной альтернативы освящало существующий порядок вещей, придавая ему чуть ли не божественный ореол, обедняло борьбу идей в духовной жизни Америки прошлого века, сужая горизонты общественного сознания. Приземленность американской жизни, инстинктивное неприятие «средним американцем» проблем, выходящих за рамки его повседневного существования, дало возможность буржуазии прочно укоренить в массовой психологии и сознании свою систему ценностей.

Несмотря на общую неблагоприятную ситуацию, первые сто лет существования национального государства не были потерянными временем с точки зрения развития американской интеллигенции. В этот период закладываются основы культурного роста последующих десятилетий. Распространяется образование, растет армия читателей, резко увеличивается продажа книг¹¹⁹. На Западе создаются новые культурные центры, жаждущие затмить своим блеском города Атлантического побережья¹²⁰. Трудно не согласиться с Д. Уэктером, когда он пишет: «Если золотоискатель, горняк или король скототорговли заслуживает презрения за то, что исчислял культуру на вес и объем, а красоту признавал, лишь когда она удовлетворяла условности, все же не следует забывать, что он при этом честно стремился к лучшему. Строя школы, колледжи и бесплатные библиотеки, Запад пытался в меру своих сил и в предвкушении грядущих успехов приобщить к культуре молодое поколение»¹²¹.

Интеллектуальный труд постепенно отделяется от других видов деятельности, в бурлящем американском «котле» идет процесс кристаллизации интеллигенции.

¹¹⁹ Литературная история Соединенных Штатов Америки, т. 1, с. 285—286; 291; Boorstin D. J. The Americans: The Democratic Experience, p. 495.

¹²⁰ Об оживленной культурной жизни Сан-Франциско в середине прошлого века см.: Литературная история Соединенных Штатов Америки, т. 2, с. 198—199.

¹²¹ Там же, с. 200.

Растет ее численность, появляются новые отряды. В это время зарождается научно-техническая интеллигенция, призванная сыграть исключительно важную роль в жизни страны. В 1780 г. в США, по подсчетам Национального научного фонда, было 15 ученых-естественников и инженеров, в 1870 г. — 11,6 тыс.¹²² Приобретают профессиональный характер и другие виды интеллектуальной деятельности, в том числе художественное творчество. К середине века писатели и поэты начинают зарабатывать на жизнь литературным трудом¹²³ К началу 60-х годов в США насчитываются десятки и сотни художников-профессионалов, в основном тяготеющих к Нью-Йорку¹²⁴. Усилиями бостонцев У. Прескотта, Д. Мотли, Ф. Паркмена, Д. Бэнкрофта, Д. Спаркса, Р. Хилдрета создается американская историческая наука. Хотя целый ряд обстоятельств сдерживает рост интеллигенции, можно сказать, что в силу особенностей развития американского капитализма в XIX в. в Соединенных Штатах накапливается отложенный спрос на интеллектуальный труд, скрытая потребность в специалистах высокой квалификации, которая становится очевидной к концу века.

В различных районах страны появляются первые профессиональные объединения. В 1860 г. в США насчитывалось около 100 научных обществ и профессиональных ассоциаций¹²⁵.

Характернейшая черта общественного бытия и сознания нарождающейся американской интеллигенции — ее демократизм. Медленный процесс выделения интеллигенции в особый слой позволил ее представителям сохранить тесные связи с породившей их социальной средой. Не случайно в периоды общественного подъема молодая интеллигенция выступала идейным вождем и вдохновителем прогрессивных сил. Начиная с 30-х годов она дала толчок к разворачиванию широкого движения, направленного против рабства. В первых рядах аболиционистов были У. Филлипс, Т. Паркер, У. Э. Чаннинг, Э. Квинси, Дж. Р. Лоуэлл, Р. У. Эмерсон, Г. Лонгфелло, Ч. Самнер, Г. Торо, Д. Уитьер, Б. Олкотт, Г. Бичер-Стоу, У. Уитмен, Г. Вордсворт и другие видные представители

¹²² Gould J. M. The Technical Elite. N. Y., 1966, p. 121.

¹²³ Литературная история Соединенных Штатов Америки, т. 1, с. 297; т. 2, с. 49, 121.

¹²⁴ Harris N. The Artist in American Society. N. Y., 1966, Ch. 10.

¹²⁵ Филиппова Л. Д. Указ. соч., с. 65—66.

интеллигенции. Среди abolitionистов были и такие фигуры, как Д. Фремонт — инженер, географ, исследователь американского Запада, кандидат в президенты от республиканской партии в 1856 г., собравший более 33% голосов¹²⁶, в годы гражданской войны генерал армии северян. Передовая интеллигенция активно выступила в поддержку Линкольна на президентских выборах 1860 г., обеспечив ему голоса многих тысяч избирателей. В свою очередь Линкольн, став президентом, назначил ряд представителей интеллигенции на ответственные дипломатические посты.

Взаимопонимание, естественным образом возникавшее между лучшими представителями американского народа — идет ли речь о Джоне Брауне или Аврааме Линкольне — и передовой интеллигенцией страны, не ограничивалось сферой политики. Оно было более глубоким, распространялось на ценностные ориентации, характеризующие направленность интересов личности, мотивы ее поведения. Для тех и других было характерно равнодушие к деньгам, материальному богатству, неприятие буржуазного индивидуализма, стремление к общественному идеалу, открывающему широкий простор развитию личности¹²⁷.

В период между войной за независимость и гражданской войной Севера и Юга деятельность лучших представителей интеллигенции способствовала сохранению и закреплению демократических традиций американского народа.

¹²⁶ Подсчитано по: Historical Statistics..., p. 682.

¹²⁷ См., напр.: Брукс В. В. Указ. соч., с. 134—135; Hinton R. J. Brown and his men. N. Y.; L., 1894, p. 679.

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В АМЕРИКЕ МОНОПОЛИЙ (конец XIX — первая половина XX в.)

Формирование государственно-монополистических структур и мир интеллектуального труда

Гражданская война знаменовала собой важнейший рубеж в развитии американской экономики. Нарушив привычные связи с Европой, она заставила обе борющиеся стороны проводить политику экономического самообеспечения. Огромный внутренний рынок, созданный на базе государственных поставок для действующей армии, необычайно стимулировал развитие предпринимательской деятельности. В течение нескольких лет сколачивались громадные состояния. В годы гражданской войны был заложен фундамент крупнейших финансовых империй США: Моргана, Рокфеллера, Вандербильда и др. Переход высшей государственной власти от плантаторов Юга к крупной буржуазии Севера — основной политический итог гражданской войны — отдавал в ее распоряжение несметные богатства страны.

Освободившись от пут рабства, страна вступила в период бурного экономического роста¹. С 1869—1873 по 1929 г. валовой национальный продукт вырос с 9 млрд. до 104 млрд. долл. (в ценах 1929 г.). Несмотря на быстрый прирост населения, объем продукции на душу населения увеличился за эти годы почти в 4 раза, с 223 до 857 долл. (в ценах 1929 г.). С 1865 по 1914 г. производство промышленной продукции увеличилось более чем в 11 раз. Создается тяжелая промышленность, способная удовлетворить потребности индустриального развития страны. Всю страну опоясывает сеть железных дорог, ликвидировавшая былую замкнутость медвежьих угол². По темпам экономического роста (с учетом чис-

¹ Истории США в период империализма посвящено фундаментальное исследование советского ученого В. И. Лана. См.: Лан В. И. США: от испано-американской до первой мировой войны. М., 1975; *Он же*. США: от первой до второй мировой войны. М., 1976; *Он же*. США в военные и послевоенные годы. М., 1978.

² Historical Statistics of the United States: Colonial Times to 1957. Wash., 1960, p. 139, 409, 427, 429.

ленности населения) США опережали все страны мира, кроме Японии³.

Особо благоприятные условия развития капитализма в Америке и особую быстроту этого развития отмечал Ленин⁴. Используя благоприятную конъюнктуру, Соединенные Штаты еще в конце прошлого века обошли своих основных конкурентов, а к середине XX в. производили до половины промышленной продукции капиталистического мира.

Бурный экономический рост сопровождался ускоренным процессом концентрации и централизации капитала. Появляются гигантские монополистические объединения. Мелкий собственник, доминировавший в социальной структуре американского общества, быстро вытесняется представителями мира наемного труда, рабочими и служащими крупных корпораций. Свободный фермер исчез буквально на глазах: с 1880 по 1914 г. доля фермеров среди самостоятельного населения сократилась в 4 раза, с $\frac{1}{2}$ до $\frac{1}{8}$ ⁵.

Растущая как на дрожжах промышленность предъявляла повышенный спрос на рабочую силу, который лишь частично покрывался за счет внутренних резервов. Переселенческие потоки, устремившиеся за океан, набирали силу с каждым десятилетием. С 1866 по 1900 г. в США эмигрировали 13 471 тыс. человек, с 1901 по 1930 г.—еще 18 368 тыс. В начале века были годы, когда приезжало по миллиону человек⁶. В 1840 г., когда началась массовая иммиграция в Америку, у каждого шестого жителя страны хотя бы один из родителей был иностранного происхождения⁷. В 1900 г. 38,7% белых жителей США были иммигрантами первого и второго поколений⁸. «Америка стоит во главе стран, ввозящих рабочих»,—отмечал В. И. Ленин⁹.

Благодаря массовому притоку иммигрантов и высокому уровню рождаемости быстро росло население страны; на протяжении жизни двух-трех поколений оно уве-

³ *Koska J. White Collar Workers in America, 1890—1940. London; Beverly Hills, 1980, p. 36.*

⁴ См.: *Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 22, с. 232, т. 30, с. 354—355.*

⁵ *Mills W. C. White Collar. N. Y., 1951, p. 16.*

⁶ Подсчитано по: *Historical Statistics..., p. 61.*

⁷ *Koska J. Op. cit., p. 37.*

⁸ Подсчитано по: *Statistical Abstract of the United States, 1936. Wash., 1936, p. 11.*

⁹ *Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 24, с. 90.*

личилося почти в четыре раза: в 1870 г.— 39,8 млн., в 1900 г.— 76 млн., в 1950 г.— 150,7 млн. человек¹⁰

Изменились не только масштабы иммиграции, но и ее национальный состав. Если в 60-х годах XIX в. среди стран, посылавших эмигрантов в США, первые три места занимали Германия, Ирландия и Англия, то к началу XX в. их сменили Италия и две многонациональные империи: Австро-Венгрия и Россия¹¹. Ассимиляция разноплеменной, многоязычной «новой иммиграции», выходцев из отсталых стран Европы, была сопряжена с особыми трудностями.

Одним из основных препятствий на пути ассимиляции было существование устойчивого языкового барьера. Лишь 40,8% «новых иммигрантов» в той или иной степени владели английским языком¹². Другим важнейшим барьером, отделявшим новоприбывших от «коренных», «сто процентных» американцев, была религия. В отличие от старых этнических групп большинство новых иммигрантов исповедовали католичество, и католическая церковь в США выросла и окрепла как иммигрантская организация.

Вследствие массовой иммиграции, длительной неустойчивости этнического состава населения, сложности ассимиляционных процессов, определяющих психологию и поведение переселенцев, процесс становления американской нации затянулся вплоть до начала нового столетия. Для Америки первых десятилетий XX в. характерно скопление больших масс не полностью ассимилированных иммигрантов, особенно в крупных городах. К началу века иммигранты и их дети составляли 60% жителей 12 крупнейших городов страны¹³.

Незавершенность процесса этнической консолидации американского общества, наличие в нем множества национальных и религиозных перегородок отражались в различных сферах жизни США.

Создание современной промышленности требовало не только рабочих рук, но и квалифицированных специали-

¹⁰ Statistical Abstract of the United States, 1972. Wash., 1972, p. 5.

¹¹ Берзина М. Я. Этнический состав населения США: Краткий историко-статистический обзор.— В кн.: Национальные процессы в США. М., 1973, с. 39.

¹² США — экономика, политика, идеология, 1976, № 1, с. 123.

¹³ Коска J. Op. cit., p. 37.

стов. Число ученых и инженеров выросло с 11 600 в 1870 г. до 69 тыс. в 1900 г. и 744 тыс. в 1950 г.¹⁴ В течение нескольких десятилетий инженеры стали крупнейшей (после учителей) категорией лиц интеллектуального труда.

Вследствие слабого развития — вплоть до 40-х годов XX в. — университетских и государственных научных центров подавляющее большинство не только инженеров, но и ученых-естественников работало в промышленности, в исследовательских лабораториях крупнейших монополий. С 1901 по 1929 г. число сотрудников лаборатории фирмы «Дженерал электрик» увеличилось с 8 до 555 человек; в 1925 г. в лабораториях компании «Белл» работало свыше 3600 человек, в отделе исследований химического концерна Дюпонов — 1200 человек. В 1938 г. на долю менее 1% компаний, ведущих самостоятельные разработки, приходилось около $\frac{1}{3}$ исследователей, работающих в стране¹⁵. Современная промышленность нуждалась не только в ученых и инженерах, она предъявляла растущий спрос на специалистов различного профиля, создавая емкий рынок интеллектуального труда.

За промышленностью тянулись другие сферы экономической деятельности. С начала XX в. крупные универсальные магазины все чаще берут на работу выпускников колледжей для подготовки из них управленческого персонала¹⁶. Применение научных методов в сельском хозяйстве требовало широкого использования специалистов. Вспоминая дни своей юности, заместитель министра сельского хозяйства в правительстве Ф. Рузвельта М. Вильсон пишет: «Когда я приехал в Эймс в 1902 г., чтобы изучать сельскохозяйственные науки, я был не первым парнем из нашей округи в Айове, поступившим в колледж, но я был первым парнем из округи, выбравшим *сельскохозяйственный* колледж. Десять—пятнадцать лет спустя такой выбор стал естественным для всех, кто мог себе это позволить»¹⁷ (Курсив в тексте. — В. К.). После 1905 г. количество студентов сельскохозяйственных

¹⁴ Gould J. M. The Technical Elite. N. Y., 1966, p. 121.

¹⁵ Blair J. Economic Concentrations and World War II. Wash., 1946, p. 52; Noble D. F. America by Design. N. Y., 1977, p. 114, 116, 120.

¹⁶ Mills W. C. Op. cit., p. 170—172.

¹⁷ Baker O. E., Borsodi R., Wilson M. L. Agriculture in Modern Life. N. Y.; L., 1939, p. 224.

колледжей быстро росло, и накануне первой мировой войны оно почти сравнялось с числом инженеров¹⁸.

Изменение роли интеллектуального труда в процессе материального производства прямо отразилось на судьбе ученого-изобретателя. В XIX в. это был чужак-одиночка, нередко влачивший свои дни в нищете и забвении, являясь объектом насмешек и издевательств со стороны окружающих. Новые времена символизировала фигура Эдисона, удачливого изобретателя, ставшего живым воплощением «американской мечты» об успехе. За ним последовали другие. В истории развития американской науки и техники XX в. можно найти немало имен изобретателей — Э. Ленд, Д. Вестингауз, Д. Истмен, де Гольер, Дэнфорт и др., — сколотивших крупные состояния путем использования в промышленности своих открытий и изобретений.

Спрос на рабочие руки, предъявляемый промышленностью, в условиях, когда фонд свободных земель был практически исчерпан, явился одной из причин ускоренного развития городов в конце XIX — начале XX в. С 1870 по 1930 г. городское население увеличилось с 9902 тыс. до 68 955 тыс., а его доля в составе населения — с 25,7 до 56,2%¹⁹. К 1890 г. население Нью-Йорка, Филадельфии и Чикаго превысило миллион человек. По числу жителей Нью-Йорк обогнал Берлин и Париж, уступая только Лондону²⁰. Сельская патриархальная Америка стремительно превращалась в страну урбанизированной цивилизации.

Крупная промышленность требовала грамотных работников. Несмотря на постоянный приток малообразованных иммигрантов, уровень грамотности населения был высок. Если в 1870 г. неграмотными были 20% жителей США, то в 1930 г. — всего 4,3%²¹. Еще в середине прошлого века были приняты законы об обязательном начальном обучении, а с конца XIX в. США первыми среди капиталистических государств стали на путь массового среднего образования. С 1890 по 1940 г. число учащихся средней школы почти удваивалось каждое де-

¹⁸ *Hofstadter R. Anti-intellectualism in American Life*. N. Y., 1963, p. 281.

¹⁹ *Historical Statistics...*, p. 9.

²⁰ Литературная история Соединенных Штатов Америки. М., 1978, т. 2, с. 341—342; *Schlesinger A. M. The Rise of the City, 1878—1898*. N. Y., 1933, p. 68.

²¹ *Parkers H. B. The USA: A History*. N. Y., 1954, p. 477.

сятилетие²². В 1890 г. только 7% юношей и девушек в возрасте от 14 до 17 лет учились в средней школе, в 1940 г.—73%. За эти пятьдесят лет соответствующий возрастной контингент увеличился на 82%, а число учеников средней школы — в 20 раз²³. Среднее образование, открывающее доступ в сферу нефизического труда, в мир «белых воротничков», неудержимо влекло к себе новые поколения американцев. Соответственно рос крупнейший отряд американской интеллигенции — учителя.

Почти всеобщая грамотность населения, живой интерес американцев к тому, что происходит в окружающем мире, способствовали быстрому росту печатной продукции. Американцы, которые и в первой половине XIX в. производили впечатление читающего народа, к концу столетия потребляли огромную массу периодики. С 1870 по 1900 г. число ежедневных газет увеличилось с 600 до 2500, их общий тираж превысил 15 млн. экз. В 1860 г. в стране издавалось 280 ежемесячных журналов, в 1900 г.—более 1800²⁴. Бурное развитие современных средств массовой информации, рассчитанных на широкую аудиторию, породило новый отряд интеллигенции, влияние которого в общественно-политической жизни страны постоянно растет.

Широкое распространение в 20-е годы современных средств сообщения и информации — автомобиля, кино, радио — окончательно подорвало замкнутое, изолированное существование отдельных общин, создало необходимые материальные предпосылки для культурной консолидации американского общества.

Усложнение задач управления в эпоху монополистического капитализма, выход США на рубеже XIX—XX вв. на арену мировой империалистической политики значительно расширили сферу деятельности буржуазного государства, сделали необходимым создание большой армии квалифицированных чиновников. В 1883 г. конгресс принял закон Пендлтона, основной целью которого было создание кадрового чиновничества. В законе были сформулированы два главных принципа организации государственного аппарата: 1) конкурсные экзамены как для поступающих на службу, так и для претендентов на по-

²² См.: *Филиппова Л. Д.* Высшая школа США. М., 1981, с. 28, 34, 35.

²³ *Mills W. C.* Op. cit., p. 246.

²⁴ *Schlesinger A. M.* The Rise of Modern America, 1865—1951. N. Y., 1954, p. 131.

вышение в должности и 2) «политическая нейтральность» чиновников, т. е. формальный запрет увольнений служащих по политическим мотивам²⁵. Хотя и в дальнейшем политические соображения играли немалую роль в карьере чиновника, при наборе на государственную службу и продвижении стали уделять больше внимания квалификации и профессиональной пригодности.

Принятая в 1913 г. 16-я поправка к конституции, предоставившая конгрессу право взимания подоходного налога, положила начало росту финансового могущества федерального правительства. Мощным ускорителем процесса создания централизованного аппарата управления стали две мировые войны, а также грозные потрясения, пережитые американским капитализмом в период кризиса 30-х годов. В 1917 г. Ленин, отмечая влияние войны на развитие американской государственности, писал: «И Англия, и Америка, крупнейшие и последние — во всем мире — представители англосаксонской «свободы» в смысле отсутствия военщины и бюрократизма, скатились вполне в общеевропейское грязное кровавое болото бюрократически-военных учреждений, все себе подчиняющих, все собой подавляющих»²⁶.

Для того чтобы перевести экономику страны на военные рельсы, президентом В. Вильсоном был создан целый ряд так называемых «чрезвычайных ведомств», в которых в качестве советников подвизались представители разных интеллигентных профессий. Президент Вильсон, выходец из академической среды, привлек для работы в правительственных агентствах в Вашингтоне многих ученых. Среди них были как естественники, так и гуманитарии. Например, в период подготовки Версальского мира в специальную исследовательскую группу при президенте, принимавшую участие в составе американской делегации в переговорах в Париже, входили историки, географы, статистики, этнологи, экономисты, политологи.

Хотя после окончания войны многие из «чрезвычайных ведомств» были ликвидированы²⁷, в их лице был

²⁵ О реформе госаппарата в соответствии с законом Пендлтона см.: *Van Riper P. P. History of the United States Civil Service*. Evanston; New York, 1958, p. 96—112.

²⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 33, с. 38.

²⁷ О развернувшейся в 20-е годы борьбе вокруг государственного вмешательства в экономику см.: *Сивачев Н. В., Язьков Е. Ф.* Новейшая история США. М., 1980, с. 59—61.

создан прецедент, который использовал президент Ф. Рузвельт. По образцу и подобию этих агентств были созданы многие важнейшие правительственные учреждения, возникшие в период «нового курса». Годы президентства Ф. Рузвельта отмечены резким расширением масштабов государственного регулирования, которое распространяется на экономику и другие сферы жизни общества. Проведение «нового курса» в жизнь требовало широкого использования квалифицированных специалистов в различных звеньях государственной администрации. Вместе с Рузвельтом в Вашингтон прибыла целая когорта ведущих юристов, экономистов, специалистов по другим общественным дисциплинам из лучших университетов страны. За ними потянулись сотни молодых специалистов, из которых формировался костяк растущих как грибы после дождя федеральных агентств.

Вступление Соединенных Штатов во вторую мировую войны еще более расширило спрос на специалистов высокой квалификации, в том числе из ранее не затронутых областей интеллектуального труда. Место на государственной службе нашлось даже для античников, археологов, антропологов благодаря их знанию районов Средиземноморья и Дальнего Востока, где проводились крупные военные операции. Представители творческой интеллигенции привлекались для работы в пропагандистских ведомствах.

Начиная со второй мировой войны, показавшей огромные возможности современной науки, администрация США уделяет большое внимание наращиванию научного потенциала. За 1940—1945 гг. правительственные ассигнования на научные исследования выросли более чем в 20 раз, причем 85 % из них предназначались на военные цели²⁸.

Развитие современных форм производства, распространение образования, укрепление государственного аппарата, урбанизация и связанные с ней изменения образа жизни десятков миллионов американцев, создав новый, очень емкий рынок интеллектуального труда, привели к быстрому росту интеллигенции. С 1880 по 1900 г. выделяемая американской статистикой категория специалистов увеличилась в два раза, с 603 тыс. до

²⁸ Иванова З. П. Научно-техническая революция в США. М., 1974, с. 18.

1259 тыс. человек (включая специалистов средней квалификации), их доля в самостоятельном населении — с 3,5 до 4,3% ²⁹ В начале века Ленин писал: «Капитализм во всех областях народного труда повышает с особенной быстротой число служащих, предъявляет все больший спрос на интеллигенцию» ³⁰. В первой половине XX в. число выпускников колледжей росло в четыре раза быстрее, чем население страны ³¹. С 1900 по 1950 г. категория специалистов увеличилась с 1,2 млн. до 5,1 млн. человек, а их доля в общем числе занятых — с 4,3 до 8,6% ³². С конца XIX в. число лиц интеллектуального труда быстро растет во всех промышленно развитых странах ³³, но в Соединенных Штатах этот процесс отличался особой интенсивностью.

Из небольшой прослойки интеллигенция превращается в значительный социальный слой. С 1870 по 1950 г. число специалистов в пересчете на 100 тыс. жителей увеличилось с 859 до 3310 человек ³⁴.

Правда, далеко не все, кого американская статистика относит к числу специалистов, обладают высокой квалификацией. Приведенные выше суммарные показатели отразили рост всей сферы интеллектуального труда, во многом достигнутый за счет специалистов средней квалификации. Тем не менее он означал превращение интеллигенции в массовый слой.

Диплом высшего учебного заведения быстро приобретал рыночную стоимость и соответственно общественный престиж. Сдвиг в общественном сознании в отношении высшего образования зафиксирован Брайсом: «Это такое отличие (диплом колледжа или университета. — В. К.), — сказал один из моих американских знакомых, — о котором вы непременно упомянете, выдавая получившему его молодому человеку рекомендательное письмо» ³⁵. Определенный социальный статус давало человеку и среднее специальное образование. Сай Грайндер, один из

²⁹ Twelfth Census of the United States, Taken in the Year 1900: Census Reports. Vol. 2. Population. Wash., 1902, pt 2, p. 133.

³⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 4, с. 209.

³¹ Mills W. C. Op. cit., p. 269.

³² Мельников А. Н. Современная классовая структура США. М., 1974, с. 195.

³³ Соответствующие данные по Англии см.: Песчанский В. В. Служащие в буржуазном обществе. М., 1975, с. 37. American Sociological Review, 1957, N 2, p. 195.

Брайс Д. Американская республика. М., 1890, ч. 3, с. 345.

персонажей романа Роберта Пенна Уоррена «Приди в зеленый дол...», выходец из «белых бедняков» штата Теннесси, полагал, что «заочное инженерное училище очистит его от скверны и вдохнет в него новую жизнь, ибо он верил, что вместе с дипломом получит новое «я», а с сыном старого Баджа будет покончено»³⁶. Даже диплом средней школы стал гранью, отделяющей мир физического труда от служащих, «белых воротничков». Постепенно образование становилось важнейшим регулятором процесса социальной мобильности.

Для удовлетворения быстро растущих потребностей в специалистах во второй половине XIX в. в стране создается широкая сеть колледжей и университетов. Принятый в 1862 г. закон Моррилла стимулировал развитие системы высшего образования. С 1860 по 1900 г. было основано свыше 260 высших учебных заведений³⁷. На смену классическому образованию приходит сельскохозяйственное, инженерное, естественнонаучное. В 1862 г. открывается Массачусетский технологический институт, лучший технический вуз страны. С 1860 по 1917 г. число инженерных школ (дающих образование в объеме колледжа) увеличилось с 4 до 126. С 1870 по 1917 г. ежегодный выпуск инженеров увеличился со 100 до 4300 человек, удельный вес инженеров среди населения страны возрос в 15 раз³⁸.

Открытый в 1876 г. в Балтиморе университет Джонса Гопкинса стал первым высшим учебным заведением, где велись исследования в области естественных наук — по образцу германских университетов. За ним последовали другие ведущие вузы: Гарвардский, Чикагский, Мичиганский, Висконсинский, Стэнфордский университеты.

Специалисты наиболее высокой квалификации нуждались в дополнительной подготовке, выходящей за рамки обычного высшего образования. С 1871 по 1900 г. число учащихся университетских школ второй ступени увеличилось со 198 до 5668 человек³⁹. В 80-х годах XIX в. свыше 2 тыс. выпускников американских колледжей продолжали образование в германских университетах⁴⁰.

³⁶ Москва, 1975, № 10, с. 151.

³⁷ Schlesinger A. M. The Rise of Modern America, p. 133.

³⁸ Mann Ch. R. A Study of Engineering Education. Boston, 1918, p. 6.

³⁹ American Federationist, 1977, N 4, p. 21.

⁴⁰ Schlesinger A. M. Op. cit., p. 133.

С конца XIX в. американская высшая школа быстро развивалась и крепла. Вот несколько цифр, характеризующих бурный рост системы высшего образования: с 1889/90 по 1949/50 академический год число студентов высших учебных заведений увеличилось с 157 тыс. до 2659 тыс. человек, академический персонал — с 16 тыс. до 210 тыс., число выпускников вузов — с 15,5 тыс. до 432 тыс. человек, лиц, имеющих степень магистра, — с 1 тыс. до 58 тыс., докторов наук — с 126 до 6633 человек; стоимость университетских активов возросла с 95 млн. до 5273 млн. долл.⁴¹ На базе высшей школы формируется академическая интеллигенция, которая постепенно занимает ключевое положение в мире интеллектуального труда и оказывает сильное влияние на сознание и поведение нового слоя.

В колледжах и университетах, в различных сферах интеллектуальной деятельности все более заметным становится присутствие женщин. К 1920 г. женщины составляли $\frac{1}{3}$ выпускников университетов⁴². Как и в других капиталистических странах, женский труд в основном использовался в школе. В 1900 г. $\frac{2}{3}$ учителей — женщины⁴³. Женщины появляются и в других интеллигентных профессиях. В конце XIX в. среди женщин было свыше 1 тыс. юристов, более 3 тыс. священников, около 8,5 тыс. врачей. Они играли значительную роль в литературе и журналистике⁴⁴.

Постепенно расширяется этнический состав интеллигенции. В сферу интеллектуального труда проникают «новые» иммигранты, появляются представители негритянского населения. Например, к 1900 г. свыше 2 тыс. черных американцев получили вузовский диплом⁴⁵.

В то же время женщины, этнические меньшинства, черные американцы явно подвергаются дискриминации в сфере интеллектуального труда. Их удельный вес сре-

⁴¹ *Badger H. G.* Historical Summary of Higher Education: 1889/90 to 1949/50.— Higher Education, 1952, Dec. 15, p. 88.

⁴² *Boorstin D. J.* The Americans: The Democratic Experience. N. Y., 1973, p. 488.

⁴³ *Schlesinger A. M.* Op. cit., p. 114.

⁴⁴ Ibid.

Ibid., p. 121.

ди интеллигенций невелик, им достаётся менее престижная, хуже оплачиваемая работа.

В силу ряда причин быстро формирующаяся национальная интеллигенция прочно закрепляется в орбите идейно-политического влияния господствующего класса. Становление американской интеллигенции происходит в тот период, когда в Соединенных Штатах сложились основные структуры буржуазного общества, что дало возможность господствующему классу оказывать сильное влияние на психологию и сознание нарождающегося слоя. Идейно-политическая гегемония буржуазии в американском обществе, относительная слабость, неразвитость антикапиталистических тенденций в рабочем движении крайне затрудняли выработку альтернативных форм сознания и поведения. Культурная изоляция США, раздробленность национальной жизни на множество локальных ситуаций создавали дополнительные препоны на пути критического осмысления действительности.

Важнейшим каналом влияния буржуазии на интеллигенцию была сфера образования, находившаяся под контролем местных тузов. В 1917 г. бизнесмены (торговцы, промышленники, банкиры) занимали свыше половины мест в школьных советах 104 крупнейших промышленных городов страны⁴⁶. Но предметом особых забот делового мира стали колледжи и университеты. Развитие высшей школы, основной кузницы квалифицированных кадров, шло под неусыпным патронажем финансовых воротил. В 1933/34 учебном году в государственных школах училось почти в 10 раз больше учеников, чем в частных. Но в частных вузах насчитывалось столько же студентов, сколько и в государственных, а за вычетом будущих учителей — гораздо больше (519 тыс. против 401 тыс.)⁴⁷.

После введения в начале века подоходного и имущественного налогов и налога на дарственные акты университеты, получая щедрые пожертвования «денежных мешков», таким образом уклонявшихся от уплаты налогов со своих фантастических прибылей, стали превращаться в крупные финансовые учреждения, тесно связанные с

⁴⁶ Noble D. F. Op. cit., p. 307.

⁴⁷ Ландберг Ф. 60 семейств Америки. М., 1948, с. 443.

деловым миром. Наиболее значительное влияние на развитие высшего образования в стране оказывали самые мощные группировки крупного капитала, финансовые империи Моргана, Рокфеллера, Дюпонов и Меллонов. Так, основным контрагентом Массачусетского технологического института (МТИ) был химический концерн «Э. И. Дюпон де Немур и К^о»: многие виды продукции компании были разработаны сотрудниками МТИ, большинство ее инженерно-технического персонала окончило этот институт. Львиная доля пожертвований американских богачей доставалась одному-двум десяткам наиболее привилегированных университетов, готовивших интеллектуальную элиту страны. Неудивительно, что среди попечителей крупнейших вузов подавляющее большинство составляли представители делового мира⁴⁸. Их присутствие в попечительских советах позволяло большому бизнесу контролировать различные стороны университетской жизни.

Правда, несмотря на всеобъемлющий контроль со стороны представителей бизнеса, сам факт распространения по всей территории страны университетских городков, территориально обособленных от других поселений, имел большое значение для развития сознания интеллигенции. Чем дальше, тем больше они становились очагами интеллигентской субкультуры, своеобразными лабораториями, в которых формировалось самосознание нового слоя.

В сфере культуры контроль господствующего класса осуществлялся через систему благотворительных фондов. Влияние фондов в культурной жизни страны было особенно велико в межвоенный период. «Фонды стали одним из главных регуляторов интеллектуальной жизни в Америке», — пишет Л. Козер, автор серии историко-социологических очерков, посвященных положению и роли интеллигенции в западном обществе⁴⁹.

В Соединенных Штатах, как и в других капиталистических странах, формирование интеллигенции происходило в рамках значительно более широкого социального процесса: образования слоя служащих. Быстрый рост сферы интеллектуального труда в основном шел за счет

⁴⁸ Там же, с. 400, 447, 453, 473.

⁴⁹ *Coser L. A. Men of Ideas*. 2 ed. N. Y., 1966, p. 338.

служащих: с 1870 по 1940 г. доля лиц свободной профессии среди интеллигенции сократилась с 35 до 16%⁵⁰. Изначально наемный, служилый характер американской интеллигенции, ее прямая зависимость от работодателей облегчили господствующему классу установление контроля над сознанием и поведением нового слоя.

Конечно, далеко не все служащие были представителями интеллигенции. Основную массу «белых воротничков» составляли рядовые служащие, не имевшие профессионального образования и занятые несложным умственным трудом. В рассматриваемый период это была наиболее быстро растущая категория самостоятельного населения. Например, с 1870 по 1930 г. число конторских служащих увеличилось с 82 тыс. до 4025 тыс. человек, а их доля в составе рабочей силы — с 0,6 до 8,2%⁵¹.

В мире наемного труда служащие находились в привилегированном положении. В отличие от рабочих служащие — за редким исключением — рекрутировались из коренного населения. В 1930 г., когда период массовой иммиграции остался позади, неамериканские уроженцы составляли 9% служащих и 21% рабочих⁵². Несмотря на постепенное сокращение разрыва в уровне оплаты труда рабочих и служащих, он сохранялся на протяжении всего рассматриваемого периода: в 1890 г. доход служащего превышал доход рабочего в среднем в 2 раза, в 1948 г. — более чем на 20%⁵³. В периоды экономических потрясений служащим меньше угрожала безработица. Даже в суровые 30-е годы уровень безработицы среди служащих был в 2—3 раза ниже, чем среди рабочих⁵⁴.

В сильно иерархизированном мире служащих специалисты высокой квалификации занимают верхние ступени, поэтому все, вышесказанное относится к ним вдвойне. Социальное происхождение представителей интеллигенции более высокое, чем рядовых служащих⁵⁵. Несмотря на быстрый рост, американское студенчество этого периода составляло небольшую, привилегированную

⁵⁰ *Mills W. C. Op. cit.*, p. 113.

⁵¹ *Kocka J. Op. cit.*, p. 44.

⁵² *Mills W. C. Op. cit.*, p. 74.

⁵³ *Ibid.*, p. 72—73.

⁵⁴ *Ibid.*, p. 281.

⁵⁵ *Ibid.*, p. 273.

часть молодежи. В 1900 г. на долю студентов приходилось 3,9%, в 1940 г. — 14,5% молодежи в возрасте от 18 до 21 года⁵⁶. Советский исследователь М. И. Новинская справедливо определяет социальную сущность американского студенчества первой половины XX в. как буржуазную и мелкобуржуазную⁵⁷. Этот вывод подтверждается данными конкретных исследований. Приблизительно у 40% окончивших Чикагский университет с 1893 по 1931 г. отцы занимались различными видами предпринимательской деятельности. Еще около 25% выпускников вышло из среды интеллигенции⁵⁸. В 1930 г. 3/4 инженеров составляли сыновья специалистов, собственников, менеджеров, фермеров. Подавляющее большинство — протестанты англосаксонского происхождения⁵⁹.

По уровню образования мир наемного труда первой половины XX в. делился на три разряда: рабочие имели начальное (восьмилетнее) образование, основная масса служащих — среднее, квалифицированные специалисты — высшее (по данным на 1940 г.)⁶⁰. Недоступность высшего образования для основной части населения придавала интеллигенции элитарно замкнутый характер. Несмотря на быстрый рост, абсолютная величина слоя оставалась небольшой. В 1930 г. в США было 3 млн. лиц с высшим образованием, с 1910 по 1940 г. число специалистов высокой квалификации увеличилось менее чем на 2 млн. человек⁶¹. В 1930 г. в промышленности на 10 тыс. рабочих приходилось всего 45 инженеров⁶².

Будучи редким, дефицитным товаром на рынке труда, высококвалифицированные специалисты находились на особом счету. Их заработок был значительно выше среднего, и в отличие от своих европейских коллег они не знали продолжительной массовой безработицы⁶³. Перед ними открывалась перспектива карьеры. По данным широкого обследования, проведенного во второй половине 20-х годов, приблизительно 2/3 выпускников инженерных факультетов занимали руководящие посты в про-

⁵⁶ Филиппова Л. Д. Указ. соч., с. 23.

⁵⁷ Новинская М. И. Студенчество США. М., 1977, с. 36.

⁵⁸ Mills W. C. Op. cit., p. 268.

⁵⁹ Noble D. F. Op. cit., p. 39.

⁶⁰ Mills W. C. Op. cit., p. 246.

⁶¹ Ibid., p. 270.

⁶² Noble D. F. Op. cit., p. 39.

⁶³ Mills W. C. Op. cit., p. 156—157, 269.

мышленности в течение 15 лет после окончания вуза⁶⁴. Получив высшее образование, специалист открывал дорогу в мир интеллектуального труда своим детям, его сын имел почти в 10 раз больше шансов поступить в колледж, чем сын неквалифицированного рабочего⁶⁵.

Будучи одним из отрядов наемного труда, квалифицированные специалисты в то же время сохраняли многие черты независимого предпринимателя, являя собой различные типы комбинаций того и другого. Занимая определенное положение на работе и в обществе, они активно участвовали в создании новой, индустриальной Америки.

Привилегированное положение представителей интеллигенции оттенялось стремительно растущей армией специалистов средней квалификации, образующей широкий внешний пояс мира интеллектуального труда, без которого он не может существовать и развиваться. Например, в 1900 г. в США на 11 врачей приходилась 1 дипломированная медицинская сестра, а в 1940 г. в стране было вдвое больше медсестер, чем врачей⁶⁶. Занимая промежуточное положение между интеллигенцией и рядовыми служащими, специалисты средней квалификации образовали еще одну социальную ступень, отделяющую интеллектуальный труд от физического.

Особое положение интеллигенции в мире наемного труда способствовало усвоению ею буржуазных стереотипов мышления и поведения.

Внушительный набор социальных привилегий, которыми обладала интеллигенция, распределялся далеко не равномерно между различными ее отрядами. Изменение спроса на интеллектуальный труд в разной мере затронуло различные категории интеллигенции. Чем большую ценность с точки зрения перспектив развития американского капитализма представляла соответствующая профессия, тем выше она котировалась на рынке труда. Соответственно большой популярностью пользовались специальности, имеющие прямой практический выход. Большое значение имели также положение профессиональной группы в обществе, ее социальный престиж, степень внутренней сплоченности, способность отстаивать свои интересы. Такие небольшие, вышедшие из со-

⁶⁴ Noble D. F. Op. cit., p. 32.

⁶⁵ Mills W. C. Op. cit., p. 276.

⁶⁶ Ibid., p. 117.

стоятельных слоев населения профессиональные категории, как врачи и юристы, имели доходы и престиж, которые и не снились школьным учителям и преподавателям колледжей⁶⁷. Правда, и среди юристов были не только преуспевающие адвокаты монополий и политические дельцы; нередко встречались и неудачники, с трудом сводящие концы с концами⁶⁸.

В наиболее трудном положении находилась творческая интеллигенция. В 30-е годы около 50 тыс. ее представителей получали от федерального правительства пособие по безработице⁶⁹. Однако формирование национальной культуры, расширение сферы досуга, превращение постоянного идейно-психологического воздействия на массы в необходимый элемент современной системы классового господства буржуазии постепенно меняли положение художника в американском обществе. В период «нового курса» Ф. Рузвельта в общественном сознании начало утверждаться отношение к искусству как национальному достоянию. В соответствии с программой помощи безработным тысячи писателей, архитекторов, скульпторов, художников, актеров получили заказы и временную работу от правительства. Только по одному из проектов, осуществленных в эти годы, было выполнено 1500 настенных росписей и сделано 3500 скульптур⁷⁰.

Наличие множества формальных и неформальных статусных барьеров и перегородок в мире интеллектуального труда разобщало интеллигенцию, не давало развиваться чувству солидарности в ее среде, способствовало утверждению в психологии и сознании норм буржуазного индивидуализма.

⁶⁷ Daedalus, 1963, N 4, p. 754; *Fermi L. Illustrious Immigrants*. Chicago; London, 1968, p. 101; *Touraine A. L'Université et société aux Etats-Unis*. P., 1972, p. 67.

⁶⁸ Выразительный социальный портрет неудачника, перебивающегося случайным заработком, «люмпен-буржуа профессии юриста» дает Р. Миллс. См.: *Mills W. C. Op. cit.*, p. 128.

⁶⁹ Ландберг Ф. 60 семейств Америки, с. 438. О бедственном положении молодой творческой интеллигенции в 30-е годы см.: Литературная история Соединенных Штатов Америки. М., 1979, т. 3, с. 388. См. также воспоминания известного американского писателя и драматурга Теннесси Уильямса «Как я выжил: нечто о прошлом»: *Уильямс Т. Римская весна миссис Стоун*. М., 1978, с. 201—225.

⁷⁰ *Schlesinger A. M. Op. cit.*, p. 396; см. также: Литературная история Соединенных Штатов Америки, т. 3, с. 389.

Конечно, общественное сознание интеллигенции формировалось не только под влиянием идейно-психологических установок буржуазии. В нем отразилось мировоззрение других классов и слоев, а также — чем дальше, тем больше — социальный опыт самой интеллигенции. Быстрое расширение сферы применения умственного труда, превращение его в «становой хребет» различных видов деятельности значительно обогатили общественную практику интеллигенции.

Усвоение нового опыта, приобретаемого интеллигенцией в качестве быстро растущего, выполняющего разнообразные социальные функции слоя, ускорялось процессом кристаллизации внутренней структуры мира интеллектуального труда. Во второй половине XIX в. принимаются законы, направленные на поощрение умственного труда. В 1863 г. Линкольн подписал закон о создании Национальной академии наук — полугосударственной организации, которой было поручено удовлетворение потребностей правительства в области научных исследований. В 1891 г. американский конгресс распространил на Соединенные Штаты действие закона об авторских правах, направленного против безгонорарных перепечаток литературных произведений и охраняющего на базе взаимности права американских и иностранных писателей.

В конце XIX — начале XX в. буквально на голом месте создается система высшего профессионального образования⁷¹. Вводятся специальные лицензии, дающие право заниматься профессиональной деятельностью. На смену ремесленникам-самоучкам приходят профессионалы, гордящиеся своими знаниями.

Начиная с середины прошлого века создаются профессиональные общества и объединения. Появляются специализированные инженерные ассоциации. В 1857 г. была создана Национальная ассоциация просвещения, объединяющая работников школы. В последней четверти XIX в. возникают специализированные научные общества, такие, как Американское химическое общество (1876 г.), Ассоциация современных языков (1883 г.), Американская историческая ассоциация (1884 г.), Американская экономическая ассоциация (1885 г.). За ними последовали в 1903 г. Американская ассоциация

⁷¹ См.: Филиппова Л. Д. Указ. соч., с. 76—83.

политических наук и Американское социологическое общество. В конце XIX — начале XX в. бурно растут организации врачей, юристов, учителей, постепенно берущие под контроль различные стороны профессиональной деятельности⁷². Расширяется сеть профессиональных журналов, растет число публикаций, рассчитанных на читателя из среды интеллигенции.

Однако осмысление нового опыта, перевод его на язык философско-исторических понятий и категорий тормозились прагматическим складом ума нарождающейся американской интеллигенции. В Соединенных Штатах в отличие от Европы формирование интеллигенции шло под сильнейшим воздействием практических императивов. Оно осуществлялось на современной технической основе в рамках больших административных единиц, характерных для периода господства монополистического капитала. Молодая интеллигенция страны мало напоминала мир свободных профессий Европы XIX в. с его широтой духовных запросов и интересов. Это были специалисты узкого профиля, для которых знания, культура имели чисто прикладное значение. Даже в научной деятельности не сулящие немедленной отдачи фундаментальные исследования были явно не в чести. Советский автор В. И. Громека констатирует «отставание (США) от других развитых стран в области науки вплоть до 40-х годов нашего века»⁷³, т. е. до начала НТР, показавшей огромный практический потенциал современной науки. Традиционный американский прагматизм, прочно утвердившийся в мире интеллектуального труда, сужал общественный горизонт нового слоя, держал сознание в плену расхожих идей и представлений.

Становление сознания

Появление американской интеллигенции на общественной арене совпало по времени с периодом утверждения в стране власти монополистического капитала. Вступление американского капитализма в новую фазу развития со-

⁷² Wiebe R. H. *The Search for Order, 1877—1920*. N. Y., 1967, p. 115—120.

⁷³ США — экономика, политика, идеология, 1976, № 7, с. 52. См. также: Филиппова Л. Д. Указ. соч., с. 92—94; Blair J. Op. cit., p. 51; Rivlin A. M. *The Role of the Federal Government in Financing Higher Education*. Wash., 1961, p. 34.

проводилось грандиозными социальными изменениями. Америка фермеров, ремесленников, торговцев превращалась в Америку рабочих и служащих, на смену мелкому буржуа пришел человек наемного труда. Маленькие поселения уступали место большим городам, старый жизненный уклад рушился под напором новых форм организации труда и досуга миллионов, порожденных современным производством. На традиционные противоречия между мелкой и крупной буржуазией накладывался острый классовый конфликт труда и капитала, усиливая социальную неустойчивость и напряженность в стране.

Молодая интеллигенция была призвана осмыслить и оценить этот многообразный процесс перемен. В оценке происходящего представители интеллигенции могли опереться на свой опыт и опыт других классов и слоев. Конечно, властвующая элита, располагавшая исключительно широкими возможностями идейно-психологического воздействия на массы, стремилась навязать общественному сознанию свое видение мира. Находясь в относительно благоприятном положении, многие в мире интеллектуального труда были склонны принимать на веру постулаты идеологов монополий и активно способствовать их приятию общественным сознанием. Однако в среде интеллигенции формировались и другие идейные течения, отражавшие настроения социального протеста.

Наиболее конформистски по отношению к существующему порядку вещей была настроена интеллигенция, тесно связанная с миром бизнеса. Специалисты, работающие в крупных компаниях, проявляли немалую восприимчивость к идеологии верхушки буржуазии. Высокие темпы экономического роста, возможность выделить часть огромных прибылей для подкупа трудящихся придавали известную убедительность аргументам сторонников корпораций. Секрет притягательности мира бизнеса в глазах представителей интеллигенции заключался в приписываемой ему способности осуществить в новых исторических условиях вековую «американскую мечту», заставившую миллионы людей в поисках лучшей доли перебраться за океан. Историк Д. Нобл, посвятивший свою книгу исследованию процесса становления Америки монополий, раскрывает идейные мотивы активных участников этого процесса, инженеров начала века: «Хотя они пользовались поддержкой многих из наиболее влиятельных фигур делового мира и, имея акции, высо-

кие оклады и прибыльную частную практику, были заинтересованы в процветании корпораций, они были движимы ни голым материальным интересом, ни жаждой власти. Скорее их влекла общая мечта, пленительный образ богатой, человеческой, умиротворенной и могущественной Америки. Их приверженность своему идеалу питалась чувством истории. Они видели в себе революционеров, стремящихся осуществить надежды, порожденные достижениями человечества; если они трудились, чтобы приспособить нацию к определенной форме социальной организации, капитализму корпораций, они делали это потому, что считали эту систему исторически необходимой и неизбежной»⁷⁴. Подобные представления получили широкое распространение в среде инженерно-технической интеллигенции, им отдавали дань и люди левого толка, как, например, выдающийся ученый-электрик К. Штейнмец, социалист по убеждениям. Философской основой такого видения истории служили буржуазные теории прогресса, живым воплощением которых казалось развитие американского общества в конце XIX — начале XX в. Оно закреплялось политикой монополий, направленной на идейно-психологическую интеграцию персонала⁷⁵.

Представление о крупной корпорации как основе благосостояния нации разделялось не только инженерно-технической интеллигенцией, оно глубоко проникло в толщу нового слоя. Крупные промышленные и финансовые воротилы стали олицетворением успеха, образцом для подражания, этика бизнеса — жизненной философией представителей различных интеллектуальных профессий.

Утверждение предпринимательской этики в сфере интеллектуального труда означало выдвижение на первый план технических сторон профессиональной деятельности, всего того, что продиктовано потребностями дня и сулит немедленную отдачу. Даже там, где характер профессиональной деятельности предполагает известную широту кругозора, — например, среди профессуры — преобладали специалисты узкого профиля, для которых знания были всего лишь товаром, который надо реализовать на рынке. В начале 1902 г. журнал «Атлантик мансли» писал: «Повсюду появляется новый тип профессора кол-

⁷⁴ Noble D. F. Op. cit., p. 64.

⁷⁵ Коска J. Op. cit., p. 189.

леджа: это эксперт, который знает все о железных дорогах, мостах и туннелях, о поставках газа и снабжении электроэнергией, о финансах и банковском деле, о тарифах на Филиппинах, о границах Венесуэлы, о промышленности Пуэрто-Рико, о системе классификации, принятой внутри государственного аппарата, о контроле над трестами... В торговом центре фотография профессора бросается вам в глаза. Пресс-бюро колледжа и университетское рекламное бюро заранее оповещают о времени его лекций»⁷⁶. Аналогичный тип профессора-дельца, подвигающегося в крупном университете, рисует Р. Миллс⁷⁷. Даже в общественных науках стремление подражать точным дисциплинам привело к позитивизму, разработке узких тем, скорей иссушающих, чем развивающих ум исследователя.

При таком подходе остается в тени связь между различными видами профессиональной деятельности и тем социальным контекстом, в котором они осуществляются. Американская интеллигенция формировалась как конгломерат профессиональных групп, а не слой людей мыслящих, широко образованных, призванных активно участвовать в постановке и решении больших общественных проблем. Прагматизм, сведение профессиональной деятельности к определенной сумме знаний и приемов, лишенных общественного смысла, превращал человека умственного труда в ремесленника, для которого интеллектуальная деятельность служит лишь источником заработка, а не средством познания мира. Характерные для монополистического капитала новые формы организации труда и досуга, позволяющие контролировать сознание и поведение личности, также не способствовали развитию самостоятельного мышления.

Разделение технической и общественной сторон профессиональной деятельности отразилось в самосознании интеллигенции. Формирование различных отрядов лиц интеллектуального труда сопровождалось развитием корпоративного сознания, чувства профессиональной общности⁷⁸. Но оно не выходило за цеховые рамки. Люди умственного труда воспринимали себя как специалистов, но не интеллигентов. Хотя понятие «интеллектуал», «интел-

⁷⁶ Цит. по: *Ladd E. C., jr., Lipset S. M. The Divided Academy. N. Y., 1975, p. 14.*

⁷⁷ *Mills W. C. Op. cit., p. 134.*

⁷⁸ *Weibe R. H. Op. cit., p. 127—132.*

лигент» появилось в Америке одновременно с Западной Европой в конце XIX в.⁷⁹, оно не вошло в широкий оборот⁸⁰.

Фиксация сознания на корпоративном уровне, неразвитость его макрогруппового измерения характерны не только для интеллигенции, но и других социальных общностей. Так, исследователь из ФРГ Ю. Кокка отмечает, что формирование группового сознания служащих в США шло медленнее, чем в Германии⁸¹. Цеховая раздробленность придавала сознанию интеллигенции приземленно-фрагментарный характер, не позволяла ей в полной мере проявить свой общественный потенциал.

Конечно, не все представители интеллигенции превращались в простых исполнителей определенных ролей. Острые социальные противоречия в стране, появление у образованной молодежи новых потребностей и интересов, внутренняя логика профессиональной деятельности стимулировали распространение критических взглядов в среде интеллигенции.

Развитие капитализма вглубь и вширь, создание единого национального рынка, индустриализация и урбанизация изменили характер проблем, стоящих перед страной. Обретшая единство на новой, более широкой основе национальная культура чутко реагировала на происходящие перемены. С критикой нарождающейся цивилизации бизнеса выступили У. Уитмен, М. Твен, другие видные представители американской культуры. Известный писатель конца прошлого века У. Д. Хоуэлс писал Генри Джеймсу в 1888 г.: «После пятидесяти лет оптимистического лада с «цивилизацией» и веры в то, что в конце концов все будет в порядке, я теперь ненавижу ее и чувствую, что в конце концов все будет скверно, если только мы не начнем все сначала на основе истинного равенства»⁸². Своеобразной формой социального протеста было широкое распространение утопической литературы, создающей образ совершенного общества⁸³. Своего рода уто-

⁷⁹ Hofstadter R. Anti-intellectualism in American Life, p. 39.

⁸⁰ Lasch Ch. The New Radicalism in America. N. Y., 1965, p. 174.

⁸¹ Kocka J. Op. cit., p. 141—153, 250.

⁸² Цит. по: Brooks V. W. Howells. N. Y., 1959, p. 181; см. также: Паррингтон В. Л. Основные течения американской мысли. М., 1962, т. 3, с. 223.

⁸³ С 1888 по 1900 г. в Америке появилось около 160 утопических произведений. См.: Баталов Э. Я. Социальная утопия и утопическое сознание в США. М., 1982, с. 69.

пией, порожденной неприятием настоящего, была и идеализация прошлого, в частности старого рабовладельческого Юга⁸⁴.

Критическое отношение к действительности, свойственное значительной части американской культуры последней трети XIX в., проявилось и в тяге ее представителей к цивилизованным центрам Атлантического побережья. Начиная с 60-х годов, когда вся страна двигалась на Запад, появляются первые «отступники», идущие в обратном направлении — на Восток — в поисках пищи для духа, культурной среды, жизни, не ограниченной материальными интересами⁸⁵. Поначалу считанные единицы, они предвещают значительно более широкую культурную миграцию на рубеже веков.

Некоторые, продолжая двигаться на Восток, отправлялись в Европу. В 90-х годах в Англии образовалась целая литературная колония американцев, в которую входили Брет Гарт, Генри Джеймс, Хэролд Фредерик, Перл Крэйги, Хоуард Стерджес, Генри Гарленд, Стивен Крейн.

В последние десятилетия XIX в. критически настроенные представители американской культуры могли апеллировать к значительно более широкому, чем раньше, образованному кругу. У определенной части молодежи появляются новые потребности и интересы, далекие от меркантильных расчетов и соображений. Отпрыски буржуазных семей обнаруживают такие стремления, которые были вовсе несвойственны их родителям, озабоченным лишь материальным преуспеванием. Например, современники и историки отмечали тот факт, что в это время необычно вырос интерес молодежи к науке⁸⁶.

В буржуазных семьях контраст между родителями, жизнь которых прошла в погоне за успехом, и детьми, все помыслы которых были устремлены в сферу духа, бросался в глаза уже в 80-е годы. Бесчисленные встречи с соотечественницами во время поездки в Европу в 1883 г. оставили у Джейн Аддамс, известной общественной деятельницы начала века, ощущение разрыва поколений. Матерей влекла к себе обычная жизнь с ее радостями и удовольствиями, дочери (сверстницы Джейн) чувствовали

⁸⁴ См.: Литературная история Соединенных Штатов Америки, т. 2, с. 145—148.

⁸⁵ Там же, с. 346—347.

⁸⁶ См., напр.: *Брайс Д.* Указ. соч., ч. 3, с. 401; *Schlesinger A. M.* Op. cit., p. 133.

себя легко и свободно только в картинных галереях, концертных залах, классных комнатах⁸⁷. В дальнейшем в ценностных ориентациях отцов и детей оставалось все меньше общего, и к концу прошлого века между ними возникла стена отчуждения и взаимного непонимания⁸⁸.

Социальная изоляция культурной элиты, ее оторванность и противопоставление основной массе населения, поглощенной материальными заботами, стимулировали формирование групповой субкультуры, зарождение самосознания нового слоя. Появление в Америке культурной среды, ориентированной на духовные ценности, не укрылось от внимания Энгельса. Он писал Ф. Зорге 16 января 1895 г.: «...в Америке лишь теперь начинают находить время не только для заботы о материальном производстве и обогащении, но и для свободного духовного развития и необходимого для него предварительного образования»⁸⁹. Получив права гражданства, новые ценности стали мощным стимулятором развития сознания интеллигенции.

К началу XX в. в различных уголках Соединенных Штатов появилась новая поросль молодых мечтателей-идеалистов, находившихся в мучительном разладе с окружающим миром. Один из них вспоминал впоследствии: «Поколение, к которому принадлежит Уолдо Фрэнк и я,— странное и несчастное поколение, и я не удивляюсь, что люди старшего возраста смотрят на него с неодобрением. Это поколение, которое долгие годы своей юности провело в состоянии одиночества и конфликта с враждебным окружением... с немалым трудом сделало два важных открытия. Прежде всего оно должно было открыть сам факт своего существования, соединить индивидуальные судьбы и обрести ту уверенность в себе и мужество, которые дает коллективная мысль и коллективное действие. Но беда в том, что каждый из нас в своем одиночестве стал несколько странным и довольно подозрительным... Индивидуализм — основа нашего существования, и мы слишком долго созрели в одиночестве для того, чтобы без труда стать частью социальной группы, к которой мы принадлежим»⁹⁰. Затерянные в чужом, враждебном мире молодые идеалисты инстинктивно стре-

⁸⁷ *Lasch Ch. Op. cit.*, p. 20.

⁸⁸ *Ibid.*, p. 36.

⁸⁹ *Маркс К., Энгельс Ф. Соч.* 2-е изд., т. 39, с. 319.

⁹⁰ Цит. по: *Freeman J. An American Testament*. N. Y., 1936, p. 266.

мились вырваться из удушливой атмосферы провинциальной Америки. На рубеже веков местом сбора неприкаянной, ищущей духовного пристанища молодой интеллигенции стала культурная столица страны Нью-Йорк.

Образовавшиеся таким образом сравнительно небольшие, анклавные группировки бунтующих интеллектуалов — такие, как творческая интеллигенция Чикаго и Нью-Йорка или молодые питомцы Гарварда, Принстона, Йеля⁹¹, — выступили с резкой критикой сложившегося жизненного уклада, традиционной буржуазной культуры и морали. Характерной чертой этого течения, зародившегося в среде интеллигенции, было тесное переплетение культурных и политических мотивов⁹².

Неразрывная связь культуры и политики — а нередко и преобладание культурных запросов над политическими мотивами — в сознании авангардистских группировок нонконформистской интеллигенции отражали определенную социальную ситуацию, в которой они были вынуждены действовать. Исключительно благоприятные условия развития капитализма в США позволили американской буржуазии прочно утвердиться в сфере массового сознания и житейской морали, выработать и распространить определенную систему представлений и норм, призванную оправдать существующий порядок вещей. Индивидуализм, культ успеха, идея «американской исключительности», протестантская этика, образовав прочный сплав в общественной психологии и сознании, стали одним из важнейших рычагов политического влияния буржуазии. Для бунтующих интеллектуалов, далеких от экономических реалий, буржуазная цивилизация означала прежде всего определенный комплекс надстроечных явлений, против которых они и обращали свой праведный гнев.

Развернутое ими наступление на господствующую культуру и официальную мораль не прошло бесследно. Начало века было временем подъема демократической культуры. В первые два десятилетия XX в. появились новые направления общественной мысли и создавались целые области социальной деятельности: система так называемого прогрессивного обучения, различные виды деятельности, направленные на улучшение положения наиболее обездоленных слоев общества, детская психология,

⁹¹ *May H. T.* The End of American Innocence. Oxford; New York, 1979, pt 3.

⁹² *Lasch Ch.* Op. cit., p. XIV, 90, 168, 286—287, 310, 347.

психотерапия. По замыслу их создателей новые области социальной деятельности были призваны стать средством преобразования общества. Реформаторы из среды интеллигенции видели их смысл и назначение в предотвращении и лечении социальной и индивидуальной патологии, укреплении демократии и росте социальной мобильности, повышении интеллектуального и культурного уровня населения.

Кризис традиционных ценностей в сознании определенной части образованной молодежи, породивший брожение умов и напряженные духовные поиски начала века, лежал в основе и быстро набравшего силу феминистского движения⁹³. Зародившись в среде господствующего класса, оно явилось свидетельством кризиса буржуазной семьи, основанной на ветхозаветных принципах пуританской морали, патерналистского домостроя. Таким образом, традиционный семейный уклад, ставший объектом яростных нападок молодых бунтарей, бежавших из отчего дома, оказался под огнем критики с двух сторон.

В планах переустройства общества на началах гуманности и справедливости, разрабатываемых в среде радикально настроенной интеллигенции, семья занимала важное место. Реформа семьи и школы — двух основных институтов, занимающихся воспитанием личности, — должна была способствовать формированию нового человека, чтобы таким образом подготовить осуществление перемен в обществе.

Важным практическим результатом распространения новых взглядов в среде передовой интеллигенции было изменение образа жизни и отношений в семье. Нормы внутренней жизни в семьях лиц интеллектуального труда стали менее иерархически-авторитарными, более гуманными, больше внимания уделялось воспитанию детей, чем в типичной семье американского «среднего класса». Интеллигентная семья стала той первичной ячейкой, в которой происходили формирование психологии и сознания представителей нового слоя, развитие групповой субкультуры.

Хотя многие из культурных начинаний первых двух десятилетий XX в. впоследствии оказались выхолощенны-

⁹³ Эмансипированные представительницы средних слоев играли все более значительную роль и в культурной жизни страны. См.: Литературная история Соединенных Штатов Америки, т. 3, с. 32—33.

ми, приспособленными к нуждам и интересам господствующего класса, борьба за их осуществление способствовала росту самосознания интеллигенции.

Если в движении за духовное обновление общества пальма первенства принадлежала деятелям культуры, литераторам, журналистам, то в разработке проектов реформ тон задавали представители академического мира. Еще в 80-е годы молодые американские экономисты — Р. Эли, Г. К. Адамс, С. Пэттэн, Майо-Смит, Белис, — усвоившие в немецких университетах идеи германской «исторической школы» в политэкономии, предприняли ревизию основных принципов экономического либерализма. Вместе с социологом Л. Уордом, подвергшим критике философию буржуазного индивидуализма, они заложили основы буржуазно-реформистской социальной теории. Представители этого направления в общественной мысли США конца XIX в. считали, что абсолютный индивидуализм и ничем не ограниченная свобода предпринимательской деятельности стали анахронизмом и для защиты свободы и прав индивидов необходимо активное вмешательство государства в сферу социально-экономических отношений, а его левое крыло — Э. Беллами, Г. Д. Ллойд — подвергли существующую систему резкой критике и нередко выступали с антикапиталистических позиций⁹⁴.

В начале XX в. сфера деятельности реформаторов из академической среды значительно расширилась: аналогичную по своему характеру ревизию традиционных взглядов осуществляют юристы (Р. Паунд, Л. Брандейс, О. У. Холмс), политологи (Г. Кроули, А. Смит, У. Уэйл), социологи (О. Смолл, Т. Веблен, Э. Росс), новые веяния чувствуются и в других общественных науках. Еще более важное значение имел тот факт, что их идеи взяли на вооружение видные политические деятели того времени — Т. Рузвельт, В. Вильсон, Р. Лафоллет.

Сравнение двух авангардистских группировок, образовавшихся в среде интеллигенции в конце XIX — начале XX в., — литературно-публицистической и академической — позволяет выявить некоторые характерные черты процесса формирования сознания критически мыслящей интеллигенции. Как и следовало ожидать, с проектами реформ первыми выступили представители тех категорий

⁹⁴ О зарождении и развитии буржуазно-реформистской идеологии в США в конце XIX — начале XX в. см.: *Согрин В. В.* Истоки современной буржуазной идеологии в США. М., 1975.

лиц интеллектуального труда — художники, ученые, журналисты, — в функции которых входят разработка и распространение новых идей. Им было легче порвать с прошлым, поскольку по роду своей деятельности эти отряды интеллигенции — гуманитарии традиционного толка — были далеки от мира бизнеса и менее подвержены его влиянию.

Принципиальное значение имеет вопрос о социальной основе того комплекса идей, который характеризует мировоззрение авангардистских группировок интеллигенции, о тех процессах в реальной жизни, которые нашли отражение в их сознании. К. Лэш связывает появление новых либерально-радикальных идей в американском обществе с процессом формирования интеллигенции, многие представители которой еще не нашли своего места в жизни⁹⁵. Такое объяснение столь сложного феномена представляется несколько поверхностным. Конечно, новые идеи были продуктом духовного творчества интеллигенции, и в них отразился жизненный опыт ее представителей. Однако напряженные духовные поиски начала века отражали не только социальную неустроенность каких-то групп интеллигенции. Они были призваны дать ответ на наиболее жгучие вопросы своего времени, найти выход из противоречий, раздиравших американское общество в период перехода к империализму. Недаром сам Лэш в качестве одной из основных отличительных черт нового радикализма, зародившегося в среде нонконформистски настроенной интеллигенции, отмечает присущее ей стремление взглянуть на мир глазами отверженных, пасынков общества⁹⁶.

Духовные поиски интеллигенции конца XIX — начала XX в. нельзя понять в отрыве от массовых движений социального протеста — популистского, прогрессистского, социалистического, — сотрясавших Америку в эти годы. Они отражали и определенный социальный опыт творческой и научной интеллигенции: все более полное подчинение власти капитала, хотя не в столь грубой, откровенной форме, как в сфере бизнеса. Раскрывая секреты

⁹⁵ *Lasch Ch. Op. cit.*, p. IX, XIV, 256.

⁹⁶ *Ibid.*, p. XV, 347. О влиянии знакомства с нью-йоркским дном (1912 г.) на формирование общественно-политических взглядов Гарри Гопкинса, правой руки президента Ф. Рузвельта, см.: *Мальков В. Л.* Гарри Гопкинс: страницы политической биографии. — Новая и новейшая история, 1979, № 2, с. 128.

издательской кухни, писатель Фрэнк Норрис отмечал растущую зависимость автора в процессе труда: «Очень многое, значительно больше, чем подозревают читатели, практически написано по прямому заказу. Издатель отыскивает нужного автора... предлагает ему тему и осуществляет непосредственное руководство на протяжении всего творческого процесса»⁹⁷.

Большую роль в идейно-теоретическом оформлении взглядов авангардистов сыграло знакомство с Европой. Многие из них подолгу — и не раз — бывали в Старом Свете. Эти поездки дали им возможность освободиться от гнетущего провинциализма американской жизни, приобщиться к богатейшему наследию европейской цивилизации, сравнить положение образованного слоя в Европе и США. Сильное впечатление на них произвел и европейский образ жизни, свидетельствовавший о более развитом чувстве индивидуальной ответственности⁹⁸.

Среди реформаторов начала века существовала отчетливо выраженная технократическая тенденция⁹⁹. Ее представители исходили из предпосылки, что достигнутый человечеством прогресс дает возможность построить новое общество, основанное на разуме, а не различных формах принуждения. Для осуществления необходимых реформ можно привлечь независимых экспертов, которые при помощи социальной инженерии произведут перераспределение всех имеющихся ресурсов. В дальнейшем просвещенная администрация, используя научно обоснованные методы управления, будет следить за распределением и сохранением общественных богатств.

Нетрудно заметить, что эта утопическая программа реформ проникнута упованием на образованную элиту, которая призвана вершить судьбы общества. Эту установку разделяли некоторые категории лиц интеллектуального труда. Например, участие инженерно-технической интеллигенции в создании новой, индустриальной Америки не сводилось к слепому исполнению воли магнатов финансового капитала. Она стремилась наложить на этот процесс свой отпечаток, придать ему такой характер, при котором носители знаний, рационального подхода к явлению

⁹⁷ Цит. по: Литературная история Соединенных Штатов Америки, т. 3, с. 40.

⁹⁸ *Lasch Ch. Op. cit.*, p. 80, 196.

⁹⁹ См.: *Гаджиев К. С.* США: эволюция буржуазного сознания. М., 1984, с. 109.

ям действительности могли бы претендовать на первые роли. Ее усилия были направлены на усовершенствование методов управления в промышленности, разработку научных основ капиталистического менеджмента¹⁰⁰. В ее подходе к управлению производственными процессами со-держались технократические элементы¹⁰¹.

Ставка реформаторов на образованную элиту была продуктом социальной изоляции, в которой они оказа-лись в Америке начала века. Малочисленные, лишенные реальных рычагов влияния, порвавшие со своим классом, но не нашедшие дорогу в рабочую среду, они ощущали себя в социальном вакууме. Их стремление к раскрепощению всех духовных сил общества парализовалось стра-хом перед исторической самостоятельностью масс. Они чувствовали себя легко и свободно только в узком кругу друзей и единомышленников, и их отношения между со-бой были эмоционально насыщены до предела. Меже-умочная ситуация, в которой они находились, формиро-вала невротический тип личности, характерными чертами которого были чувство бессилия, склонность к само-анализу, постоянное внутреннее беспокойство и неуверен-ность, ощущение, что жизнь проходит мимо, и судорож-ное стремление найти в ней свое место, скрытое презрение к себе¹⁰².

Деятельный, кипучий характер американской жизни заставлял их острее чувствовать свою изоляцию и одино-чество, бессилие что-либо изменить в окружающем мире. Они были готовы усомниться даже в своем единственном оружии — разуме. Недооценка возможностей человеческо-го разума, неспособность противостоять антиинтеллекту-ализму американской жизни привели к торжеству праг-матизма в сознании левой интеллигенции, к отказу от разработки передовой теории, способной стать ориентиром в практической деятельности.

Комплекс социальной неполноценности, боязнь одиночества, отсутствие четких ориентиров лишали про-грессивную интеллигенцию необходимого иммунитета по

¹⁰⁰ Об участии инженеров в разработке наиболее эффективных ме-тодов управления крупными корпорациями см.: *Noble D. F.* Op. cit., Ch. 10.

¹⁰¹ *Calvert M. A.* The Mechanical Engineer in America, 1830—1910. Baltimore, 1967, p. 235—243; *Noble D. F.* Op. cit., p. 271, 274—275.

¹⁰² *Lasch Ch.* Op. cit., p. 62—63, 100—101, 147, 168—169, 208, 259—260, 271, 347, 349.

отношению к господствующим взглядам и представлениям, особенно в критические периоды в жизни страны. Например, она поспешила поддержать вступление Соединенных Штатов в первую мировую войну, не слишком задумываясь о том, как это согласуется с теми гуманистическими идеалами, которые она проповедовала. Чрезмерно активная поддержка, которую она оказала силам, втянувшим Соединенные Штаты в войну, лежала в основе чувства растерянности, стыда и вины, охватившего значительную часть либерально-радикальной интеллигенции сразу после окончания войны. «Если бы мне пришлось начать все сначала,— сказал Уолтер Липпман в те годы,— я бы выступил на противоположной стороне. Мы снабдили эскадрон смерти слишком большим комплектом боеприпасов»¹⁰³.

В межвоенный период в среде интеллигенции шел интенсивный процесс идейно-политического размежевания. До первой мировой войны идейно-политические деления среди лиц интеллектуального труда не отличались большой четкостью и определенностью. Опыт межвоенных десятилетий способствовал кристаллизации основных течений в среде интеллигенции, хотя не до такой степени, как в Европе¹⁰⁴.

В 20-е годы, в условиях спада рабочего и демократического движения, конфликт нонконформистской интеллигенции с деловой Америкой приобрел не столько политическую, сколько морально-этическую окраску. Укрепление позиций американского капитализма за счет разоренной войной Европы позволило ему приступить к созданию материальных предпосылок «общества потребления», внедрению потребительских идеалов в психологию и сознание масс. Формирование потребительской психологии вело к упадку интереса к общественным делам, апатии и пассивности. Находившиеся в относительно бла-

¹⁰³ Цит по: *Hofstadter R. Anti-intellectualism in American Life*, p. 243; см. также: *Lasch Ch. Op. cit.*, p. 222. Писатель, публицист, видный общественный деятель первой половины XX в. У. А. Уайт воскрешает в своей «Автобиографии» атмосферу тех лет: «Либеральное движение, которое так гордо вознеслось при Брайане, Теодоре Рузвельте и Лафолетте, выдохлось. Либералы, называвшие себя прогрессистами, пребывали в растерянности. Слабые духом стали циниками. Стойкие были утомлены и печальны» (Литературная история Соединенных Штатов Америки, т. 3, с. 214).

¹⁰⁴ *American Scholar*, 1976, N 2, p. 195.

гоприятном материальном положении лица интеллектуального труда одними из первых осваивают современный потребительский стандарт, вырабатывают соответствующие модели социального поведения.

Лишенные передовой общественной теории бунтари начала века оказались безоружными перед лицом новой ситуации. Они видели, что развитие событий приняло неожиданный для них оборот и были не в состоянии объяснить происходящее¹⁰⁵. В 20-е годы, отмечал Д. В. Кратч, «критика общества обычно означала критику морали, нравов, вкусов, а не политических или экономических институтов»¹⁰⁶.

Основной водораздел внутри интеллигенции проходил в сфере обыденного, не политического сознания и поведения. Вакханалия погони за богатством в обстановке спекулятивного бума 20-х годов вновь превратила неконформистскую часть интеллигенции в изгоев общества. В ее глазах Европа с ее клубами, кафе, образованным обществом, напряженной интеллектуальной жизнью опять была окружена ореолом, а Америка представляла дремучей провинцией, безнадежно отставшей в своем развитии. Чувство изоляции от основного потока американской жизни усиливалось присутствием гораздо более многочисленного слоя преуспевающей, конформистски настроенной интеллигенции. «В 20-е годы многие, пожалуй, даже большинство серьезных американских писателей чувствовали себя чужестранцами в своей стране. Несмотря на внешнее безразличие и космополитизм, они были глубоко привязаны к ней, но смутно чувствовали, что она их отвергла. В те годы страной управляли люди, к которым они питали профессиональную враждебность. Это было время, когда заседания совета директоров были важнее, чем заседания кабинета, когда судьбу нации решали банкиры и менеджеры средних лет», — вспоминал впоследствии критик Мальколм Каули¹⁰⁷.

После первой мировой войны среди неприкаянной части интеллигенции большой популярностью пользовалась книга Г. Адамса «Воспитание Генри Адамса». Поколению интеллигентов 20-х годов оказался созвучным обвинительный приговор, вынесенный Адамсом Америке последней

¹⁰⁵ The Atlantic Monthly, 1927, Febr., p. 265.

¹⁰⁶ Литературная история Соединенных Штатов Америки, т. 3, с. 454.

¹⁰⁷ Cowley M. Exile's Return. L., 1961, p. 215—216.

трети XIX в. как вульгарному, грубо материалистическому и бездуховному обществу.

Распространение аудиовизуальных средств массовой информации (кино, радио, журналов, рассчитанных на беглый просмотр) привело к появлению «звезд», знаменитостей из мира зрелищ и развлечений. Прочно завладев воображением человека из толпы, они способствовали закреплению стереотипных форм мышления и поведения, изоляции передовой интеллигенции от основной массы населения.

Возрождение идеологии свободного предпринимательства сопровождалось усилением традиционалистских настроений в стране. Так, в протестантизме с конца XIX в. ставшем прибежищем либеральных течений религиозной мысли, господствующие позиции заняли представители наиболее консервативных направлений¹⁰⁸. Повышение уровня образования населения и развитие средств массовой информации столкнули лицом к лицу привычные и новые формы мышления и поведения. Ярким проявлением конфликта различных культур, раздирающего американское общество, стали «обезьяньи процессы», направленные против преподавания дарвиновской теории эволюции в государственных школах. В этой связи У. Липпман писал: «Сухой закон, ку-клукс-клан, фундаментализм и ненависть к иммигрантам — это крайнее, но истинное выражение политических, социальных и религиозных взглядов старой деревенской цивилизации, отчаянно сопротивляющейся тому, что кажется ей чуждым и что на самом деле представляет собой новую Америку, вырастающую из старой»¹⁰⁹.

Далеко не все были в состоянии жить в интеллектуально разреженной атмосфере 20-х годов. Так же, как в конце XIX в., значительные размеры приняла эмиграция из страны творческой интеллигенции. Среди писателей, представителей второй волны эмиграции, уехавших из Соединенных Штатов в 20-е годы, были и уроженцы американской «глубинки»: Э. Паунд (Айдахо), Т. С. Элиот (Миссури).

Оппозиционные настроения среди интеллигенции порождала не только духовная ограниченность американской жизни. Широкое идейно-политическое наступление,

¹⁰⁸ Кислова А. А. Социальное христианство в США. М., 1974, с. 3, 48.

¹⁰⁹ Atlantic Monthly, 1927, Febr., p. 265—266.

развернутое консервативными силами, подняло на поверхность все худшее, что было в американском обществе, пробудило низменные чувства и инстинкты. Оживление деятельности Ку-клукс-клана; «обезьяньи процессы» в южных штатах; процесс Сакко и Ванцетти, организованный в сердце Новой Англии, штате Массачусетс, по напех состряпанному обвинению в предумышленном убийстве; лицемерие и ханжество «сухого закона»; гангстерские банды, безнаказанно орудующие на улицах крупнейших городов — в столь малоприглядном виде представляла перед вдумчивым наблюдателем американская действительность 20-х годов¹¹⁰.

В первое послевоенное десятилетие прогрессивно настроенная интеллигенция была далеко не единственной мишенью консервативных сил. Как отмечает американский автор, во время «красной паники», охватившей Соединенные Штаты в 1919—1920 гг., под ударом оказались не только рабочие организации, но и негры, католики, евреи, иммигранты — словом, все те, чьи взгляды как-то отличались от обывательской ортодоксии¹¹¹. Став объектом нападков вместе с этническими и религиозными меньшинствами, представители интеллигенции легче избавлялись от шовинистических предрассудков буржуазной среды. В частности, дело Сакко и Ванцетти привлекло внимание и вызвало симпатии к осужденным со стороны многих честных интеллигентов, ранее не интересовавшихся политикой. Жестокая судебная расправа с невинными людьми, за которой легко угадывались политические мотивы, стала в их глазах символом «справедливости» американской Фемиды.

Неприятие критически настроенной интеллигенцией окружающей действительности было обусловлено не только национальным опытом. Появление первого в мире социалистического государства доказывало возможность иной модели развития, не основанной на частной собственности

¹¹⁰ См.: *Кеннеди С.* Я был в Ку-клукс-клане. М., 1955, с. 227; *Felix D.* Protest: Sacco — Vanzetti and the Intellectuals Bloomington, 1965, p. 16.

¹¹¹ *Mazmanian D. A.* Third Parties in Presidential Elections. Wash., 1974, p. 59. Эти настроения характерны для всего десятилетия. Известный американский историк Г. С. Коммаджер пишет: «Широко распространилась враждебность к иностранцам и иностранным идеям; вообще идеи как таковые стали чем-то подозрительным, противным истинному американизму» (Литературная история Соединенных Штатов Америки, т. 3, с. 214).

на средства производства и свободной от пороков капитализма. В 20-е годы, отмечает американский социолог У. Шилз, среди интеллигенции, особенно в литературных и академических кругах, было много людей, симпатизирующих русской революции. Тяга многих представителей интеллигенции к социализму основывалась не столько на знании марксистской теории, сколько на смутном ощущении, что решение проблем американского общества надо искать в этом направлении. Степень оппозиционности существующему порядку вещей была выше у тех, кто осознал свою принадлежность к интеллигенции¹¹².

В 20-е годы резкая критика американского общества не была исключительной привилегией левых. Поклонники аристократической культуры Новой Англии и старого Юга не были ни социалистами, ни популистами. Мелкобуржуазная демократия вызывала у них такое же отвращение, как и господство бизнесмена в обществе. Критика буржуазной демократии справа, с реакционно-романтических позиций породила сочувственное отношение к итальянскому фашизму небольшой группы видных представителей интеллигенции, таких, как писатели У. Стивенс и Г. Миллер, ученые-гуманитарии Л. Бэббит, Ч. Бирд, Ш. Клаф, К. Хэйс, Х. Каллен, У. Фэлпс, Д. Сантаяна и Г. Шнейдер. Но даже в 20-е годы, задолго до установления фашистской диктатуры в Германии, критика американских порядков справа не находила сколько-нибудь широкой поддержки среди интеллигенции.

Биржевой крах 1929 г. и последовавшая затем депрессия повергли интеллигенцию в состояние шока, особенно ее молодое поколение, которое не было готово к такому обороту событий. Мир, казавшийся незыблемым вчера, неожиданно рухнул, похоронив под своими обломками весь строй мыслей и чувств предшествующего десятилетия. «В 30-е годы,— пишет американский историк Э. Стивенсон,— ничто не казалось более отжившим, чем чувства и мысли 20-х годов. Они вызывали отвращение»¹¹³.

«Великий» кризис подорвал в общественном сознании веру в неограниченные возможности системы свободного предпринимательства, основанной на бесконтрольном хозяйничаньи монополий. Авторитет бизнеса упал, многие с

¹¹² American Scholar, 1976, N 2, p. 186, 188, 191.

¹¹³ Stevenson E. Babbitts and Bohemians: The American 1920's. N. Y., 1967, p. 242.

надеждой смотрели на федеральное правительство. Подводя итоги тех лет, видный американский экономист Стюарт Чейз писал: «Низвергаются старые идола, все летит в пропасть. Система частного предпринимательства показала свою неспособность удовлетворить жизненные потребности народа... Масштабы фиаско колоссальны. Люди видят теперь своего спасителя в правительстве, возглавляемом Рузвельтом. И оно оправдывает их надежды»¹¹⁴. Неожиданно вновь стали актуальными, казалось, напрочь забытые идеи реформаторов начала века.

В 30-е годы идейно-политический климат в стране резко отличался от предшествующего десятилетия. Паралич экономического механизма, подъем рабочего и демократического движения, острые классовые столкновения не оставили и следа сытой апатии, самодовольства, безразличия к коренным проблемам жизни общества.

Пробуждение страны от духовной спячки и оцепенения вовлекало интеллигенцию в водоворот событий, превращая ее из стороннего наблюдателя в активного участника политических баталий бурного десятилетия. В кризисные тридцатые интеллигенция двигалась влево вместе со страной. Однако процесс полевления интеллигенции шел весьма неравномерно, он затронул далеко не все категории лиц интеллектуального труда. Определенное представление о противоречивых тенденциях идейно-политического развития нового слоя дает проведенный в 1933 г. социологический опрос ученых, писателей, известных специалистов, получивших признание в своей области деятельности, крупных бизнесменов. Задачей опроса было выяснить отношение этих людей к религии, которое в Америке может служить своего рода индикатором политических взглядов: чем человек религиознее, тем, как правило, консервативнее его убеждения. Опрос показал, что, в то время как среди ученых и писателей явно преобладали атеисты, значительное большинство бизнесменов и специалистов были людьми верующими¹¹⁵. На основании данных этого опроса можно предположить, что 30-е годы воспроизвели среди интеллигенции — в расширенном виде и более определенно — расстановку сил, наметившуюся в начале века: если ученые и художники тяготели к левой части политического спектра, то основная масса специа-

¹¹⁴ *Nation*, 1936, Nov. 21, p. 599—600.

¹¹⁵ *Ladd E. C., jr., Lipset S. M.* Op. cit., p. 19—20.

листов, тесно связанных с миром бизнеса, была настроена довольно консервативно.

Но наиболее полно дань духу времени отдавала студенческая среда. Общенациональный опрос студентов колледжей, проведенный в 30-е годы, показал, что 6% симпатизирует коммунизму, 24 — социализму, 45 — либерализму и лишь 15 — консерватизму и 2% — фашизму¹¹⁶. Даже на этом фоне выделялись своей левизной студенты, с увлечением занимающиеся наукой, люди с ярко выраженными академическими интересами. Два американских психолога, изучавшие политические взгляды студентов-выпускников, проявивших склонность к научной деятельности, пришли к следующему выводу: «Быть книжным червем сегодня — значит быть радикалом»¹¹⁷.

Подключение интеллектуальных сил страны к поискам выхода из кризисной ситуации вызвало необычайное идейное брожение среди интеллигенции. Горький опыт, приобретенный в трудное время, быстро кристаллизовался в определенные логические формы. Слепую веру в постулаты свободного предпринимательства сменил поток либеральных, технократических, реформистских идей¹¹⁸.

Многое позаимствовав из арсенала социальной критики конца XIX — начала XX в., сторонники реформ вели поиск в широком диапазоне, от разработки методов государственного регулирования экономики до утопических проектов социалистических преобразований¹¹⁹. В их теоретических построениях в качестве альтернативы бизнесу выступало государство. Слабое развитие в США — вплоть до 30-х годов нашего века — централизованной системы регулирования социально-экономических процессов способствовало сохранению веры в чудодейственную силу вмешательства государства. Успешные начинания «нового курса» укрепили ее. Широкое привлечение специалистов к деятельности Рузвельтовской администрации возродило среди интеллигенции надежду использовать федеральное правительство как панацею от всех бед американского общества.

¹¹⁶ Lipset S. M. *Rebellion in University*. Boston, 1972, p. 184.

¹¹⁷ Murphy G., Likert R. *Public Opinion and the Individual*. N. Y., 1967, p. 107.

¹¹⁸ См.: Мальков В. Л. «Новый курс» в США. М., 1973, с. 153—166, 176—181; Сивачев Н. В. Политическая борьба в США в середине 30-х годов XX века. М., 1966, с. 95—96.

¹¹⁹ О социалистической утопии 30-х годов см.: Баталов Э. Я. Указ. соч., с. 142—145.

В 30-е годы, период подъема рабочего и коммунистического движения в США, многие деятели культуры испытывали на себе притягательную силу марксистских идей и сблизились с коммунистами¹²⁰. Для них неприятие буржуазного мира означало в первую очередь протест против его пренебрежительного отношения к культуре. Большое влияние на представителей интеллигенции оказывали сообщения о достижениях молодого Советского государства¹²¹. Сближению интеллигенции с левыми силами страны немало способствовала и гражданская война в Испании, когда многие ее представители энергично поддерживали народно-демократический, антифашистский блок¹²².

Общая тенденция полевения интеллигенции отнюдь не исключала возможность движения значительных ее групп в противоположном направлении. В середине 30-х годов, когда под напором рабочего и демократического движения «новый курс» обрел второе дыхание, позволившее ему сохранить и углубить линию на проведение реформ, поляризация общественно-политических сил в стране привела к поправлению определенной части либеральной интеллигенции, напуганной растущей активностью масс. Постепенно сближаясь с буржуазией, яростно атакующей «новый курс» справа, она перешла на консервативные, антидемократические позиции.

Новая атмосфера в стране, ликвидация полосы отчуждения между интеллектуальной элитой и «средним американцем», утверждение демократических направлений в национальной культуре сделали американскую жизнь привлекательной в глазах нонконформистской интеллигенции. После долгого отсутствия возвращаются на родину писатели, они с головой окунаются в проблемы страны, охотно берут для своих произведений темы, подсказанные жизнью. Необычно возрос интерес к народным балладам и песням, один за другим выходят сборники фольклора. Начиная с 30-х годов и вплоть до периода

¹²⁰ См.: Литературная история Соединенных Штатов Америки, т. 3, с. 388; Мальков В. Л. «Новый курс» в США, с. 193—196; *Curti M. E. The Growth of American Thought*. N. Y.; L., 1943, p. 731; *Hofstadter R. Anti-intellectualism in American Life*, p. 40.

¹²¹ *American Scholar*, 1976, N 2, p. 194—195.

¹²² О поддержке прогрессивной интеллигенцией республиканской Испании см.: *Наджафов Д. Г. Народ США — против войны и фашизма*. М., 1969, с. 169, 185, 191—192, 197—198, 219, 265—267, 362—364.

маккартизма либерально-демократическая интеллигенция чувствовала себя частью нации, она не была изолирована ни социально, ни политически.

Это чувство сопричастности национальной судьбе усиливалось по мере того, как менялись роли сторон в традиционном для нонконформистской интеллигенции противопоставлении Соединенных Штатов Европе. Установление фашистских и полуфашистских режимов в ряде европейских стран, призрак надвигающейся войны превратили Соединенные Штаты в глазах многих представителей интеллигенции — отечественной и зарубежной — в надежное убежище от коричневой чумы фашизма.

Если раньше американские ученые и художники отправлялись на выучку в Европу, то в 30-е годы цвет европейской культуры устремился в США. На фоне резко сократившейся иммиграции, упавшей до низшей точки в XX столетии, заметно выделялась когорта блестящих европейских интеллектуалов, прибывших в Новый Свет. Среди них были ученые с мировым именем — физики А. Эйнштейн, Х. Бете, Д. Фрэнк и П. Дебай из Германии, Э. Ферми и Э. Сегре из Италии, Л. Спиллард. Э. Теллер, Ю. Вигнер и математик Д. фон Нейман из Венгрии, Н. Бор из Дании, химик Г. Марк из Австрии и многие другие. 12 представителей научной элиты, переселившейся в США в межвоенный период, были нобелевскими лауреатами¹²³. От естественников не отставали гуманитарии. Целые научные школы искусствоведов, политологов, социологов перебрались в США.

Столь же внушительным был исход европейской художественной культуры. Если ограничиться художниками, то за два года (1937—1938) в Нью-Йорк прибыли из Германии Георг Гросс, Лионел Файнингер, Макс Бекман, из Франции — Фернан Леже, Андре Массон, Ив Танги, Макс Эрнст, Роберт Матта, Пит Мондриан, Сальватор Дали, Марк Шагал. За звездами первой величины скрывались десятки и сотни фигур второго плана, крупных специалистов в различных областях. Исследованию эмиграции европейской интеллигенции в США посвящена монография Лауры Ферми, которая вместе с мужем, знаменитым итальянским физиком, оказалась захваченной «культурной волной» 30-х годов. По данным, которые она приводит в своей книге, число лиц интеллигентных про-

¹²³ Schlesinger A. M. Op. cit., p. 395.

фессий, иммигрировавших в этот период из Европы в США, приблизительно составляло 23—26 тыс. человек, из них 5—6 тыс. врачей, около 2 тыс. юристов, около 3 тыс. представителей творческой интеллигенции¹²⁴. Оказавшись в Америке, продолжали заниматься умственным трудом 15—17 тыс. человек¹²⁵. Взаимодействие представителей различных европейских культур, соединение европейской подготовки с американской деловитостью позволили им внести значительный вклад в американскую культуру. По данным Л. Ферми, 1900 из них многого достигли в своей области деятельности и получили широкое признание в Соединенных Штатах¹²⁶. В частности, они способствовали развитию фундаментальных исследований в США. Из 83 Нобелевских премий в области физики, химии и медицины, полученных американскими учеными с 1930 по 1968 г., почти $\frac{1}{4}$ приходится на долю иммигрантов¹²⁷.

Мощный десант европейской культуры, высадившийся на американский берег, внес свежую струю в духовную жизнь нации, способствовал вызреванию сознания нового слоя. Присутствие среди интеллектуальной элиты страны большой группы убежденных антифашистов стимулировало развитие демократических тенденций в американской культуре.

Однако процесс полевления интеллигенции в 30-е годы не привел к образованию в интеллектуальной среде устойчивого ядра, прочно связавшего свою судьбу с рабочим движением. Доминирующее положение в общественно-политической жизни страны либерально-демократической коалиции, сформировавшейся вокруг «нового курса» Рузвельта, необходимость сплочения рядов для отражения угрозы справа со стороны консервативных и реакционных группировок, а затем для организации вооруженного отпора фашизму препятствовали дальнейшей радикализации интеллигенции и выходу значительной части ее представителей из орбиты идейно-политического влияния господствующего класса.

¹²⁴ *Fermi L. Op. cit.*, p. 11, 79, 80—81, 215, 233, 260.

¹²⁵ *Ibid.*, p. 11.

¹²⁶ *Ibid.*, p. 13.

¹²⁷ *Филиппова Л. Д. Указ. соч.*, с. 92.

Приобщение к политике

Превращение американской интеллигенции из ограниченного круга небольших по составу «свободных профессий» в массовый слой сопровождалось ростом ее социальной активности, все более заметным участием в общественно-политической жизни страны. Сильно уступая в численности другим категориям трудового населения — рабочим, рядовым служащим, мелкой буржуазии, — интеллигенция обладала рядом важных преимуществ, дававших ей возможность в известной мере влиять на ход событий. К их числу относятся концентрация лиц интеллектуального труда в крупных городах, развитая система коммуникаций внутри слоя, позволяющая координировать индивидуальные усилия, большой запас знаний и активное участие в создании национальной культуры, положение творца и носителя научно-технического прогресса, определенные возможности воздействия на общественное мнение при помощи средств массовой информации, вкус к общественной деятельности, выработанный еще на студенческой скамье, выход на правящую элиту. В мире интеллекта существует целая система институтов, позволяющая использовать эти преимущества с максимальным эффектом: студенческие братства и объединения бывших выпускников, профессиональные ассоциации и ученые общества, специализированные журналы и публикации, рассчитанные на образованного читателя.

Приобщение интеллигенции к политике происходило в тот период, когда во всех сферах жизни американского общества быстро росло влияние монополий. Ленин указывал, что нигде в мире монополии не получили такого развития и не завоевали такого доминирующего положения, как в США¹²⁸. Подчинение политической жизни страны диктату крупного капитала вело к выхолащиванию буржуазно-демократических институтов, превращению политики в специфическую отрасль бизнеса¹²⁹. Партийные и государственные деятели стремились извлечь из своего положения максимальную выгоду. Таммани-холл, где размещалась штаб-квартира нью-йоркских демократов, стал символом коррупции, разъедающей общественные институты. Органы государственной власти преврати-

¹²⁸ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 94.

¹²⁹ См.: Манькин А. С. История двухпартийной системы США. М., 1981, с. 91.

лись в удобную ширму, позволяющую заправилам бизнеса грабить национальные богатства.

Слабость государственных институтов, неспособных ограничить произвол монополий, отражала политическую неразвитость социальных сил, объективно противостоящих крупному капиталу. Глубоко укоренившиеся в массах буржуазные предрассудки, медленное развитие классового сознания пролетариата, его политическая неорганизованность открыли зеленую улицу хищническим устремлениям бизнеса. Сконцентрировав в своих руках огромную экономическую власть, финансовые и промышленные тузы стремились законсервировать архаические черты массового сознания, не допустить политической самодеятельности масс. Характеризуя большой период истории США от гражданской войны до «нового курса» Рузвельта, советский автор говорит о «заторможенности идейно-политического развития американского общества, симптомы чего отчетливо наблюдались уже во второй половине XIX в.»¹³⁰.

В первые десятилетия после гражданской войны политическая слабость социальных антагонистов крупного бизнеса заставляла оппозиционные группировки интеллигенции искать точку опоры в государстве, что отражало новую перспективную тенденцию общественного сознания¹³¹. Первое значительное общественное движение, в котором активно участвовали представители интеллектуальной элиты Атлантического побережья, ставило своей целью реформу государственного аппарата. «Джентльмены-реформаторы», как их окрестили в американской литературе, выражали моральное осуждение пороков общества, вступающего в монополистическую фазу развития. Преодолев свойственное их среде негативное отношение к политике, они стремились оздоровить американскую жизнь, не затрагивая ее экономических основ. Они связывали свои надежды с приходом честных, мыслящих людей в административные органы, которые необходимо было вырвать из цепких рук партийных боссов, превративших назначение на общественные должности в кормушку для своих сторонников. Взяв за образец реформу государственного аппарата, осуществленную в Англии правительством Гладстона в 1870 г., и руководствуясь

¹³⁰ Мальков В. Л. «Новый курс» в США, с. 34

¹³¹ Баталов Э. Я. Указ. соч., с. 137.

идеями немецких катедр-социалистов, «джентльмены-реформаторы» предлагали заменить систему политических назначений на государственные должности системой конкурсных экзаменов, позволяющей отбирать людей, обладающих необходимой подготовкой. По их мнению, замена политических клиентел кадровым чиновничеством должна была ограничить влияние продажных боссов на ход государственных дел, укрепить независимость госаппарата и повысить качество управления.

Усилия сторонников реформы увенчались определенным успехом, когда в 1883 г. конгресс принял закон Пендлтона¹³². По имеющимся скудным данным, в конце XIX в. на государственную службу пришли многие компетентные люди. Они выбрали карьеру чиновника из идейных соображений несмотря на то, что она не пользовалась уважением в обществе¹³³. Основная идея «джентльменов-реформаторов», что ключом к решению назревших общественных проблем является привлечение образованной элиты к управлению государством, оказалась весьма живучей, и с ее отголосками мы постоянно встречаемся в XX в.¹³⁴

Конечно, реформаторы заботились не только об общественных интересах. Для них реформа госаппарата открывала обширное поле деятельности. Однако движение за реформу государственного аппарата отвечало интересам не только интеллигенции. Как отмечает один из ведущих американских специалистов по проблеме интеллигенции, Э. Шилз, в американском этатизме присутствовала популистская тема создания правительства, заботящегося об удовлетворении нужд народа¹³⁵. Возможность подобной переключки американского этатизма и популизма создавалась за счет того, что вследствие живучести традиций мелкобуржуазной демократии противостояние власти и народа в Соединенных Штатах, как правило, не достигало такой силы и напряженности, как в Европе.

¹³² О законе Пендлтона и реформе госаппарата см.: *Белявская И. А.* Теодор Рузвельт и общественно-политическая жизнь США. М., 1978, с. 52—56; *Байбакова Л. В.* «Независимые» в политической жизни конца 70-х — начала 80-х годов XIX в. — В кн.: *Политические партии США в новое время.* М., 1981, с. 167—183.

¹³³ *Van Riper P. P.* Op. cit., p. 166—167.

¹³⁴ См., например.: *Ландберг Ф.* Богачи и сверхбогачи. М., 1975, с. 567—569.

¹³⁵ *American Scholar*, 1976, N 2, p. 188—189; см. также: *Баталов Э. Я.* Указ. соч., с. 116—118.

Специфическим реформистским движением, зародившимся в конце прошлого века, был социальный евангелизм, выражавший стремление значительной части религиозных деятелей приспособиться к новой ситуации¹³⁶.

Мелкобуржуазные движения социального протеста, сотрясавшие Соединенные Штаты в конце XIX — начале XX в., — гринбекерское, грэнджерское, белламистское, популистское, прогрессистское — способствовали приобщению антимонополистически настроенной интеллигенции к активной политической деятельности. Слившись в единую цепочку, растянувшуюся на несколько десятилетий, они изменили политическую ситуацию в стране, показав, что в американском обществе есть силы, способные противостоять законам большого бизнеса. В широком спектре общественных движений, так или иначе направленных на ограничение произвола монополий, нашли свое место люди разных убеждений и идеалов, которых, однако, объединяло нежелание пассивно мириться с происходящим.

Первыми на борьбу против монополий поднялись фермеры, раньше других ощутившие на себе тяжесть железной пяты финансовой олигархии. Антимонополистическое движение фермеров достигло своей высшей точки в 90-е годы, когда оно шло под эгидой популистской партии. Создание благоприятной для популизма атмосферы в обществе было в значительной мере заслугой демократической публицистики М. Твена, Э. Беллами, Г. Джорджа, Г. Д. Ллойда, С. Крейна. Представители левого крыла идеологов буржуазного реформизма конца XIX в. Э. Беллами, Г. Д. Ллойд занимали ряд видных постов в популистской партии и стремились придать ее платформе радикальный характер. Идейное наследие популизма, впервые указавшего на необходимость обуздать монополии как национальную проблему первостепенной важности, решение которой надо искать совместно с рабочим движением, оказало значительное влияние на формирование сознания прогрессивной интеллигенции¹³⁷.

Вслед за фермерами в начале XX в. настал черед городской мелкой и средней буржуазии. Движение городских средних слоев, кульминационной точкой которого было создание в 1912 г. прогрессивной партии, выдвинув-

¹³⁶ Подробнее см.: Кислова А. А. Указ. соч.

¹³⁷ Подробнее см.: Куропятник Г. П. Фермерское движение в США. М., 1971.

шей Теодора Рузвельта кандидатом в президенты и собравшей на выборах почти 30% голосов, захватило многих представителей интеллигенции¹³⁸. Им, городским жителям, пафос прогрессизма был гораздо ближе и понятнее, чем мотивы аграрных движений. Прогрессистское движение было широким буржуазно-демократическим движением, направленным против произвола трестов и корпораций, попрания ими элементарных прав и свобод, утвержденных американской конституцией, против коррупции в системе власти и злоупотреблений должностных лиц. Роль представителей интеллигенции в формировании общественного мнения и политической организации движения была весьма значительной. Среди них особенно выделялась группа писателей и журналистов — Л. Стеффенс, Ч. Рассел, Э. Синклер, Т. Лоусен, Д. Г. Филлипс, Р. С. Бэйкер, А. Тарбелл, М. Сэлливен, Б. Хэмптон, — которые благодаря тесным связям с быстро растущей общенациональной системой средств массовой информации получили выход на широкую аудиторию. Честные интеллигенты, «разгребатели грязи», они страстно желали вычистить авгиевы конюшни американского общества, не затрагивая его основ.

Положить конец коррупции и злоупотреблениям, оздоровить общественно-политическую жизнь страны требовали и представители массовых категорий лиц интеллектуального труда. Например, созданная в 1897 г. чикагская федерация учителей не ограничивала круг своих интересов борьбой за повышение зарплаты и увеличение пенсий учителям. Она активно участвовала в кампаниях, направленных на искоренение коррупции в органах городского самоуправления, на увеличение доходов городской казны за счет уклоняющихся от уплаты налогов и т. д.¹³⁹

Скандалные разоблачения макрейкеров¹⁴⁰ не только встретили живой отклик в общественном сознании, они получили поддержку определенной части буржуазных политических деятелей, понимавших необходимость проведения реформ. Фактически, как считает советский исследователь «прогрессивной эры», это были два ведущих компонента одного общественного движения: «Выступления

¹³⁸ Koska J. Op. cit., p. 48.

¹³⁹ Collective Bargaining in Higher Education — the Developing Law / Ed. J. P. Vladeck, S. C. Vladeck. N. Y., 1975, p. 130.

¹⁴⁰ Макрейкеры — «разгребатели грязи».

прогрессивных журналистов были теснейшим образом связаны с деятельностью буржуазных реформаторов. Оба течения — литературно-публицистическое и общественно-политическое — имели общие социальные истоки и развивались параллельно, дополняя друг друга»¹⁴¹.

Интересны две наиболее крупные политические фигуры этой эпохи — представители буржуазно-реформистского лагеря, президенты республиканец Т. Рузвельт (1901—1909) и демократ В. Вильсон (1913—1921). Оба — выходцы с Восточного побережья, оба получили прекрасное образование и были хорошо знакомы с европейской культурой, оба — люди, отлично владеющие устным и письменным словом. И тот и другой были тесно связаны с интеллектуальной средой своего времени: Рузвельт, аристократ из Нью-Йорка (к другой ветви этого семейства принадлежал Ф. Д. Рузвельт), был вхож в кружок Адамсов и знаком с видными представителями прогрессивной интеллигенции, такими, как К. Шурц и Л. Стеффенс; Вильсон — человек из академического мира, профессор, известный историк, ректор Принстонского университета.

В прогрессизме — широком общественном движении, в котором переплетались разные тенденции и течения, — каждый участвующий находил нечто свое. Представителей интеллигенции привлекала не столько мелкобуржуазная утопия, идея возвращения к старым добрым временам, когда мир держался на трех китах: свободной конкуренции, патриархальной демократии мелких собственников и традиционных буржуазных добродетелях, сколько утверждение необходимости контроля над социально-экономическими процессами, научного подхода в политике, перестройки системы управления на основе принципов эффективности и рациональности. Для претворения подобных установок в жизнь они призывали противопоставить могущественным монополиям еще более сильную власть государства.

Ставка на рациональные методы управления всей системой общественных связей и отношений сближала симпатизировавшую движению интеллигенцию с теми политическими силами, которые, исходя из своих интересов, стремились к укреплению централизованного начала в жизни страны, расширению сферы деятельности государ-

¹⁴¹ *Белявская И. А.* Буржуазный реформизм в США (1900—1914). М., 1968, с. 73.

ства. Как отмечает Ю. Кокка, за этой тенденцией прогрессистского движения стояли и многие представители крупного бизнеса¹⁴². Целью подобных реформ было перехватить инициативу у набиравшего силу рабочего движения, не допустить дальнейшей радикализации масс, стабилизировать положение в стране. Например, президент Вильсон исходил из глубокого убеждения, что расширение сферы деятельности буржуазного государства — объективно неизбежный процесс и единственная возможность помешать распространению коммунистических идей в американском обществе¹⁴³.

Всплеск политической активности интеллигенции в начале века не случайно совпадает по времени с появлением государственно-монополистических тенденций в развитии американского капитализма. На протяжении десятилетий интеллектуальной элитой страны разрабатывалась идейно-политическая платформа буржуазного реформизма с обоснованием необходимости расширения функций государства, его активного вмешательства в социально-экономические процессы. Демократическая партия первой еще в конце XIX в. сделала своим боевым кличем кредо реформаторов. В президентской кампании 1912 г. и кандидат прогрессистов Т. Рузвельт и демократ В. Вильсон сражались оружием, взятым из одного арсенала: Рузвельт заимствовал идеи «нового национализма» у Г. Кроули, а вильсоновская доктрина «новой свободы» была разработана Л. Брандейсом.

Представители интеллигенции активно сотрудничали с буржуазными политическими деятелями, взявшими курс на реформы. Многие идеи реформаторов, впоследствии получившие широкое признание и осуществленные на практике, сначала апробировались на местах. Еще будучи губернатором Нью-Йорка, Теодор Рузвельт настойчиво стремился к расширению прерогатив государственной власти¹⁴⁴. Приход прогрессистов к власти в ряде штатов был ознаменован проведением реформ, которые по своему характеру предвосхитили некоторые элементы «нового курса» Ф. Рузвельта. В начале века широкую известность в

¹⁴² Кокка J. Op. cit., p. 49.

¹⁴³ См.: Козенко В. Д. Президент Вильсон в изображении А. Линка. — Американский ежегодник, 1972, с. 189; Hofstadter R. The American Political Tradition. L., 1967, p. 273—274.

См.: Белявская И. А. Теодор Рузвельт и политическая борьба в штате Нью-Йорк, 1899—1900. — В кн.: Американский ежегодник, 1978. М., 1978.

стране получила деятельность губернатора среднезападного штата Висконсин Роберта Лафоллета¹⁴⁵. «Боевой Боб» был хорошо знаком с патриархом реформистской экономической мысли Р. Эли, который с 1892 г. до первой мировой войны возглавлял висконсинскую школу политических и экономических наук; его ближайшим советником стал Д. Коммонс, известный историк американского рабочего движения.

Близостью видных представителей интеллектуальной элиты страны к власти имущим отмечены и президентства Т. Рузвельта и В. Вильсона. В «кухонный кабинет» Рузвельта, узкий круг близких друзей, с которыми президент часто обсуждал текущие дела, входили журналист Д. Б. Бишоп, издатель и редактор журнала «Аутлук» Л. Эббот, издатель и редактор журнала «Ревью оф ревьюз» О. Шоу, профессор Колумбийского университета Н. М. Батлер. Музыкальные вечера в Белом доме, на которые Рузвельт приглашал писателей, художников, ученых, предвосхищали меценатствующий стиль президентства Дж. Кеннеди.

Хотя значение деятельности прогрессистов в большей мере связано с укреплением и развитием в новой исторической ситуации демократических традиций американского народа, чем с реальным ограничением произвола монополий, «прогрессивная эра» оставила глубокий след в сознании интеллигенции. В это время демократическая интеллигенция основательно попробовала свои силы на политическом поприще, приобрела немалый опыт и нащупала основные направления дальнейшей деятельности. Публицисты-макрейеры стали образцом бесстрашия и самоотверженности, честного выполнения профессионального долга; они показали, что средства массовой информации становятся грозным оружием, обеспечивающим поддержку общественного мнения. Острый конфликт с партийными боссами означал начало упорной борьбы за контроль над деятельностью партий. Стремление использовать политические рычаги для обуздания экономического могущества требовало усиления власти государства.

Политические бури «прогрессивной эры» выявили устойчивую антимонополистическую и антикапиталистическую тенденцию в сознании определенной части интел-

¹⁴⁵ *Белявская И. А.* Буржуазный реформизм в США (1900—1914), с. 75—82.

лигенции. Как отмечает Лэш, даже те представители радикальной интеллигенции начала века, которые не разделяли социалистических убеждений, по своим взглядам были ближе к социалистам, чем прогрессистам классического образца¹⁴⁶. Выступая за обновление моральной и интеллектуальной жизни общества, они неизбежно должны были определиться по отношению к рабочему движению страны. В эти годы впервые в американской истории обрисовываются контуры союза между рабочим классом и прогрессивной интеллигенцией.

В определенной мере плодом этого союза была Социалистическая партия США, созданная в 1900—1901 гг. В 1904 г. в ее рядах насчитывалось 20 тыс. человек, в 1912 г. — свыше 100 тыс. В 1900-е годы партия добилась избрания в местные органы власти более тысячи своих представителей. На президентских выборах 1900 г. кандидат социалистов Юджин Дебс получил около 97 тыс., в 1904 г. — 400 тыс., в 1908 г. — 420 тыс., а в 1912 г. — 900 тыс., или 6% голосов избирателей. В 1904 г. партия выпускала около 400 ежедневных, еженедельных и ежемесячных газет и журналов. Официальный орган соцпартии газета «Эпил ту ризн» издавалась 500-тысячным тиражом¹⁴⁷. Членами партии были писатели Э. Синклер и Дж. Лондон, публицист У. Липпман, ученый К. Штейнмец и многие другие видные представители интеллигенции.

Несмотря на все успехи, влияние социалистов в рабочей среде оставалось весьма ограниченным, оно было значительно слабее, чем во многих странах Европы. Чистота, девственность исторической почвы, на которой развивался американский капитализм, завершение процесса буржуазно-демократических преобразований в результате войны за независимость и гражданской войны позволили господствующему классу подчинить своему идейно-политическому влиянию пролетариат, направить рабочее движение страны в реформистское русло, изолировать пролетарскую массу от радикально настроенной интеллигенции. Основными чертами англо-американского рабочего движения начала века Ленин считал «отсутствие

¹⁴⁶ Lasch Ch. Op. cit., p. XV.

¹⁴⁷ Липицкий М. И. Уильям Хейвуд. М., 1974, с. 58; Согрин В. В. Указ. соч., с. 6; США — экономика, политика, идеология, 1977, № 3, с. 50; Historical Statistics..., p. 682.

сколько-нибудь крупных общенациональных демократических задач перед пролетариатом; полное подчинение пролетариата буржуазной политике; сектантская оторванность кучек, горсток социалистов от пролетариата; ни малейшего успеха социалистов на выборах перед рабочими массами и т. д.»¹⁴⁸

Отсутствие необходимого политического опыта и соответствующих организационных форм, враждебность гомперсистов и притягательная сила мелкобуржуазных движений социального протеста предопределили расхождение путей бунтующей интеллигенции и наиболее активной, готовой отстаивать свои интересы части рабочего класса как раз в тот период, когда в Европе из этих двух компонентов создавались массовые пролетарские партии. Расширению участия интеллигенции в борьбе пролетариата также препятствовали прагматизм, узость интересов, характерные для рабочего движения США. Замкнутость сознания на сиюминутных интересах породила представление, что образованные люди не нужны, даже вредны для пролетарского дела. В формировании такой установки свою роль сыграла культурная отсталость значительной части пролетариата. Антиинтеллигентский комплекс был свойствен не только реформистскому крылу рабочего движения, где очень прочные позиции занимали католики¹⁴⁹, выделявшиеся среди американских церквей своим низким культурным уровнем¹⁵⁰. Подозрительным, настороженно-враждебным отношением к представителям интеллигенции грешили и вожди революционного крыла рабочего движения¹⁵¹. Установлению контактов и взаимопонимания между рабочим классом и интеллигенцией мешали и этнические барьеры, принадлежность к разным волнам эмиграции, различия в вероисповедании.

Другим важнейшим каналом связи между интеллигенцией и рабочим классом стали профсоюзы лиц умственного труда. С самого начала их отличало стремление не ограничиваться традиционными требованиями увеличения оплаты и улучшения условий труда. Например, одной из

¹⁴⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 15, с. 234—235.

¹⁴⁹ См.: Фонер Ф. История рабочего движения в США. М., 1966, т. 3, с. 111—134.

¹⁵⁰ Hofstadter R. Anti-intellectualism in American Life, p. 136, 138—139.

¹⁵¹ См.: Козенко Б. Д. Юджин Дебс, социалист. Саратов, 1967, с. 27; Де Леон Д. Избр. произведения. М.; Л., 1932, с. 207—210.

основных причин возникновения Американской федерации учителей, созданной в 1916 г., было нежелание мириться с произволом администрации¹⁵².

Конец XIX — начало XX в. заложили новую ось координат в сознании американской интеллигенции. Приобретение Соединенных Штатов к политике империалистической экспансии провело внутри интеллигенции линию водораздела между сторонниками и противниками превращения США в колониальную державу¹⁵³. Важно отметить, что в развернувшемся в стране широком антивоенном и антиколониальном движении представители интеллигенции играли ведущую роль¹⁵⁴.

Рост значения внешнеполитических факторов в жизни страны стал очевидным в годы первой мировой войны, когда внимание общественности было приковано к событиям в Европе. Многие представители либерально-радикальной интеллигенции, поддавшись дурману интервенционистской пропаганды, восприняли европейскую войну как грандиозную битву между «тиранией» (австро-германский блок) и «демократией» (державы Антанты), от участия в которой Соединенные Штаты не могут уклониться, не предавая свои идеалы. Приняв активное участие в объявленном Вильсоном «крестовом походе за демократию», они оказались изолированными от основной части населения, гораздо более сдержанно настроенной в отношении внешнеполитических замыслов американского империализма.

После вступления Соединенных Штатов в войну политическая атмосфера в стране становилась все более удушливой с каждым днем. Любое проявление инакомыслия грозило навлечь на человека обвинение в антипатриотизме со всеми вытекающими последствиями в условиях военного времени.

Политическая изоляция левой интеллигенции была усилена жестокой полицейской кампанией, развернутой правящими кругами США после первой мировой войны и направленной на разгром революционного авангарда рабочего движения. В ходе палмеровских репрессий (по

¹⁵² Collective Bargaining in Higher Education — the Developing Law, p. 131.

¹⁵³ Об активном участии интеллигенции в борьбе по вопросам внешней политики см.: Дементьев И. П. Идеальная борьба в США по вопросам экспансии. М., 1973.

¹⁵⁴ Там же, с. 202, 252—258.

имени тогдашнего министра юстиции) было арестовано более 10 тыс. человек¹⁵⁵. Весной 1920 г. В. И. Ленин, заканчивая работу «Детская болезнь «левизны» в коммунизме», писал: «Американская буржуазия, совершенно потеряв голову, хватает тысячи и тысячи людей по подозрению в большевизме и создает атмосферу паники, разнося повсюду вести о большевистских заговорах»¹⁵⁶.

Патологический страх перед большевизмом, охвативший господствующий класс США, наложился на застарелую неприязнь к нонконформистской интеллигенции, в которой видели одного из потенциальных носителей социалистических идей. Консервативные политики использовали жупел «красной опасности» в борьбе против либеральной интеллигенции, получившей известный доступ к государственным делам в период вильсоновской администрации. Сенатор Лоуренс Шерман из Иллинойса, выступая в конгрессе осенью 1918 г., заявил: «... интеллигенты хороши на своем месте, но страна, управляемая профессорами, в конечном счете неизбежно окажется в руках большевиков и взорвется»¹⁵⁷. Антикоммунистическая истерия, отравив общественную атмосферу США, ударила не только по радикально настроенным представителям интеллигенции, но и на несколько лет погрузила в глубокое молчание либералов.

В 20-е годы, когда в общественно-политической жизни страны шла усиленная реставрация прошлого, среди интеллигенции тон задавали люди консервативных убеждений, полностью разделявшие традиционные установки бизнеса. Они придали предпринимательской лихорадке послевоенного десятилетия интеллектуальный флер духовного движения, направленного на восстановление освященных временем основ национальной жизни. Среди идейных вдохновителей консервативных и реакционных движений было много священников, бывших священников и сыновей священников, получивших суровое религиозное воспитание¹⁵⁸. В 20-е годы в Соединенных Штатах в соответствии с духом «просперити» утверждается тип «преуспевающей церкви», т. е. церкви, организованной

¹⁵⁵ *Matthias L.* Обратная сторона США. М., 1968, с. 113.

¹⁵⁶ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 41, с. 86. См. также: *Murray R. K.* Red Scare: A Study of National Hysteria, 1919—1920, N. Y., 1964.

¹⁵⁷ Цит. по: *Hofstadter R.* Anti-intellectualism in American Life, p. 213.

¹⁵⁸ *Ibid.*, p. 132.

как сугубо деловое предприятие и обеспокоенной не столько спасением душ верующих, сколько увеличением своих богатств и усилением влияния церковной иерархии. Утверждение предпринимательской этики в религиозной жизни Соединенных Штатов втягивало огромную армию священнослужителей¹⁵⁹ в орбиту идейного влияния мира бизнеса. Конечно, это не значит, что в 20-е годы весь американский клир находился на правом фланге, но в целом в церковном мире Соединенных Штатов явно преобладали консервативные, охранительные тенденции.

Оказавшись не у дел, либерально-радикальная интеллигенция 20-х годов не ждала ничего достойного внимания от федерального правительства и мало интересовалась большой политикой. Свои надежды на улучшение общества она связывала с благотворительной деятельностью. Предметом зависти интеллектуалов по-прежнему оставался английский государственный аппарат, в котором в отличие от американского легче было найти себе достойное применение человеку с классическим образованием, чем специалисту, получившему узкопрактическую подготовку.

В скептическом отношении к федеральным властям был свой резон. Официальная Америка в лице ее президентов (Гардинг, Кулидж, Гувер) была вполне под стать нравам, царившим в обществе. Все они исповедовали философию «твердого индивидуализма», были убежденными сторонниками ничем не ограниченной свободы предпринимательской деятельности.

Возможно, лучше других дух времени воплощала фигура президента Гувера (1929—1933), удачливого дельца, учредителя акционерных обществ, биржевого игрока, сумевшего сколотить многомиллионное состояние. Гувер — по образованию горный инженер — окончил Стэнфордский университет, и его карьера стала классическим воплощением жизненной ориентации той части интеллигенции, которая полностью отождествляла себя с миром бизнеса.

Неприятие официальной Америки порождало отчуждение в среде левой интеллигенции. Характеризуя президентскую кампанию 1928 г., президент Гувер пишет в

¹⁵⁹ К началу 20-х годов число оплачиваемых проповедников в США составляло почти 200 тыс. человек. См.: *Babson R. W. Religion and Business*. N. Y., 1922, p. 5.

своих воспоминаниях о «растущем левом движении, включавшем многих представителей интеллигенции»¹⁶⁰.

«Великий» кризис 30-х годов, подъем рабочего и демократического движения, «новый курс» Рузвельта, утверждение принципов государственного регулирования экономики создали новую общественно-политическую ситуацию в стране, стимулирующую быстрый рост социальной активности интеллигенции. Университетские городки стали ареной массовых выступлений студентов против войны и фашизма, за проведение демократических реформ. В Калифорнии Эптон Синклер возглавил широкое движение под лозунгом «Покончить с бедностью в Калифорнии!». Представители интеллигенции из идейных соображений шли работать в профсоюзы. Одна за другой появлялись общенациональные организации интеллигенции, объединяющие людей прогрессивных убеждений: Американский союз художников, Американский конгресс писателей, Американский конгресс молодежи, Американская студенческая лига, Лига борьбы против войны и фашизма.

Представители интеллигенции играли существенную роль в широкой либерально-демократической коалиции, сплотившейся вокруг Рузвельта. «Новый курс» способствовал переориентации значительной части лиц интеллектуального труда на демократическую партию. Однако произошло это не сразу. По мнению Хофстедтера, вплоть до начала президентской кампании 1936 г. интеллектуалы не слишком благоволили к Рузвельту, и даже тогда в их глазах наиболее положительным итогом деятельности президента за первые четыре года были враги, которых он сумел нажить находясь в Белом доме¹⁶¹. Как бы то ни было, на основании писем, присланных в редакцию журнала «Нью рипаблик» накануне выборов осенью 1936 г., можно предположить, что подавляющее большинство видных представителей интеллигенции, интеллектуальная элита страны, поддерживало Рузвельта¹⁶².

Более противоречивой была позиция массовых отрядов интеллигенции. В мире интеллектуального труда «новый курс» привел к такой же поляризации сил, как в стране.

¹⁶⁰ *Hoover H. Memoirs of Herbert Hoover, 1920—1933. N. Y., 1952, vol. 2, p. 202.*

¹⁶¹ *Hofstadter R. Anti-intellectualism in American Life, p. 222.*

¹⁶² *New Republic, 1936, Oct. 28, p. 347. См. также: Rosten L. C. The Washington Correspondents. N. Y., 1937, p. 348,*

Объективной основой поляризации были социальное положение личности, степень отождествления с верхушкой делового мира, уровень дохода¹⁶³. Как показал опрос Роупера, на выборах 1936 г. менеджеры частных фирм оказали противнику Рузвельта, республиканцу А. Лэндону, почти такую же поддержку, как бизнесмены (разница 3%). По данным опроса Гэллапа, на президентских выборах 1940 г. лица свободных профессий голосовали так же, как бизнесмены¹⁶⁴.

В то же время у «нового курса» было немало сторонников в мире интеллектуального труда. В частности, представителям интеллигенции, в подавляющем большинстве городским жителям, импонировало большое внимание, уделяемое в программе демократической партии проблемам быстро растущих индустриальных центров, население которых было одной из важнейших опор демократов. Проведенный в 1947 г. опрос 9 тыс. специалистов с высшим образованием показал, что на выборах 1944 г. значительное большинство учителей, ученых, представителей творческой интеллигенции голосовали за кандидатов демократической партии¹⁶⁵.

Многое позаимствовав из идейно-политического наследия буржуазного реформизма, Рузвельт стремился привлечь образованную элиту к управлению страной. «Новый курс» открыл представителям интеллигенции широкий доступ в быстро растущую систему федеральных агентств. Несколько ослабив дискриминацию в отношении этнических меньшинств, в том числе и среди интеллигенции, деятели рузвельтовской администрации значительно расширили социальную базу рекрутирования чиновничьего аппарата. В 30-е годы перед интеллигентами католического и иудейского вероисповедания, сфера профессиональной деятельности которых ранее ограничивалась коммерцией, юриспруденцией и политикой на местном уровне, открылись двери правительственных офисов в Вашингтоне.

В период «нового курса» представители интеллигенции занимали многие ответственные посты в государственном аппарате, особенно в новых органах исполнительной власти. Среди них особую роль играл аппарат президента.

¹⁶³ *Kocka J.* Op. cit., p. 247, 360.

¹⁶⁴ *Ibid.*, p. 244, 358.

¹⁶⁵ *Ladd E. C., jr., Lipset S. M.* Op. cit., p. 27. См. также: *Lipset S. M.* Op. cit., p. 179.

В 1934 г. Рузвельт создал комиссию во главе с Бранлоу для изучения проблем административной деятельности. Одним из наиболее важных результатов работы комиссии было появление в Белом доме целого штаба советников и помощников, полностью находящегося в ведении президента. Создание личного аппарата президента, костяк которого формируется за счет специалистов высокой квалификации, открыл для интеллектуальной элиты страны доступ к одному из важнейших каналов принятия политических решений.

«Новый курс» Рузвельта — яркое, значительное явление американской истории — оставил после себя много мифов и легенд. Одним из наиболее распространенных мифов стало сильно преувеличенное представление о степени влияния группы молодых блестящих интеллектуалов из ближайшего окружения президента, вошедшей в историю под названием «мозгового треста» Рузвельта, на его политику. Легенда об исключительной роли «мозгового треста» в формулировании и осуществлении «нового курса» сложилась под влиянием публицистики эпохи, поскольку она устраивала и президента, и его политических противников. В раскаленной политической атмосфере 30-х годов «мозговой трест» был своего рода буфером: те, кто не одобрял деятельность Рузвельта, получили возможность, избрав в качестве мишени для нападков его ближайших помощников, атаковать политику президента, не называя его прямо по имени, а для самого Рузвельта «мозговой трест» стал первой линией обороны, принимавшей и амортизировавшей удары противника.

Далеко не вся прогрессивно настроенная интеллигенция оказалась в орбите идейно-политического влияния рузвельтовской коалиции. Многие считали необходимыми более радикальные меры, чем реформы «нового курса». Среди них немалым влиянием пользовалась социалистическая партия и другие организации, ориентировавшиеся на движение к социализму через серию реформ, такие, как, например, Лига независимых политических действий¹⁶⁶.

В 30-е годы много новых сторонников среди интеллигенции приобрели коммунисты. Во время избирательной кампании 1932 г. большая группа известных писателей и художников обратилась к интеллигенции с призывом

¹⁶⁶ См.: Мальков В. Л. «Новый курс» в США, с. 117—122.

поддерживать кандидата компартии на пост президента¹⁶⁷. Во многом благодаря активному участию коммунистов создавались и действовали прогрессивные организации, объединявшие представителей интеллигенции. Влияние компартии было особенно велико среди студенчества, творческой интеллигенции, работников средств массовой информации.

Хотя впоследствии многие отошли от левых партий и организаций, 30-е годы оставили глубокий след в сознании радикальной интеллигенции как время суровых испытаний, борьбы и надежд.

В 30-е годы интеллигенция активно участвовала в антивоенном и антифашистском движении. Она сыграла значительную роль в осознании американцами необходимости вооруженного отпора фашизму¹⁶⁸.

Вторая мировая война для американского капитализма — в отличие от европейского — была периодом внутренней стабилизации. Используя свое выгодное геостратегическое положение, Соединенные Штаты постарались свести к минимуму ущерб, причиненный войной. Путем милитаризации экономики американские правящие круги преодолели последствия депрессии 30-х годов. Сплочение американского общества перед лицом фашистской угрозы ослабило социальную напряженность в стране. Для интеллигенции так же, как для многих других слоев населения, война стала периодом усыпления критического духа¹⁶⁹.

* * *

К середине XX в. рост американской интеллигенции заметно обгонял ее политическое развитие. Возникла диспропорция между ее социальными потенциями и ролью в общественно-политической жизни страны.

¹⁶⁷ Aaron D. Writers on the Left. Oxford; New York, 1977, p. 196—198.

¹⁶⁸ Подробнее см.: Наджафов Д. Г. Указ. соч.

¹⁶⁹ См., напр.: American Scholar, 1977/78, Winter, p. 72.

Часть вторая

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В МИРЕ БИЗНЕСА

Глава третья

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ ТРУД В УСЛОВИЯХ НТР

Процесс воспроизводства интеллигенции: американская система образования

Дорога в мир интеллектуального труда нелегка и занимает долгие годы в жизни человека. Он вступает на нее еще ребенком и выходит зрелой, сформировавшейся личностью. В этой гонке с препятствиями ему предстоит преодолеть немало барьеров, чтобы получить формальное право зарабатывать на жизнь интеллектуальным трудом. Его детство, отрочество и юность напоминают марафон, трасса которого идет через начальную школу в среднюю, затем в высшее учебное заведение, а в последнее время все чаще в аспирантуру. В процессе медленного, постепенного накопления знаний и приобретения необходимых профессиональных навыков формируются характер и личность, человек приучается строить и осуществлять долгосрочные жизненные проекты, не уступать в жестокой конкурентной борьбе.

Даже для потомственного интеллигента овладение интеллектуальной профессией — задача не из легких. Социальное положение интеллигента, т. е. человека, профессионально занятого сложными видами умственного труда, не наследуется с той степенью автоматизма, как материально более определенное положение буржуа, рабочего, мелкого собственника. Правда, у человека интеллектуального труда есть определенные преимущества, облегчающие процесс передачи профессионального статуса по наследству: соответствующий уровень дохода и образ жизни, обладание необходимым набором культурных благ и специальных знаний, положение и связи в своей

профессиональной среде. И все же процесс воспроизводства интеллигенции происходит не столь спонтанно, как воспроизводство основных социальных групп буржуазного общества. Для своего осуществления он требует постоянных, целеустремленных усилий со стороны каждого нового поколения ее представителей, усилий, направленных на приобретение необходимых знаний и навыков.

Легче других наследуются наиболее капитализируемые виды интеллектуального труда, требующие солидной материальной базы (врач, юрист), и почти невозможна передача по наследству наиболее творческих видов интеллектуальной деятельности, относящихся к сфере искусства, где наличие всякого рода внешних материальных предпосылок имеет минимальное значение. Точно так же легче «унаследовать» формализованные позиции (например, положение высокопоставленного чиновника), чем неформальный статус (скажем, репутацию крупного специалиста в своей области).

В отличие от прошлого в Америке XX в. дорога в сферу интеллектуального труда лежит через школу¹, и особенности американской системы образования имеют большое значение для формирования национальной интеллигенции. Эта система развивается в постоянной борьбе двух тенденций: демократической, стремящейся сделать образование общедоступным и хорошо подготовить личность к вступлению в самостоятельную жизнь, и элитарной, в процессе обучения фактически санкционирующей и закрепляющей социальное неравенство, существующее в обществе². Первая тенденция была преобладающей в XIX в., когда американская школа выгодно отличалась от европейской своим демократизмом, вторая во многом определяет развитие американской школы в XX столетии. Усилению элитарной тенденции способствовало углубление классового неравенства в американском обществе в период быстрого развития и усложнения системы образования в связи с новыми требованиями, предъявляемыми жизнью.

¹ Средняя продолжительность периода обучения выделяемой американской статистикой категории «специалистов» (16,6 лет в 1974 г.) значительно выше, чем во всех других социальных группах. См.: *Manpower Report of the President*. Wash., 1975, p. 270.

² См., напр.: *Boorstin D. J. The Americans: The Democratic Experience*. N. Y., 1973, p. 490—501.

В современном буржуазном обществе образование играет важнейшую роль в закреплении существующей системы классового неравенства, придавая ей видимость объективности и справедливости. Будучи одним из основных регуляторов положения личности в обществе, сфера образования воспроизводит и освящает иерархическую структуру современного капитализма. Открывая наиболее способным и энергичным элементам из низов возможности продвижения, система образования не дает накапливаться горючему материалу в основании пирамиды, служит своего рода предохранительным клапаном.

По охвату детей школьным обучением Соединенные Штаты опережают все страны капиталистического мира. В этом отношении лишь Япония приближается к американскому уровню. В отличие от многих стран Западной Европы с их раздробленной, иерархичной школьной системой в США существует формально единая средняя школа с бесплатным обучением, открытая для всех окончивших начальную школу. Но в действительности американская система народного образования носит такой же классовый характер, как и в любой другой капиталистической стране.

Наряду с государственными существуют частные учебные заведения, отличающиеся высоким уровнем преподавания. В 70-е годы в условиях жестокой конкуренции на рынке интеллектуального труда частные школы пережили настоящий бум. Несмотря на сокращение контингента школьников, во второй половине десятилетия число желающих отдать детей в частную школу постоянно росло и намного превышало имеющиеся возможности. В 1979/80 учебном году в частных школах, плата за обучение в которых составляет от 300 до 6 тыс. долл. в год, училось около 5 млн. человек³. Раскрывая секрет этого бума, выпускник одной из частных школ Нью-Йорка заявил корреспонденту «Нью-Йорк таймс»: «Родители послали меня сюда, потому что не получишь хорошую работу, если не окончишь хороший колледж. А чтобы поступить в хороший колледж, надо иметь хороший аттестат хорошей средней школы»⁴.

Большой перепад в уровне подготовки учащихся существует не только между частной и государственной школой. Государственные школы, на долю которых приходит-

³ US News and World Report, 1979, Sept. 10, p. 40.

⁴ New York Times, 1975, Jan. 15, p. 78.

ся около 90% учеников⁵, дают далеко не равноценное образование. Школа испытывает на себе сильнейшее воздействие социальных процессов, идущих в американском обществе. Бегство белого населения в пригороды способствовало сегрегации общественных школ в городах, существенно снизив качество обучения в районах проживания бедноты. Бюджет школ в богатых пригородах в 4—5 раз больше, чем в центральных районах крупных городов⁶. Пригородные школы гораздо лучше оборудованы для занятий, в них почти вдвое больше учителей на соответствующее число учащихся, чем в школах, расположенных в районах городских трущоб⁷. Несмотря на перевозку цветных учеников на автобусах в «белые» школы («басинг»), перекройку школьных округов и другие меры, удельный вес десегрегированных школьных округов уменьшился с 21% в 1965 г. до 12% в 1975 г.⁸

Качественные различия, существующие внутри государственной школы, в значительной мере признаны, узаконены и закреплены политикой, проводимой в сфере образования. За внешне единым фасадом американской школы скрываются фактически три типа учебных заведений. Начиная с 20-х годов школьные реформаторы, руководствуясь идеями прагматистской педагогики Дьюи, сильно сократили обязательную программу и ввели обширную систему факультативных курсов. За счет факультативных дисциплин была осуществлена резкая дифференциация обучения, и в формально единой средней школе были созданы три профиля — академический, общий, профессиональный, — дающие качественно разное образование. После запуска первого советского спутника, когда выявилось заметное отставание американской школы от требований жизни и правящие круги США предприняли энергичные усилия, направленные на улучшение постановки школьного образования, эта трехпрофильная система была несколько ослаблена, но не уничтожена. Учащиеся академического профиля по-прежнему получают подготовку, рассчитанную на поступление в вуз, остальные приобретают некоторые практические знания, необходимые для устройства на работу.

⁵ The Condition of Education, 1980 Ed., p. 56.

⁶ США — экономика, политика, идеология, 1979, № 4, с. 47; *Benson Ch. The Cheerful Prospect*. Boston, 1965, p. 21—22.

⁷ *Conant J. B. Slums and Suburbs*. N. Y., 1961, p. 3.

⁸ США — экономика, политика, идеология, 1979, № 4, с. 50.

Дифференциация обучения часто дополняется отсутствием реального выбора программы подготовки у многих учащихся из бедных семей. Все более жесткая группировка учащихся по способностям и последующее профилирование осуществляется на базе так называемого «коэффициента умственной одаренности», определяемого при помощи интеллектуальных тестов. Тесты составлены таким образом, что поиск решений легче дается детям из состоятельных, культурных семей. После 1957 г., когда правящими кругами США был взят курс на «поиски талантов», практика разделения учащихся на «ориентированных на колледж» и «академически неспособных» получила очень широкое распространение.

Дифференциация обучения, осуществляемая на базе группировки и последующего профилирования, на практике означает дискриминацию школьников из малосостоятельных и бедных семей. Основной контингент школьников из высших социальных категорий концентрируется на академическом профиле, в то время как подавляющее большинство школьников из низших слоев населения оседает на общем и профессиональном профиле.

Учащиеся академического профиля ($\frac{1}{4}$ всех школьников⁹) работают по интеллектуально насыщенной программе, им уделяется больше внимания со стороны педагогов, они всячески поощряются к занятиям в семье и школе. Неудивительно, что у них значительно выше успеваемость, чем у остальных учеников. Учащихся неакадемического профиля держат на суженном, обедненном пайке знаний, они получают гораздо меньше стимулов для интеллектуального развития из окружающей среды. Официальное признание академически неспособными подрывает у них веру в себя, убивает желание учиться.

Важнейшей психологической причиной отставания и отсева учащихся из бедных семей являются заниженные социальные ожидания. В бедном районе Чикаго, где большинство семей живет на пособие по безработице, преподаватель школы, в которой учатся представители этнических меньшинств, отставшие от своих сверстников, охарактеризовал жизненные проекты своих учеников следующим образом: «Я не думаю, что они хотят стать врачами или юристами. Нельзя сказать, чтобы они не знали о существовании этих профессий. Просто у них

⁹ Малькова З. А. Современная школа США. М., 1971, с. 293.

нет таких ожиданий. Лишь у некоторых из них есть смутное намерение стать учителем. Они не стремятся стать специалистами. Понимаете? Они просто хотят получить надежную, постоянную работу. Другими словами, то, что их родители не имели в Чикаго. Эти ребята живут мечтой своих родителей»¹⁰.

В малообеспеченных семьях, придавленных грузом жизненных обстоятельств, образованию детей, как правило, не уделяется достаточно внимания. Представители этого слоя населения мало интересуются жизнью школы и почти не участвуют в управлении ее делами. Со своей стороны школа не принимает энергичных мер, чтобы выправить положение. В школах, расположенных в районах, где живет городская беднота, от учащихся требуют самый минимум знаний. Р. Макниш, руководитель программы профессионального обучения в Лос-Анджелесе, охарактеризовал позицию администрации школ, находящихся в черном гетто, следующим образом: «От детей не требуют, чтобы они учились, получили аттестат. От них не требуют ничего, только бы они сидели спокойно и не пытались убить учителя. Они не умеют читать и писать»¹¹.

Под влиянием различных факторов — экономических, культурных, психологических — отсеив учащихся из низших слоев населения значительно выше, чем среди их сверстников из состоятельных семей. Особенно велик отсев учащихся среди этнических меньшинств: негров, пуэрториканцев, мексиканцев¹². В 1979 г. закончили школу 75% белых, 57% афроамериканцев и 54% испаноязычных американцев¹³.

Однако в целом уровень образования американцев растет. По данным последней переписи населения, в 70-е годы среди лиц в возрасте от 25 лет доля окончивших среднюю школу выросла с 55,2 до 68,7% (не считая окончивших вуз)¹⁴. Тенденции жесткого классового отбора учащихся противостояла другая, продиктованная в первую очередь объективными потребностями народного хозяйства в эпоху научно-технической революции, теми повышенными требованиями, которые предъявляет к каче-

¹⁰ *Terkel St. Working*. N. Y., 1974, p. 490.

¹¹ *Time*, 1977, Aug. 29, p. 37.

¹² *US News and World Report*, 1980, Sept. 8, p. 47; 1981, Sept. 7, p. 51.

¹³ *Monthly Labour Review*, 1980, N 9, p. 44. (Далее: MLR).

¹⁴ *US News and World Report*, 1981, Sept. 14, p. 27.

ству подготовки рабочей силы современное производство. В послевоенный период средняя продолжительность обучения занятых в народном хозяйстве США увеличилась на 2 года и в 1977 г. составляла 12,6 лет¹⁵.

Другим немаловажным фактором, тесно связанным с первым, было ставшее жизненным кредо многих рядовых американцев стремление получить соответствующее требованиям времени образование. Многие собеседники известного американского журналиста и писателя-документалиста Ст. Теркела, люди из рабочей среды, говорили о желании учиться, продолжить слишком рано прерванные занятия в школе, получить настоящую профессию, дать хорошее образование детям¹⁶.

Стремление изменить свою судьбу при помощи образования получило широкое распространение даже среди наиболее дискриминируемых этнических и расовых меньшинств. В 60-е годы подъем негритянского движения за гражданские права, за экономическую и социальную справедливость способствовал пробуждению тяги к знаниям и культуре среди чернокожих американцев. В начале 1967 г. незадолго до своей гибели Мартин Лютер Кинг писал: «Негры много делают, чтобы преодолеть свои недостатки, свою неприспособленность. Где бы ни создавались курсы по обучению разным специальностям, негры всегда спешат туда. Те, кто работает, обнаруживают горячее желание узнать что-то новое, продвинуться вперед. Почти в каждом негритянском доме чувствуется тяга к культуре. Тираж газет, журналов и книг составляет сейчас много миллионов экземпляров, тогда как десять лет тому назад он едва достигал 100 тыс. В школах все чаще и чаще ученики-негры хотят пройти курсы, которые позволили бы им поступить в колледж и идти дальше, отказываются получать только профессиональную подготовку, которая раньше ограничивала возможности столь многих из них»¹⁷.

В полноценном образовании, приобщении к миру знаний афроамериканцы видят возможность вырваться из порочного круга бедности, невежества, неквалифициро-

¹⁵ Manpower Report of the President. Wash., 1974, p. 303; MLR, 1977, N 12, p. 53.

¹⁶ Terkel Sh. Op. cit., p. XXXII, XLVI, 22, 116, 123—124, 162, 168, 474, 510, 555, 559, 579. См. также интервью с итальянским иммигрантом, штукатуром из Бостона Гаэтано Поликетти: Time, 1976, July 5, p. 35.

¹⁷ Кинг М. Л. Есть у меня мечта... М., 1970, с. 127.

ванной низкооплачиваемой работы. Мать четырех детей негритянка Мэгги Холмс заявила в интервью: «Этот Никсон говорит, что он не видит ничего плохого в том, что человек занимается уборкой. Из поколения в поколение мы только этим и занимаемся. Пора бы ему понять, что мы тоже хотим быть врачами, учителями или юристами, как он. Я не хочу, чтобы мои дети стали прислугой. На такой работе деградируешь, у тебя нет будущего. Из поколения в поколение одно и то же — всю жизнь в кухарках и лакеях. Сами они хотят, чтобы их дети были юристами, врачами и все такое. Они не хотят, чтобы их дети прислуживали в кафе»¹⁸.

В 70-е годы, отмеченные растущими экономическими трудностями, классовый отбор в системе народного образования стал более жестким. Проблемы образования вышли на первый план политической жизни страны, стали причиной яростных столкновений различных общественных сил. Хотя школьное дело всегда было предметом заботы местных общин, все более остро ощущалась необходимость единой регулирующей системы, способной направлять и координировать развитие народного образования в масштабе всей страны. Осенью 1979 г. среди высших правительственных учреждений в Вашингтоне появилось новое, тринадцатое по счету министерство — образования со штатом 17 350 человек и годовым бюджетом 14 млрд. долл.¹⁹

Американская система высшего образования отличается большой пестротой и разнообразием. Ее основные компоненты: университеты, четырех- и двухгодичные колледжи²⁰. Хотя все они считаются высшими учебными заведениями, это не соответствует действительности. Рядом с всемирно известными университетами, входящими в аристократическую «Лигу плюща», немало захолустных двухгодичных колледжей, которые по европейским меркам не дотягивают даже до уровня средних специальных заведений.

В эпоху научно-технической революции через колледжи и университеты пролегла столбовая дорога к престижным, высокооплачиваемым профессиям. Быстро растущие потребности американского общества в специали-

¹⁸ *Terkel St. Op. cit.*, p. 116.

¹⁹ *US News and World Report*, 1979, Oct. 8, p. 6.

²⁰ Подробнее см.: *Филиппова Л. Д.* Высшая школа США. М., 1981, с. 203—211.

стах различного профиля породили невиданный / ранее спрос на высшее образование. За три десятилетия, с 1940 по 1970 г., число студентов колледжей и университетов увеличилось более чем в 5 раз, с 1484 тыс. до 7608 тыс. человек. Львиная доля этого прироста приходится на 60-е годы²¹. В течение десятилетия с 1956 по 1966 г. доля выпускников средней школы, поступивших в вуз, увеличилась с 32 до 53%²².

В 70-е годы происходит перелом: снижается процент школьников, поступающих в вузы²³, падают темпы роста студенческой массы²⁴. Исключение составляют только двухгодичные колледжи, на долю которых приходится основной прирост студентов²⁵.

Стремительный наплыв учащихся привел к значительному увеличению средних размеров высших учебных заведений. За четверть века число колледжей и университетов почти удвоилось (1949 г.— 1600, 1975 г.— 3055)²⁶, и одновременно они постоянно увеличивались в объеме. К началу 70-х годов среднее число студентов в государственном вузе превысило 5,5 тыс. человек²⁷. Крупнейшие учебные заведения страны, такие, как университеты штатов Нью-Йорк, Калифорния, Техас, Флорида, Северная Каролина, города Нью-Йорк, Колумбийский, насчитывающие десятки и сотни тысяч студентов, превратились в настоящие «фабрики знаний»²⁸.

Американские колледжи и университеты не могли собственными силами или при помощи частных пожертвований решить задачи, которые были поставлены перед ними научно-технической революцией. Бурное развитие системы высшего образования требовало значительных федеральных субсидий. Начиная с середины 50-х годов государственные ассигнования на высшее образование быстро росли. Если в 1954 г. с этой целью было выделено 44 млн. долл., то в 1975 г.— 8,8 млрд. долл. В 1973/74 финансовом году на долю высшей школы приходилось 45% федеральных расходов на образование. В середине

²¹ *Wilson L. American Academics. N. Y., 1979, p. 11; Pocket Data Book USA, 1971. Wash., 1971, p. 159, 170.*

²² *Wilson L. Op. cit., p. 11.*

²³ *New York Times, 1975, Jan. 15, p. 57; MLR, 1980, N 9, p. 44.*

²⁴ *Филиппова Л. Д. Указ. соч., с. 134.*

²⁵ Там же.

²⁶ *Wilson L. Op. cit., p. 33.*

²⁷ *Touraine A. L'université et société aux Etats-Unis. P., 1972, p. 122.*

²⁸ *Digest of Education Statistics, 1977/78. Wash., 1978, p. 101.*

70-х годов $\frac{1}{4}$ всех финансовых поступлений высших учебных заведений США обеспечивалась за счет государственного бюджета. Немалую лепту внесли также штаты и местные органы власти²⁹

В результате концентрированных усилий различных государственных органов высшая школа постепенно утрачивает характер частного института. С 1950 по 1970 г. доля студентов частных колледжей и университетов сократилась с 50 до 30%³⁰. К середине 70-х годов она упала до 21%³¹. Таким образом, американская система образования — от начальной школы до университета — и соответственно процесс подготовки специалистов высокой квалификации все больше становятся объектом регулирующей деятельности государства.

Бурный рост студенчества сопровождался определенной демократизацией его состава. В начале 70-х годов, несмотря на высокую плату за обучение³², примерно треть студентов американских колледжей и университетов составляли дети рабочих³³. Если исключить наиболее социально обделенную часть населения — неквалифицированных рабочих, прислугу и т. п., — то можно согласиться с тем, что в Соединенных Штатах в отличие от стран Западной Европы «студенчество по своему составу воспроизводит, хотя и в искаженном виде, социальную структуру всего американского общества»³⁴.

Хуже других представлено в колледжах и университетах черное население США. В начале 70-х годов доля студентов среди негритянской молодежи была в два раза меньше, чем среди их белых сверстников³⁵.

В отличие от негров дискриминация женщин в сфере высшего образования проявляется не в количественных, а в качественных показателях. В 1976 г. девушки соста-

²⁹ The States and Higher Education. San Francisco etc., 1976, p. 26—28; Daedalus, 1975, N 1, p. 129. Государство играет еще более значительную роль в текущем финансировании высшей школы. См.: Филиппова Л. Д. Указ. соч., с. 136—137.

³⁰ Bell D. The Coming of Post-Industrial Society. N. Y., 1973, p. 247.

³¹ Филиппова Л. Д. Указ. соч., с. 134.

³² В 1972 г. средняя стоимость пребывания в государственном университете в течение одного учебного года (плата за обучение, общежитие и питание) составляла 1600 долл., в частном учебном заведении — 3500 долл. См.: Pocket Data Book USA, 1971, p. 171.

³³ Малькова З. А. Указ. соч., с. 270.

³⁴ Новинская М. И. Студенчество США. М., 1977, с. 42.

³⁵ Там же, с. 75. См. также: Филиппова Л. Д. Указ. соч., с. 313—315.

вляли 52% учащихся колледжей, но 92% студенток приходилось на пять факультетов, преимущественно гуманитарных. Женщины слабо представлены в тех звеньях высшей школы, где готовятся кадры для наиболее престижных, высокооплачиваемых профессий. Например, несмотря на быстрый рост женского контингента в юридических и медицинских школах, школах бизнеса, их доля среди учащихся профессиональных школ остается весьма скромной — порядка 25% ³⁶.

Расширение доступа к высшему образованию, конечно, не означает ликвидацию классовых барьеров на пути юношей и девушек из рабочей среды в мир интеллектуального труда. Наоборот, выходцам из низов каждый следующий шаг дается со все большим трудом. Поступление в вуз вовсе не гарантирует приобретение интеллектуальной профессии. Пройти в установленные сроки полный курс обучения и получить диплом удастся меньше чем половине студентов ³⁷. Как правило, не выдерживают тяготы вузовского марафона учащиеся из малосостоятельных семей ³⁸. Особенно велик отсев в провинциальных колледжах невысокого академического уровня, студенты которых отличаются от основной массы учащихся вузов своим демократическим происхождением ³⁹.

Диплом не каждого колледжа может служить пропуском в мир интеллектуального труда. В конце 70-х годов более трети студентов училось в двухгодичных колледжах ⁴⁰, готовящих специалистов средней квалификации, которых в сегодняшней Америке вряд ли можно включить в состав интеллигенции. В основном это были дети рабочих и рядовых служащих ⁴¹.

В условиях растущей конкуренции на рынке интеллектуального труда дипломы многих четырехгодичных колледжей — в первую очередь тех, которые не предъявляют высоких требований к поступающим и отличаются демократическим составом учащихся, — просто не коти-

³⁶ США — экономика, политика, идеология, 1979, № 3, с. 36; Time, 1978, Apr. 10, p. 51; Newsweek, 1981, Sept. 14, p. 46.

³⁷ Новинская М. И. Указ. соч., с. 43.

³⁸ Sociology of Education, 1967, N 1, p. 9; Trent J. W., Medsker L. L. Beyond High School. San Francisco, 1968, p. 106; Folger J. K., Astin H. Human Resources and Higher Education. N. Y., 1970, p. 315, 322.

³⁹ Touraine A. Op. cit., p. 97, 116.

⁴⁰ The Condition of Education, 1980 Ed., p. 102.

⁴¹ Touraine A. Op. cit., p. 88—89.

руются и также не гарантируют их обладателям работу по специальности.

Наличие труднопреодолимых классовых барьеров на пути в мир интеллектуального труда говорит о существовании определенных механизмов социального отбора, преграждающих дорогу человеку из низов. В стихийном процессе отбора нового контингента лиц интеллектуального труда ключевую роль играет семья. Положение родителей, их образование и возможности, формирующиеся в семье ожидания и установки во многом определяют судьбу детей, избравших дорогу в мир интеллекта ⁴².

Отношение личности к образованию в немалой степени определяется и этнокультурной традицией. Американские исследователи отмечают сильную тягу к образованию некоторых этнических меньшинств, например евреев или выходцев из стран Дальнего Востока ⁴³.

В 50—60-е годы, период бурного роста спроса на интеллектуальный труд и быстрого расширения системы высшего образования, действие механизмов социального отбора в значительной мере уравнивалось другими факторами, объективно способствовавшими демократизации высшего образования. Государственные субсидии вузам, стипендии для нуждающихся, политика ведущих университетов, направленная на поиск высокоодаренных студентов, открыли доступ к высшему образованию определенному контингенту способных юношей и девушек из «простых семей», родители которых не пошли дальше средней школы ⁴⁴.

В 70-е годы в условиях плохой экономической конъюнктуры механизм классового отбора заработал с новой силой. Быстро растущая стоимость образования тяжелым бременем ложится на семейный бюджет, который и так сводится с немалым трудом. За десять лет (1969—1979) средняя стоимость обучения в государственном университете выросла на 110%, с 1117 до 2346 долл. в год ⁴⁵. Учеба в частном вузе обходится гораздо дороже. В 1981 г. стоимость года пребывания в частном колледже оценивалась в 6885 долл. ⁴⁶

⁴² Folger J. K., *Nam Ch. B. Education of American Population*. Wash., 1967, p. 61; Folger J. K., *Astin H. Op. cit.*, p. 155, 158.

⁴³ Ladd E. C., jr., *Lipset S. M. The Divided Academy*. N. Y., 1975, p. 150, 154, 171.

⁴⁴ *Jankelovich D. The New Morality*. N. Y., 1974, p. 80.

⁴⁵ *US News and World Report*, 1979, Oct. 1, p. 45.

⁴⁶ *Ibid.*, 1981, Sept. 7, p. 15.

В середине 70-х годов средняя американская семья должна была на всем сэкономить, чтобы содержать детей в колледже⁴⁷. Проведенное в 1979 г. обследование показало, что почти $\frac{1}{3}$ американских семей, отправивших детей в колледж, вынуждена занимать деньги, чтобы платить за учебу. 75% обследованных семей заявили, что они с трудом оплачивают счета за обучение⁴⁸.

Параллельно с увеличением стоимости обучения в колледжах и университетах сокращались различные виды помощи нуждающимся студентам⁴⁹. Многие студенты вынуждены совмещать учебу с работой, брать академический отпуск, чтобы заработать деньги и получить возможность учиться дальше. В конце 70-х годов 51–52% студентов колледжей входили в состав рабочей силы. Особенно много работающих среди студентов двухгодичных колледжей⁵⁰.

Несмотря на все ограничения, в послевоенный период «фабрики знаний» работали на полную мощность, выпуская каждый год сотни тысяч специалистов. В 1980/81 учебном году в 3125 вузах обучалось более 11 млн. студентов⁵¹. С 1950 по 1980 г. доля выпускников колледжей среди лиц старше 25 лет увеличилась с 6,2 до 17%⁵². Но даже этот внушительный рост не ликвидировал исторически сложившиеся диспропорции в мире интеллектуального труда. В 1980 г. по удельному весу лиц с высшим образованием женщины сильно отставали от мужчин (13,6 и 20,9%), среди дипломированных специалистов была явно заниженной доля афроамериканцев (7,9%)⁵³.

В эпоху научно-технической революции высшая школа не только необходимый этап на пути к сфере интеллектуального труда. Она во многом определяет положение личности в этой сфере, ее перспективы. В Соединенных Штатах осуществление этой функции высшей школы сильно облегчается большим перепадом в уровне подготовки, всегда отличавшим американские университеты. Как пра-

⁴⁷ Ibid., 1974, Oct. 14, p. 56, 61, 62.

⁴⁸ Ibid., 1980, Aug. 4, p. 48.

⁴⁹ Bowen H. R. Investment in Learning: The Individual and Social Value of American Higher Education. San Francisco, 1978, p. 232, 234.

⁵⁰ MLR, 1980, N 9, p. 45, 46.

⁵¹ Филиппова Л. Д. Указ. соч., с. 259.

⁵² US News and World Report, 1980, Febr. 25, p. 66; 1981, Sept. 14, p. 27.

⁵³ Ibid., 1981, Sept. 14, p. 27, 28.

вило, качество преподавания в вузе определяется его научным потенциалом. В американской системе высшего образования основное внимание уделяется профессиональной подготовке, требующей солидную материально-техническую базу. А ею располагают только ведущие вузы страны, в ведении которых находятся основные научно-исследовательские центры. Эти вузы притягивают лучшие научные силы. В середине 60-х годов в старейших колледжах и университетах, расположенных на Атлантическом побережье от Бостона до Вашингтона, работало 46% побелевских лауреатов и 40% членов национальной Академии наук США, в вузах Калифорнии — соответственно 36 и 20%, в районе Чикаго и Великих озер — 10 и 14%⁵⁴. Под руководством крупных ученых работают большие научные коллективы, в которые входят студенты и аспиранты. В начале 70-х годов 60 лучших университетов готовили около $\frac{2}{3}$ докторов наук⁵⁵. Неравномерное распределение научного потенциала и возможностей самостоятельной исследовательской работы учащихся прямо отражается на уровне подготовки студентов, на том, как котируются дипломы различных вузов на рынке труда.

В зависимости от критериев оценки величина этой группы ведущих вузов, дающих первоклассное образование, определяется по-разному. Созданная в 1900 г. высокопрестижная Ассоциация американских университетов в конце 70-х годов насчитывала 48 высших учебных заведений⁵⁶. Сопоставления различных показателей академического уровня, которые проводятся в Соединенных Штатах начиная с 30-х годов, ограничиваются выявлением и классификацией не более 20—30 лучших вузов⁵⁷. Советский исследователь Б. А. Гонтарев выделяет среди американских колледжей и университетов лидирующую группу, насчитывающую не более 100 вузов, в которых в 1974 г. училось 2241 тыс. студентов и аспирантов⁵⁸. Таким образом, какие бы критерии мы ни использовали, первоклассное образование получает не более 30% учащихся вузов.

В 70-е годы в условиях растущей конкуренции на рынке интеллектуального труда качество образования

⁵⁴ Kerr K. The Uses of the University. N. Y., 1963, p. 91—92.

⁵⁵ Science, 1973, Febr. 9, p. 538.

⁵⁶ Wilson L. Op. cit., p. 212.

⁵⁷ Ibid., ch. 10.

⁵⁸ США — экономика, политика, идеология, 1977, № 3, с. 111, 113.

приобрело исключительно важное значение. Несмотря на высокую плату за обучение, частные колледжи и университеты, преподавание в которых, как правило, поставлено лучше, чем в государственных вузах, по-прежнему притягивают к себе наиболее состоятельную часть студенчества. В течение десятилетия число студентов частных вузов выросло на 16% и достигло 2,5 млн. человек⁵⁹.

Даже на фоне ведущих вузов выделяется небольшая группа высокоселективных колледжей и университетов, готовящих интеллектуальную элиту страны. На рубеже 70-х годов на их долю приходилось около 4% вновь поступающих студентов⁶⁰. Их родители весьма состоятельные люди, отдающие предпочтение привилегированным частным школам (подавляющее большинство элитарных вузов тоже частные с очень высокой платой за обучение). Ученики частных школ — незначительное меньшинство выпускников средней школы — составляют большинство (до 80%) студентов лучших университетов страны, таких, как Гарвардский, Принстонский, Йельский, Стэнфордский и др.⁶¹ Среди тех представителей интеллектуальной элиты США, которые учились в аспирантуре, 46% составляли выпускники трех ведущих частных университетов: Колумбийского, Гарвардского и Йельского⁶².

Окончив четырехгодичный колледж, студенты лучших вузов, как правило, продолжают образование в профессиональных школах, готовящих врачей, юристов, менеджеров, или поступают в аспирантуру, чтобы получить ученую степень магистра и затем доктора наук. Во второй половине 60-х годов большинство выпускников лучших колледжей продолжали учиться дальше⁶³. В университетах «Лиги плюща» этот показатель был еще выше — порядка 80%⁶⁴. С 1940 по 1970 г. число учащихся в аспирантуре и профессиональных школах увеличилось со 105 тыс. до 946 тыс. человек⁶⁵. Во второй половине 70-х годов оно перевалило за миллион⁶⁶.

⁵⁹ Time, 1980, Jan. 28, p. 39.

⁶⁰ Folger J. K., Astin H. Op. cit., p. 162.

⁶¹ Малькова З. М. Указ. соч., с. 275.

⁶² Kadushin Ch. The American Intellectual Elite. Boston; Toronto, 1974, p. 23.

⁶³ Folger J. K., Astin H. Op. cit., p. 171—172.

⁶⁴ Bell D. Op. cit., p. 234.

⁶⁵ Wilson L. Op. cit., p. 11.

⁶⁶ Филиппова Л. Д. Указ. соч., с. 208.

В 1861 г., когда Йельский университет присудил первую в США ученую степень доктора философии, по 1970 г. докторскую степень получили 340 тыс. человек. Половина из них стала докторами наук в 60-х годах⁶⁷, когда число присуждаемых докторских степеней увеличилось за десятилетие с 10 тыс. до 30 тыс. в год⁶⁸. В начале 1977 г. число докторов наук достигло 300 тыс. человек⁶⁹.

Далеко зашедшая дифференциация уровня обучения в американских вузах открывает широкий простор для классовой дискриминации. Как правило, выходцы из низов получают образование худшего качества, чем их сверстники из состоятельных семей, обладающие теми же способностями. Чем престижнее вуз, тем труднее в него пробиться простому человеку⁷⁰; чем значительнее подготовка, которой требует соответствующая область интеллектуальной деятельности, тем недоступнее она для него. Американская высшая школа расставляет учащихся по ранжиру в соответствии с социальным происхождением и во многом определяет их жизненные возможности.

Социально-экономическое положение специалистов и его отражение в общественном сознании

После второй мировой войны американская интеллигенция быстро превращается в массовый слой лиц интеллектуального труда, занятых в различных сферах деятельности. С 1950 по 1979 г. число лиц с высшим образованием, занятых в народном хозяйстве США, выросло с 4,1 млн. до 17,9 млн. человек, а их доля в самостоятельном населении — с 7 до 18,3%. Около 70% из них — специалисты и управляющие, лица интеллектуального труда. Остальные — продавцы, конторские служащие, рабочие⁷¹. Благодаря высоким темпам роста американская интеллигенция к началу 70-х годов стала третьим по величине отрядом трудящихся после рабочих и рядовых служащих. В послевоенный период интеллигенция быстро растет во всех странах капиталистического мира⁷², но нигде ее

⁶⁷ *Bell D. Op. cit.*, p. 235.

⁶⁸ *Science*, 1973, Febr. 9, p. 528.

⁶⁹ США — экономика, политика, идеология, 1979, № 4, с. 100.

⁷⁰ См.: *Филиппова Л. Д.* Указ. соч., с. 314.

⁷¹ *MLR*, 1975, N 2, p. 65; 1976, N 2, p. 48; 1980, N 7, p. 44, 46.

⁷² См., например, соответствующие данные по Англии: *New Society*, 1976, Oct. 21, p. 128.

удельный вес в самостоятельном населении не достиг такой величины, как в США.

Как уже отмечалось, вследствие жесткого социального отбора различные категории населения далеко не равномерно представлены среди интеллигенции. Наибольшей дискриминации подвергаются женщины, негры, рабочие. Хотя в 60—70-е годы под нажимом рабочего и демократического движения правительство и администрация высших учебных заведений были вынуждены принимать меры, направленные на расширение доступа этих категорий в сферу интеллектуального труда, тем не менее соответствующие показатели остаются ниже средних⁷³.

Мир интеллектуального труда отличается необычайным разнообразием ситуаций и положений, которые трудно привести к какому-то единому знаменателю. Различия между людьми, входящими в состав интеллигенции, порой приобретают такой характер, что по своему объективному положению они оказываются на разных классовых полюсах буржуазного общества. Все более полное включение умственного труда в сферу товарно-денежных отношений современного капитализма ведет к превращению подавляющего большинства лиц интеллектуального труда в классические социальные фигуры буржуазного общества: предпринимателей и представителей ассоциированного капитала, с одной стороны, и наемных тружеников — с другой. Процесс классовой дифференциации интеллигенции в американском обществе зашел дальше, чем где бы то ни было. Основная ее часть, подобно представителям традиционной мелкой буржуазии, из самостоятельных мелких производителей услуг превратилась в наемных работников, являющихся объектом капиталистической эксплуатации. С 1950 по 1970 г. доля специалистов, работающих по найму, возросла с 86,8 до 91,8%, превывсив средний показатель удельного веса лиц наемного труда в гражданской рабочей силе (90,4% в 1971 г.)⁷⁴.

Другой стороной того же процесса утверждения капиталистических отношений в сфере интеллектуального труда являются рост предпринимательской прослойки среди интеллигенции, превращение лиц свободной профессии в бизнесменов разного калибра. Как отмечает советский

⁷³ MLR, 1976, N 2, p. 46, 47; 1980, N 7, p. 44, 46; см. также: Time, 1981, Sept. 7, p. 22.

⁷⁴ Мельников А. Н. Современная классовая структура США. М., 1974, с. 46, 209.

исследователь классовой структуры американского общества, фигура интеллигента-бизнесмена, имеющая давнюю историю в США⁷⁵, в условиях современного капитализма становится социально типичной: «Тенденция к коммерциализации сферы умственного труда ведет к возникновению нового типа интеллигента — интеллигента-бизнесмена, интеллигента-собственника, предпринимателя (часто крупного) в сфере использования умственного труда»⁷⁶.

К середине XX столетия маломощные адвокатские конторы конца прошлого века, объединявшие несколько человек, превратились в крупные предприятия, настоящие «фабрики закона»⁷⁷. Например, крупнейшая юридическая фирма Соединенных Штатов «Бейкер энд Маккензи» имеет отделения в 28 городах различных стран мира, где занято около 500 юристов⁷⁸.

Аналогичный процесс можно наблюдать и в других сферах интеллектуального труда. К началу 70-х годов в США насчитывалось 6371 объединение, в которых работали 40 093 врача⁷⁹. В штате всемирно известной клиники Мэйо в Рочестере насчитывается 750 врачей⁸⁰. В послевоенный период появились специализированные инженерные и научные фирмы, которые наряду с университетами выполняют научно-исследовательские работы по заказам промышленных корпораций и государственных органов, а также дают консультации и оказывают всякого рода профессиональные услуги.

В соответствии с американской традицией изобретателя-бизнесмена, ведущей свое начало от Эдисона, многие ученые и инженеры, особенно работающие в военной промышленности, в условиях развязанной империализмом бешеной гонки вооружений сумели превратиться в преуспевающих дельцов, сколотивших миллионные состояния.

⁷⁵ Кооперация и специализация интеллектуального труда впервые были осуществлены в юриспруденции как наиболее развитой отрасли интеллектуально-предпринимательской деятельности. Создание прообразов современных юридических фирм — юридических товариществ, организованных по иерархическому принципу наподобие деловых контор, отмечено Брайсом еще в конце прошлого века (*Брайс Д.* Американская республика. М., 1890, ч. 3, с. 285—286).

⁷⁶ Мельников А. Н. Указ. соч., с. 202.

⁷⁷ Подробнее см.: *Mills W. C.* White Collar. N. Y., 1951, p. 122—128.

⁷⁸ *Washington Post*, 1979, Nov. 25, p. A28.

⁷⁹ *Medical Care, Expenditures, Prices and Costs: Background Book.* Wash., 1974, p. 51.

⁸⁰ *US News and World Report*, 1980, Sept. 8, p. 62.

В середине 60-х годов в Соединенных Штатах насчитывалось около сотни таких ученых-предпринимателей, имеющих состояние в 1 млн. долл. и больше⁸¹.

Для предпринимательской прослойки внутри интеллигенции характерны более привилегированное социальное происхождение и карьера, начинающаяся с более высокой ступени социальной иерархии, чем у специалистов, работающих по найму⁸².

Узкая прослойка интеллигентов-собственников — один из резервов пополнения крупной и даже монополистической буржуазии — служит важнейшим связующим звеном между интеллигенцией и господствующим классом, убежденным и сознательным проводником влияния буржуазной идеологии на трудовую интеллигенцию.

Несколько иной по особенностям карьеры, но по существу занимающей такое же место в системе классовых отношений современного капитализма является группа высших служащих. В послевоенный период в составе класса капиталистов растет удельный вес верхушки управляющих частных фирм, представителей политической элиты, высокопоставленных чиновников государственного аппарата⁸³. По уровню доходов, положению в системе власти и т. д. средние управляющие (директора производственных предприятий) относятся к средней буржуазии, а высшие менеджеры — к крупной и монополистической буржуазии⁸⁴. По имеющимся данным, в начале 60-х годов высшие служащие и чиновники составляли около половины крупной буржуазии США⁸⁵. Несмотря на свою зависимость от финансовой олигархии верхушка служилой интеллигенции играет значительную роль в правящей элите.

⁸¹ *Меньшиков С. М.* Миллионеры и менеджеры. М., 1965, с. 79. Достаточно типичную историю одного из них, инженера-предпринимателя из Калифорнии, миллионера Генри Синглтона, рассказывает в своей книге советский журналист, много лет проработавший в США. См.: *Кондрашов С.* Свидание с Калифорнией. М., 1975, с. 38—47.

⁸² *Social Forces*, 1965, Dec., p. 188.

⁸³ Характерный портрет «предпринимателя нового типа», делающего карьеру и сколачивающего состояние, используя связи, знакомства, информацию, накопленную в результате переходов из одной бюрократической иерархии в другую, нарисовал Р. Миллс. См.: *Mills W. C.* Op. cit., p. 94—100.

⁸⁴ См.: *Меньшиков С. М.* Указ. соч., с. 119, 150, 187; см. также: *Ландберг Ю.* Богачи и сверхбогачи. М., 1975, с. 438, 442; *Энштейн С. И.* Капитаны большого бизнеса. М., 1979, с. 5—6, 82. *Мельников А. Н.* Указ. соч., с. 281, 284, 286, 287, 288.

Превращение сферы интеллектуального труда в одну из главных магистралей, ведущих наверх, в состав господствующего класса, влияет на психологию всего слоя в целом, усиливая соблазны карьеры и богатства, реализации в новых исторических условиях вековой «американской мечты» об успехе.

На другом полюсе находятся специалисты, оказавшиеся за пределами сферы интеллектуального труда, ставшие жертвой профессиональной деквалификации. В 70-е годы в условиях плохой конъюнктуры на рынке интеллектуального труда их число постоянно растет. В первой половине десятилетия доля лиц с высшим образованием, занятых вне сферы интеллектуального труда, увеличилась с 16,3 до 22,2%⁸⁶. В 70-е годы $\frac{1}{3}$ выпускников и $\frac{2}{3}$ выпускниц колледжей устраивались на работу не по специальности, часто не требующую высшего образования⁸⁷.

За вычетом узкой прослойки представителей буржуазии и сравнительно небольшой, хотя и растущей части американской интеллигенции, по своему объективному положению мало чем отличающейся от рабочего класса, основную массу лиц интеллектуального труда можно отнести к средним слоям населения, занимающим промежуточное, переходное положение в классовой структуре современного капитализма⁸⁸. Средние слои буржуазного общества — большая и весьма разнородная социальная категория, объединяющая такие качественно разные элементы, как основная часть интеллигенции, средние служащие, мелкая буржуазия. Поэтому, анализируя влияние социально-экономического положения на сознание интеллигенции, необходимо не только определить ее место в классовой структуре современного капитализма, но и дать развернутую характеристику объективной ситуации, в которой находятся лица интеллектуального труда.

Будучи частью иерархической структуры современного капитализма, интеллигенция сама является иерархией, вернее, целым набором иерархий. Существование больших различий в уровне доходов, перспективах карьеры, положении в обществе, образе жизни — отличительная черта этого слоя. Часто эти различия носят формальный и полужформальный характер и проявляются в разного рода

⁸⁶ MLR, 1976, N 2, p. 48.

⁸⁷ US News and World Report, 1981, March 30, p. 40.

⁸⁸ См.: *Надель С. Н.* Современный капитализм и средние слои. М., 1978, с. 69—70.

иерархических ступенях, свидетельствах признания, почетных титулах, наградах и отличиях. Так, чиновники государственного аппарата США подразделяются на 18 служебных рангов. Примерно такая же градация для служащих существует в крупнейших американских компаниях⁸⁹. Различия в оплате труда даже внутри одной профессии несравненно больше, чем среди рабочих или рядовых служащих. По отдельным данным за 1980 г., в частном секторе веер должностных окладов специалистов был весьма широк, за счет продвижения по служебной лестнице можно было увеличить оклад в 2—2,5 раза⁹⁰. Различия в уровне доходов и общественном положении отдельных профессиональных категорий столь существенны, что требуют специального рассмотрения.

Формальной основой иерархических различий внутри интеллигенции служит профессиональный уровень. Он во многом определяется характером образования. По официальным данным за 1973 г., среднегодовой доход мужчин, проучившихся 17 и более лет, был на 15% выше, чем у тех, кто имел образование в объеме четырех лет колледжа⁹¹. Хотя в Америке к ученым званиям и степеням не относятся с таким пиететом, как во Франции или Японии, они котируются на рынке труда. По официальным данным за 1967 г., средний оклад доктора наук был в полтора раза выше, чем бакалавра или магистра⁹². Большинство проведенных исследований подтверждает, что при одинаковом уровне способностей и социальном происхождении величина заработка определяется престижем *alma mater*: чем выше котируется колледж или университет, тем больше зарабатывают его выпускники⁹³.

Наиболее преуспевающая часть интеллигенции образует верхушку слоя, по уровню доходов, положению, стремлениям и интересам тяготеющую к буржуазии. Хорошо устроенная в жизни, она далека от забот и тревог простых американцев. Журналист Д. Фоллоуз, составитель речей в аппарате президента Дж. Картера, писал после ухода из Белого дома: «Мир нашей столицы — это особый мир; для тех, кто циркулирует между правительст-

⁸⁹ Мельников А. Н. Указ. соч., с. 80; Минервин И. Г. США: проблемы управленческих кадров в промышленности. М., 1974, с. 115.

⁹⁰ MLR, 1980, N 11, p. 34.

⁹¹ Digest of Educational Statistics, 1975. Wash., 1976, p. 21.

⁹² Current Population Report. Ser. P-20, Wash., 1969, N 180, p. 3.

⁹³ Bowen H. R. Op. cit., p. 256.

венными учреждениями и их резервом — адвокатскими конторами и мозговыми трестами, общество состоит из людей, редко зарабатывающих больше 70 тыс. или 80 тыс. в год, но никогда не зарабатывающих меньше 25 тыс. Все они учились в колледжах, большей частью в одних и тех же немногих колледжах. Такие угрозы, как массовые увольнения и банкротство, для них менее реальны, чем опасность упустить возможности, которые открывает вашингтонский бум в области недвижимости»⁹⁴.

Хотя в реальной жизни порой нелегко провести четкую грань между обуржуазившейся верхушкой мира интеллектуального труда и привилегированной частью интеллигенции, тем не менее по своему объективному положению они принадлежат к разным социальным категориям. Доходы даже наиболее высокооплачиваемых специалистов не идут в сравнение с теми прибылями, которые получает буржуазия, вышедшая из мира интеллектуального труда. Не менее важное значение имеет разная степень причастности к власти. Один из героев книги Теркела, профсоюзный организатор, проводит образное сравнение между своим отцом-рабочим и дядей, принадлежавшим к хорошо обеспеченной верхушке интеллигенции: «Мой отец был водителем грузовика с шестиклассным образованием. Мой дядя окончил военно-морскую академию в Аннаполисе. Мой отец был косноязычен и всю жизнь работал руками. Мой дядя всю жизнь работал языком, а руками только стриг купоны. Основной проблемой в жизни отца было то, что он был бессилен. Основной проблемой в жизни дяди было то, что он был бессилен, хотя он считал себя влиятельным. Занимаясь стрижкой купонов, он всегда был близок к власти, но никогда ее не имел. Если бы он пытался вмешиваться в дела тех компаний, купоны которых он стриг, от него бы избавились. Оба они — отец и дядя — ушли из жизни глубоко несчастными и разочарованными»⁹⁵.

Социальная неоднородность интеллигенции, обилие градаций в мире интеллектуального труда создают большие возможности для разных форм дискриминации. Медленнее других поднимаются по иерархическим ступеням, существующим в различных сферах интеллектуальной деятельности, дети рабочих, негры, женщины, представи-

⁹⁴ Atlantic Monthly, 1979, N 6, p. 80; Coser L. A. Men of Ideas. N. Y., 1966, p. 358.

⁹⁵ Terkel St. Op. cit., p. 352.

тели этнических меньшинств⁹⁶. Начатая в сфере образования расстановка лиц умственного труда по ранжиру в соответствии с их социальной принадлежностью продолжается в жизни.

Несмотря на дифференцированный характер современной интеллигенции, можно выделить некоторые основные параметры, характеризующие социально-экономическое положение всего слоя в целом. После второй мировой войны основным фактором, определяющим положение лиц интеллектуального труда в американском обществе, стало развертывание научно-технической революции в условиях противоборства двух общественных систем на мировой арене. В процессе научно-технической революции в США и других развитых капиталистических странах можно выделить две качественно разные фазы. Первый этап НТР характеризовался бурным ростом капиталовложений в различных областях интеллектуальной деятельности, значительным повышением удельного веса сферы услуг в экономике страны. Развертывание научно-технической революции сопровождалось быстрым ростом занятости в сфере науки, культуры, народного образования, здравоохранения, государственного управления.

Несмотря на быстрый рост числа специалистов, выпускаемых высшими учебными заведениями страны, они не обеспечивали полностью потребности народного хозяйства, особенно в ученых, инженерах, врачах. Чтобы покрыть дефицит специалистов, США использовали в своих интересах значительно возросшую в послевоенном капиталистическом мире территориальную мобильность лиц умственного труда. В условиях НТР созданный капитализмом международный рынок труда, о котором писал Ленин⁹⁷, распространился на сферу интеллектуальной деятельности. Путем изменения иммиграционного законодательства двери Соединенных Штатов были широко открыты для специалистов высокой квалификации со всех концов света⁹⁸. С 1949 по 1974 г. в США прибыло 228,4 тыс.

⁹⁶ См., напр: США — экономика, политика, идеология, 1976, № 12, с. 114; *Wilson L. Op. cit.*, p. 238; *US News and World Report*, 1974, Oct. 14, p. 48; 1980, Dec. 8, p. 54.

⁹⁷ См.: *Ленин В. И. Полн. собр. соч.*, т. 24, с. 89—92.

⁹⁸ Вот сделанная на месте живая зарисовка советского журналиста: «В архитектурной фирме один из партнеров — японец, свеженький, лишь недавно из-за океана, два других — итальянцы. В научно-исследовательском филиале крупной нефтяной компа-

ученых, инженеров, врачей⁹⁹. Хотя общая численность иммигрантов невелика, их присутствие весьма заметно среди наиболее квалифицированных специалистов. Иммигранты составляют до 10% инженеров и научных работников США, 13—15% докторов наук, 25% членов Национальной академии наук и 40% лауреатов Нобелевской премии в области физики и химии¹⁰⁰.

Экстенсивная фаза научно-технической революции, период бурного количественного роста, требовавший быстрого увеличения армии специалистов различного профиля, создала исключительно благоприятную ситуацию на рынке интеллектуального труда. Во многих интеллигентных профессиях наступило состояние полной занятости, в некоторых спрос превышал предложение.

Благодаря сложившейся ситуации на рынке труда доходы наемного специалиста были намного выше заработной платы рабочего¹⁰¹. Определенное представление о соотношении уровня образования и дохода дает общенациональный опрос, проведенный в марте 1973 г. в преддверии экономического кризиса 1974—1975 гг. Как показывают результаты опроса, больше половины лиц с низким уровнем образования зарабатывали меньше 5 тыс. долл. в год, основная масса окончивших среднюю школу — от 5 тыс. до 15 тыс. долл. и почти 40% выпускников колледжей имели годовой доход более 15 тыс. долл.¹⁰²

Научно-техническая революция существенно повлияла на сравнительную оценку различных видов трудовой деятельности, принятую в американском обществе. Новая историческая эпоха, во всем блеске показавшая неограниченные возможности человеческого разума, значительно повысила престиж интеллектуальных профессий¹⁰³.

нии познакомишься с венесуэльцем, с южным корейцем. Примеров масса...» (Кондрашов С. Указ. соч., с. 335—336).

⁹⁹ Scientists, Engineers and Physicians from Abroad. Wash., 1972, p. 1; Statistical Abstract of the United States, 1975. Wash., 1975, p. 554.

¹⁰⁰ Масленников В. И. США: государство и наука. М., 1971, с. 37.

¹⁰¹ Мельников А. Н. Указ. соч., с. 216.

¹⁰² Harris Survey, 1973, March.

¹⁰³ American Journal of Sociology, 1953, May, p. 546; Lipset S. M. Political Man. Garden City, 1960, p. 323—324; Daedalus, Fall 1963, p. 673; Bendix R., Lipset S. M. Class, Status and Power. N. Y., 1966, p. 324—325.

Переломным моментом, ознаменовавшим конец экстенсивной фазы научно-технической революции, явилась вторая половина 60-х годов. В связи с завершением ряда научно-технических проектов и программ (в частности, в аэрокосмической промышленности)¹⁰⁴, по времени совпавшим с экономическим кризисом 1969—1970 гг., без работы оказались десятки тысяч ученых и инженеров: в 1971 г. их насчитывалось, по разным оценкам, от 50 тыс. до 120 тыс.¹⁰⁵ Уровень безработицы среди инженеров достиг 2,9%, ученых — 2,6%, почти в 4 раза превысив соответствующие показатели 1968 года¹⁰⁶. Не пощадила безработица и другие категории специалистов. В 1970—1971 гг. уровень безработицы среди специалистов вырос в 2 раза — значительно больше, чем в среднем по стране — и достиг 3%¹⁰⁷.

В начале 70-х годов далеко не все отряды интеллигенции почувствовали угрозу безработицы; некоторые категории лиц интеллектуального труда пострадали значительно сильнее, чем другие. В 1971 г. уровень безработицы среди бакалавров был в 1,5—2,5 раза выше, чем среди докторов наук¹⁰⁸. Проведенное в 1971 г. обследование показало, что ситуация на рынке труда учителей начальной и средней школы была наихудшей за последние двадцать лет¹⁰⁹. С трудом находили себе применение молодые специалисты. В конце 1972 г. уровень безработицы среди выпускников вузов 1971—1972 гг. был равен 9,3%¹¹⁰. «Образ выпускника колледжа, работающего на заправочной станции или водителем такси, превратился в клише», — констатировал буржуазный еженедельник¹¹¹. В 1971 г. средний период безработицы для специалистов и управляющих был равен 14 неделям, для инженеров — 30 неделям¹¹².

¹⁰⁴ За 5 лет число инженеров и ученых, занятых в аэрокосмической промышленности, сократилось с 250 тыс. до 173 тыс. человек. См.: США — экономика, политика, идеология, 1972, № 5, с. 120.

¹⁰⁵ Scientific Human Resources: Profiles and Issues. Wash., 1972, p. 16; A Measure of Success: Federal Support for Continuing Education. Wash., 1973, p. 64.

¹⁰⁶ MLR, 1972, N 10, p. 12, 16.

¹⁰⁷ Manpower Report of the President, 1972, p. 103.

¹⁰⁸ Unemployment Rates and Employment Characteristics for Scientists and Engineers, 1971. Wash., 1972, p. 15, 63, 147—151.

¹⁰⁹ MLR, 1972, N 10, p. 12.

¹¹⁰ Ibid., 1974, N 10, p. 33.

¹¹¹ Business Week, 1972, Sept. 23, p. 48.

¹¹² MLR, 1972, N 10, p. 19.

Избыток специалистов одного профиля сочетался с нехваткой другого. Например, в первой половине 70-х годов специалисты в области медицинской статистики считали, что стране нужны еще 50 тыс. врачей¹¹³.

К середине 70-х годов под влиянием экономического кризиса положение на рынке интеллектуального труда ухудшилось еще больше. По официальным данным, число безработных специалистов увеличилось с 333 тыс. человек в 1971 г. до 440 тыс. человек в 1976 г., а безработных менеджеров — соответственно со 145 тыс. до 296 тыс. человек. В 1975 г. уровень безработицы среди специалистов достиг 3,2%¹¹⁴.

Непосредственная причина роста безработицы среди специалистов — капиталистическая рационализация, осуществляемая в процессе перехода к интенсивным методам использования квалифицированного интеллектуального труда. Объективная основа для проведения в широких масштабах капиталистической рационализации в сфере умственного труда создана наличием громадной армии наемных специалистов, труд которых приобрел достаточно стандартизованный характер. Высокая степень капиталистического обобществления умственного труда сделала весьма уязвимым, непрочным положение основной массы наемной интеллигенции, увеличило ее зависимость от принимаемых правящей элитой решений.

С середины 70-х годов массовая безработица стала уделом крупнейшего отряда американской интеллигенции — учителей. Падение рождаемости в 60-е годы привело к сокращению контингента детей школьного возраста и уменьшению потребности в учителях. Уменьшение ассигнований, выделяемых на нужды народного образования, явилось непосредственной причиной увольнения десятков тысяч учителей. В Нью-Йорке, зажатом в тисках финансового кризиса, в 1975—1976 гг. было закрыто 43 школы и уволено более 20% учителей¹¹⁵. В 1974—1975 гг. выпуск учителей в 2—2,5 раза превышал имевшиеся вакансии. «По всей стране одно и то же: избыток

¹¹³ Andreano R. L., Weisbrod B. A. American Health Policy. Chicago, 1974, p. 18.

¹¹⁴ Employment and Earnings, 1973, N 7, p. 129; 1977, N 1, p. 146.

¹¹⁵ US News and World Report, 1976, N 25, p. 28; Manpower Comments, 1976, N 6, p. 7.

учителей при малом количестве мест», — упыло констатировала «Нью-Йорк таймс» ¹¹⁶.

Тяжелее других приходилось свежееиспеченным выпускникам колледжей и университетов. Никогда за весь послевоенный период перспективы трудоустройства молодых специалистов, особенно с гуманитарным образованием, не были столь безотрадными, как в середине 70-х годов. Рассказывая о судьбе выпускников высшей школы, журнал «Тайм» писал: «Подобные истории можно услышать в каждом кэмпусе: молодой специалист по французскому языку и литературе, устроившийся после шестимесячных поисков на бухгалтерскую работу; дипломированный лингвист — водитель такси; бакалавр, специалист по исследованию рынка, зарабатывающий 3,5 долл. в час в магазине сувениров; доктора наук, работающие стюардессами, рыбаками, сварщиками, кассирами в банке» ¹¹⁷.

Не найдя работу, часть выпускников возвращалась обратно на студенческую скамью, чтобы продолжить образование или приобрести новую, более практичную профессию. Учитывая положение на рынке труда, многие колледжи подготовили специальные программы, позволяющие бакалаврам в сжатые сроки получить вторую профессию. Наученные горьким опытом своих предшественников, студенты старших курсов гуманитарных факультетов строили свои учебные планы с таким расчетом, чтобы в случае необходимости осуществить подобную переквалификацию наиболее безболезненным образом. Выбирая профессию, студенты младших курсов ориентировались в первую очередь на рынок труда ¹¹⁸. Однако и положение выпускников технических колледжей было не из легких. В 1975 г. 20% из них не могли найти работу по специальности ¹¹⁹.

Безработица поразила и наиболее квалифицированных специалистов. Еще на рубеже 70-х годов в стране насчитывалось 2260 безработных докторов наук ¹²⁰. Экономический кризис середины 70-х годов не пощадил обладателей ученой степени. С 1973 по 1976 г. доля безработных док-

¹¹⁶ New York Times, 1975, Jan. 15, p. 89.

¹¹⁷ Time, 1976, March 29, p. 36.

¹¹⁸ Newsweek, 1980, Oct. 13, p. 59.

¹¹⁹ США — экономика, политика, идеология, 1977, № 5, с. 122.

¹²⁰ Масленников В. И. Указ. соч., с. 203.

торов наук увеличилась с 1,2 до 2% ¹²¹. Весной 1976 г., когда страна только начала оправляться от последствий кризиса, журнал «Тайм» писал: «За исключением биологов и экономистов, доктора наук находятся в ужасном положении» ¹²².

Тяжелое положение на рынке труда вынуждает лиц с ученой степенью устраиваться на работу, явно не соответствующую их квалификации. В 1975 г. директор одной частной школы получил 180 писем с просьбой о приеме на работу, хотя у него не было вакансий. Он заявил корреспонденту «Нью-Йорк таймс»: «Меня поразили в среднем очень высокая квалификация тех, кто ко мне обращался, и отчаяние, сквозившее во многих письмах». Среди предложивших свои услуги были «физики и математики с ученой степенью, которые мечтали получить место учителя 5—6-х классов» ¹²³. Во второй половине 70-х годов в Нью-Йорке большинство принимаемых на работу учителей имели степень магистра ¹²⁴. В 1978 г. в университете штата Нью-Йорк были организованы специальные курсы, дающие возможность докторам-гуманитариям получить необходимую подготовку для работы в сфере бизнеса ¹²⁵.

В середине 70-х годов безработица среди лиц интеллектуального труда носила более устойчивый характер, чем в начале десятилетия. В 1976 г. средняя продолжительность периода безработицы среди специалистов и управляющих составляла 17,8 недель ¹²⁶.

Тревога за будущее, страх оказаться в числе тех, кто обивает пороги бирж труда, породили среди студентов ожесточенную конкуренцию, настоящую погоню за отметками. В вузах царит закон джунглей, резко увеличилось число мошенничеств студентов ¹²⁷. Стремление учащихся во что бы то ни стало быть в числе первых породило целую индустрию, полулегальный бизнес, специализирующийся на подготовке письменных работ по заказу студентов ¹²⁸.

¹²¹ Manpower Comments, 1974, N 5, p. 23; США — экономика, политика, идеология, 1979, № 4, с. 97.

¹²² Time, 1976, March 29, p. 37; Wilson L. Op. cit., p. 49.

¹²³ New York Times, 1975, Jan. 15, p. 89.

¹²⁴ US News and World Report, 1978, Sept. 11, p. 34.

¹²⁵ Time, 1978, Aug. 14, p. 34.

¹²⁶ Employment and Earnings, 1977, N 1, p. 150.

¹²⁷ US News and World Report, 1980, Febr. 25, p. 80; Oct. 20, p. 39, 42.

¹²⁸ Le Monde Dimanche, 1980, 28 sept., p. 7.

В отличие от их предшественников у студентов 70-х годов были все основания беспокоиться за свою профессиональную судьбу. Дж. Фрумкин, руководитель научно-исследовательского центра, занимающегося разработкой проблем высшего образования, охарактеризовал мотивы поведения сегодняшнего студента следующим образом: «Если вы не попадете в число лучших выпускников, у вас мало шансов получить хорошую работу по специальности»¹²⁹.

Тяжелое положение на рынке труда вынуждает студентов отдавать все силы профессиональной подготовке. Пренебрегая всем остальным, они стремятся как можно скорей овладеть азами будущей профессии, что ведет к ранней специализации студентов. В середине 70-х годов поступающие в колледжи и университеты сразу выбирали учебные программы, дающие определенные профессиональные навыки. Например, в 1975 г. в Колумбийском университете в Нью-Йорке треть студентов нового набора записалась на курсы, готовящие к поступлению в медицинскую школу¹³⁰.

Капиталистическая анархия производства проявляется и в подготовке специалистов. Свободный перелив трудовых ресурсов из одной сферы деятельности в другую порождает новые диспропорции. Так, на рубеже 80-х годов возникла угроза перепроизводства врачей и одновременно остро чувствовалась нехватка инженеров¹³¹.

Экономический кризис начала 80-х годов вновь ухудшил положение на рынке интеллектуального труда. В 1981 г. уровень безработицы среди специалистов был равен 2,8%, управляющих — 2,7%¹³².

Массовая безработица среди специалистов — новое явление в послевоенном развитии американского капитализма — многих застала врасплох. Люди, привыкшие считать свое положение в обществе достаточно прочным, внезапно оказались выброшенными на улицу. Один из них, Том Кэррол, бывший сотрудник отдела сбыта компании «Боинг», специалист с двумя дипломами, попавший

¹²⁹ US News and World Report, 1978, Nov. 13, p. 47.

¹³⁰ Time, 1976, March 29, p. 37; US News and World Report, 1980, Nov. 10, p. 58.

¹³¹ US News and World Report, 1980, July 28, p. 60; Dun's Review, June 1979, p. 82—84; Problèmes économiques, 1981, 19 août, p. 18—24.

¹³² MLR, 1982, N 3, p. 62.

под первую волну увольнений в конце 60-х годов, сказал известному американскому журналисту и политическому деятелю Биллу Мойерсу: «Стоя в этой очереди (за пособием по безработице.—В. К.), я почувствовал себя неудачником. Я не мог поверить, что я оказался здесь»¹³³.

Не готовые к такому обороту дел, представители интеллигенции медленно, с трудом приспосабливаются к новой реальности. Корреспондент либерального еженедельника «Нэйшн» выразительно описывает целую гамму переживаний, которую ему пришлось наблюдать среди стоявших в очереди за пособием по безработице преподавателей городского университета Нью-Йорка, закрытого в мае 1976 г. из-за нехватки средств: «В общем настрое присутствовало множество компонентов: чувство замешательства и неловкости (особенно когда человек впервые входил в помещение бюро); нежелание поверить, что «дело действительно дошло до этого», как сказала одна женщина встреченной здесь подруге; сдержанно-насмешливое ощущение противоестественности самой ситуации; но в глубине беспокойство и тревога и неудержимое чувство, что это начало крупных неприятностей»¹³⁴.

Потеря работы в условиях плохой конъюнктуры на рынке труда для многих означает начало профессиональной декалфикации, постепенную утрату статуса специалиста. Она ведет к крушению многих привычных мифов и стереотипов, в частности подрывает у человека уверенность, что «честный и упорный труд» гарантирует соответствующее положение в обществе. Длительные и безуспешные поиски работы подтачивают физическое и душевное здоровье человека, становятся причиной неурядиц в семье, ведут к разрушению личности¹³⁵.

Потеря работы может стать переломным моментом в жизни человека, началом его политического прозрения. Безработица, вырывая человека из привычного контекста связей и отношений, нарушая установившийся ритм жизни, обнажает пружины социального механизма. Выявляя глубинный смысл этой, по его словам, «странной картины», корреспондент «Нэйшн» писал: «Неожиданно вся их внушительная академическая подготовка и ученые публикации в респектабельных журналах потеряли значение

¹³³ Moyers B. Listening to America. N. Y., 1972, p. 204.

¹³⁴ Nation, 1976, Aug. 14—21, p. 102.

¹³⁵ New Society, 1978, May 25, p. 418—420; US News and World Report, 1979, March 12, p. 59.

по сравнению с простым фактом, что в отношении средств существования они полностью зависят от людей, обладающих богатством и властью. Неожиданно это зрелище университетских преподавателей, выстроившихся в очередь за пособием, сделало очевидным глубокое бессилие интеллигенции»¹³⁶.

Правда, путь такого прозрения очень не прост. В частности, ему мешают традиции индивидуализма, слабость, неразвитость коллективистских начал в сознании лиц интеллектуального труда. Ухудшение положения на рынке труда нередко ведет к ожесточенной конкуренции среди интеллигенции, к усилению противоречий между различными ее компонентами. Например, автор вышеупомянутой статьи в «Нэйшн» стал свидетелем сцены, когда взбешенный молодой преподаватель заявил пожилому профессору: «Если бы вы ушли на пенсию, я бы не остался без работы»¹³⁷.

Шок безработицы оказал сильное психологическое воздействие не только на самих уволенных, но и на их семьи. Видя печальный пример отцов, дети на пороге вступления в самостоятельную жизнь были вынуждены самым серьезным образом задуматься над своими жизненными планами и перспективами, над тем, что их ждет в будущем¹³⁸.

Безработица, поразившая небольшую часть лиц интеллектуального труда, оказала глубокое влияние на психологию и сознание всего слоя. В 70-е годы страх оказаться на улице — неотъемлемый элемент пролетарской психологии — изведали и многие представители интеллигенции. Не имея в отличие от рабочих ни колдоговоров, ни профсоюзов, люди интеллектуального труда были беззащитны перед угрозой массовых увольнений.

Быстро меняющаяся ситуация на рынке интеллектуального труда снижает ценность высшего образования в общественном сознании. По словам Аллана Остара, исполнительного директора Американской ассоциации государственных колледжей и университетов, положение в сфере занятости «подорвало уверенность, что высшее образование гарантирует работу»¹³⁹. «Меня всегда учили, что образование необходимо. Ну вот, черт побери, оно не помогает», —

¹³⁶ Nation, 1976, Aug. 14—21, p. 102.

¹³⁷ Ibid., p. 103.

¹³⁸ Moyers B. Op. cit., p. 205—207.

¹³⁹ New York Times, 1975, Jan. 15, p. 57.

заявил корреспонденту буржуазного еженедельника потерявший работу социолог с дипломом магистра¹⁴⁰. В 70-е годы в глазах молодежи ореол, окружавший колледжи и университеты, значительно померк¹⁴¹.

Новое положение в сфере занятости, когда предложение значительно обгоняет спрос, подрывает позиции лиц интеллектуального труда в отношениях с работодателем. В США на специалистов не распространяется действие трудового законодательства, предусматривающего особую оплату за сверхурочную работу. Поэтому на рубеже 70-х годов во время экономического кризиса некоторые компании, используя тяжелое положение на рынке труда, заставляли инженеров работать сверхурочно без всякой оплаты¹⁴². Эта практика сохранялась и в середине 70-х годов в аналогичной ситуации¹⁴³.

Переход к интенсивной фазе НТР означает не только появление массовой безработицы среди специалистов и снижение уровня оплаты интеллектуального труда. Сужаются возможности карьеры, сокращается социальная мобильность, барьер, отделяющий верхушку интеллигенции от основной массы ее представителей, становится все более труднопреодолимым. Методы управления и организации труда, используемые бизнесом, проникают в различные сферы интеллектуальной деятельности.

Негативное воздействие безработицы дополняется инфляцией, ставшей бичом американской экономики в 70-е годы. По официальным данным, с 1973 по 1981 г. средний заработок специалистов (в постоянных ценах) сократился на 15%¹⁴⁴. За общими показателями скрывается очень пестрая картина. В экономически неблагоприятной ситуации 70-х годов в мире интеллектуального труда кристаллизуются различия между белыми и черными, мужчинами и женщинами, техниками и гуманитариями¹⁴⁵.

Несмотря на заметное ухудшение социально-экономического положения интеллигенции, оно существенно лучше, чем положение основной массы трудящихся.

¹⁴⁰ US News and World Report, 1981, Dec. 21, p. 27.

¹⁴¹ Ibid., 1980, Febr. 4, p. 39; Febr. 25, p. 68.

¹⁴² Machine Design, 1971, Apr. 15, p. 65.

¹⁴³ MLR, 1975, N 2, p. 50.

¹⁴⁴ Ibid., 1982, N 4, p. 22.

¹⁴⁵ Ibid., 1980, N 7, p. 45; US News and World Report, 1978, Dec. 18, p. 52; 1981, Sept. 21, p. 64; Newsweek, 1981, Sept. 14, p. 45.

Хотя в 70-е годы уровень безработицы среди специалистов значительно повысился, он в 2—2,5 раза ниже, чем среди рабочих и рядовых служащих¹⁴⁶. Даже среди молодых специалистов уровень безработицы во время кризисов 1970—1971 и 1974—1975 гг. был в два раза ниже, чем среди выпускников средней школы¹⁴⁷.

Высокий уровень образования вообще увеличивает шансы оказаться в числе работающих. Два обследования, проведенные в 1960 и 1974 гг., показали, что если среди активного мужского населения разница в уровне занятости между имеющими среднее и высшее образование была незначительной, то среди лиц старше 65 лет, она составляла 10—15%¹⁴⁸. Еще заметнее аналогичная тенденция в сфере женского труда. Три обследования, проведенные в 60—70-е годы, показали, что среди женщин с высшим образованием доля работающих в среднем на 10% выше, чем среди окончивших среднюю школу¹⁴⁹. Существующий среди интеллигенции обычай заключать браки в своей среде в сочетании с высоким уровнем занятости специалистов ведет к значительному превышению уровня семейного дохода лиц интеллектуального труда над средними показателями¹⁵⁰.

Относительно привилегированное положение интеллигенции не сводится к более стабильной занятости и сравнительно высокой оплате труда¹⁵¹. Диалектика перехода, утрата одних социально-экономических привилегий и сохранение других хорошо схвачены в разговоре отца с сыном, о котором поведал один из собеседников Теркела: «Он сказал: «Пап, зачем мне тратить все твои деньги на учебу в колледже. Я могу устроиться водителем грузовика и зарабатывать больше выпускника колледжа». Я ответил: «Все-таки это разная работа»»¹⁵².

В короткой реплике отца заложено не столько утверждение различий двух видов труда, сколько широко рас-

¹⁴⁶ Employment and Training Report of the President. Wash., 1980, p. 257.

¹⁴⁷ Business Week, 1972, Sept. 23, p. 48; MLR, 1975, N 8, p. 34; Time, 1976, March 29, p. 38.

¹⁴⁸ Bowen H. R. Op. cit., p. 165; MLR, 1975, N 2, p. 67.

¹⁴⁹ Bowen H. R. Op. cit., p. 165; См. также: MLR, 1976, N 2, p. 47; 1980, N 7, p. 45.

¹⁵⁰ Time, 1978, Aug. 21, p. 27.

¹⁵¹ В 1981 г. заработок специалистов был на 30% выше, чем в среднем по стране. См.: MLR, 1982, N 4, p. 16.

¹⁵² Terkel St. Op. cit., p. 123—124.

пространенное в общественном сознании представление о принадлежности лиц физического и умственного труда к разным социальным мирам¹⁵³. Это представление складывается из многочисленных элементов, характеризующих положение человека интеллектуального труда.

Трудовая деятельность интеллигенции не столь жестко регламентирована, как труд рабочего или мелкого служащего. Выбор путей и методов решения производственных задач оставляется, как правило, на усмотрение специалиста. Распорядок рабочего дня интеллигента довольно эластичен, он поддается корректировке в соответствии с его нуждами и интересами. Условия труда специалистов существенно лучше, чем у других категорий наемных работников. Относительно медленный износ рабочей силы в сфере интеллектуального труда позволяет долго сохранять работоспособность. У работающего по найму специалиста сохраняется заинтересованность в результатах труда, поскольку от этого зависит его карьера. В случае удачи он может основательно продвинуться по служебной лестнице. Наемный специалист сохраняет определенные черты независимого производителя: в отличие от рабочего или рядового служащего он может в какой-то форме использовать продукт своего труда. К основному окладу человека интеллектуального труда часто добавляются побочные заработки.

Важнейшей социальной привилегией интеллигенции остается творческий труд, открывающий широкий простор развитию личности. Труд интеллигента в значительной степени сохраняет свои прежние черты: целостный, нерасчлененный характер, необходимость применения основательных знаний и высокоспециализированных навыков, наличие определенного результата. Растущие требования, предъявляемые к содержанию интеллектуального труда, препятствуют его превращению в унылую рутину, не требующую ни мысли, ни воображения.

Многие простые люди, рассказывая Теркелу о своих неосуществленных желаниях и нереализованных возможностях, прямо связывали внутреннюю убогость своего повседневного существования с оупляющим характером труда. Один из них заявил в интервью: «Я не могу даже как следует рассказать. Если ты сталелитейщик,

¹⁵³ Ibid., p. XXXV.

ты не научишься разговаривать так, как человек, работающий в банке или офисе»¹⁵⁴. Его сын, ставший священником, рассказал об отце: «Если другие восхищались своими отцами, работающими на заводе, то мой отец стремился не допустить, чтобы мой кругозор ограничивался этим. Он чувствовал: жизнь такова, потому что такие люди, как он, слишком рано начинают трудиться, не получают образования. Они не дискутируют, они не читают. Чтобы отдохнуть после работы, они идут в таверну пропустить пару стаканчиков. Он не хотел такой жизни для своих детей... Он настраивал меня на учебу в колледже, чтобы, говоря его словами, «из тебя что-нибудь вышло»»¹⁵⁵. Негритянская женщина, работающая прислугой, поведала, что она всю жизнь хотела научиться играть на фортепьяно, написать книгу о своей жизни, заниматься историей своего народа¹⁵⁶.

Многие рабочие так же, как цитированный выше сталелитейщик, не хотят, чтобы их жизненная судьба повторилась в детях. Другой рабочий, тоже со сталелитейного предприятия, заявил со всей откровенностью: «Я хочу услышать от сына, что он не собирается стать таким, как я»¹⁵⁷. Он хотел, чтобы будущее сына не имело ничего общего с миром тяжелого физического труда: «Я хочу, чтобы он стал утонченным снобом... Я хочу, чтобы он мог цитировать Уолта Уитмена и гордился этим... Я хочу послать его в колледж»¹⁵⁸.

Новое для рядового американца отношение к образованию как средству развития человеческой личности, обогащения ее духовного мира, прозвучавшее в словах этого рабочего, не является чем-то исключительным. Швейцар, чей диалог с сыном приводился выше¹⁵⁹, раскрывая причины, по которым он хотел дать ему образование, сказал: «Я верю в колледж. У меня не было возможности получить образование, но я верю в него. Даже если потом он снова станет швейцаром, полученное в колледже останется у него в голове. Учеба в колледже никому не повредит»¹⁶⁰.

¹⁵⁴ Ibid., p. 555.

¹⁵⁵ Ibid., p. 559.

¹⁵⁶ Ibid., p. 118.

¹⁵⁷ Ibid., p. XXXVII.

¹⁵⁸ Ibid., p. XXXII.

¹⁵⁹ См. с. 140 настоящей книги.

¹⁶⁰ *Terkel St. Op. cit.*, p. 124.

Неудивительно, что престиж интеллектуального труда в современном буржуазном обществе значительно выше, чем физического¹⁶¹. Об этом прямо говорили многие собеседники Теркела. Можно даже сказать, что в общественном сознании стран развитого капитализма сложилась несколько преувеличенная оценка значения интеллектуального труда в современном мире. Одной из причин возникновения подобного гиперболизированного представления об общественной ценности умственного труда является сознательная политика господствующего класса, направленная на то, чтобы затушевать классовую природу буржуазного общества, а заодно вбить клин между интеллигенцией и другими отрядами трудящихся. Свою лепту в создание несколько мистифицированного образа человека интеллектуального труда и его роли в обществе в эпоху научно-технической революции внесли средства массовой информации.

Конечно, никакие привилегии наемных специалистов не могут изменить основную характеристику их общественного бытия — необходимость зарабатывать на жизнь путем продажи своей рабочей силы. Редактор Нора Уотсон, подробно рассказав Теркелу, какие у нее прекрасные условия труда, суммирует свою ситуацию несколько неожиданным образом: «Кто-то купил вас на восемь часов в сутки. Как вас используют в это время, полностью зависит от них»¹⁶². Приниженное, подчиненное положение наемного специалиста наиболее отчетливо проявляется в жесткой иерархичной организации интеллектуального труда в современном буржуазном обществе, в полной зависимости интеллигента от воли босса.

Профессиональная структура интеллигенции

Сфера интеллектуального труда отличается большим разнообразием конкретных ситуаций. Среди многих делений и межевых полос, существующих внутри интеллигенции, наибольшее значение имеют профессиональные границы. Часто за ними скрываются большие различия в положении отдельных профессиональных категорий. В соответствии со своим объективным положением и накопленным социальным опытом каждая большая профессиональная

¹⁶¹ The Gallup Opinion Index, Sept. 1976, p. 17; Public Opinion, 1981, Aug.-Sept., p. 33.

¹⁶² Terkel *St. Op. cit.*, p. 523.

группа вырабатывает определенные модели поведения, способы достижения поставленных целей. Анализ внутренней структуры интеллигенции под этим углом зрения имеет принципиальное значение. Игнорирование глубоких социальных различий, существующих в сфере интеллектуального труда, — в частности, между профессиями — является одним из основных методологических пороков концепции интеллигенции как «нового класса», выдвигаемой западными теоретиками. Нередко он проявляется в произвольном распространении выводов и оценок, относящихся к одной профессии, на весь слой.

Конечно, для нас наиболее важны основные отряды лиц интеллектуального труда (табл. 1). По своей профессиональной структуре интеллигенция США принципиально не отличается от интеллигенции других капиталистических государств, достигших такого же уровня развития, хотя, конечно, порядок величин не обязательно совпадает.

Хотя в послевоенный период уровень подготовки специалистов растет, еще далеко не все имеют образование в объеме четырех лет колледжа. Например, в 1970 г. только 58,4% инженеров и специалистов по ЭВМ имели высшее образование. Среди других профессий удельный вес выпускников вузов был значительно выше: от 74,4% (ученые-естественники) до 95,9% (врачи)¹⁶³.

Несравненно более важные, хотя и незаметные на первый взгляд, отличия американской интеллигенции от западноевропейской обусловлены ее крайней социальной неоднородностью. Если внутренняя иерархия профессий в сфере интеллектуального труда в Соединенных Штатах принципиально не отличается от той, которая существует в других странах капиталистического мира, то перепад в общественном положении отдельных профессиональных категорий в США значительно больше, чем в Западной Европе.

В американском, как и в любом другом буржуазном обществе, в особо привилегированном положении среди интеллигенции находятся врачи и юристы. Приобретение профессии врача или юриста требует много времени, сил и денег; студенты медицинских и юридических школ происходят из весьма состоятельных семей¹⁶⁴. Затрачен-

¹⁶³ 1970 Census of Population. Subject Reports, PC(2)-7A. Occupational Characteristics. Wash., 1973, p. 59—61, 73—75.

¹⁶⁴ См., напр.: *Fein R., Weber G. I. Financing Medical Education*. N. Y., 1971, p. 96; *US News and World Report*, 1980, July 28, p. 60.

Таблица 1. Изменение численности и удельного веса некоторых категорий специалистов в США в послевоенный период (1950—1976 гг.)

Профессиональные отряды	1950 г.		1970 г.		1980 г.	
	Численность, тыс.	Удельный вес, %	Численность, тыс.	Удельный вес, %	Численность, тыс.	Удельный вес, %
Всего	4857	100	11 351	100	15 613	100
В том числе:						
Врачи	253	5,2	372	3,3	566	3,6
Юристы	174	3,6	272	2,4	547	3,5
Научные работники:						
естественные и технические науки	113	2,3	238	2,1	429	2,7
общественные науки	34	0,7	109	0,9	278	1,8
Преподаватели колледжей и университетов	123	2,5	486	4,3	552	3,5
Инженеры и специалисты по ЭВМ	518	10,7	1 208	10,6	2 170	12,9
Учителя	1123	23,1	2 415	21,3	3 157	20,0
Творческая интеллигенция и работники средств массовой информации (писатели, художники, артисты, музыканты, издатели, журналисты)	366	7,5	398	3,5		

Источник: United States Census of Population: 1950. Occupation by Industry, P — EN1C. Wash., 1954, Table 2; 1970 Census of Population. Subject Reports, PC(2) — 7C. Occupation by Industry. Wash., 1972, p. 241—243; Statistical Abstract of the United States: 1981. Wash., 1981, p. 402.

ные усилия и деньги с лихвой компенсируются теми возможностями, которые открывает приобщение к элитарным группам интеллигенции. Оплата труда юристов и особенно врачей, среди которых много частнопрактикующих, значительно выше, чем других специалистов. В конце 60-х — начале 70-х годов средний годовой доход частнопрактикующих врачей был в 4 раза больше, чем у рабочих и рядовых служащих¹⁶⁵.

Уступая врачам по уровню дохода, юристы обладают значительно большим общественным весом. Ни в одной

¹⁶⁵ Medical Care Expenditures, Prices and Costs: Background Book. Wash., 1974, p. 55.

стране капиталистического мира никогда юристы не пользовались таким влиянием, как в США. Формирование и развитие Соединенных Штатов на чисто буржуазной основе, отсутствие вековых, освященных обычаем традиций, общепризнанных образцов поведения и моделей социального взаимодействия, широкое распространение буржуазно-демократических институтов и утверждение в народном сознании принципа формального равенства перед законом сделали необходимым всеобъемлющее юридическое регулирование повседневной жизни, превратили право в важнейший связующий элемент социальной ткани американского общества.

Юрист — одна из ключевых фигур американской жизни, к его профессиональным услугам приходится обращаться на каждом шагу. Учитывая размеры населения, в США в три раза больше юристов, чем в Англии, и их политическое влияние неизмеримо сильнее¹⁶⁶. Многие выпускники юридических школ занимают высокие посты в сфере бизнеса и в государственном аппарате, возглавляют общественные организации. Крупные юридические фирмы играют важную роль в жизни страны, в ее экономике и политике.

По традиции юристы поставляют политических деятелей разного калибра и активно занимаются государственными делами. В конце 70-х годов $\frac{1}{5}$ членов законодательных собраний штатов, более половины конгрессменов, 8 из 13 членов кабинета были юристами по образованию. Будучи причастными к государственной деятельности, юристы тяготеют к столице. В 70-е годы число юристов, работающих в Вашингтоне, увеличилось в 2,5 раза, с 16 тыс. до 40 тыс., более $\frac{3}{4}$ из них занимались частной практикой¹⁶⁷.

В трудовой деятельности врачей и юристов — последних могокан уходящего в прошлое мира «свободных профессий» — сохраняются значительные элементы свободного предпринимательства. Правда, и в этих профессиях «золотой век» частнопрактикующего специалиста широкого профиля остался далеко позади. Врачи и юристы постепенно утрачивают былую самостоятельность, их труд

¹⁶⁶ Карлен Д. Американские суды: система и персонал. М., 1972, с. 39, 57—58. См. также: Crozier M. Le mal américain. P., 1980, p. 234—235.

¹⁶⁷ Time, 1978, Apr. 10, p. 50; US News and World Report, 1980, March 10, p. 55, 53.

приобретает частичный, узкоспециализированный характер. Например, в крупных адвокатских конторах Вашингтона работают по 100—200 юристов, специализирующихся в различных областях права¹⁶⁸. Заглядывая в будущее, «Тайм» писал: «Дни независимого процветающего юриста общего профиля сочтены»¹⁶⁹.

Опираясь на мощные профессиональные объединения, такие, как Американская медицинская ассоциация и Американская ассоциация юристов, они могут успешно отстаивать свои интересы. В 70-е годы изменение конъюнктуры на рынке труда не застало врачей и юристов врасплох. Благодаря своему положению в обществе они сумели в значительной степени парировать удары судьбы. Оставаясь островками благополучия среди бед и невзгод, обрушившихся на мир интеллектуального труда, эти профессии властно притягивают к себе молодежь. Например, в 70-е годы число юристов увеличилось до полумиллиона человек (только за один 1978 г. 30 тыс. человек получили право заниматься юридической практикой)¹⁷⁰. В 70-е годы приток свежих сил в эти профессии был столь значительным, что впервые за много лет вырос удельный вес врачей и юристов среди специалистов (см. табл. 1).

Врачи и юристы — наиболее обуржуазившиеся профессии, органично вписавшиеся в социальный контекст. Не случайно Т. Парсонс избрал именно эти отряды интеллигенции в качестве наглядной иллюстрации структурно-функциональной теории¹⁷¹.

Особое положение врачей и юристов среди специалистов зафиксировано в общественном сознании. Они воспринимаются скорее как фигуры из мира бизнеса, чем из сферы интеллектуального труда. «Торговля — это настоящая профессия. Все равно что быть врачом. Или адвокатом», — говорит своему сыну коммивояжер, герой одной из новелл Ю. С. Андерсона¹⁷². Родители молодого священника, с которыми беседовал Теркел, были искренне огорчены, узнав, что их сын собирается поступать в семинарию вместо того, чтобы стать врачом¹⁷³.

¹⁶⁸ US News and World Report, 1980, March 10, p. 53.

¹⁶⁹ Time, 1978, Apr. 10, p. 51.

¹⁷⁰ Ibid., 1980, Febr. 25, p. 52.

¹⁷¹ Parsons T. The Social System. Glencoe, 1952, p. 428—479; *Idem*. Essays in Sociological Theory. N. Y.; L., 1967, p. 370—385.

¹⁷² Современная американская новелла, 60-е годы. М., 1971, с. 6.

¹⁷³ Terkel St. Op. cit., p. 555, 559.

Среди лиц интеллектуального труда промежуточное положение занимают ученые, преподаватели колледжей и университетов, инженеры. Более молодые, тесно связанные с развитием современных форм капиталистической организации труда эти отряды интеллигенции не имеют ни столь прочных традиций, ни такого веса в обществе, как врачи и юристы. Их положение на рынке труда более уязвимо, чем представителей свободных профессий. Преподаватели колледжей и университетов, занимающие в Америке ключевое положение в мире интеллектуального труда, требуют особого внимания¹⁷⁴, поэтому здесь мы ограничимся характеристикой социально-экономического положения ученых и инженеров.

Научно-техническая революция превратила ученых и инженеров в массовый отряд трудящихся¹⁷⁵. Несмотря на растущий спрос на научно-технических специалистов со стороны государственных учреждений и университетов, львиная доля ученых и инженеров по-прежнему приходится на частный сектор экономики. По официальным данным, в 1970 г. 70% ученых (не считая гуманитариев) и инженеров было занято в частном секторе, 15 — в государственном аппарате, 14 — в колледжах и университетах и 1% — в общественных организациях некоммерческого характера¹⁷⁶. В 1974 г. в частном секторе было занято $\frac{3}{4}$ всех инженеров США¹⁷⁷.

Занятая в частном секторе научно-техническая интеллигенция первой чувствует на себе перепады экономической конъюнктуры. Колебания спроса на рынке труда прямо отражаются и на популярности инженерных факультетов среди поступающих в вузы¹⁷⁸. В период экономического бума 60-х годов спрос на технических специалистов был столь высок, что на должности инженеров брали людей, не имеющих соответствующего образования. Хуже подготовленная часть инженеров стала первой жертвой массовых увольнений в условиях плохой конъюнктуры 70-х годов¹⁷⁹. Для «упорядочения положения» инженерно-технических работников в начале 70-х годов

¹⁷⁴ Подробнее о них см. с. 169—182 настоящей книги.

¹⁷⁵ См.: *Надель С. Н.* Научно-техническая интеллигенция в современном обществе. М., 1971.

¹⁷⁶ *Employment of Scientists and Engineers, 1950—1970.* Wash., 1973, p. 5.

¹⁷⁷ *Special Studies*, 1975, N 7, p. 34, table 5.

¹⁷⁸ *Wilson L.* Op. cit., p. 32.

¹⁷⁹ *MLR*, 1972, N 10, p. 19.

была проведена специальная проверка уровня их профессиональной подготовки, в результате которой общее число инженеров сократилось более чем на 200 тыс. до 1 млн. человек¹⁸⁰.

Уровень доходов инженеров и ученых значительно выше среднего, хотя и не столь высок, как у частнопрактикующих юристов и врачей. В 1969 г. средний годовой заработок инженера составлял 13,5 тыс. долл., средний оклад ученого в 1970 г. был равен 15 тыс. долл., что более чем в 2 раза превышало среднюю зарплату рабочего обрабатывающей промышленности¹⁸¹. Техник, по некоторым оценкам, должен проработать на инженерной должности 20 лет, чтобы по уровню квалификации и зарплаты стать вровень с бакалавром, недавно окончившим вуз¹⁸².

За средними цифрами скрывается широкий веер должностных окладов представителей научно-технической интеллигенции. Внутренняя дифференциация уровней оплаты труда инженеров и ученых, по-видимому, больше, чем в какой-либо другой области интеллектуальной деятельности¹⁸³. В частности, в менее благоприятном положении находятся ученые, занимающиеся «чистой» наукой, фундаментальными исследованиями, не имеющими прямого практического выхода.

В послевоенный период среди научных работников исключительно быстро растет число специалистов гуманитарного профиля (экономисты, социологи, психологи и т. д.), по удельному весу сегодня мало уступающих специалистам в области естественных и технических наук (см. табл. 1).

Несмотря на большие внутренние различия, ученые и инженеры в целом являются привилегированным отрядом трудящихся, доступ в который для представителей социально обделенных категорий населения весьма ограничен.

Далеко не столь благоприятно положение крупнейшего отряда американской интеллигенции — учителей. В сов-

¹⁸⁰ The 1972 Scientist and Engineering Population Redefined. Wash., 1975, p. 3.

¹⁸¹ 1970 Census of Population. Subject Reports, PC(2)-7C. Occupation by Industry. Wash., 1972, p. 145; Statistical Abstract of the United States, 1972, p. 527.

¹⁸² Freeman R. B. The Market for College-trained Manpower. Cambridge, 1971, p. 58.

¹⁸³ См., напр.: Минервин И. Г. Указ. соч., с. 115.

ременном буржуазном обществе учителя — люди второго сорта в мире интеллектуального труда. Но, пожалуй, нигде это не проявляется с такой очевидностью, как в Соединенных Штатах. В Америке профессия учителя никогда не пользовалась таким престижем, как в Европе. В глазах окружающих он рядовой служащий, ничем не выделяющийся из огромной массы «белых воротничков»¹⁸⁴. Даже серьезные исследователи порой отказывают учителям в принадлежности к миру интеллектуального труда, относя их к так называемым «полупрофессиональным» категориям¹⁸⁵.

В сфере интеллектуального труда учителя относятся к числу низкооплачиваемых категорий¹⁸⁶. В начале века жалование учителя приблизительно равнялось средней зарплате рабочего¹⁸⁷, и это соотношение сохраняется и в настоящее время.

Особенно низка зарплата учителей, работающих в тех районах, где живет беднота. Хотя внутренние различия в оплате труда учителей меньше, чем в других профессиональных категориях, все же они достигают 60—70%¹⁸⁸, и значительная часть американских учителей вынуждена довольствоваться более чем скромным заработком. Например, молодая учительница из Хьюстона после трех лет преподавания была вынуждена уйти из школы, где она не могла заработать на жизнь, и стала агентом по сбыту в частной фирме. Постоянно испытывая материальные трудности во время работы в школе, она всерьез думала о том, чтобы устроиться по совместительству официанткой¹⁸⁹.

Недаром после второй мировой войны среди учителей широкое распространение получила практика работы в двух местах («мунлайтинг»), позволяющая поддерживать приличный жизненный уровень. По официальным данным, на долю учителей приходится почти 20% мужского населения страны, работающего по совместительству¹⁹⁰.

¹⁸⁴ См., напр.: *Terkel St. Op. cit.*, p. 451, 567.

¹⁸⁵ *The Semi-professions and Their Organizations: Teachers, Nurses, Social Workers* / Ed. A. Etzioni. N. Y., 1969.

¹⁸⁶ *Problèmes économiques*, 1981, 19 août, p. 22.

¹⁸⁷ *Collective Negotiations in Higher Education* / Ed. C. R. Hughee et al. Callinville, 1973, p. 36.

¹⁸⁸ *Малькова З. А.* Указ. соч., с. 86.

¹⁸⁹ *US News and World Report*, 1979, Oct. 1, p. 47.

¹⁹⁰ *Ibid.*, 1978, Nov. 27, p. 68.

В Соединенных Штатах всеми делами школы ведают школьные советы, в состав которых учителя не допускаются по закону. Школьные советы обладают широкими полномочиями и осуществляют всесторонний контроль за поведением учителя, включая его личную жизнь. «Учитель в США всегда зависим, во всяком случае в значительно большей степени, чем учитель в западноевропейских странах», — отмечает Л. Маттиас¹⁹¹. Находясь под неослабным социальным контролем, учитель вынужден постоянно соотносить свои действия с нормами и предвзвешенными суждениями окружающей среды, приспосабливаться к ее запросам и требованиям.

В послевоенный период школа стала одним из основных узлов противоречий американского общества. На плечи учителя свалилась тяжелая ноша проблем и конфликтов, выходящих далеко за рамки школы. Учитель часто находится в стрессовой ситуации, и ему неоткуда ждать помощи и поддержки¹⁹².

Низкий уровень оплаты труда, постоянный надзор, несоответствие между правами и обязанностями сделали профессию учителя малопrestiжной, не пользующейся уважением в обществе. В одном из официальных отчетов о положении школ в США содержится горькое признание учительницы: «Люди испытывают какое-то скрытое презрение к учителям. Когда я бываю где-нибудь в обществе, я всегда стараюсь по возможности дольше не называть своей профессией. Иначе может получиться так, что партнер отвернется и останешься стоять одна... Учителю чрезвычайно трудно поддерживать нормальные отношения с людьми другой профессии»¹⁹³.

Пренебрежительное отношение к ремеслу учителя проявляется и в заниженных требованиях, предъявляемых к его профессиональному уровню. Будущие учителя отличаются слабой подготовкой по многим предметам¹⁹⁴.

Показателем низкого общественного статуса является длительная и устойчивая феминизация профессии учителя. Уже в 1870 г. женщины составляли в школах большинство — почти 60% учителей, к 1900 г. этот показа-

¹⁹¹ *Matthias L.* Обратная сторона США. М., 1968, с. 235.

¹⁹² *White Collar and Professional Stress* / Ed. C. L. Cooper, J. Marshall. Chichester; New York, 1980, p. 100—101.

¹⁹³ Цит. по: *Matthias L.* Указ. соч., с. 232.

¹⁹⁴ *US News and World Report*, 1980, Sept. 8, p. 48, 50.

тель превысил 70%, а четверть века спустя достиг рекордной отметки — 83%¹⁹⁵. В дальнейшем удельный вес мужчин среди учителей медленно, но неуклонно повышался (в основном за счет развития системы среднего образования), но даже в послевоенный период Соединенные Штаты сильно отставали по этому показателю от других индустриально развитых капиталистических государств. В 1981 г. женщины составляли 82% учителей начальной школы и 49% учителей средней школы¹⁹⁶.

Понятно, что в учителя идут не от хорошей жизни. «Многие выпускники вузов рассматривают преподавание в школе как неплохой выход, когда у них нет других возможностей», — говорит Л. Кеннэймер, декан педагогического факультета Техасского университета¹⁹⁷. Для многих школа — временное пристанище, переходная ступень на пути к другим профессиям. Каждый год из школы уходит 10% учителей¹⁹⁸. С 1966 по 1978 г. доля учителей, проработавших в школе 20 и более лет, сократилась с 21,4 до 14%¹⁹⁹. Вследствие большой текучести среди учителей американские школы в 50—60-е годы испытывали хроническую нехватку кадров. Правда, положение стало меняться в 70-е годы, когда в условиях кризиса и массовой безработицы даже скромное место школьного учителя приобрело известную ценность на рынке интеллектуального труда.

В наиболее тяжелом положении находится творческая интеллигенция. Подавляющее большинство ее представителей живет за счет побочных заработков. Проведенный на рубеже 70-х годов опрос более 300 представителей творческой интеллигенции показал, что «не могут обеспечить своего существования творческой деятельностью» 74% писателей, 88% художников, 92% композиторов²⁰⁰. По уровню жизни они были ближе к неквалифицированным, чем к квалифицированным рабочим²⁰¹.

¹⁹⁵ Hofstadter R. Anti-intellectualism in American Life. N. Y., 1963, p. 317.

¹⁹⁶ MLR, 1982, N 4, p. 26.

¹⁹⁷ US News and World Report, 1978, Sept. 11, p. 54.

¹⁹⁸ White Collar and Professional Stress, p. 103.

¹⁹⁹ US News and World Report, 1978, Sept. 11, p. 54.

²⁰⁰ Saturday Review, 1970, Febr. 28, p. 27; US News and World Report, 1979, Dec. 17, p. 80.

²⁰¹ Saturday Review, 1970, Febr. 28, p. 79. Аналогичное положение

Материальное положение творческой интеллигенции, всегда бывшее крайне неустойчивым, в настоящее время все больше зависит от произвола крупного капитала. Массированное вторжение крупнейших компаний в издательское дело, кинобизнес, другие сферы деятельности, где широко используется труд творческой интеллигенции, привело к ускоренной капиталистической рационализации духовного производства, осуществляемой за счет трудящихся. Например, по данным гильдии киноактеров США, в 60—70-е годы средний уровень безработицы среди ее членов составлял 75% ²⁰².

Неразвитость государственных форм поощрения творческой деятельности усугубляет создавшуюся ситуацию. Средства, выделяемые на развитие искусства федеральными и местными органами власти, явно не соответствуют потребностям. По соответствующим показателям Соединенные Штаты сильно отстают от западноевропейских государств. Например, в пересчете на душу населения в середине 70-х годов Франция расходовала на развитие национальной художественной культуры в 5 с лишним раз больше, чем США ²⁰³. На рубеже 80-х годов федеральное правительство меньше расходовало на поощрение искусств, чем Вена ²⁰⁴. Слабое государственное обеспечение творческой деятельности усиливает зависимость художника от денежного мешка, от щедрот благотворительных фондов.

Бедственное положение художника в богатейшей стране капиталистического мира отражает определенные установки общественного сознания. В Соединенных Штатах художника не воспринимают как общественную фигуру, способную внести свой вклад в решение национальных проблем. Правда, в послевоенный период в американском обществе растет интерес к искусству, понимание его общественной значимости ²⁰⁵.

Включение различных видов духовного производства в орбиту экономических интересов крупнейших группировок

существует и в Англии. См.: The Financial Times, 1976, Nov. 13, p. 15.

²⁰² US News and World Report, 1979, May 7, p. 81.

²⁰³ Saturday Review, 1975, Oct. 4, p. 33.

²⁰⁴ Time, 1981, March 2, p. 35; US News and World Report, 1981, March 23, p. 59—60.

²⁰⁵ Saturday Review, 1970, Febr. 28, p. 79; US News and World Report, 1981, March 23, p. 60.

ровок финансового капитала способствует подчинению творческой деятельности заправилам бизнеса, ограничивает возможности художественного поиска и независимых суждений. Подчинение культуры миру бизнеса вызывает растущую тревогу среди творческой интеллигенции. «Писатели серьезно обеспокоены проникновением конгломератов в издательское дело. Мы чувствуем, что со временем это приведет к появлению цензуры в литературе. Когда правит доллар, страдает художественное слово», — говорит известный американский писатель Бернард Маламуд²⁰⁶.

Состояние изоляции, ставшее уделом художника в американском обществе, породило характерный для творческой интеллигенции комплекс социальной неполноценности, чувство бессилия, полной зависимости от работодателя. «Мы всего лишь чертovy марионетки», — с горечью сказал Теркелу актер Рип Торн²⁰⁷.

Таким образом, творческая интеллигенция обозначает нижнюю ступень того широкого набора социальных позиций, которые занимают в американском обществе лица интеллектуального труда.

При большом перепаде в социальном статусе различных отрядов лиц интеллектуального труда профессиональное деление интеллигенции стало естественной основой всяких форм дискриминации. Женщины, негры, выходцы из рабочей среды, сумевшие пробиться в сферу интеллектуального труда, редко попадают в элитарные отряды интеллигенции. Как правило, они оседают в наименее престижных, низкооплачиваемых профессиях. По данным переписи населения США 1970 г., женщины составляли менее 2% инженеров, 4,8% адвокатов и судей, 8,4% врачей и 76% учителей²⁰⁸. Хотя в 70-е годы доля этих категорий населения среди привилегированных отрядов интеллигенции повысилась, она далеко не соответствует их удельному весу в обществе. Например, с 1958 по 1978 г. доля негров среди специалистов увеличилась с 4,1 до 11,7%. Однако на верхних ступенях

²⁰⁶ US News and World Report, 1979, Oct. 8, p. 57.

²⁰⁷ Terkel St. Op. cit., p. 83. См. также: p. 80, 459.

²⁰⁸ 1970 Census of Population. Subject Reports, PC(2)-7C. Occupation by Industry, p. 241—242.

иерархии интеллектуальных профессий она была значительно скромнее: среди юристов — 2,7%, инженеров — 5%²⁰⁹. То же самое можно сказать и о женщинах²¹⁰.

²⁰⁹ US News and World Report, 1979, May 14, p. 61—63.

²¹⁰ MLR, 1982, N 4, p. 26.

Глава четвертая

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И ОСНОВНЫЕ ИНСТИТУТЫ АМЕРИКАНСКОГО ОБЩЕСТВА

Характер социальных институтов, в рамках которых осуществляется профессиональная деятельность человека интеллектуального труда, накладывает серьезный отпечаток на его восприятие явлений окружающего мира. Основные подсистемы современного буржуазного общества, различаясь по своим функциям, предъявляют специфические требования к персоналу и притягивают разных по своим установкам людей. Это различие жизненных ориентаций проявляется еще при выборе профессии¹. Скажем, молодой человек, готовящийся стать инженером, как правило, думает о карьере в сфере бизнеса, а будущего ученого привлекает университетская жизнь. В выборе сферы деятельности заложен и определенный общественный идеал, поскольку чем дальше она отстоит от мира частного предпринимательства, тем легче в ней прижиться человеку неортодоксальных взглядов.

Система предпочтений, проявившаяся при выборе профессии и первого места работы, закрепляется в процессе трудовой деятельности и прочно удерживает человека на заданной орбите. По свидетельству американских экспертов, большая часть специалистов, меняющих место работы, перемещаются внутри таких крупных секторов занятости, как различные отрасли частного хозяйства (главным образом промышленности), государственные учреждения, система высшего образования².

¹ См., напр.: The American Journal of Economics and Sociology, 1981, N 1, p. 53.

² Folger J. K., Astin H. Human Resources and Higher Education. N. Y., 1970, p. 241—242.

Знакомство с различными сферами деятельности позволяет рассмотреть такие важные аспекты нашей темы, как интеллигенция и бизнес, интеллигенция и государственная власть, интеллигенция и культура.

В мире корпораций

Приблизительно половина специалистов США занята в частном секторе³. В самой этой цифре, намного превосходящей западноевропейские мерки, заложен определенный смысл. Она отражает и то исключительное влияние, которым пользуется крупный бизнес в Соединенных Штатах, и те особые возможности, которыми располагает американская буржуазия для воздействия на сознание и поведение интеллигенции.

Характерная для американской экономики исключительно высокая степень концентрации капитала сделала мир большого бизнеса, огромных корпораций естественной средой обитания занятого в частном секторе человека интеллектуального труда. В середине 60-х годов на долю 1% компаний, нанимающих инженеров, приходилось примерно 70% инженеров, занятых в сфере бизнеса⁴. В 1974 г. на 132 компании с числом занятых 25 тыс. и более человек приходилось 63,5% ученых и инженеров, занимающихся научно-исследовательскими и опытно-конструкторскими разработками (НИОКР) в частном секторе⁵. В крупнейших американских монополиях, составляющих ядро военно-промышленного комплекса США, таких, как «Дженерал электрик» или «Дженерал дайнемикс», работает по 20—25 тыс. ученых и инженеров⁶.

Быстрое обобществление интеллектуального труда происходит не только в традиционных сферах экономики. Образование гигантских корпораций, монополизировавших средства массовой информации, коренным образом изменило условия труда сотен и тысяч специалистов, ставших элементами сложной иерархической структуры

³ Мельников А. Н. Современная классовая структура США. М., 1974, с. 204.

⁴ The Engineer and the Social System / Ed. R. Perrucci, Y. E. Gerstl. N. Y., 1969, p. 247.

⁵ Research and Development in Industry, 1973. Wash., 1975, p. 34, 41.

⁶ Масленников В. И. США: политика и наука. М., 1971, с. 140—141, 142.

современного бизнеса. Характеризуя происходящее, писатель Фредерик Мортон сказал: «Для авторов и издателей, работающих в этих больших фирмах, главная проблема сводится к тому, что они становятся частью огромного корпоративного механизма без собственного «я», а издание книги оказывается одним из пунктов в длинной повестке дня»⁷.

Милитаризация американской экономики крепко связывает многих специалистов, занятых в частном секторе, к военно-промышленному комплексу. В первой половине 60-х годов половина выпускников университетов находила себе применение в отраслях, так или иначе связанных с военным производством и исследованием космоса⁸.

На бизнес работает значительная часть системы высшего образования. В 1957 г. в США было 160 школ бизнеса и более 400 специальных факультетов при университетах. В начале 70-х годов в стране насчитывалось приблизительно 300 школ бизнеса и около 1100 вузов имели в своем составе самостоятельные подразделения, готовящие специалистов для работы в сфере бизнеса⁹. Не довольствуясь этим, крупнейшие компании создают собственные вузы для подготовки кадров.

До 70-х годов уровень оплаты интеллектуального труда в частном секторе был выше, чем в государственном. В крупной корпорации можно было быстрее сделать карьеру, чем в государственном аппарате. Располагая широкими материальными возможностями, большой бизнес снимал сливки в мире интеллектуального труда, забирая себе лучших специалистов.

Правда, и плата за те возможности, которые открывает работа в крупной фирме, достаточна высока. Продвижение внутри корпоративной иерархии требует напряжения всех сил, полного отождествления с интересами фирмы. Соображения карьеры оттесняют все остальное на задний план. «Управляющий в сфере большого бизнеса — это много работающий, преуспевающий, узкий специалист. Он дорого заплатил за свой «успех», пожертвовав интересом к семье, чтению, отдыху, размышлениям и развлечениям. Он абсолютно хладнокровен в управле-

⁷ New York Times, 1970, Jan. 27, p. 46.

⁸ Kerr C. The Uses of the University. N. Y., 1963, p. 34.

⁹ Минервин И. Г. США: проблемы управленческих кадров в промышленности. М., 1974, с. 90.

нии своими подчиненными, чрезвычайно эгоцентричен. Вся его жизнь посвящена самовозвышению», — пишет бывший вице-президент одной из крупнейших американских монополий, «Дженерал электрик», Т. Куинн¹⁰.

Корпорации держат под контролем и частную жизнь своих служащих. Один из героев книги Теркела, учитель, вспоминая своего отца, профессионального менеджера, говорит: «На деле корпорация требует, чтобы человек посвятил ей всю жизнь»¹¹.

Регламентируя всю жизнь служащего, корпорация не дает ему никаких прав. У него нет гарантий на будущее, любой конфликт с начальством грозит увольнением. В этом случае ему нечего ждать поддержки со стороны коллег. Как отмечает видный общественный деятель США Р. Нэyder, в отличие от Американской ассоциации университетских преподавателей, время от времени выступавшей в защиту академических свобод преподавателей, большинство профессиональных объединений юристов, инженеров, ученых, врачей никогда не защищали своих членов от произвола нанимателей¹². Отсутствие у служащих корпораций многих элементарных трудовых прав стало особенно заметным в 70-е годы, когда положение на рынке труда резко изменилось в худшую сторону.

Ограничивая круг интересов человека работой, мир бизнеса деформирует развитие личности, придает ему однобокий, уродливый характер. Даже в сфере трудовой деятельности возможности профессионального роста специалиста ограничены в соответствии с интересами бизнеса. Узкоспециализированный характер задач, стоящих перед служащим корпорации, не позволяет ему полностью использовать свои профессиональные возможности. Проведенное в начале 70-х годов обследование 500 крупнейших компаний показало, что лишь треть выпускников вузов использует в процессе труда полученные теоретические знания¹³.

¹⁰ Quinn T. K. Giant Business: Threat to Democracy. N. Y., 1954, p. 235; см. также: Fortune, 1980, Apr. 7, p. 75; Newsweek, 1981, Sept. 14, p. 47; The American Journal of Economics and Sociology, 1981, N 1, p. 53, 54.

¹¹ Terkel St. Working. N. Y., 1974, p. 567. См. также: p. 406.

¹² International Labour Review, 1974, N 4, p. 303.

¹³ Administrative Management, 1973, Jan., p. 68; см. также: The American Journal of Economics and Sociology, 1981, N 1, p. 55.

Авторитарная организация труда в капиталистических корпорациях сковывает творческие потенции интеллекта, прививает конформизм мышления и поведения. «Существуют десятки тысяч молодых людей, чьи таланты навсегда потеряны для общества вследствие стандартизированной рутины и сложной иерархии чудовищно крупных корпораций... Неизменное правило промышленной бюрократии состоит в том, чтобы всегда делать то, что нравится хозяину... Крупные корпорации — это тоталитарная плутократия. Здесь есть место только для железной воли и крутого нрава босса. Абсолютная власть одного человека над другими делает жизнь каждого интеллигента крайне тяжелой», — с тревогой констатирует Т. Куинн¹⁴.

Весьма неустойчивое положение человека в мире большого бизнеса, его полная незащитность перед лицом хозяйского произвола порождают постоянное чувство неуверенности и страха. Один из собеседников Теркела, Ларри Росс, за тридцать лет успевший поработать во многих компаниях и закончивший свою карьеру президентом крупной корпорации, оглядываясь назад, вспоминает: «В корпорациях всегда царит чувство страха. Даже если вы занимаете высокое положение, старательны, справляетесь со своими обязанностями, ваш босс может уволить вас легким движением мизинца. Вы постоянно испытываете неуверенность»¹⁵. Проведенный Бостонским университетом опрос показал, что только 33% средних менеджеров считают, что их судьба в значительной мере зависит от них самих¹⁶.

Жестокая, подогреваемая сверху конкуренция, стремление быстрее продвинуться, обогнать других, боязнь сделать ошибку и готовность немедленно использовать чужую оплошность — таковы «правила игры» в мире большого бизнеса. Другой герой книги Теркела, молодой юрист, вспоминая свою работу в сфере бизнеса, с которой он расстался без всяких сожалений, пожертвовав карьерой и материальным благополучием ради возможности защищать бедноту от полицейского произвола, рассказывает: «В страховой компании все было пронизано духом

¹⁴ Цит. по: Зорин В. Некоронованные короли Америки. М., 1970, с. 197—198. См. также: Эпштейн С. Капитаны большого бизнеса, М., 1979, с. 148—149.

¹⁵ Terkel St. Op. cit., p. 406.

¹⁶ Jeager R. C. Losing It. N. Y., 1980, p. 97.

конкуренции. Вы должны были подмять другого парня и, встав на него, продвигаться таким образом вверх. Вы знаете, что, если вы этого не сделаете, он постарается перехитрить и обойти вас»¹⁷. Тот же Ларри Росс без всякой сентиментальности резюмирует свой основательный опыт изучения нравов, царящих внутри корпораций: «Служащий — одинокое животное в джунглях, у которого нет друзей»¹⁸.

Мир гигантских корпораций, став живым воплощением философии бизнеса, унаследовал многие традиционные черты его психологии, в частности скептически-враждебное отношение к знаниям и культуре, когда они не сулят осязаемой выгоды. Пренебрежительное отношение к интеллектуальным ценностям идет с самого верха корпоративной лестницы¹⁹ и, не встречая сопротивления в атмосфере всеобщего конформизма, пронизывает всю корпоративную структуру²⁰. В свою очередь те, кто стремится к интересному, творческому труду и дорожит личной независимостью, с недоверием и настороженностью относятся к миру большого бизнеса, предпочитая другие области деятельности.

Дух конформизма пронизывает и политическое поведение служащих корпораций. В их среде редко обсуждаются острые, животрепещущие проблемы и еще реже высказываются критические суждения в отношении бизнеса. Как отмечает Р. Нэйдер, состоящая на службе бизнесу интеллигенция редко выступает против отрицательных сторон деятельности корпораций²¹. Атмосфера угодничества, консервативное окружение, страх за свое будущее сковывают развитие прогрессивных тенденций в сознании и поведении служащих корпораций.

¹⁷ *Terkel St. Op. cit.*, p. 538—539. См. также: *Fortune*, 1980, Apr. 7, p. 76.

¹⁸ *Terkel St. Op. cit.*, p. 406. Эта психология закладывается еще на студенческой скамье, в школах бизнеса. См., напр.: *Энштейн С.* Указ. соч., с. 27.

¹⁹ Авторы, пишущие о высших менеджерах, отмечают узость их духовных интересов, довольно низкий культурный уровень. См., напр.: *Миллс Р.* Властвующая элита. М., 1959, с. 178; *Зорин В.* Мистеры миллиарды. М., 1972, с. 323; *Меньшиков С. М.* Миллионеры и менеджеры. М., 1965, с. 140; *Энштейн С.* Указ. соч., с. 18, 106, 122, 129, 223.

²⁰ См., напр.: *Nation*, 1979, Dec. 15, p. 625; *Fortune*, 1980, Apr. 7, p. 76, 81.

²¹ *Progressive*, 1970, Apr., p. 21.

Идейно-политическое влияние мира бизнеса, в том числе и на лиц интеллектуального труда, распространяется далеко за его пределы. Глубокие корни, которые пустила философия частного предпринимательства в национальном сознании, приоритет, отдаваемый бизнесу при решении всех вопросов, оживленный обмен специалистами с другими общественными институтами сделали крупные корпорации исключительно влиятельной силой в мире интеллектуального труда.

В коридорах власти

В Соединенных Штатах на государственной службе числятся миллионы специалистов различного профиля. Среди них наибольшего внимания заслуживают чиновники госаппарата, те, кто причастен к административной деятельности.

Вторая мировая война стала важным рубежом в развитии американского государства. До начала XX в. органы государственной власти в США развивались крайне медленно, и армия профессиональных чиновников была весьма немногочисленной. В 1900 г. число федеральных служащих не превышало 200 тыс. человек²². Полное бурь и потрясений XX столетие, предъявив новые, невиданные ранее требования к государственным институтам Соединенных Штатов, способствовало их чрезвычайно быстрому росту во всех направлениях. Причем если в первой половине XX в. развитие государственного аппарата носило несколько скачкообразный характер, т. е. общая тенденция роста пробивала себе дорогу в виде чрезвычайных мер, принимаемых при исключительных обстоятельствах (первая и вторая мировые войны, экономический кризис 30-х годов и «новый курс»), то послевоенные десятилетия отмечены неуклонным расширением сферы государственного вмешательства.

Развивается система государственно-монополистического регулирования экономики и социальных процессов. Превращение Соединенных Штатов в ведущую империалистическую державу привело к быстрому разбуханию внешнеполитического и военного аппарата. На рубеже 70-х годов штат министерства обороны США насчитывал свыше 130 тыс. военных и гражданских служащих, около

²² Маринин С. Б. США: политика и управление. М., 1967, с. 12.

40 тыс. из них были дипломированными специалистами²³. Никогда ранее не игравшие значительную роль в жизни страны военные стали важнейшим элементом системы власти²⁴. Государственный департамент США превратился в крупнейшее ведомство, насчитывающее более 40 тыс. сотрудников²⁵. Созданное в 1947 г. и быстро получившее скандальную известность во всем мире Центральное разведывательное управление имеет разветвленную сеть сотрудников, в которой, по данным американской печати, работает более 40 тыс. человек²⁶.

Серьезное отставание Соединенных Штатов по некоторым важнейшим направлениям научно-технического прогресса, выявившееся после запуска первого советского спутника, требовало немедленного государственного вмешательства. В ноябре 1957 г. в аппарате президента Эйзенхауэра была создана группа специального помощника президента по науке и технике, впоследствии преобразованная в Управление по делам науки и техники. Через систему всевозможных комиссий, консультативных комитетов, государственных и полугосударственных научно-исследовательских центров правительство направляет и координирует деятельность сотен тысяч ученых и инженеров. В середине 60-х годов около 30% ученых и инженеров США (почти 400 тыс. человек) оплачивалось за счет федеральных средств²⁷. Одним из побочных результатов симбиоза государственного управления и науки стало пополнение правящей элиты известными учеными.

В послевоенный период сфера деятельности государства не ограничивается экономикой, внешней политикой, наукой и техникой. Постепенно она распространяется на средства массовой информации, искусство, всю духовную жизнь общества²⁸.

Расширение государственного вмешательства в различные сферы жизни стимулировало быстрый рост занятости в госаппарате. С 1950 по 1980 г. число государственных служащих увеличилось с 6026 тыс. до 16 249 тыс. человек. Бурный рост занятости в государственном секторе

²³ Масленников В. И. Указ. соч., с. 79.

²⁴ См.: Миллс Р. Указ. соч., гл. VIII, IX.

²⁵ Маринин С. Б. Указ. соч., с. 166.

²⁶ Там же, с. 193.

²⁷ Bell D. The Coming of Post-Industrial Society. N. Y., 1973, p. 234. См. также: Federal Spending and Scientist and Engineer Employment. Wash., 1970, p. 15.

²⁸ Coser L. A. Men of Ideas. 2 ed. N. Y., 1966, p. 357.

шел повсеместно, львиная доля этого прироста приходится на нижние и средние этажи административного здания. За указанный период число федеральных служащих увеличилось с 1928 тыс. до 2866 тыс. человек, служащих штатов и местных органов власти — с 4098 тыс. до 13 383 тыс. человек²⁹. Даже в федеральных органах основной прирост идет за счет периферийного аппарата, на долю которого приходится почти 90% лиц, находящихся на службе у правительства³⁰.

Быстрый рост служащих центральных и местных органов власти означает появление большого отряда лиц интеллектуального труда, занятого за пределами частного сектора экономики, что накладывает свой отпечаток на характер их устремлений. Конечно, далеко не всех служащих госаппарата можно причислить к интеллигенции. Например, в федеральном аппарате основной костяк лиц интеллектуального труда находится в среднем звене. Это чиновники 10—15-й категорий, на долю которых в 1973 г. приходилось 35,7% федеральных служащих³¹. Хотя среди служащих госаппарата лица интеллектуального труда составляют меньшинство, их удельный вес в государственном секторе народного хозяйства значительно выше, чем в частном.

После гражданской войны утверждение власти монополистического капитала сильно подорвало престиж государственного служащего. На протяжении нескольких десятилетий даже высшие государственные сановники не могли держаться как равные в обращении с магнатами финансового капитала. «В 20-х годах президент „Дженерал электрик компани“ считался слишком важным человеком, чтобы быть президентом Соединенных Штатов; и даже в 30-е годы члены видимого правительства США не всегда могли стоять на равной ноге с членами очень богатых семей», — пишет Р. Миллс³².

Рост и укрепление государственного аппарата, начало которому положил период реформ «прогрессивной эры», создают ему определенное поле маневра. Правда, в Соединенных Штатах этот процесс не получил такого развития, как в странах Западной Европы. Замедленное, постоянно наталкивающееся на упорное сопротивление господ-

²⁹ Monthly Labor Review, 1981, N 10, p. 20. (Далее: MLR).

³⁰ US News and World Report, 1964, Oct. 12, p. 70.

³¹ США — экономика, политика, идеология, 1977, № 1, с. 113.

³² Миллс Р. Указ. соч., с. 123.

ствующего класса формирование централизованного государственного аппарата не позволило ему набрать дистанцию по отношению «к сильным мира сего». В Соединенных Штатах не только отдельные виды интеллектуальной деятельности не завоевали себе той относительной самостоятельности, которая исторически закрепились за ними в европейских странах, но и целые области государственного управления (исполнительная и законодательная власть, суд) фактически находятся под контролем тех сил, деятельность которых они призваны регулировать.

Мощь гигантских монополий при отсутствии влиятельной политической партии рабочего класса укрепляет позиции большого бизнеса внутри государственного аппарата. Сращивание монополий и государства, характерное для периода империализма, нигде не зашло столь далеко, как в Соединенных Штатах. Монополии протаскивают своих людей на ключевые посты в государственной администрации. Приобрела огромные размеры миграция из государственного аппарата в сферу бизнеса и обратно. По данным информационного агентства ЮПИ, ежегодно примерно 200 тыс. правительственных служащих переходят работать в частный сектор³³. «Некоторые из этих людей,— констатирует «Нью-Йорк таймс»,— живут в двух мирах, легко передвигаются туда и обратно между правительством и промышленностью. Это пул искусных профессионалов, которые попеременно занимают влиятельные политические посты и высокооплачиваемые должности в бизнесе»³⁴. В 1978 г. из 29 высших чиновников администрации Дж. Форда, ушедших в отставку в 1976 г., 20, работая в промышленности, по роду своей деятельности поддерживали регулярные контакты с теми правительственными учреждениями, в которых они ранее подвизались³⁵.

Даже офицерский корпус, который вплоть до второй мировой войны представлял собой замкнутую, сплоченную группу со своими ценностями и нормами поведения³⁶, в послевоенные десятилетия оказался втянутым в сферу влияния бизнеса. Колоссальные средства, расходуемые правительством на вооружение, рост военных заказов частным фирмам превратили офицерство в объект

³³ Минц М., Коэн Д. Америка, инкорпорейтед. М., 1973, с. 229.

³⁴ Там же.

³⁵ US News and World Report, 1978, Oct. 23, p. 35.

³⁶ См., напр.: Маттиас Л. Указ. соч., с. 346.

усиленного внимания со стороны предпринимателей, заинтересованных в укреплении связей с армейским начальством. Необычайно возросшая интенсивность связей между военными и бизнесом сделала взаимопроницаемыми эти ранее не контактировавшие миры. Старшие и высшие офицеры наравне с ответственными чиновниками гражданских министерств и ведомств включились в систему перемещений из одной сферы в другую, позволяющую бизнесу изнутри контролировать эту ветвь госаппарата. В марте 1969 г. сенатор Проксмайер опубликовал доклад, в котором указывалось, что в 100 компаниях, получающих крупнейшие заказы от Пентагона, на ответственных постах работают 2072 высших офицера в отставке, втрое больше, чем было десять лет назад³⁷. В середине 70-х годов эта тенденция набирала силу³⁸.

Особой заботой со стороны бизнеса окружены сотрудники формально независимых агентств, призванных регулировать различные стороны экономической жизни страны. По свидетельству известных американских экспертов, «ведется ежедневная и непрерывная, как из пулемета, обработка сотрудников соответствующего агентства со стороны промышленности. В конечном счете даже честные и способные сотрудники регулирующих органов оказываются втянутыми в круг интересов бизнеса»³⁹.

Увеличению относительной самостоятельности государственного аппарата в значительной мере препятствует сохранение в Соединенных Штатах элементов системы патронажа, действовавшей в XIX в., когда победившая на выборах партия раздавала общественные должности своим сторонникам. 16% федеральных служащих назначаются таким образом, в том числе вся верхушка госаппарата⁴⁰. Сохранение пережитков системы патронажа лишает чиновничью карьеру перспективы, позволяет монополиям протаскивать своих людей на ключевые посты в госаппарате. Характеризуя положение государственных служащих, Миллс писал: «Соединенные Штаты никогда не имели и сейчас не имеют подлинного чиновничества, подлинного в том фундаментальном смысле, что ему обеспечены надежные возможности движения по

³⁷ New York Times, 1969, March 23, p. 32.

³⁸ См.: Эпштейн С. Указ. соч., с. 78—79.

³⁹ Минц М., Коэн Д. Указ. соч., с. 133.

⁴⁰ Мишин А. А. Государственное право США. М., 1976, с. 98.

служебной лестнице и действительная независимость от влияний политических партий»⁴¹.

Американскому Левнафапу свойственны все болезни буржуазного госаппарата — раздутые штаты, обилие ненужной канцелярской работы, бюрократическая рутина, кумовство и политические расчеты при назначении и продвижении, расточительство и коррупция. За государственными соображениями прячутся личные расчеты и интересы. Эта психология особенно характерна для столичного общества, где концентрируется верхушка госаппарата. «Вашингтон... — это всего лишь собрание людей, которые незаметно стремятся достичь собственных целей», — свидетельствует Л. Фоллоуз⁴².

В применении к Соединенным Штатам приобретает особую актуальность ленинская оценка классовой природы буржуазного чиповничества: «Эта армия окружена атмосферой буржуазных отношений, дышит только ею, она застыла, закорюзла, окоченела, она не в силах вырваться из этой атмосферы, она не может мыслить, чувствовать, действовать иначе как по-старому»⁴³.

Давление частных интересов на структуры государственной власти столь велико, что правительство вынуждено принимать ответные меры для того, чтобы поддерживать какой-то баланс сил, необходимый для нормального функционирования политической системы современного буржуазного общества. В мае 1965 г. президент Л. Джонсон специальным исполнительным приказом ввел в действие своего рода «этический кодекс» чиновника, запрещающий ему поступаться государственными интересами в угоду частным фирмам. Отдавая дань всеобщему возмущению коррупцией, разъедающей государственный аппарат, президент Дж. Картер, пришедший в Белый дом на волне послеуотергейтских настроений, счел необходимым установить новые, более жесткие стандарты поведения для тех, кто изъявил желание работать в его администрации. Однако скандалы и разоблачения, которыми отмечена деятельность администраций Картера и Рейгана, говорят о низкой эффективности этих мер.

⁴¹ Миллс Р. Указ. соч., с. 330.

⁴² Atlantic Monthly, 1979, June, p. 81; см. также: Politics and the Oval Office: Towards Presidential Governance / Ed. A. J. Meltsner. San Francisco, 1981, p. 17—18.

⁴³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 203.

Печать второсортности, лежащая на всем, что связано с общественным сектором народного хозяйства, сделала государственную службу малопривлекательной в глазах образованного человека. Как правило, она становится прибежищем тех, кто не может устроиться на другую работу. «В Соединенных Штатах,— пишет Э. Шилз,— никто, как и раньше, не стремится стать чиновником, просто обстоятельства не оставляют человеку другого выбора»⁴⁴. Вынужденный характер выбора карьеры чиновника подтверждается концентрацией в госаппарате негритянской интеллигенции, которая нередко становится жертвой расовой дискриминации при приеме на работу в частном секторе. В 1970 г. 60% черных специалистов были служащими федеральных и местных органов власти, в то время как средний показатель по стране был значительно ниже — 39%⁴⁵.

Среди теневых сторон положения государственного служащего надо назвать наряду с ограниченными возможностями карьеры более низкую оплату труда. Например, оклады наиболее высокопоставленных чиновников значительно ниже, чем у высших менеджеров. В конце 70-х — начале 80-х годов чиновники 16—18-й категорий зарабатывали 45—50 тыс. долл. в год, намного меньше, чем ведущие администраторы корпораций⁴⁶.

Правда, в 60—70-е годы после введения системы регулярных сопоставлений шкалы оплаты труда государственных служащих и специалистов, занятых в сфере бизнеса, существовавшие ранее диспропорции несколько сократились⁴⁷. В конце 70-х годов многие федеральные чиновники оплачивались почти так же, как служащие корпораций⁴⁸. Но служащие штатов и местных органов власти зарабатывают меньше федеральных чиновников⁴⁹.

В числе преимуществ положения государственного служащего — особенно при неблагоприятной ситуации на рынке труда — первым надо назвать наличие определенных гарантий против увольнения⁵⁰. Вообще 70-е годы

⁴⁴ American Scholar. Wash., 1976, vol. 45, N 2, p. 196.

⁴⁵ Time, 1974, June 17, p. 20.

⁴⁶ US News and World Report, 1978, Oct. 23, p. 37; 1981; Nov. 30, p. 48.

⁴⁷ MLR, 1979, N 6, p. 26.

⁴⁸ US News and World Report, 1978, Sept. 11, p. 34; 1979, Sept. 10, p. 8; Jeager R. C. Op. cit., p. 143. Аналогичный процесс происходит в Англии. См.: New Society, 1976, Oct. 21, p. 128.

⁴⁹ US News and World Report, 1981, Sept. 7, p. 24.

⁵⁰ См., напр.: Politics and the Oval Office, p. 22.

показали, что работа в государственных учреждениях, не суля большой карьеры, дает известную стабильность и, возможно, в будущем ее престиж среди лиц умственного труда несколько повысится.

Однако не только стремление к стабильности может привести человека на государственную службу. Расширение сферы деятельности буржуазного государства, превращение его в становой хребет всей системы социальных связей и отношений, недоверие, которое вызывает мир бизнеса среди неконформистской интеллигенции, сделали более привлекательной работу в государственном секторе в глазах тех, чей круг интересов не ограничивается личным преуспеянием. Для них работа не только источник средств к существованию, но и возможность жить в соответствии со своими убеждениями. Одна из героинь книги Теркела говорит о людях, которые вместе с ней работают в Управлении экономических возможностей: «Они считают себя защитниками бедняков. Они хотят организовать людей, чтобы бросить вызов системе»⁵¹.

На государственную службу идут и те, кто лелеет честолюбивые замыслы. Они стремятся скорее пробиться на верхние ступени административной лестницы, поближе к рычагам власти. Д. Фоллоуз пишет о людях, которые вместе с ним пришли в аппарат Белого дома: «Годами они изучали такие вопросы, как реформа системы социального обеспечения и Панамский канал; часто они ни о чем больше не могли говорить. Многие из них пришли в Белый дом с желанием претворить в жизнь свои идеи; некоторые — в основном в сфере внешней политики — получили свой шанс»⁵².

Конечно, эти стремления — особенно если они как-то задевают интересы истеблишмента — быстро глотнут в бюрократической рутине. Но для человека с общественной жилкой государственная служба открывает более широкие возможности деятельности, чем работа в частном секторе.

⁵¹ *Terkel St. Op. cit.*, p. 345; см. также: *White Collar and Professional Stress* / Ed. C. L. Cooper, J. Marshall. Chichester; New York, 1980, p. 174.

⁵² *Atlantic Monthly*, June 1979, p. 77; см. также: *US News and World Report*, 1980, Dec. 8, p. 28.

Без университетов и колледжей невозможно себе представить развитие американского капитализма после второй мировой войны. В послевоенный период высшая школа стала одним из краеугольных элементов всей системы социальных связей, на которой зиждется американское общество. Бурное развитие системы высшего образования символизировало вступление США в эпоху НТР.

В послевоенный период к традиционным функциям американской высшей школы — подготовка правящей элиты, выработка и распространение идеологии господствующего класса, сохранение и передача культурного наследия — прибавились новые, еще более важные. Они порождены новой общественной ролью знания в эпоху научно-технической революции. Превращение науки в непосредственную производительную силу, утверждение научных методов в различных сферах деятельности резко повысили социальную значимость знаний и их носителей. После второй мировой войны американский университет выступает в роли основного поставщика знаний и высококвалифицированного персонала, обеспечивающего их практическое применение.

Превращение университетов в ведущие научно-исследовательские центры страны — характерная особенность развития американской системы высшего образования в послевоенный период. Подчеркивая принципиальное значение происшедшей метаморфозы, известный французский социолог А. Турен, посвятивший специальное исследование американской высшей школе, пишет: «...университет не является больше только памятью или воплощением духа общества; он стал необходимым условием его функционирования, чего никогда не было в прошлом»⁵³. В Соединенных Штатах значение университета как агента научно-технического прогресса особенно велико ввиду отсутствия серьезной конкуренции в этой области со стороны государственных организаций и частных компаний.

В эпоху, когда развитие науки стало предприятием государственного значения, ведущие американские вузы превратились в «мультиверситеты», громадные конгломе-

⁵³ Touraine A. L'Université et société aux Etats-Unis. P., 1972, p. 258.

раты, объединяющие десятки различных направлений научного поиска и профессиональной специализации. «Большой американский университет сегодня,— пишет видный деятель американской высшей школы, бывший президент Калифорнийского университета К. Керр,— это целый набор различных организаций и видов деятельности, объединенных общим названием»⁵⁴. Вслед за служащими корпораций и чиновниками госаппарата преподаватели университетов вступили в мир «больших организаций» со всеми вытекающими последствиями, в частности неизбежным процессом бюрократизации систем управления.

В то же время благодаря своей многообразной деятельности, построенной на коммерческих началах, вузы все больше приобретают черты делового предприятия. Подобно частным корпорациям, они широко используют для оценки результатов своей деятельности критерии финансового успеха, придавая материальной стороне дела огромное значение. Активное включение колледжей и университетов в хозяйственную деятельность способствует утверждению в академической среде этики бизнеса.

Превращение колледжей и университетов в крупные деловые предприятия увеличило их зависимость от макропроцессов, происходящих в экономической и политической жизни страны. Перепады экономической конъюнктуры, изменения в политике государственных органов власти прямо отражаются на различных сторонах жизни вузов. Многие решения, непосредственно затрагивающие интересы академического мира, принимаются за его пределами.

Вследствие быстрого роста значения колледжей и университетов в XX в. разношерстные высшие учебные заведения страны начинают функционировать как единая система. Это единство было достигнуто не за счет унификации высшей школы, а благодаря ведущей роли лучших колледжей и университетов по отношению к остальной массе высших учебных заведений. В небольшой группе ведущих вузов готовятся кадры для всей системы высшего образования. В них проводятся научные исследования, результаты которых широко используются в других вузах. Они стали признанными авторитетами во всех вопросах, касающихся высших учебных заведений, и ча-

⁵⁴ Kerr C. Op. cit., p. 1.

ще других представляют высшую школу в отношениях с внешним миром.

Существуют также определенные формы координации деятельности высших учебных заведений. В различных частях страны (в Новой Англии, на Юге и Западе) действуют региональные объединения колледжей и университетов, в общей сложности охватывающие 39 штатов⁵⁵. Определенное единообразие в деятельность вузов вносят и национальные организации типа Американского совета по вопросам образования. За счет налаженной системы связей между вузами страны профессура элитарных университетов оказывает заметное влияние на преподавательский состав высших учебных заведений.

В качестве основного поставщика знаний и квалифицированных кадров ведущие колледжи и университеты установили многообразную систему связей и отношений с государственным аппаратом и деловым миром. Ранее существовавшие довольно изолированно, они оказались в самом центре страстей, кипящих в американском обществе. Современный крупный университет стал микрокосмосом, в котором отражаются все конфликты и противоречия окружающего мира, академический персонал независимо от его воли оказался втянутым в бурные коллизии, которыми богата американская действительность.

Занимая стратегически важные позиции, колледжи и университеты играют ключевую роль в мире интеллектуального труда. Из высших учебных заведений идет приток дипломированных специалистов. Здесь они получают путевку в жизнь, от успехов в учебе часто зависит карьера. В студенческие годы формируется мировоззрение личности, отрабатывается модель ее социального поведения. Годы, проведенные в университетских кампусах, оставляют долгий, заметный след в жизни человека.

Академический мир оказывает значительное влияние на другие отряды лиц интеллектуального труда. В послевоенный период колледжи и университеты задают тон в культурной жизни страны. «В сегодняшнем мире американской культуры университеты стали доминирующей силой», — констатирует известный американский социолог Д. Белл⁵⁶.

⁵⁵ *Touraine A. Op. cit., p. 267.*

⁵⁶ *Bell D. The Cultural Contradictions of Capitalism. L., 1976, p. 103; см. также: Saturday Review, 1970, Febr. 28, p. 28.*

Средоточие интеллектуальной жизни страны — колледжи и университеты стали для интеллигенции точками опоры, основой ее социального влияния. Выявляя далеко идущие последствия беспрецедентного роста системы высшего образования, американские исследователи Э. Лэдд и С. Липсет пишут: «Преподаватели и их ученики, студенты университетов, никогда не были столь многочисленными, как сегодня. Учитывая растущие потребности постиндустриального общества в специалистах с университетским образованием и проведение в широких масштабах научных исследований, сегодня университет более необходим, чем когда-либо прежде. В то время как зависимость общества от интеллигентов растет, оно становится более подверженным их влиянию»⁵⁷

В эпоху НТР вузы приобрели немалый вес в американском обществе. Обладая почти 10-миллионным человеческим потенциалом, они оказывают серьезное влияние на экономику и политику страны. Их присутствие особенно заметно в университетских городах⁵⁸.

Превращение высшей школы в один из основных компонентов американского общества нашло свое отражение в массовом сознании. Не ликвидировав традиционной предубежденности «среднего американца» по отношению к тем ценностям, которые олицетворяет собой университет⁵⁹, современный крупный вуз внушает уважение как влиятельная сила, с которой нельзя не считаться. Один из преподавателей Канзасского университета, характеризуя противоречивое отношение жителей города к университету, сказал: «Они не любят университет, но они зна-

⁵⁷ Ladd E. C., jr., Lipset S. M. The Divided Academy. N. Y., 1975, p. 312.

⁵⁸ В своем отчете о поездке по Среднему Западу США советские журналисты пишут: «Университет определяет лицо столицы Висконсина. Из 170 тыс. жителей города 38 тыс. — студенты и преподаватели» (Правда, 1975, 10 авг.). В городе Лоуренсе, где находится университет штата Канзас, удельный вес студентов и преподавателей еще выше. Здесь на долю университета приходится $\frac{1}{3}$ городского населения. См.: Moyers B. Listening to America. N. Y., 1972, p. 100.

⁵⁹ Характеризуя сложившиеся стереотипы массового сознания, американский автор пишет: «Общество очень часто в прошлом возмущалось поведением студентов и смотрело на преподавателей как на чужеземцев, подрывающих американские идеалы. Такое отношение к системе высшего образования считается в настоящее время более нормальным, чем всеобщая поддержка его общественностью» (Mood A. M. The Future of Higher Education. Some Speculations and Suggestions. N. Y., 1973, p. 17).

ют, что город не сможет существовать, если эти ребята (речь идет о студентах.— *В. К.*) не будут приходить сюда и покупать их товары»⁶⁰ Эта раздвоенность массового сознания имеет глубокую основу; в ней отразился рост значения интеллигенции в американском обществе.

Новая роль знания в современном мире значительно расширила сферу влияния вузовской интеллигенции. Преподаватели колледжей и университетов отличаются исключительно высоким уровнем социальной активности. Они часто выступают с публичными лекциями, докладами, работают консультантами, принимают активное участие в политических дискуссиях по актуальным проблемам. Представителей академических кругов привлекают в качестве экспертов к участию в работе всевозможных комиссий. Известные ученые могут воздействовать на общественное мнение при помощи средств массовой информации, особенно когда обсуждаются вопросы, требующие специальных знаний. Среди властителей дум американской интеллигенции, интеллектуальной элиты страны, около 40% — профессора университетов, причем более половины из них приходится на долю четырех элитарных вузов: Гарвардского, Колумбийского, Йельского и Нью-Йоркского университетов⁶¹. Мнение академических кругов интересует правительство и бизнес. Взаимодействие академического мира, государственной бюрократии и менеджмента приобрело устойчивый характер. Преподаватели вузов часто баллотируются на выборные должности, активно участвуют в партийных делах, избирательных кампаниях, в деятельности специальных групп, занимающихся разработкой политики в разных областях.

Взросшее влияние академического мира на общественно-политическую жизнь страны проявилось в годы войны во Вьетнаме, когда высшие учебные заведения стали центром оппозиции вьетнамской политике правительства. В начале 70-х годов, незадолго до заключения перемирия, известный американский экономист и общественный деятель Дж. Гэлбрейт писал: «Университеты — ни профсоюзы, ни независимые интеллектуалы, ни пресса, ни бизнес — были ведущей силой оппозиции вьетнамской войне, которая вынудила уйти в отставку президента Джонсона, которая форсирует темпы вывода наших войск

⁶⁰ *Moyers B. Op. cit., p. 134.*

⁶¹ *Kadushin Ch. The American Intellectual Elite. Boston; Toronto, 1974, p. 20, 23.*

из Вьетнама, которая борется против крупных корпораций, выступая в защиту окружающей среды, и которая на последних выборах в конгресс прокатила десятка два, если не больше, наиболее отъявленных приспособленцев, проповедников милитаризма и ястребов»⁶².

Начиная с президентства Кеннеди, академическая среда служит одним из источников формирования высшей политической элиты страны. Накануне возвращения демократов в Белый дом, обсуждая возможность участия в администрации Картера выходцев из академического мира — З. Бжезинского, Г. Брауна, Дж. Шлесинджера, — хорошо разбирающаяся в пружинах американского политического механизма «Нью-Йорк таймс» писала: «Сотрудники университетов, специалисты и профессора, раньше были помощниками членов истеблишмента. Но когда в правительстве Кеннеди появился Макджордж Банди, в правительстве Джонсона — Уолт Ростоу, а в правительстве Никсона — Генри Киссинджер, профессора получили прямой доступ к рычагам власти»⁶³.

Бурное развитие системы высшего образования, превращение ее в жизненно важный узел социального механизма, активное участие преподавателей колледжей и университетов в общественно-политической жизни страны выдвигают на первый план академический персонал, требуют особого внимания к этому сравнительно небольшому отряду интеллигенции.

До середины XX в. преподаватели колледжей и университетов были малочисленной, невлиятельной, скромно оплачиваемой категорией лиц интеллектуального труда. Американские вузы, развивавшиеся под патронажем местных тузов, не имели — в отличие от европейских университетов — прочных традиций самоуправления; преподаватели находились во власти советов попечителей и администрации. Академическая карьера не сулила ни материального благополучия, ни положения в обществе.

Появление в последней четверти XIX в. ученых обществ и специализированных научных журналов стимулировало развитие внутренних связей в академическом мире. В 1915 г. по инициативе крупных ученых, таких, как профессора Колумбийского университета Дьюи и Кэттел, была создана Американская ассоциация преподавателей

⁶² Цит. по: *Ladd E. C., jr., Lipset S. M. Op. cit., p. 25.*

⁶³ *New York Times*, 1976, Dec. 19, p. E 1.

университетов, главной задачей которой была защита академических свобод. В первой половине XX в. основные усилия преподавателей вузов были направлены на решение профессиональных проблем. Они стремились улучшить свое материальное положение, гарантировать занятость, выработать профессиональные нормы поведения, получить право самим решать кадровые вопросы, обезопасить себя от произвола со стороны администрации. В ведущих университетах постепенно утверждаются принципы самоуправления. В то же время неизбежным следствием сильной поглощенности вузовской интеллигенции своими внутренними проблемами были определенное сужение ее общественных горизонтов, корпоративная замкнутость сознания.

Правда, тенденция к цеховой ограниченности не могла полностью возобладать даже в тот период. Утверждение профессиональной независимости академического персонала шло в упорной борьбе с консервативными силами. Советы попечителей, тон в которых задают представители бизнеса и послушные их воле администраторы, бдительно следили за состоянием умов в высших учебных заведениях. Внутри университетов действовала «пятая колонна» истэблишмента в лице преподавателей профессиональных школ (школы бизнеса, медицинские и юридические школы). Те преподаватели колледжей и университетов, чьи взгляды и поведение заметно отличались от общепринятых, не могли рассчитывать на спокойную жизнь. По данным обследования, проведенного в вузах в 1936 г., за неполных два десятилетия, прошедших после первой мировой войны, было уволено или наказано за убеждения больше преподавателей колледжей, чем за любой другой сопоставимый период американской истории⁶⁴.

Трудно назвать другой отряд трудящихся, на который научно-техническая революция оказала столь сильное влияние, как на академический персонал. Если в 1940 г. число преподавателей колледжей и университетов составляло 150 тыс. человек, то в 70-е годы оно превышало 600 тыс. человек⁶⁵. Период наиболее бурного роста при-

⁶⁴ *Schlesinger A. M. The Rise of Modern America, 1865—1951. N. Y., 1954, p. 394.*

⁶⁵ *Ladd E. C., jr. Lipset S. M. Op. cit., p. 169.* Например, в 1975 г. преподавательский состав вузов насчитывал 654 тыс. человек. См.: *Digest of Educational Statistics, 1975. Wash., 1976, p. 10.*

ходится на конец 60-х годов, когда за пять лет в ряды вузовских преподавателей влилось 150 тыс. человек⁶⁶. За полтора десятилетия (с 1949/50 по 1965/66 академический год) реальные доходы преподавателей увеличились более чем в два раза⁶⁷. Развернувшаяся в этот период борьба между вузами за научно-педагогические кадры давала преподавателям возможность путем перехода на новое место работы значительно увеличить размеры оклада. Однако и в середине 60-х годов большинство ученых, работающих в вузах, имело более низкие оклады, чем их коллеги в государственном аппарате или в сфере бизнеса⁶⁸.

В 70-е годы волна, поднявшая на гребень преподавателей вузов, спала. Угроза финансового кризиса, нависшая над многими колледжами и университетами, положила конец длительному периоду улучшения материального положения академического персонала. Рост цен обгонял увеличение окладов⁶⁹. По данным Американской ассоциации преподавателей университетов, с 1966/67 по 1976/77 академический год покупательная способность преподавателей вузов в среднем сократилась на 5,5%⁷⁰. К началу 80-х годов «зазор» между ростом цен и доходов преподавателей стал намного больше⁷¹.

Преобразование преподавателей колледжей и университетов в сравнительно привилегированный отряд интеллигенции отразилось на их социальном составе. Несмотря на бурный рост академического персонала, удельный вес дискриминируемых категорий населения среди преподавателей вузов остается низким. На рубеже 70-х годов, когда период быстрого роста остался позади, доля детей рабочих, женщин, негров среди преподавателей колледжей и университетов была в 2,5—3 раза меньше, чем их удельный вес в населении страны⁷². Как отмечают ведущие американские специалисты в этой области, к началу 70-х годов среди преподавателей вузов явно преобладали

⁶⁶ Ladd E. C., jr., Lipset S. M. Op. cit., p. 169.

⁶⁷ Wilson L. American Academics. N. Y., 1979, p. 176, 183.

⁶⁸ Ibid., p. 174.

⁶⁹ В отличие от федеральных служащих на основную часть преподавателей вузов не распространяется принцип соотношения размеров оклада с динамикой цен.

⁷⁰ AAUP Bulletin, 1977, Aug., p. 149.

⁷¹ US News and World Report, 1981, March 30, p. 40.

⁷² Ladd E. C., jr., Lipset S. M. Op. cit., p. 171—173.

белые мужчины, выходцы из средних слоев⁷³. Еще более тщательный социальный отбор проходят преподаватели элитарных вузов и аристократических медицинских и юридических школ⁷⁴. В 70-е годы положение не изменилось в лучшую сторону⁷⁵. Остается добавить, что тем представителям социально обделенных категорий населения, которым удалось пробиться в ряды академического персонала, достается менее престижная, хуже оплачиваемая работа⁷⁶.

Относительно небольшой академический мир существенно отличается от чиновничьей или менеджериальной среды. Он менее иерархичен, чем мир крупных корпораций и государственных учреждений. Преподаватели высших учебных заведений делятся всего на четыре категории, и различия между ними не столь велики, как в других сферах интеллектуальной деятельности. Сам характер иерархии в академических учреждениях несколько иной, чем в государственном аппарате или в сфере бизнеса. Положение человека на лестнице престижа определяется не только занимаемым им местом в таблице о рангах, но и его способностями, научной репутацией. В академическом мире выше ценится профессиональное мастерство, чем в тех сферах деятельности, где существует более жесткая служебная иерархия. По своему духу академическая среда ближе к традиционным свободным профессиям, чем к современной промышленной или государственной бюрократии.

В колледжах и университетах деньги и соображения карьеры не играют такой роли, как в других общественных институтах. Здесь сильнее ориентация на творческую деятельность как высшую жизненную ценность. Проведенный в начале 70-х годов опрос более 33 тыс. аспирантов из 154 высших учебных заведений страны показал, что большинство из них люди с развитыми духовными запросами, живым интересом к науке, проникнутые стремлением продолжать академическую карьеру⁷⁷.

⁷³ Ibid., p. 174.

⁷⁴ Wilson L. Op. cit., p. 193.

⁷⁵ Например, в 1976 г. женщины составляли 17% преподавателей государственных вузов и 15,8% преподавателей частных вузов. См.: Wilson L. Op. cit., p. 186. См. также: p. 193—194.

⁷⁶ См., напр., данные о дискриминации женщин-преподавательниц вузов: Wilson L. Op. cit., p. 186, 193.

⁷⁷ Wilson L. Op. cit., p. 15. См. также: Jeager R. C. Op. cit., p. 87—93.

Такая направленность интересов академического персонала обусловлена особенностями жизненного пути представителей этого отряда интеллигенции. На преподавательскую работу в вуз человек приходит поздно, сформировавшись как личность⁷⁸. В определении его духовного облика большую роль играет исключительно длительный период профессиональной подготовки, в процессе которой формируются устойчивые интеллектуальные интересы.

Жизнь в колледжах и университетах более спокойна и размеренна, чем во многих других местах. Положение преподавателя вуза прочнее, чем служащего корпорации. Проведенное в первой половине 70-х годов социологическое обследование академического персонала показало, что $\frac{2}{3}$ преподавателей имеют долгосрочные трудовые договоры⁷⁹. Объем нагрузки в значительной мере зависит от самих преподавателей. Благодаря академической свободе они могут выбрать себе занятие по душе. В отношении к людям академическая среда отличается большой терпимостью. Большинство преподавателей довольны своей профессиональной судьбой и не жаждут иного. Вышеупомянутое обследование показало, что, если бы им пришлось начать все сначала, только 13,5% опрошенных не выбрали бы преподавательскую карьеру и еще 18,2% изменили бы свой академический профиль⁸⁰.

Конечно, жизнь в университетских кампусах далека от идиллии. Как отмечает профсоюзный журнал, колледжи и университеты относятся к числу тех американских институтов, где наиболее сильна дискриминация при приеме на работу и продвижении по службе⁸¹. Оклад рядового преподавателя в два раза меньше, чем профессора⁸², а учебная нагрузка значительно больше. Он не защищен долгосрочным контрактом и не имеет веса в обществе. Будучи всего лишь наемным служащим, любой преподаватель вплоть до профессора может стать объектом гонений и преследований. За шесть десятилетий — с момента основания до середины 70-х годов — Американская ас-

⁷⁸ Проведенное в первой половине 70-х годов социологическое обследование показало, что только 5,9% преподавателей вузов были не старше 30 лет. См.: *Wilson L. Op. cit.*, p. 193.

⁷⁹ *Ibid.*, p. 193.

⁸⁰ *Ibid.*, p. 196.

⁸¹ *American Federationist*, Wash., 1977, N 4, p. 23.

⁸² Большую таблицу окладов (и дополнительных выплат) преподавателей вузов см.: *AAUP Bulletin*, 1977, Aug., p. 156.

социация преподавателей университетов получила более 3 тыс. жалоб на нарушения академических свобод⁸³.

При всем значении иерархических ступеней основные линии водораздела в академическом мире проходят не по горизонтали, а по вертикали, между различными учебными заведениями и преподавателями разных факультетов. В университетах, где работают ведущие ученые страны, объем преподавательской нагрузки намного меньше, чем в двухгодичных колледжах⁸⁴. Преподаватели лучших вузов пользуются значительно более широкой автономией в решении производственных вопросов, чем их коллеги, работающие в не столь престижных учебных заведениях.

Особый подотряд вузовской интеллигенции — преподаватели двухгодичных (младших) колледжей. Младшие колледжи считаются чисто учебными заведениями, для работы в которых не требуются специалисты более высокой квалификации, чем магистры наук. В этой сравнительно недавно возникшей подсистеме высшего образования нет прочных традиций академического самоуправления и работающий здесь персонал больше зависит от начальства; профессиональное положение преподавателей менее прочно, у них меньше возможностей индивидуальной защиты своих интересов, чем у их коллег в четырехгодичных колледжах и университетах; их заработки и профессиональный статус ниже, чем у преподавателей, работающих в более престижных вузах. Да и сам персонал младших колледжей воспринимает себя не столько как преподавателей вузов с вытекающими отсюда запросами и нормами поведения, сколько как работников системы среднего специального образования. Поэтому естественной группой соотнесения для них служит не персонал высших учебных заведений, а учителя средней школы.

Конечно, ведущие вузы были и остаются объектом особого внимания со стороны заправил бизнеса. Проведенное в середине 70-х годов обследование показало, что в советах попечителей 17 крупнейших университетов страны заседало девять директоров «Чейз Манхэттен банк», семь — «Дженерал моторс», восемь — «Стандард ойл оф Нью-Джерси», пять — «Форд мотор компани» и

⁸³ Ladd E. C., jr., Lipset S. M. Op. cit., p. 107.

⁸⁴ См., напр.: Digest of Educational Statistics, 1975, p. 93.

11 — «Дженерал электрик»⁸⁵. Между сферой бизнеса и высшей школой идет оживленный обмен людьми⁸⁶. Тем не менее благодаря своему авторитету преподавательский состав ведущих вузов смог обеспечить себе известную независимость от власти денежного мешка. Правда, одновременно растет зависимость колледжей и университетов от федерального правительства и властей штатов, обеспечивающих львиную долю финансовых поступлений вузов.

Преобразование современных вузов в настоящие «фабрики знаний», дифференциация и специализация научно-педагогической деятельности создали в академическом мире густую сеть перегородок между преподавателями различных дисциплин. Разбросанные по всей стране специалисты в какой-либо области знаний значительно теснее связаны друг с другом, чем преподаватели, работающие в одном вузе. Ключевую роль в этой общенациональной системе связей и коммуникаций играют ученые общества. Они имеют штаб-квартиры с постоянным штатом сотрудников, проводят ежегодные собрания, на которых избираются руководящие органы. Многие из них публикуют журналы, распространяют выпуски новостей, готовят доклады специализированных комиссий и комитетов. Активное участие в деятельности научных ассоциаций, выступающих в роли национальных координационных центров, — одна из важнейших пружин академической карьеры.

В общественно-политической жизни США академический мир играет все более заметную роль. Начиная с конца XIX в. колледжи и университеты превратились в один из очагов идейного брожения. В академической среде разрабатывались проекты реформ, направленных на ограничение произвола монополий. В 90-х годах прошлого столетия многие преподаватели вузов активно выступали против захватнической политики правительства, призванной удовлетворить растущие аппетиты корпораций. Антагонизм большого бизнеса и определенной части академических кругов отчетливо проявился в годы «нового кур-

⁸⁵ American Federationist, 1977, N 4, p. 21. См. также: Филиппова Л. Д. Высшая школа США. М., 1981, с. 149.

⁸⁶ Несколько примеров перехода руководителей крупнейших корпораций на должности деканов школ бизнеса при ведущих университетах приводит в своей книге И. Г. Мипервин (Указ. соч., с. 97).

са», когда выходцы из университетской среды играли значительную роль в рузвельтовской администрации.

Вступление в эпоху научно-технической революции значительно укрепило общественное положение академического персонала. Пережив крестовый поход маккартизма, вузы утвердились в качестве оплота либерализма. Начиная с конца 50-х годов бурный рост академического персонала за счет либерально-радикальной молодежи сместил влево ось идейно-политической жизни колледжей и университетов. Один из представителей радикально настроенной интеллигенции, философ Р. Вольф, в своей книге «Идеальный университет» подчеркивал значение университета как прибежища неортодоксальной мысли: «В настоящее время университеты стали надежным убежищем для людей критического склада ума, которым было бы очень трудно заработать на жизнь где-нибудь в другом месте. Кто в наши дни, кроме университета, примет на работу Герберта Маркузе, Юджина Дженовезе или Баррингтона Мура-младшего? Где еще анархистов, социалистов и приверженцев других непопулярных идей ждут ученые звания, награды, долгосрочный трудовой договор?»⁸⁷.

Заметно возросшая способность колледжей и университетов противостоять нажиму извне не превратила их в оазисы тишины и покоя. Многообразие функций высшей школы в американском обществе, ее активное участие в решении практических задач, исключительно широкая система социальных связей и отношений, образующаяся вокруг современного вуза, ликвидировали традиционную замкнутость колледжей и университетов, принесли в спокойную, размеренную академическую жизнь конфликты и противоречия окружающего мира, превратили тихие университетские кампусы в арену бурных политических выступлений. Захваченные врасплох, преподаватели вузов оказались в самом центре потрясений, которые пережило американское общество в 60-е годы. Причем на этот раз вызов либеральной профессуре был брошен не твердолобыми консерваторами, не приемлющими никаких перемен, а новым поколением интеллигентов-радикалов, готовых бороться за свои идеалы.

Превращение колледжей и университетов в один из центров социальной активности было подготовлено всем

⁸⁷ Wolff R. The Ideal of the University. Boston, 1969, p. 75.

послевоенным развитием. Концентрация лиц интеллектуального труда в высших учебных заведениях страны является важнейшей предпосылкой развития сознания нового слоя. В либеральной атмосфере университетских кампусов, ставших основными очагами идейно-политического брожения, постепенно сложилась та питательная среда, в которой зародилось первое массовое движение протеста американской интеллигенции. Ослабление традиционных механизмов контроля за поведением быстро растущей армии работников умственного труда, особенно ее наиболее беспокойного и подвижного элемента — студенчества, вследствие кардинальной перестройки высшей школы в послевоенные десятилетия создало благоприятные условия для проявления общественных потенций нового слоя.

Начало 80-х годов, когда академический мир выступил одним из инициаторов антивоенного движения, быстро охватившего всю страну, вновь показало, что вузовская интеллигенция приобрела значительный политический вес.

Глава пятая

ИНТЕЛЛИГЕНТ В ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ

Особенности социального облика

Человек интеллектуального труда отличается прежде всего высоким уровнем образования. Долгие годы он проводит на ученической скамье и приходит в мир интеллектуального труда зрелой, сформировавшейся личностью. Вузовский диплом не только визитная карточка специалиста, за ним стоит определенный социальный тип.

В пестрой социальной мозаике современного капитализма представители интеллигенции выделяются рядом черт и характеристик, позволяющих им приспособиться к окружающему миру. Образование дает человеку не только определенную сумму знаний, оно оказывает глубокое, всестороннее влияние на личность: развивает интеллект, вырабатывает рациональный взгляд на вещи, прививает вкус к знаниям, помогает лучше понять окружающих и найти с ними общий язык, воспитывает такие черты характера, как настойчивость, привычка к труду. Образова-

ние развивает в человеке способность к адаптации в новой ситуации, умение ориентироваться в хитросплетениях современной жизни, помогает ему найти верную дорогу к поставленной цели.

Благотворное влияние образования ощущают на себе многие из тех, кто проходит через высшие учебные заведения. Проводившиеся в течение многих лет социологические исследования показали, что не менее $\frac{2}{3}$ студентов и бывших выпускников вузов считают, что высшее образование приносит ценные плоды¹.

Представители интеллигенции лучше многих других подготовлены к той жестокой борьбе за место под солнцем, которая постоянно идет в американском обществе. На основе большого фактического материала, относящегося к различным видам экономической деятельности, американский исследователь Т. Шульц пришел к выводу, что образование развивает в человеке способность ориентироваться и успешно действовать в быстро меняющейся ситуации². По сравнению с лицами с теми же доходами, принадлежащими к другим социальным категориям, представители интеллигенции расходуют деньги более экономно, с большей отдачей, больше откладывают в виде сбережений, которые тратят в первую очередь на детей³.

Ту же предприимчивость, гибкость, мобильность люди умственного труда обнаруживают и в других житейских делах. Для того чтобы получить высшее образование, человеку, как правило, приходится покинуть отчий дом и самостоятельно прокладывать себе дорогу в жизни. Начав колесить по городам и весям, он не спешит прочно обосноваться на одном месте. Лица с высоким уровнем образования отличаются гораздо большей легкостью на подъем, чем рядовые американцы. В конце 60-х годов среди мигрантов доля имеющих за плечами не менее года обучения в колледже была в два раза выше, чем среди живущих на одном месте — соответственно 45 и 23%⁴.

¹ Bowen H. R. *Investment in Learning: the Individual and Social Value of American Higher Education*. San Francisco, 1978, p. 235.

² Schultz T. W. *The Value of the Ability to Deal with Disequilibrium*. — *Journal of Economic Literature*, Pittsburgh, 1975, vol. 13, N 3, p. 843; см. также: *Education, Income and Human Behavior* / Ed. F. T. Juster. N. Y., 1975, p. 34; *Strumpel B. Economic Means for Human Needs*. Ann Arbor, 1976, p. 51—52.

³ Bowen H. R. *Op. cit.*, p. 207.

⁴ Михайлов Е. Д. США: проблемы больших городов. М., 1973, с. 63.

Неблагоприятная экономическая конъюнктура 70-х годов оказала противоречивое воздействие на мобильность специалистов. С одной стороны, в условиях галопирующей инфляции удачный переход, как правило, единственная возможность реально увеличить заработок. Молодой менеджер, таким образом почти удвоивший свой оклад, сказал с циничной откровенностью: «...никто больше не может рассчитывать на то, что оклад будет расти в соответствии с результатами труда. При нынешнем потолке увеличения зарплаты в 7% и 18-процентной инфляции вы будете топтаться на месте, как бы замечательно вы ни работали»⁵. С другой стороны, те, у кого дом и семья, часто больше теряют, чем приобретают, при переезде. «Среди служащих растет нежелание переезжать на новое место», — отметил представитель одного из крупнейших американских концернов, ИБМ. В качестве основных причин, удерживающих служащих на месте, он назвал работающих жен и растущие цены⁶. Но в целом и в 70-е годы специалисты отличались большой территориальной подвижностью⁷.

Специфика интеллектуального труда сделала необходимыми частые служебные командировки специалистов. География деловых вояжей специалистов не ограничивается Соединенными Штатами. В послевоенный период многие представители интеллигенции побывали в разных странах мира. Среди американцев, мало и неохотно выезжающих за границу, они выделяются хорошим знанием внешнего мира. Важным источником информации является и общение с иностранцами, приезжающими в США.

Подвижность, готовность к переменам, динамизм — далеко не внешние атрибуты американской интеллигенции. Это черты национального характера, прочно вошедшие в психологию этого слоя. Широкие возможности применения интеллектуального труда, созданные НТР в крупнейшей стране капиталистического мира, характерное для многих представителей интеллигенции стремле-

⁵ Fortune, 1980, Apr. 7, p. 78.

⁶ US News and World Report, 1980, Dec. 8, p. 54; Harvard Business Review, 1976, May-June, p. 89; Time, 1978, March 6, p. 39; June 12, p. 38; June 19, p. 29; US News and World Report, 1981, March 9, p. 71.

⁷ Monthly Labor Review, 1980, March, p. 16. (Далее: MLR); US News and World Report, 1981, Sept. 21, p. 87.

ние не упустить эти возможности, с выгодой для себя их использовать, подогреваемое общей атмосферой погони за успехом, лежат в основе высокой мобильности армии работников умственного труда.

Ту же способность к быстрой адаптации можно наблюдать в сфере профессиональной подготовки лиц интеллектуального труда. Еще в студенческие годы от $\frac{1}{3}$ до $\frac{2}{3}$ учащихся значительно меняют свою специализацию или планы в отношении карьеры, прежде всего под влиянием конъюнктуры на рынке труда⁸. Стремление приспособиться к быстро меняющейся конъюнктуре заставляет многих специалистов продолжать свое образование на протяжении всей трудовой деятельности⁹. Они широко используют те возможности профессионального роста, которые заложены в самом процессе труда. По данным ряда обследований, проведенных в 60-е годы, свыше $\frac{2}{3}$ специалистов приобрели таким образом необходимые для выполнения служебных обязанностей знания и трудовые навыки¹⁰. Для систематического обновления и пополнения своих знаний они могут использовать систему переподготовки и повышения квалификации, созданную в Соединенных Штатах в последние десятилетия¹¹. В 1975 г., по некоторым оценкам, от 10 до 32% специалистов в области естественных, технических и общественных наук и инженеров США занимались на курсах повышения квалификации, организованных частными компаниями, государственными учреждениями и учебными заведениями, в которых они работали¹².

Хотя профессиональное мастерство дается, как правило, ценой сужения диапазона возможностей выбора области деятельности, большая профессиональная мобильность свойственна и наиболее квалифицированным специалистам. Среди тех, кому была присвоена степень док-

⁸ *Feldman K. A., Newcomb T. M. The Impact of College on Students. San Francisco, 1969, vol. 1, p. 37.*

⁹ Советский автор пишет: «Обстановка конкуренции ведет к выбраковке тех, кто перестает удовлетворять этим требованиям. Поэтому американские специалисты рассматривают постоянное повышение своей квалификации как дело жизненной важности» (*Филиппова Л. Д. Высшая школа США. М., 1981, с. 230*).

¹⁰ *Thurow L. C. Generating Inequality. N. Y., 1975, p. 78.*

¹¹ См.: *Филиппова Л. Д. Указ. соч., с. 224—254.*

¹² *Selected Characteristics of Persons in Fields of Science or Engineering, 1976, Wash., 1978, p. 24—25. См. также: Филиппова Л. Д. Указ. соч., с. 225, 234.*

тора наук в 1957—1961 гг., 25% получили ее в новой для себя сфере (имеются в виду такие крупные области знаний, как физика и химия, биология, общественные науки, педагогика и т. д.). Еще 15% изменили специализацию, оставаясь в рамках своей области знаний¹³. Довольно часто меняют профиль и доктора наук. По данным обследования, проведенного в первой половине 60-х годов, доля лиц, не изменивших свою специальность по прошествии 2—7 лет после получения докторской степени, составляла 76,9%, 12—17 лет — 70,6%, 22 года и более — 58,8%¹⁴.

Необходимость постоянно приспосабливаться к положению на рынке труда требует от человека больших затрат времени и сил. Проведенное Т. Файнгенгом тщательное исследование показало, что увеличение продолжительности образования на 1 год удлиняет рабочую неделю на 1 час¹⁵.

Постоянно ощущая на себе давление буржуазного «царства необходимости», представители интеллигенции стараются экономно расходовать запас сил, отпущенный им природой. Они тщательно следят за своим физическим состоянием, стремятся поддерживать хорошую спортивную форму. М. Гроссмен, обстоятельно исследовавший взаимосвязь между образованием и состоянием здоровья человека, пришел к выводу, что высокий уровень образования способствует сохранению здоровья¹⁶.

Не случайно представители интеллигенции долго сохраняют трудоспособность. В преклонном возрасте многие лица интеллектуального труда активно работают, занимаются общественной деятельностью, а порой даже делают карьеру в новой для них области¹⁷.

Относительно привилегированное положение интеллигенции в мире труда, ее житейская хватка и сметка порождают у ее представителей чувство независимости, собственного достоинства, уверенности в себе. Они открыты новому, внимательно следят за рынком товаров и ус-

¹³ Folger J. K., Astin H. Human Resources and Higher Education. N. Y., 1970, p. 233.

Подсчитано по: Profiles of Ph. D's in the Sciences: Summary Report on Follow-up of Doctorate Cohorts, 1935—1960. Wash., 1965, p. 114—116.

¹⁵ Journal of Political Economy, Chicago, 1962, N 5, p. 460.

¹⁶ Household Production and Consumption / Ed. N. E. Terleckyj. N. Y., 1975, p. 204.

¹⁷ См., напр.: US News and World Report, 1980, Sept. 1, p. 53—55.

луг, склонны к экспериментам. Их интересует, что происходит в мире науки и техники, каким будет завтрашний день.

Выявляя характерные черты интеллигенции как социального слоя, необходимо учитывать ее внутреннюю неоднородность. В частности, немалые различия существуют между выпускниками престижных, элитарных университетов и захудалых провинциальных колледжей. Они накапливаются постепенно, на всех этапах жизненного пути. Как показывают социологические исследования, существующие между вузами различия в уровне подготовки специалистов обусловлены не столько качеством преподавания, сколько тем человеческим материалом, который поступает в их распоряжение. Лучшие вузы страны привлекают к себе наиболее способных, оставляя на долю остальных тех, кто послабее ¹⁸.

Высокая степень приспособляемости интеллигенции во многом достигается за счет развитой системы неформальных связей и отношений. Опрос молодых специалистов, окончивших университеты и колледжи в начале 70-х годов, показал, что после получения диплома очень немногие устраиваются на работу с помощью государственных агентств. Лишь 1,5% нашли работу через бюро по найму; 41,4% получили работу, прямо обратившись к нанимателю; 21,3 — с помощью друзей и знакомых; 17,6 — через вузовские службы трудоустройства выпускников; 3,9 — по объявлениям в газете; 3,6% — прибегнув к услугам частных агентств ¹⁹. Широкие, подвижные неформальные сообщества, основанные на знакомствах, которые завязываются еще со студенческой скамьи, играют в жизни интеллигента большую роль. Фактически они образуют вторую, скрытую от посторонних глаз систему жизненных связей и отношений, которая часто оказывает на его судьбу не меньшее влияние, чем те многочисленные организации, в деятельности которых он участвует. Благодаря этим расплывчатым, аморфным образованиям люди с общими интересами встречаются и находят друг друга, легко преодолевая ведомственные барьеры; они дают им возможность лучше узнать и оценить коллег и их профессиональные достижения, служат каналами рас-

¹⁸ Bowen H. R. Op. cit., p. 247.

¹⁹ MLR, 1973, N 2, p. 46.

пространения новых идей и местом, где вырабатываются оценки по вопросам, представляющим общий интерес.

Правда, в Соединенных Штатах эта система связей носит весьма замкнутый, корпоративный характер; как правило, она ограничена узкими профессиональными рамками. Здесь не сложилась традиция широкого, свободного общения представителей различных интеллектуальных профессий, объединенных общими духовными интересами²⁰. Американский социолог Ч. Кадушин приводит в своей книге мнение одного ведущего критика, которое разделяют большинство представителей интеллектуальной элиты страны: «Я не думаю, что в Соединенных Штатах действительно существует что-то, что можно назвать культурной средой в том смысле, в каком можно говорить о культурной среде Парижа или хотя бы Лондона — Оксфорда — Кембриджа»²¹.

Система неформальных связей очень стратифицирована и иерархична. Круг общения, как правило, ограничивается людьми одинакового социального положения, их отношения часто строятся на основе взаимной выгоды. Связи и знакомства служат одним из основных орудий внутреннего расслоения интеллигенции.

Наряду с неформальными образованиями в мире умственного труда существуют многочисленные формализованные структуры, призванные способствовать развитию различных видов интеллектуальной деятельности. Профессиональные объединения и научные общества²², почетные академии и институты, общие и специализированные журналы — таков далеко не полный список влия-

²⁰ Функциональный характер общения американцев производит тягостное впечатление на европейского наблюдателя. «В американцах меня больше всего поражала и угнетала их неспособность отключаться. Даже свободные вечера, даже выходные дни они, как правило, проводят в обществе тех же людей, с которыми ведут дела. И это неизбежно ведет к тому, что и дома, и в гостях они продолжают думать и говорить о том же, что волнует их на работе», — рассказывает лондонская журналистка, много лет проработавшая в США (Овчинников В. Корни дуба. — Новый мир, 1979, № 4, с. 225).

Kadushin Ch. American Intellectual Elite. Boston; Toronto, 1974, p. 22, 81. Интеллектуальная элита у Кадушина — это «властители дум» интеллигенции, авторы, часто выступающие на страницах популярных общественно-политических журналов, рассчитанных на образованного читателя.

²² В начале 70-х годов в США насчитывалось около 1000 профессиональных обществ. См.: *Dun's Review*, 1972, March, p. 47.

тельных институтов, задающих тон в мире интеллектуального труда. К ним надо прибавить регулярно проводимые съезды, конгрессы, симпозиумы, конференции, семинары. Но многочисленные организации американской интеллигенции носят еще более узкоспециализированный характер, чем неформальные объединения лиц интеллектуального труда.

Значительная степень автономии профессиональных категорий в своих внутренних делах усиливает заинтересованность их представителей во взаимных связях и контактах. Определение круга знакомств в зависимости от профессиональных интересов развивает корпоративный дух. На основе общих интересов в профессиональной среде формируются особые субкультуры со своим языком и системой символов, понятными только посвященным.

Слабость внутренних связей между представителями различных сфер умственной деятельности, цеховая замкнутость и ограниченность интеллектуальной жизни наложили свой отпечаток на духовный облик американской интеллигенции. Типичный представитель современной американской интеллигенции не столько интеллектуал с широким кругозором, сколько узкий специалист с хорошей профессиональной подготовкой. Фрагментарность, раздробленность духовной жизни страны дает себя знать даже среди интеллектуальной элиты. «Часто можно встретить высокообразованного профессора Гарвардского университета или Массачусетского технологического института, который абсолютно не в курсе того, что происходит среди нью-йоркской интеллигенции, и не знает имен писателей, пользующихся наибольшей популярностью в Нью-Йорке», — печально констатирует Л. Козер²³.

Узость духовных интересов многих представителей американской интеллигенции связана не только с профессионализацией и специализацией интеллектуального труда, особенно характерной для США. Многие объясняют особенности ее формирования. В отличие от Европы интеллигенция Соединенных Штатов не может похвастать тысячелетними традициями, корни которых уходят в античность. Американская нация молода, а история интеллигенции страны измеряется несколькими десятилетиями.

²³ Coser L. A. *Men of Ideas*. 2 ed. N. Y., 1966, p. 350, 352.

В качестве относительно самостоятельной социальной общности американская интеллигенция только начинает свое историческое существование. Ее духовное становление проходит в трудных условиях. Ни в одной стране капиталистического мира буржуазия не смогла в такой степени подчинить себе национальную культуру, навязать свою идейную гегемонию, как в Соединенных Штатах. Влияние ценностей, образа мыслей, моделей поведения североамериканского производства распространилось далеко за пределы Нового Света. Многие явления духовной жизни современного капитализма несут на себе печать американского происхождения. Но нигде сознание и поведение масс не испытывает на себе столь сильного и устойчивого идейно-психологического влияния со стороны господствующего класса, как в США.

Постоянное массированное воздействие на сознание рядового американца дает известные плоды. Получивший в последние десятилетия широкое распространение в буржуазном обществе феномен так называемой «массовой культуры», который обозначает целый комплекс расхожих, стандартизованных форм восприятия окружающего мира и моделей поведения, свое наиболее полное и законченное воплощение обрел на американской почве. Как отмечают советские авторы, «проблемы, связанные с «массовой культурой», — это в огромной степени «американские» проблемы. Именно в США это явление нашло наибольшее распространение»²⁴.

Взросший уровень образования и информированности не изменил сугубо практической направленности духовных интересов «среднего» американца. Скорей, наоборот, американский прагматизм наложил глубокий отпечаток на развие образования в США. Доведенная до абсурда система «прогрессивного обучения» Дьюи привела к заметному снижению теоретического уровня преподавания, выхолащиванию интеллектуального содержания школь-

²⁴ Ашин Г. К., Мидлер А. П. Парадоксы «массовой культуры». — США — экономика, политика, идеология, 1977, № 5, с. 34. Еще в начале 50-х годов Р. Миллс писал: «Наиболее примечательной — и одной из наиболее диких — чертой современной американской жизни являются массовые формы организации досуга. Все они отличаются тем, что опарашивают, возбуждают и отвлекают, но не дают пищу для чувств и ума и не позволяют свободно развиваться спонтанным движениям души» (*Mills W. White Collar*. N. Y., 1951, p. 236).

ных программ²⁵. Скептическое отношение к образованию как средству развития личности распространяется и на высшую школу. «Мы, американцы, ценим диплом, но я не уверен, что мы ценим образование», — заявил декан Джорджтаунского университета Р. Дэвис²⁶.

Прагматизм мышления, скудость культурных интересов «среднего» американца создают ту гнетущую атмосферу бездуховности, которая отличает Соединенные Штаты. В этих условиях функция интеллигенции как творца и носителя высокой культуры в значительной степени девальвируется. Будучи лишенной единой культурной основы, позволяющей ей конституироваться в качестве самостоятельной социально-психологической общности, американская интеллигенция распадается на конгломерат профессиональных группировок. Профессиональная дробность, усиленная весьма интенсивными внутрицеховыми связями, порождает корпоративную замкнутость сознания.

Становление американской интеллигенции как носителя национальной культуры тормозится и факторами социологического порядка.

В послевоенный период бурный рост армии работников умственного труда обеспечил устойчивое преобладание внутри слоя интеллигентов первого поколения — выходцев из другой социальной среды со своими нормами и ценностями. Их приобщение к характерной для интеллигенции напряженной духовной жизни, полной поисков и сомнений, — длительный и противоречивый процесс²⁷. В частности, он требует определенной культурной среды, которая создается десятилетиями. Несмотря на гигантский рост образованного слоя в Америке XX в., найти культурную среду в Соединенных Штатах не так-то просто.

Структура интеллектуальной жизни в США всегда отличалась высокой степенью децентрализации. Здесь нет того отчетливого деления на столицу и провинцию, которое существует в странах Западной Европы. Правда, в первой половине XX в. на роль интеллектуальной столицы Соединенных Штатов мог претендовать Нью-Йорк, но после второй мировой войны, столкнувшись с сильной

²⁵ См., напр.: США — экономика, политика, идеология, 1979, № 4, с. 48; US News and World Report, 1980, Sept. 8, p. 46—47.

²⁶ Time, 1976, March 29, p. 37—38.

²⁷ См., напр.: The Radical Right. Garden City, 1964, p. 117.

конкуренцией со стороны других быстро растущих культурных центров, в частности Вашингтона, он заметно сдал свои позиции.

Однако накопление интеллектуального элемента в ткани американского общества достигло столь внушительных размеров, что, несмотря на децентрализацию, присутствие интеллигенции ощутимо в разных районах страны. Об университетских городках речь шла выше. Другой, более традиционный центр притяжения интеллектуальных сил — крупнейшие города страны. Более того, концентрация умственного труда в деловых кварталах больших городов стала одним из основных стимулов их роста. Подчеркивая значение этого компонента городского хозяйства, советский специалист по проблемам урбанизированной Америки пишет: «Если в период промышленной революции урбанизация была тесно связана с индустриализацией, то в условиях научно-технической революции одним из ее ведущих факторов становится «производство» знаний, информации, а также развитие услуг и управленческой деятельности»²⁸.

При характеристике территориального размещения американской интеллигенции надо учитывать, что линия водораздела не проходит строго между крупнейшими городами и остальной страной. Вследствие неравномерного распределения интеллектуального потенциала в Соединенных Штатах можно выделить несколько обширных районов, отличающихся высокой концентрацией интеллигенции, особенно научно-технической. Таких зон пять: три из них — Бостон—Кембридж, Нью-Йорк—Нью-Джерси и Вашингтон—Балтимор — находятся на побережье Атлантического океана, а две других — Сан-Франциско и Лос-Анджелес — на Тихоокеанском побережье США.

Размещение интеллектуальной элиты отличается еще большей неравномерностью. Здесь тоже доминирует Атлантическое побережье от Бостона до Вашингтона. В начале 70-х годов 51% представителей интеллектуальной элиты страны жил на расстоянии 50 миль от Эмпайрстейт билдинг²⁹, 14 — в Новой Англии (особенно в районе Бостона—Кембриджа), 11% — в Вашингтоне³⁰. Зато

²⁸ Михайлов Е. Д. Указ. соч., с. 30.

²⁹ Знаменитый нью-йоркский небоскреб, ставший своеобразным символом города.

³⁰ Kadushin Ch. Op. cit., p. 22, 34.

огромные, бурно развивающиеся территории Юга и Запада остаются явно обделенными интеллектуальными силами. Так, на весь американский Юг в 1975 г. приходилось менее 7% членов Национальной академии наук³¹.

Несмотря на устойчивое преобладание Нью-Йорка, несомненно связанное с его ролью финансовой столицы США³², он так и не стал центром культурной жизни страны. Среди опрошенных Ч. Кадушиным представителей интеллектуальной элиты «многие сравнивали Нью-Йорк с Лондоном и Парижем и подчеркивали, что в отличие от Европы американские интеллигенты мало контактировали друг с другом даже тогда, когда Нью-Йорк играл более значительную роль и более чутко реагировал на политические события. Кроме того, даже в лучшие времена Нью-Йорк не отличался столь интенсивной духовной жизнью, как европейские столицы»³³. В последующие десятилетия трудности повседневной жизни в громадном городе, заметно уменьшившие его привлекательность в глазах интеллигенции, растущая конкуренция со стороны ведущих университетов, разрушение традиционных связей в культурной среде сначала под ударами маккартизма, затем движения «новых левых» и войны во Вьетнаме привели к падению влияния Нью-Йорка в интеллектуальной жизни страны.

Постепенная утрата Нью-Йорком ореола интеллектуальной столицы США — символический показатель значительно более широких социальных процессов, происходящих в среде интеллигенции. Наряду с децентрализацией другая характерная особенность территориального расселения лиц умственного труда в послевоенный период — «бегство в пригороды», вызванное кризисом городов. Уже цитировавшийся советский автор пишет: «За каких-нибудь два десятилетия возникла новая пригородная Америка со своим характерным обликом и специфическим пригородным стилем жизни. Города, как бы прорвав невидимые дамбы, разлились по обширной окружающей их территории. В результате субурбанизации за 1950—1969 гг. население пригородов выросло на 33,4 млн. человек»³⁴. Неизжитая тяга американца к

³¹ Time, 1976, Sept. 27, p. 56.

³² В Нью-Йорке находятся штаб-квартиры 82 из 500 крупнейших американских корпораций, см.: Ibid., 1978, Aug. 28, p. 40.

³³ Kadushin Ch. Op. cit., p. 67.

³⁴ Михайлов Е. Д. Указ. соч., с. 64.

земле, стремление жить в собственном доме, растущие тяготы жизни в большом городе привели к тому, что к началу 80-х годов в пригородах проживало 44,8% населения США, в то время как в больших городах — только 30% ³⁵.

Переселение состоятельных семей в пригороды воздвигло труднопреодолимые территориальные барьеры между различными слоями населения. Великий исход представителей «среднего класса» вынул живую душу из американских мегаполисов, лишил их «человеческого измерения», придал им сугубо функциональный характер. Ущербность характеристик больших городов дополняется не менее однобокой социальной структурой пригородов. Здесь, вдалеке от забот и тревог городской Америки, в искусственно отгороженном, относительно благополучном мире «среднего класса» многое в жизни видится в розовом свете.

В 70-е годы наметилась и противоположная тенденция. Быстро растущая стоимость домов и жизни в пригородах, нежелание чрезмерно удаляться от места работы и центра культурной жизни побуждают молодые пары, недавних выпускников вузов, возвращаться в старые районы больших городов, которые возрождаются на новой основе. Собственный дом им, как правило, не по карману, и они селятся в многоквартирных домах или коттеджах, рассчитанных не на одну семью. Многие не могут себе позволить и этого и вынуждены жить с родителями. «Свежеиспеченные выпускники колледжей, особенно в городах, обнаруживают, что их окладов едва хватает на еду, приготовленную из полуфабрикатов, и жалкое жилье. Жизнь с родителями может уберечь от нескольких лет лишений» ³⁶. Одна из них, 29-летняя учительница из Чикаго Эллис Шнайдер, вернувшаяся после развода в отчий дом, сказала: «Мой оклад не поспевает за ростом цен. И я не поеду туда, где мне придется считать трещины на стене. Поэтому я живу с родителями, несмотря на известные неудобства» ³⁷.

Утверждению интеллигенции как носителя национального самосознания препятствует и культурная неоднородность американского общества. Сохранение пережитков региональных культур, незавершенность процесса этниче-

³⁵ US News and World Report, 1981, Dec. 28—1982, Jan. 4, p. 18.

³⁶ Time, 1980, Oct. 13, p. 75.

³⁷ Ibid.

ской консолидации нередко мешают представителям интеллигенции сосредоточить свое внимание на национальных проблемах.

Слабость, неразвитость «социетарного» измерения в сознании американской интеллигенции сделали ее пленником индивидуалистической и корпоративной идеологии. Фиксация сознания на индивидуальном и корпоративном уровне дает возможность интеллигенту сравнительно легко принять основные идейно-политические ценности американизма, служит своеобразной формой приспособления к окружающему миру. Там, где дело не ограничивается подобными паллиативами, где идет активный процесс формирования мировоззрения нового слоя, как, например, в университетах, соответствующие группы интеллигенции оказываются в социальной изоляции. Корреспондент газеты итальянских коммунистов, побывавший в американской глубинке, в самом сердце Соединенных Штатов, г. Сент-Луис в штате Миссури, описывает состояние взаимной отчужденности, существующей между городом и университетом, следующим образом: «В университете, носящем имя Вашингтона (сравнительно небольшой частный университет.— *В. К.*), люди очень общительны. Но эта общительность ограничивается стенами университета. Все кончается за его пределами. Там есть только отдельные дома, «гетто», где живут преподаватели, и эти «дома-гетто» почти никак не связаны с жизнью города... В таком городе, как Сент-Луис, не существует почти никаких связей между университетом и обществом»³⁸. И это в городе с более чем полумиллионным населением, где живет и работает много представителей интеллигенции.

Небывалый рост масштабов духовного производства влечет за собой усложнение его внутренней структуры, появление внутри него подразделений, выполняющих функционально разные задачи. Наряду с относительно небольшой группой творцов духовных ценностей формируется огромная армия «рядовых» культуры, занятых созданием общих условий творческой деятельности, распространением и практическим применением ее результатов.

Несмотря на малочисленность, специалисты, занятые наиболее сложными, творческими видами интеллектуального труда, играют ключевую роль в профессиональной

³⁸ Unità, 1977, 8 dic., p. 3.

деятельности. Благодаря им создаются духовные богатства, которые служат основой различных видов интеллектуальной деятельности. Выделение творческого ядра внутри интеллигенции, по своему характеру напоминающего традиционную интеллигенцию XIX в., создает неформальную внутреннюю иерархию, основанную на профессиональных достижениях. Этот неписанный табель о рангах, открытый лишь посвященным, далеко не полностью совпадает с официальной иерархией, существующей в мире интеллектуального труда. Интеллектуальная элита поставляет лидеров неформальных групп и, обладая развитым самосознанием, способствует формированию общественно-политических позиций нового слоя.

Мотивы поведения и образ жизни

Мотивы поведения и образ жизни представителей определенного класса или слоя формируются в соответствии с особенностями их положения в системе общественных отношений. Социально типичные модели поведения строятся исходя из «предлагаемых обстоятельств». Диапазон выбора может быть шире или уже, но он всегда задан основными характеристиками социальной системы, теми объективными возможностями, которые она открывает перед представителями различных слоев населения.

В Соединенных Штатах длительное время эти возможности были значительно шире, чем в Европе. Они сформировали американский национальный характер, деятельный и предприимчивый. Обилие возможностей личного обогащения поглощало жизненную энергию рядового американца, ограничивало его помыслы и устремления сферой материальных забот и интересов. «Американская мечта», родившаяся на закате феодальной Европы как великая идея свободного союза равных, в котором каждый имеет право на счастье, со временем обмельчала, став символом погони за успехом.

Идеология успеха, причем в его наиболее грубом, материальном выражении — эти ставшие национальным кредо установки буржуазного предпринимательства, — прочно вошла в американскую жизнь. Правда, формула успеха претерпела существенные метаморфозы в соответствии с духом времени. Если до «великого кризиса» 1929—1933 гг. успех мыслился в традиционных категориях американской мифологии как индивидуальное возвышение

через собственное «дело», то в последующие десятилетия в мире быстро формирующихся государственно-монополистических структур, где классическое предпринимательство постепенно становится анахронизмом, с понятием успеха стали скорее ассоциироваться определенные формы материального благополучия.

Понятие успеха — даже в его материальном выражении — многозначно и многоступенчато в зависимости от уровня притязаний личности. Это может быть материальное благополучие, удачная карьера, приобщение к кругу сильных мира сего. Сам уровень притязаний может расти по мере достижения личностью первоначально поставленных целей.

Наиболее распространенным современным вариантом традиционной американской ориентации на успех является стремление сделать карьеру. Карьеризм — интериоризированная логика капиталистической конкуренции — воспитывается с детства. Дух соперничества пронизывает все поведение интеллигента, начиная со школьной скамьи. Атмосфера конкуренции, войны всех против всех, характерная для мира интеллектуального труда, заметно сгущается в периоды экономических потрясений.

Постепенное сужение возможностей продвижения вверх классической дорогой индивидуального предпринимательства заставляет людей, алчущих власти и богатства, искать иные пути, соответствующие реальностям XX в. Бюрократизация различных сфер деятельности в эпоху государственно-монополистического капитализма, формирование чудовищно больших организаций с множеством иерархических ступенек сделали основной моделью социального продвижения служебную карьеру. Правда, в отличие от чиновника классического типа, выслуживающегося перед начальством, карьера интеллигента, занимающего какое-то положение в административной иерархии, основана на его профессиональной компетенции.

В карьере человека интеллектуального труда профессиональное мастерство играет столь значительную роль, что нередко оно приобретает самостоятельную ценность. В этом случае карьера приобретает не столько административный, сколько профессиональный характер. Смещение центра тяжести честолюбивых стремлений молодого интеллигента в ту или иную сторону во многом зависит от традиций, существующих в данной сфере деятельности. В академической среде они не те, что в мире бизнеса.

По свидетельству А. Турена, подавляющее большинство университетского персонала ориентируется на профессиональную, а не административную карьеру³⁹.

Ориентацию на профессиональную карьеру, строго говоря, нельзя считать погоней за успехом в чистом виде. Здесь важны сам путь к успеху, его неразрывная связь с творческим трудом. Трудно поверить, что такой труд может мотивироваться чисто внешними соображениями, абсолютно не связанными с его природой и характером. Это явно гибридная, переходная форма, в рамках которой пытаются совместить стремление к мирским благам с наслаждением, даруемым творческим, интересным трудом.

Любой успех в американском обществе, каковы бы ни были его основы, нуждается в соответствующем внешнем оформлении, для которого используется целая система символов. Основным элементом этой системы является престижное, рассчитанное на внешний эффект потребление. Смысл престижного потребления, основанного на широком использовании всякого рода внешних аксессуаров успеха, заключается в фиксации социального положения личности, дающей возможность американцам быстро и легко определить положение человека на лестнице удачи, установить «кто есть кто» в общественной иерархии, ускорить и облегчить процесс социального взаимодействия.

Престижное потребление, будучи наиболее обобщенным знаковым показателем, выполняет и другие важные социальные функции. По нему судят о профессиональных и иных достоинствах человека. Поэтому оно может служить средством психологической компенсации, придавая людям, не слишком преуспевшим в жизни, ощущение своей значительности и уверенность в себе.

Быстрое распространение потребительской психологии в Америке стимулировалось эффектом новизны, приятно щекотавшим национальное самолюбие. Используя исключительно благоприятные условия развития, Соединенные Штаты первыми среди капиталистических государств создали материальные предпосылки «общества потребления». Заняв господствующее положение в послевоенном

³⁹ *Touraine A. L'université et société aux Etats-Unis. P., 1972, p. 166.* О различии ориентаций на служебную и профессиональную карьеру см.: *Kerr S., Von Glinow M. A., Schriesheim J. Issues in the Study of Professionals in Organizations: The Case of Scientists and Engineers.— Organizational Behavior and Human Performance, 1977, vol. 18, p. 329—345.*

капиталистическом мире, они стали навязывать ему в качестве образца свою модель массового поведения — «американский образ жизни». Советский корреспондент, посетивший США осенью 1946 г., когда поверженная войной Европа вставала из руин, стал свидетелем потребительской вакханалии: «В магазинах не было отбоя от покупателей. Бойко шла торговля предметами длительного пользования — автомобилями, холодильниками, стиральными машинами и т. п. Многие вкладывали сбережения в строительство многоквартирных домов. В строительной промышленности отмечался небывалый подъем»⁴⁰.

50-е годы были временем интенсивного освоения современного потребительского стандарта, приобщения миллионов американцев к образу жизни «общества потребления». Конечно, от проницательных наблюдателей не укрылось внутреннее убожество потребительских идеалов, предлагаемых в качестве высшего смысла человеческого существования. Еще в конце 50-х годов известный американский обозреватель У Липпман писал: «Опасная слабость нашего общества состоит в том, что в настоящее время у нашей нации отсутствуют великие цели, к достижению которых следует стремиться... Мы оцениваем себя так, как будто представляем собой общество, уже достигшее своей цели»⁴¹.

В атмосфере всеобщего потребительского ажиотажа послевоенных десятилетий американская интеллигенция оказалась не в состоянии выработать альтернативные модели поведения. На то были причины разного порядка.

В жизненных проектах представителей старшего поколения интеллигенции, выросших в трудные кризисные годы, в течение длительного времени на первом месте стояли заботы о материальном благополучии. Один из них, 50-летний дизайнер, вспоминает свое вступление в самостоятельную жизнь следующим образом: «Я был парнишкой в 1942 г., когда я бросил художественную школу. Я хотел заработать кучу денег и прославиться. Через пять лет я буду владеть всем миром. Я буду жить в Нью-Йорке, разъезжать на «кадиллаке», и у меня будет свой самолет. Я хотел иметь золотые запонки, детей и большой загородный дом. Полный набор. Американская

⁴⁰ *Изаков Б. Р.* У истоков «холодной войны». — США — экономика, политика, идеология, 1975, № 11, с. 73.

Цит. по: *Мартиас Л.* Обратная сторона США. М., 1968, с. 207.

мечта. (Смеется.) Эта прекрасная, отвратительная, порочная мечта, которая где-то сидит в каждом из нас»⁴².

Развитию потребительской ориентации в сознании послевоенного поколения интеллигенции способствовали большие изменения в образе жизни средних слоев, происшедшие в последние десятилетия. Переселение «среднего класса» в пригороды было связано с большими материальными затратами. Обитатели пригородной Америки превращались из квартиросъемщиков во владельцев индивидуальных домов, приобретение и содержание которых обходятся весьма недешево. Ежедневные поездки на дальние расстояния требуют хорошего автомобиля, что также ложится нелегким бременем на семейный бюджет. В пригородах, этой грандиозной американской «ярмарке тщеславия», пышным цветом расцвели различные формы престижного потребления. Приобретение в кредит, сделавшее возможным жизнь взаймы, приобщило к современному потребительскому стандарту людей с невысоким доходом, но «с хорошими видами на заработок». Гарантированность рабочего места и перспектива устойчивого роста доходов, выгодно характеризовавшие социально-экономическое положение основной части интеллигенции вплоть до начала 70-х годов, сделали ее представителей желанными клиентами на рынке товаров и услуг.

Даже не будучи самоцелью, поиски решения материальных проблем занимают центральное место в структуре мотивов поведения части молодых специалистов, еще не успевших твердо стать на ноги. Точно так же материальные заботы и интересы стоят на первом плане у целых профессиональных категорий, таких, как учителя, оплата труда которых невысока.

Неспособность открыто противостоять насаждаемым «массовой культурой» стандартизованным моделям поведения объясняется и особенностями формирования американской интеллигенции. В ее сознании антибуржуазная традиция не получила такого устойчивого, прочного развития, как в европейской интеллектуальной среде. Быстрый рост армии работников умственного труда в эпоху НТР, пополнение ее из разных социальных источников, как правило еще более подверженных влиянию господствующих ценностей и норм, чем интеллигенция, ослабляли ее сопротивляемость по отношению к общепринятым

⁴² *Terkel St. Working*. N. Y., 1974, p. 525.

стандартам поведения. Территориальная распыленность интеллигенции способствует ее растворению в аморфном «среднем классе», населяющем пригороды, затрудняет выработку альтернативных моделей поведения.

Конечно, потребительство в среде интеллигенции имеет свои особенности, в частности больше внимания уделяется развитию вкуса, многое делается с претензией на изысканность и утонченность.

В 60-е годы происходит ослабление потребительской ориентации в сознании и поведении лиц интеллектуального труда. Освоение современного потребительского стандарта образованной верхушкой средних слоев лишило его эффекта новизны, притупило остроту восприятия материальных символов успеха. Немалую роль в развенчании идеалов «общества потребления» сыграло студенческое движение. Погоня за материальным благополучием постепенно утрачивает значение в качестве основного мотива поведения, растет стремление жить полной жизнью, открывающей широкий простор для развития личности.

Проведенный в 1971 г. опрос 574 мужчин, глав семейств, большинство из которых было моложе 40 лет, выявил существенные расхождения в структуре мотивов поведения между образованным слоем и основной частью населения. Если для подавляющего большинства лиц со средним образованием на первом месте в жизни стояли стабильность и материальное благополучие и лишь очень немногие отдавали предпочтение жизни значительной и интересной (85 и 15%), то в интеллигентной среде, хотя и незначительно, преобладала вторая ориентация (47 и 52%)⁴³.

Постепенное изживание потребительского идеала, вызревание новых мотивов поведения нашли отражение в уже упоминавшейся книге Ст. Теркела «Работа», где собраны более ста интервью с людьми различных профессий, взятых на рубеже 70-х годов. Один из них, служащий из Чикаго Фред Рингли, резюмировал свой печальный опыт следующим образом: «Мы начали копить деньги. Один за другим появились дом в пригороде, загородный клуб, два автомобиля и большие налоги. Мы стали раздражительными, стали больше пить и курить. Наконец однажды мы присели и огляделись вокруг. У нас было все, и мы были бедны»⁴⁴. Фред Рингли решил бежать

⁴³ *Strumpel B. Op. cit., p. 34.*

⁴⁴ *Terkel St. Op. cit., p. 533.*

от этой жизни, где материальное благополучие дается ценой невыносимого нервного напряжения и не приносит настоящего удовлетворения. Это решение зрело в нем исподволь, постепенно, на протяжении ряда лет, и — он подчеркивает это совпадение — «не так странно, что оно пришло тогда, когда мы достигли того, что зовется американской мечтой» ⁴⁵. Он ушел из рекламного агентства, где проработал все эти годы, продал дом и, повинаясь вековому американскому инстинкту, вместе с женой и детьми пустился колесить по стране в поисках лучшей доли. После долгих странствий они осели на новом месте, купив маленькую ферму в Арканзасе. Сельская жизнь с ее размеренным, устоявшимся укладом, нехитрыми заботами и радостями пришлась им гораздо больше по душе, чем бесконечная, изматывающая погоня за успехом в большом капиталистическом городе.

В своей решимости пожертвовать положением в обществе, достигнутым с немалым трудом, ради более простой и естественной жизни Фред Рингли далеко не одинок. Другой персонаж книги Теркела, Сара Хаутон, тоже оставила хорошо оплачиваемую работу в рекламном агентстве, чтобы стать школьным библиотекарем в маленьком городке в Нью-Джерси. Ее новый оклад в два раза меньше предыдущего, но после Нью-Йорка тихая, спокойная жизнь в маленьком городе среди книг и детей кажется ей столь очаровательной, что все материальные соображения отступают на задний план ⁴⁶.

Одной из основных причин глубокой неудовлетворенности своей жизнью, которая заставила Сару Хаутон и Фреда Рингли, все бросив, искать счастья на новом месте, было отсутствие удовлетворения в труде. На бессодержательный, лишенный глубокого смысла характер труда жаловались многие собеседники Теркела, особенно те, кто работает в сфере бизнеса. Некоторые в поисках выхода говорили о своем желании вернуться на студенческую скамью, продолжить образование ⁴⁷.

Нелюбимая, постылая работа — работа, которую приходится делать только ради денег, вызывая у человека отвращение, подрывает его душевное и физическое здоровье, способствует развитию в психологии и сознании личности патологических процессов. Известный кинокри-

⁴⁵ Ibid., p. 536.

⁴⁶ Ibid., p. 540—543.

⁴⁷ Ibid., p. 72, 73, 87, 155, 265, 266, 343, 346, 521, 523, 526, 537, 541.

тик Полин Кэл, большую часть своей жизни выполнявшая ненавистную ей работу, вспоминает: «Когда я, чтобы содержать семью, делала эту тяжелую, нудную работу, у меня постоянно болела голова, а в конце дня я чувствовала себя совсем разбитой»⁴⁸. Молодой юрист, отказавшийся от блестящей карьеры в мире бизнеса ради тяжелой, изматывающей, плохо оплачиваемой работы в гетто, объяснил свой выбор предельно просто: «Я бы умер на другой работе. Я бы стал алкоголиком или наркоманом или чем-то в этом роде. Она бы довела меня до этого, я уверен»⁴⁹.

Напротив, возможность заниматься интересным, общественно полезным трудом воспринимается многими представителями интеллигенции как важнейший источник положительных эмоций, как высшая жизненная ценность⁵⁰. В этом случае работа и жизнь сливаются воедино. О таких счастливых людях автор пишет в предисловии: «Бывает, что работа владеет человеком даже после окончания рабочего дня... что она становится его единственной заботой. Работа может определять отношение человека ко всему в жизни»⁵¹. И тут же следует личное признание: «...когда я работал над этой книгой, мной самим овладела мистика труда»⁵².

⁴⁸ Ibid., p. 156. Хотя по роду деятельности она вынуждена постоянно находиться в Нью-Йорке, Полин Кэл так же, как Сара Хаутон, предпочитает жить в маленьком городке в Массачусетсе. См.: *Le Monde*, 1977, 30 juin, p. 13.

⁴⁹ *Terkel St. Op. cit.*, p. 540.

⁵⁰ Ibid., p. 82, 84, 155, 347, 459, 491, 527, 539, 543, 568.

⁵¹ Ibid., p. XV; см. также: *Wilson L. American Academics*. N. Y., 1979, p. 240. Советский врач, посетивший Соединенные Штаты в середине 70-х годов, встретил немало людей, буквально одержимых страстью к труду, среди американских коллег: «...профессор Скрибнер перестроил свою жизнь так, чтобы работать с максимальной производительностью. Он ложится спать в 8 часов вечера, а встает в 3 часа ночи и сразу же берется за работу. Ученый не ходит ни в кино, ни в гости — все его время, кроме того, которое отдано сну, еде, переезду из дома на работу и обратно, да еще, пожалуй, музыке, посвящено труду... В профессоре Дж. Меррилле, как и почти во всех крупных ученых, которых я видел в США, сразу же обращают на себя внимание следы нелегкого, даже изнурительного труда» (*Мендельсон М. М. Среди американских врачей. — США — экономика, политика, идеология*, 1977, № 2, с. 52, 54).

⁵² *Terkel St. Op. cit.*, p. XV. Поглощенность своим делом — одна из закономерностей творческой деятельности. Во всяком случае американский специалист по проблемам умственного труда К. Хигарти отмечает, что настоящее озарение приходит на до-

Ориентация на творческий труд получила широкое распространение в массовых отрядах интеллигенции. Упомянутый выше опрос 1971 г. показал, что для представителей интеллигенции характерны повышенные требования и ожидания в сфере труда. Если лиц со средним образованием гораздо больше интересовала оплата труда, чем его характер (соответственно 49 и 23% опрошенных), то направленность интересов специалистов была прямо противоположной (соответственно 16 и 63% опрошенных)⁵³.

В новой психологической атмосфере 60-х годов даже учащиеся школ бизнеса, наиболее консервативная часть студенчества, несколько изменили отношение к труду. В отличие от своих предшественников будущие менеджеры меньше думали о карьере и придавали больше значения отношениям с коллегами, независимости в труде, общественной ценности своей деятельности⁵⁴.

Утверждение в сознании интеллигенции ориентации на содержательную, социально значимую трудовую деятельность выдвигает на первый план в жизни человека все, что связано с работой. Отсутствие удовлетворения в труде не компенсируется никакими возможностями в сфере досуга и потребления. Одна из собеседниц Теркела, работающая в издательстве медицинской литературы, сказала ему с горечью: «Нет ничего, что доставило мне большее наслаждение, чем работа, которая была бы для меня столь интересна, что я занималась ею и дома»⁵⁵. Невозможность трудиться с полной отдачей создает травмирующую ситуацию, выводит человека из равновесия. Другая героиня книги Теркела, Лили Рейнолдс, ответственная сотрудница одного из федеральных агентств, которой начальство не дает работу в отместку за активное участие в профсоюзной деятельности, охарактеризовала свое состояние следующим образом: «Сейчас меня очень беспокоит работа. Мне нечего делать... Это очень тяжело»⁵⁶.

суге или во сне. См.: US News and World Report, 1979, March 26, p. 73.

⁵³ *Strumpel B.* Op. cit., p. 35.

⁵⁴ *Ondrack D. A.* Emerging Occupational Values: A Review and Some Findings.— *Academy of Management Journal*, 1973, vol. 16, N 3, p. 423—432.

⁵⁵ *Terkel St.* Op. cit., p. 523.

⁵⁶ *Ibid.*, p. 346.

Отношение к труду как средству развития личности означает разрыв с протестантской этикой, на которой в течение столетий зиждилась трудовая мораль американцев. Постепенное изживание традиционных установок можно наблюдать на примере той же Лили Рейнолдс, выросшей в семье с сильной протестантской закваской: «Меня учили: работа — это нечто такое, что ты *должен* делать. Ты выполняешь ее, чтобы заработать деньги. Она не составляет твоей жизни, но ты должен ее делать. Сейчас я думаю — я постепенно прихожу к этой мысли (Смеется.), — что вам должны платить за то, что вы хотите делать. Я знаю, это случилось со мной. Но я не могу еще поверить до конца: это слишком хорошо, чтобы быть правдой» ⁵⁷.

В пересмотре традиционных представлений о труде велико значение примера знакомых и близких, особенно отца. Иногда это судьба человека, посвятившего жизнь своему призванию. Но чаще это горестный пример жизни, растраченный в погоне за успехом. Один из героев книги Теркела, работающий преподавателем в колледже, подробно рассказывает о своем отце, который ради карьеры в мире бизнеса был вынужден пожертвовать всем, что составляет человеческую жизнь: семьей, досугом, возможностью заниматься искусством и политикой. Он создал вокруг себя эмоциональную пустыню, в которой невозможно сохранить живые человеческие связи с окружающими, и все его существование было полностью подчинено императивам бизнеса ⁵⁸.

Стремление представителей интеллигенции опереться на опыт окружающих при выборе жизненного пути знаменательно. Конечно, здесь сказалось влияние американского практицизма, который приучает человека в большей мере полагаться на жизненный опыт, чем на знания, почерпнутые из книг. Но постоянное соотнесение своих поступков с действиями других представителей мира интеллектуального труда говорит о неразработанности моделей социального поведения нового слоя.

Это неудивительно. У американской интеллигенции нет большого исторического прошлого. Она насчитывает одно, два, максимум три поколения. Соответственно весьма ограничен социальный опыт, на базе которого вырабаты-

⁵⁷ Ibid., p. 347.

⁵⁸ Ibid., p. 521, 526, 543, 564—568.

ваются групповые модели поведения. Скудость группового опыта повышает значение индивидуального жизненного опыта. Поэтому в среде американской интеллигенции, несмотря на относительно слабые родственные связи, жизнь родителей, тот урок, который можно извлечь из их судьбы, как правило, оказывают большое влияние на детей. Печальный пример отцов, погнавшихся за миражами «общества потребления», способствовал изживанию «протестантской этики» у следующего поколения интеллигентов.

Эта перестройка моделей поведения стимулировалась и особенностями социально-экономического положения лиц интеллектуального труда в первые послевоенные десятилетия. Для американской интеллигенции экстенсивная фаза НТР явилась своеобразным аналогом эпохи освоения свободных земель, оказавшей глубокое влияние на формирование национальной психологии. Создав возможность относительно быстрого и легкого удовлетворения определенного минимума материальных потребностей лиц интеллектуального труда, она способствовала выдвижению на первый план духовных запросов личности.

Отношение к труду как основной сфере проявления общественной сущности человека, как важнейшему средству развития личности, ранее свойственное только отдельным, творчески одаренным индивидуальностям⁵⁹, в настоящее время становится одним из основных элементов психологии и сознания массовых слоев интеллигенции. Оно предполагает значительный рост требований и ожиданий в сфере трудовой деятельности. Быстрый рост требований интеллигенции по отношению к труду стимулировался тем обстоятельством, что в Америке значительно сильнее, чем в Европе, мелкобуржуазная традиция неотчужденного, приносящего моральное удовлетворение труда.

Наряду с оплатой, содержанием и условиями труда первостепенное значение в глазах личности приобретает его общественная ценность, его способность приносить

⁵⁹ Известный американский писатель и драматург Теннесси Уильямс в одном из своих эссе пишет: «Только в работе может художник обрести реальность и удовлетворение, ибо подлинный мир не имеет над ним такой власти, как мир его вымысла, и потому, коль скоро он не выламывается из благопристойных будней, для него не так уж существенно, какую жизнь вести» (Уильямс Т. Римская весна миссис Стоун. М., 1978, с. 229).

пользу людям. «В том, что люди делают, должен быть какой-то смысл», — говорит один из собеседников Теркела⁶⁰ Стремление к осмысленному, общественно полезному труду несовместимо со слепой исполнительностью, тупым чиновничьим рвением. Оно предполагает сознательное, критическое отношение к делу. 23-летний корректор Том Маккой, рассказывая о своих сверстниках, отмечает их желание понять смысл получаемых заданий: «Никто не отказывался от любой работы, но мы хотели знать, для чего это нужно»⁶¹. Сознательное, ответственное отношение к труду предполагает также и преодолевающие человека время от времени мучительные сомнения в том, насколько его труд нужен людям⁶².

Место, которое занимает труд в жизни интеллигента, не в последнюю очередь определяется его эмоциональной наполненностью. Многие виды интеллектуального труда предполагают обширную и разнообразную систему межличностных связей и отношений. Эти отношения, приобретая определенную эмоциональную окраску, превращаются в самостоятельную ценность в глазах личности. Они дают ей возможность создать вокруг себя соответствующий микроклимат, позволяющий легче переносить холод и безразличие окружающего мира⁶³.

В этом случае работа оказывает глубокое влияние на весь строй мыслей и чувств человека, становится для него моральной опорой, позволяющей противостоять хищнической этике бизнеса. Преподаватель колледжа, отказавшийся от многообещающей карьеры в мире бизнеса, сделал упор на моральной стороне своего выбора: «Для того чтобы лучше работать, я сам должен стать лучше. В мире бизнеса для того, чтобы лучше работать, вы должны стать безжалостным. Чтобы заработать больше денег, вы должны меньше думать о людях. Чтобы преуспеть, вы должны быть готовы всадить конкуренту нож в спину»⁶⁴.

Вызреванию новой трудовой этики в сознании интеллигенции способствовал сам характер заложенных в ней стимулов, их неразрывная связь с процессом труда. Тот же преподаватель колледжа сказал: «Я могу представить, что меня уволили. Я могу представить директора коллед-

⁶⁰ *Terkel St. Op. cit.*, p. 565.

⁶¹ *Ibid.*, p. 452.

⁶² *Ibid.*, p. 81, 494.

⁶³ *Ibid.*, p. 539, 567.

⁶⁴ *Ibid.*, p. 564.

жа, который не одобряет мои методы преподавания. Но он не может никоим образом лишить меня того удовлетворения, которое приходит, когда ты хорошо делаешь свое дело»⁶⁵.

Новые требования, новое отношение к труду, формирующиеся в сознании интеллигенции, приходят в резкое противоречие со сложившейся практикой бизнеса. Нора Уотсон, раскрывая глубинные причины своей неудовлетворенности работой, говорит: «Вы наделяете работу множеством ценностей, которые общество не позволяет вам вложить в свой труд... Вы хотите, чтобы она значила миллион вещей, которых в ней нет, и вы хотите отдать ей себя целиком, что никому здесь не нужно»⁶⁶.

В сфере бизнеса расхождение между запросами и ожиданиями и реальной трудовой практикой миллионов специалистов достигло такой степени, что привычные формы трудовой деятельности начинают восприниматься как морально изжитые, принадлежащие другой эпохе, которая постепенно уходит в прошлое. Один из героев книги Теркела проводит интересное сравнение своей судьбы с судьбой однокашников: «Я думаю о ребятах, с которыми учился в колледже в начале 50-х годов. Они торгуют недвижимостью, страховыми полисами, они инженеры, банкиры, заняты бизнесом. Вероятно, они зарабатывают гораздо больше меня. Кажется, что они лет на двадцать старше меня. Похоже, они гораздо ближе к моему отцу, чем ко мне. Они идут проторенной дорожкой, с ними ничего не происходит. Они захвачены какой-то неодолимой силой — их жизнь кажется завершенной. Все известно заранее. Я думаю, что благодаря работе я чувствую себя молодым и полным сил»⁶⁷.

Неудивительно, что в 60-е годы сфера бизнеса утратила значительную часть былой привлекательности в глазах способных молодых людей, упал престиж естественных и точных наук и заметно вырос интерес к общественным дисциплинам⁶⁸.

Переход — в трудных экономических условиях 70-х годов — к интенсивной фазе НТР, вновь выдвинувший на первый план проблемы материального положения специа-

⁶⁵ Ibid., p. 565.

⁶⁶ Ibid., p. 521.

⁶⁷ Ibid., p. 566.

⁶⁸ Гэлбрейт Дж. Новое индустриальное общество. М., 1969, с. 428—429; Кондрашов С. Свидание с Калифорнией. М., 1975, с. 108.

листов, подверг серьезному испытанию на прочность новые тенденции в отношении интеллигенции к труду. Неблагоприятная экономическая ситуация 70-х годов сделала более сложным для различных категорий трудящихся, в том числе и представителей интеллигенции, удовлетворение первоочередных материальных потребностей. Инфляция, свирепствующая в стране, резкий рост безработицы среди лиц интеллектуального труда вынуждают усиленно бороться за тот жизненный стандарт, который раньше казался само собой разумеющимся.

Но актуализация материальных потребностей в условиях экономических трудностей 70-х годов вовсе не означала возрождения того потребительского угара, которым была охвачена Америка в первые послевоенные годы. Опыт десятилетий потребительской лихорадки не прошел бесследно для миллионов американцев. Здесь, как и во многих других вопросах, затрагивающих интересы лиц интеллектуального труда, барометром меняющихся настроений могут служить взгляды и поведение студенчества.

Резкое ухудшение ситуации на рынке интеллектуального труда переключило внимание студентов на заботу о хлебе насущном, о своем настоящем и будущем. Быстро растущая плата за обучение, необходимость совмещать учебу и работу, неотступная тревога за будущее, заставляющая уделять особое внимание профессиональной подготовке, не дали возможности студентам 70-х годов в отличие от их предшественников искать свою, не укладывающуюся в общепринятые представления дорогу в жизни. Проведенный в 1980 г. опрос 250 тыс. первокурсников колледжей показал, что более 60% считает наиболее важным в жизни материальное благополучие⁶⁹

Тем не менее новые мотивы поведения представителей интеллигенции сохраняют свое значение. И американские, и советские авторы, побывавшие в Соединенных Штатах в середине 70-х годов и встречавшиеся со студентами, единодушно отмечают, что, несмотря на серьезную озабоченность учащихся колледжей и университетов состоянием рынка интеллектуального труда, ориентация на реализацию своих творческих потенций в труде, на служение людям путем честного исполнения профессио-

⁶⁹ Jeager R. C. Losing It. N. Y., 1980, p. 94; US News and World Report, 1981, Dec. 28 — 1982, Jan. 4, p. 87.

нального долга остается в силе⁷⁰. Структура ценностей и мотивов поведения студентов 70-х годов представляет собой своеобразный симбиоз сильно отличающихся установок их предшественников, студентов 50-х и 60-х годов: в ней в равной мере присутствуют и материальные и нематериальные запросы. Такой синтез — компромисс различных требований создал психологическую основу для переключения в 70-е годы энергии бунтующего студенчества на учебу, подготовку к профессиональной деятельности.

В послевоенный период сдвиги в сознании и поведении интеллигенции оказались наиболее устойчивыми именно в сфере обыденного сознания, повседневного поведения. Если политическое поведение нового поколения интеллигенции заметно отличается от его предшественников, студентов 60-х годов, то в сфере жизненных ориентаций оно обнаруживает гораздо большую преемственность. Один из ведущих еженедельников страны привел письмо студента из Колорадо следующего содержания: «Из опубликованной вами статьи (имеется в виду статья под названием „Прощай наша счастливая жизнь?“ в номере от 4 августа.— В. К.) следует: единственное, что нужно для счастья,— иметь много вещей. Я еще учусь в колледже, и у меня пока не было возможности променять мою жизнь на имущество. Однако мне достаточно лет, чтобы помнить, что именно ваше поколение сказала нам: „Счастье не купишь за деньги“»⁷¹.

В 70-е годы, несмотря на неблагоприятную экономическую ситуацию, в среде интеллигенции пробивает дорогу новое отношение к труду, выкристаллизовавшееся в предыдущее десятилетие. Проведенный фирмой Гэллага в 1980 г. опрос показал, что работают ради удовлетворения, получаемого в процессе труда, 10% лиц с начальным образованием, 16 — со средним и 22% — с высшим⁷².

Переход к интенсивной фазе НТР, резко сокративший возможности материального стимулирования, продвижения специалистов, в определенной мере способствовал пе-

⁷⁰ *Jankelovich D. The New Morality. N. Y., 1974, p. 17—22, 91, 103, 110; Time, 1974, 16 Sept., p. 21; США — экономика, политика, идеология, 1974, № 12, с. 49—50; Рабочий класс и соврем. мир, 1975, № 4, с. 106. См. также: Новинская М. И. Студенчество США. М., 1977, с. 193.*

⁷¹ *US News and World Report, 1980, Aug. 25, p. 3.*

⁷² *Public Opinion, 1981, Aug.-Sept., p. 31.*

рестройке структуры мотивов поведения лиц интеллектуального труда. 43-летний менеджер среднего ранга, работающий в крупной компании в сфере коммунального обслуживания, суммировал свою ситуацию следующим образом: «Я вижу, что почти достиг потолка в нашей иерархии. В лучшем случае я могу подняться еще на одну ступеньку, прежде чем уйти на пенсию. Но максимальный оклад в следующей категории лишь на 4 тыс. долл. в год больше, чем я получаю сейчас. Я не вижу, какой смысл лезть из кожи вон, чтобы получить это повышение и потом в течение 20 лет иметь лишние заботы. Игра не стоит свеч»⁷³. Другой менеджер того же ранга заявил, что, учитывая продолжительность труда и налоги, он зарабатывает в час больше высокопоставленных служащих его компании и в любом случае не хочет оказаться в их числе⁷⁴.

Склонность представителей интеллигенции заключать браки в своей среде также ослабляет ориентацию на карьеру. Женщины с высоким уровнем образования предпочитают работать, а не заниматься домашним хозяйством, что накладывает свой отпечаток на образ жизни лиц интеллектуального труда: второй оклад укрепляет материальное положение семьи, партнеры вынуждены больше считаться с планами и интересами друг друга.

Растущее разочарование в практике большого бизнеса заставляет людей искать себе более достойное применение. Взяв 91 интервью у мужчин в возрасте от 35 до 55 лет, начавших новую карьеру в середине жизни, американский социолог Паула Роббинс, автор книги «Удачная смена карьеры в среднем возрасте», пришла к следующему выводу: «Знаменательно, что все изменения шли в одном направлении — люди уходили из больших, бюрократических, ориентированных на прибыль организаций или в мелкий бизнес, или в те сферы профессиональной деятельности, где они могли работать с людьми, помогать им. К ним относятся преподавание, медицинское обслуживание, различные виды социальной деятельности, юриспруденция, т. е. такие области, где они могли бы контролировать то, что делают, и видеть плоды своего труда»⁷⁵.

⁷³ Harvard Business Review, 1976, May-June, p. 88.

⁷⁴ Ibid., p. 89. См. также: Jeager R. C. Op. cit., p. 114; US News and World Report, 1981, March 9, p. 71.

⁷⁵ US News and World Report, 1980, March 10, p. 85.

Ни карьера, ни материальные соображения не имеют для них особого значения; только двое из 91 сменили работу ради денег. Один из опрошенных — при переходе его оклад уменьшился в три раза — заявил, что ему вполне хватает на жизнь. Другой оставил высокий пост в транснациональной компании, чтобы заняться городским благоустройством. Он меньше зарабатывает на новом месте, но получает гораздо больше удовлетворения. Свою готовность пожертвовать частью оклада он объяснил очень просто: «Вы можете съесть только один бифштекс за раз»⁷⁶. П. Роббинс прокомментировала этот ответ следующим образом: «По-видимому, достигнув определенного уровня дохода, можно жить так, как подобает представителю среднего класса, но превышение этого уровня не сделает вас более счастливым»⁷⁷. Действительно, только трое опрошенных — люди со скромными доходами, вынужденные платить за обучение детей, — испытывали материальные затруднения. Никто не думал о том, чтобы вернуться к прежнему образу жизни; большинство жалело, что не сменили его лет 10—15 назад⁷⁸.

Как показывает проведенный журналом «Форчун» опрос большой группы преуспевающих 25-летних менеджеров, в 70-е годы даже специалисты, ориентированные на заработок и карьеру, предъявляют повышенные требования к труду. «Я не могу работать только ради денег — это скучно... Работа должна приносить мне радость, придавать силы, иначе я брошу ее», — заявил один из них⁷⁹. Выявляя различия между поколениями в отношении к труду, журнал пишет о молодых менеджерах: «В сущности, они ищут в работе то, что их предшественники скорей искали в личной жизни, т. е. „самоактуализации“»⁸⁰.

Компании вынуждены учитывать растущие запросы специалистов в кадровой политике. В конце 70-х годов, стремясь привлечь свежее испеченных инженеров на работу, фирмы акцентировали возможности профессионального роста, которыми располагают их сотрудники⁸¹.

⁷⁶ Ibid., p. 86.

⁷⁷ Ibid.

⁷⁸ Подобные истории встречаются и в других номерах журнала. См.: Ibid., 1979, March 26, p. 74; 1981, Dec. 21, p. 48—49.

⁷⁹ Fortune, 1980, Apr. 7, p. 81.

⁸⁰ Ibid.; Time, 1978, March 6, p. 39; US News and World Report, 1981, Nov. 30, p. 48.

⁸¹ Dun's Review. 1979, June, p. 84.

Новые требования к труду ставят под вопрос традиционную иерархически-авторитарную модель служебных отношений. Даже в мире бизнеса молодые менеджеры проявляют значительную самостоятельность в решении производственных вопросов⁸².

Пересмотр традиционных представлений не ограничивается сферой трудовой деятельности, он затрагивает все стороны жизни человека. «Похоже, жажда денег и власти, длительное время бывшая частью американского понятия успеха, утрачивает значение как мотив поведения», — пишет влиятельный буржуазный еженедельник⁸³. Журнал отмечает, что люди придают меньше значения карьере и больше условиям жизни и труда, семье, индивидуальным увлечениям, благотворительной деятельности⁸⁴.

Более того, в глазах представителей нового поколения интеллигенции, вчерашних студентов 60-х годов, переходящая определенную грань увлеченность трудом кажется чем-то предосудительным. Общее настроение выразил 35-летний Джерри Смит, заведующий отделом крупнейшей строительной компании «Бектел»: «Когда я вижу человека, уделяющего работе слишком много времени, я думаю, что он страдает односторонностью, что он не в состоянии контролировать свою жизнь. Современный идеал — сбалансированный образ жизни»⁸⁵.

Найти и сохранить равновесие между работой и досугом — задача не из легких. Для этого необходимо опытным путем, методом проб и ошибок, определить индивидуальную меру вещей, установить шкалу приоритетов, постоянно искать оптимальное соотношение между различными, порой взаимоисключающими интересами. Вот живой пример нелегкого балансирования между стремлением быть в числе первых и другими мотивами поведения. У 37-летнего Рона Миллера и его жены Риты один ребенок, пятилетняя дочь. Они социологи с докторской степенью, преподают в Бруклинском колледже в Нью-Йорке. Хорошо зарабатывают, хотя могли бы добиться и большего. Но для этого надо работать, забыв обо всем, а такая

⁸² US News and World Report, 1981, March 9, p. 71.

⁸³ Ibid., 1979, July 30, p. 48.

⁸⁴ См. также: Time, 1978, June 12, p. 38; US News and World Report, 1981, March 9, p. 71; Newsweek, 1981, March 16, p. 54—55, Sept. 14, p. 46.

⁸⁵ Time, 1978, March 6, p. 39.

жизнь их не привлекает⁸⁶ Характерная примета времени: даже «форчуновские» молодые карьеристы боятся, что, целиком отдавшись работе, они лишают себя возможности нормального развития⁸⁷

Если работа не приносит человеку настоящего удовлетворения, то чаша весов может склоняться в пользу досуга. Достигнув упорным трудом определенного положения в обществе, человек нередко переключается на другое, в чем он может проявить себя как личность. «Вначале я работал как одержимый, думая главным образом о карьере,— рассказывает 36-летний инженер Том Истон, служащий нефтяной компании.— Частично это объясняется неврозом, частично тем, что ответственность за семью полностью лежала на мне. Но положение изменилось. Сейчас для меня основное — личная жизнь. Я работаю, чтобы жить, а не наоборот»⁸⁸. Жена Тома Истона — юрист, у них один ребенок, люди они, по-видимому, довольно обеспеченные и могут позволить себе жить в свое удовольствие.

В послевоенный период формы досуга представителей интеллигенции претерпели столь же значительную эволюцию, как и отношение к труду. На смену престижному потреблению постепенно приходит более осмысленное и содержательное использование свободного времени. Располагая весьма ограниченным досугом, представители интеллигенции рассматривают его как средство развития личности, как возможность удовлетворения разнообразных запросов и стремлений.

Определенное представление о характере внеслужебных интересов лиц интеллектуального труда дает структура семейных бюджетов. При одинаковых доходах в семьях специалистов значительно меньше расходуют на еду, табак, алкогольные напитки, автомашину и другой транспорт. Меньше тратят на одежду и уход за собой (но не медицинское обслуживание и отдых). Зато не жалеют денег на жилье, книги, самообразование и образование детей⁸⁹.

По сравнению с другими слоями населения представители интеллигенции проявляют значительный интерес к искусству. Они читают книги и слушают классическую

⁸⁶ US News and World Report, 1980, Febr. 25, p. 67.

⁸⁷ Fortune, 1980, Apr. 7, p. 82.

⁸⁸ US News and World Report, 1980, Dec. 8, p. 54.

⁸⁹ Bowen H. R. Op. cit., p. 202.

музыку, ходят в кино, театр и на концерты, посещают музеи, рисуют и музицируют⁹⁰. Эстетические запросы лиц интеллектуального труда отличаются большим разнообразием. Художественный вкус человека зависит от полученного образования, профессиональной среды, непосредственного окружения. Например, американский исследователь Х. Гэнс выделяет среди интеллигенции три уровня духовных запросов, используя в качестве основного критерия характер образования и профессиональную принадлежность⁹¹. Конечно, тяга к искусству сильнее там, где придают больше значения духовным ценностям. Например, в отличие от «форчуновских» молодых менеджеров преподаватели вузов проявляют гораздо больший интерес к музыке, чем к спорту⁹². Среди интеллигенции широко распространены разного рода увлечения, хобби, призванные удовлетворить индивидуальные интересы.

То же стремление представителей интеллигенции к активному, интеллектуально и эмоционально наполненному отдыху проявляется и во время отпуска. В американцах еще не угас бродяжнический дух, их душу свербит неосознанная тоска по тем временам, когда полем деятельности, открытым для всех желающих, был целый континент. Болезненно ощущая свою несвободу в повседневной жизни, они стремятся себя компенсировать на отдыхе. Обитателей мира интеллекта манит ветер странствий, путешествия и приключения. По приблизительным оценкам, в 1980 г. более полумиллиона американцев должны были принять участие в 25 тыс. научных экспедиций, круг интересов которых был весьма широк: от наблюдений за жизнью природы в Скалистых горах до подводных исследований в Карибском бассейне. У Кристофера Уайта, одного из руководителей фирмы, помогающей организовать подобные предприятия, дела идут в гору. Он говорит: «Популярность этих экспедиций быстро растет. Образованных, обеспеченных, жаждущих приключений людей становится все больше. Устав от Майами и Парижа, они ищут что-то новое, более захватывающее, чем ночь, проведенная в лондонском пабе»⁹³. Жаклин Остин, занима-

⁹⁰ Ibid., p. 95, 97.

⁹¹ Gans H. Popular Culture and High Culture. N. Y., 1975, p. 71, 75—89.

⁹² Fortune, 1980, Apr. 7, p. 82; Wilson L. Op. cit., p. 195, 202.

⁹³ US News and World Report, 1980, Aug. 11, p. 52.

ющаяся организацией различных поездок для членов Смитсоновской национальной ассоциации, видит в этой жажде новых впечатлений одно из проявлений «нашей растущей потребности в постоянном самообразовании. Люди бредят местами, в которых они никогда не бывали, и, когда появляется возможность поехать туда, они хватаются за нее»⁹⁴.

Путешествия подобного рода призваны удовлетворить и другую потребность — в физической разрядке. Малоподвижный, сидячий образ жизни человека интеллектуального труда требует компенсации в виде физической нагрузки на отдыхе. Искреннее уважение к физическому труду, заложенное в американской культуре, порождает стремление помастерить на досуге, что-нибудь сделать своими руками⁹⁵. Характерный для американского общества культ физической силы стимулирует занятия спортом. Как отмечает активный пропагандист бега, известный кардиолог из Нью-Джерси Джордж Шихэн, 40% участников нью-йоркского марафона — лица с высшим образованием⁹⁶.

Сдвиги в структуре потребностей в сфере труда и в сфере досуга взаимосвязаны и взаимообусловлены. Ориентация на творческий труд предполагает достаточно развитую систему духовных запросов и интересов, приобщение к достижениям человеческой культуры. В свою очередь уровень культурного развития личности нередко определяет ее профессиональные возможности.

Для Америки, где вплоть до последних десятилетий интерес к искусству, настоящей культуре был мало распространен даже среди интеллигенции, где в отличие от Европы система образования и воспитания подрастающего поколения не готовит его к встрече с миром духовных ценностей, постепенное признание права гражданства за нематериальными потребностями представляет собой фундаментальный сдвиг в массовом сознании. Хотя интеллигенция является основным агентом и носителем этих перемен, они затронули не только лиц интеллектуального труда. По данным обследования, проведенного в середине 70-х годов Национальным комитетом поощрения искусств,

⁹⁴ Ibid., p. 53.

⁹⁵ Р. Миллс очень гордился тем, что своими руками по собственному проекту построил загородный дом. См.: Dissent, 1963, Winter, p. 38—39.

⁹⁶ US News and World Report, 1981, Jan. 12, p. 47.

64% опрошенных заявили, что они готовы ежегодно отчислять символическую сумму в 5 долл. в государственный фонд помощи искусству⁹⁷. Не проникнув в толщу американской жизни, искусство тем не менее приобрело известную респектабельность, стало общественной ценностью. Такая эволюция настроений американцев, всегда считавших запятия искусством пустой, бесполезной тратой времени, говорит о многом.

Формирование в интеллектуальной среде устойчивых культурных, эстетических потребностей не укрылось от внимания мира бизнеса. Наряду с индустрией культуры, низкопробная продукция которой по-прежнему заполняет американский рынок, развиваются различные виды предпринимательской деятельности, призванные удовлетворить серьезные эстетические вкусы. В частности, получила широкое распространение трансляция по радио классической музыки. Одна из наиболее прибыльных станций, специализирующихся в этой области, филаделфийская Даблю-Эф-Эл-Эп, утверждает, что у нее 250 тыс. постоянных слушателей, а расписание ее передач на ближайший месяц расходуется среди 12 тыс. подписчиков. Типичный слушатель станции — интеллигент в возрасте от 30 до 40 лет, предпочитающий в часы отдыха слушать симфонические или инструментальные концерты, а в рабочее время — небольшие произведения классического репертуара⁹⁸. Точно так же ведущие телекомпании страны разрабатывают специальные программы передач, рассчитанные на образованную аудиторию с развитыми духовными запросами⁹⁹.

Широкий круг интересов лиц интеллектуального труда, неразрывное сочетание и переплетение в их деятельности профессиональных и культурных элементов нашли свое отражение в политике высших учебных заведений. В 70-е годы ввиду незначительного спроса на сезонную рабочую силу многие колледжи и университеты разработали летнюю программу занятий, в которой профессиональная подготовка сочетается с отдыхом и расширением кругозора. Во время летних каникул тысячи студентов отправляются в далекие вояжи, чтобы принять участие более чем в 400 программах, подготовленных вузами. Они изучают историю, языки, геологическое строение Индии,

⁹⁷ США — экономика, политика, идеология, 1977, № 11, с. 126.

⁹⁸ Там же, 1977, № 9, с. 54.

⁹⁹ US News and World Report, 1981, Febr. 23, p. 53—54.

совершают восхождения в Гималаях, работают журналистами-практикантами в Иерусалиме, знакомятся с памятниками искусства Флоренции, изучают в Нью-Дели театральное искусство Индии и Юго-Восточной Азии, знакомятся с организацией здравоохранения в Англии, Швеции и Польше, с деятельностью средств массовой информации Великобритании, с киноискусством социалистических стран¹⁰⁰.

Правда, тяга нового поколения американской интеллигенции к культуре была в значительной мере подорвана попытками создания «контркультуры», с энтузиазмом подхваченными студентами 60-х годов. Основной пафос «контркультуры» заключался в поиске нового, более гуманного образа жизни, дающего каждому человеку возможность проявить себя, раскрыть свои способности, не поступаясь ни личными, ни общими интересами¹⁰¹. В сознании молодых бунтарей, не приемлющих традиционную философию и мораль американского общества, буржуазная культура, освящающая привычный жизненный уклад, нередко отождествлялась с культурой вообще, со всем духовным достоянием человечества. Этому отождествлению способствовали слабость, неразвитость других культурных традиций на американской почве, отсутствие в идейном наследии американского общества мощного культурного слоя, питающего антибуржуазные духовные движения. В культурном нигилизме значительной части бунтующего студенчества «бурных шестидесятых» в скрытой, неосознанной форме присутствовали элементы традиционной массовой психологии и культуры с присущим им антиинтеллектуализмом. Парадокс ситуации заключался в том, что на этот раз их пытались использовать новое поколение интеллигенции в борьбе с господствующей культурой. Такое некритическое заимствование оружия из чужого арсенала не могло пройти бесследно. Оно привело к болезненному расколу по этой линии среди американской интеллигенции, к взаимному отчуждению и недоверию представителей разных поколений.

Даниэл Белл в своей книге «Культурные противоречия капитализма» трактует «контркультуру» как постепенное превращение основных установок модернистского искус-

¹⁰⁰ Time, 1978, July 24, p. 44.

¹⁰¹ Flacks R. Young Intelligentsia in Revolt.— In: Class and Conflict in American Society / Ed. R. Lejeune. Chicago, 1973, p. 248, 252, 257.

ства конца XIX — начала XX в., направленных против протестантской этики, в стиль поведения определенной части нового поколения американской интеллигенции¹⁰². При такой постановке вопроса остаются в тени те реальные процессы в американском обществе, которые породили и авангардистские течения в искусстве и студенческий радикализм 60-х годов, игнорируется постепенное вызревание антибуржуазной тенденции в сознании интеллигенции на основе социального опыта этого слоя, ее неразрывная связь с демократическими традициями американского народа. Сложность, неоднородность «контркультуры», переплетение в ней различных тенденций создают объективную возможность подобной абсолютизации одних ее элементов за счет других, не менее существенных.

Особенности социального положения и структуры мотивов поведения человека интеллектуального труда отражаются в его образе жизни. Огромное значение труда в жизни интеллигента ведет к стиранию четкой грани между трудом и досугом, порой независимо от воли человека. Многие, особенно люди творческие, постоянно находятся в цейтноте, ведут отчаянную гонку со временем. Проведенный в конце 60-х годов опрос представителей творческой интеллигенции, о котором говорилось выше, показал, что наиболее остро ощущается нехватка времени. Комментируя его результаты, авторы статьи пишут: «Тема, которая постоянно проходит в ответах (на разосланную анкету.— В. К.), — „время“ Время для работы, время побыть наедине, целая полоса, свободная от случайных дел и помех, домашних забот и ухода за детьми»¹⁰³.

Как отмечалось выше, становление интеллигенции как социального слоя оказало глубокое влияние на отношения в семье. Постепенно в среде интеллигенции сформировался определенный семейный уклад, отличающий представителей этого слоя. Образованные люди предпочитают заключать браки в своем кругу. Поскольку интеллектуальный труд требует основательной профессиональной подготовки, представители интеллигенции вступают в брак позже, чем лица, принадлежащие к другим социальным категориям. В середине 70-х годов только 29% студентов и 19% студенток состояли в браке, хотя в этом

¹⁰² *Bell D. Cultural Contradictions of Capitalism. L., 1976.*

¹⁰³ *Saturday Review, 1970, Febr. 28, p. 79.*

возрасте — в среднем 22 года — американцы обычно создают семью¹⁰⁴. Сближение установок и интересов мужчин и женщин, прошедших через высшую школу, подрывает привычное разделение ролей между полами в материальном обеспечении семьи, уходе за детьми, распределении домашних обязанностей. Бывает и так, что семья превращается в творческий микроколлектив, спаянный интересом к общему делу¹⁰⁵. В интеллигентных семьях меньше детей и реже разводы¹⁰⁶.

Ненаследственный характер интеллигентных профессий заставляет родителей положить много сил и средств на воспитание и обучение детей. Интеллигенты уделяют детям значительно больше внимания, чем рабочие и рядовые служащие¹⁰⁷. Они всячески стимулируют их духовное развитие, помогают им освоить различные виды интеллектуальной деятельности. Важнейшим показателем уровня интеллектуального развития ребенка, его способности логически мыслить являются речь, богатство словарного запаса, умение правильно и свободно выражать свои мысли. В интеллигентных семьях развитию речи детей, их способности логически мыслить уделяется особое внимание.

Интеллектуальное развитие ребенка стимулируется также широким и свободным общением со взрослыми, активным участием в семейных делах. Американский социолог, профессор Гарвардского университета Ли Рэйнуотер отвечает: «В среднем классе родители более склонны воспринимать детей как самостоятельные элементы целостной семейной системы, которая совместными усилиями вырабатывает свой стиль жизни»¹⁰⁸. Уважение к личности ребенка стало неписаной традицией семейной жизни представителей интеллигенции, воспитанных на трудах известного американского педиатра и общественного деятеля Б. Спока. Неудивительно, что дети лиц с высоким уровнем образования обгоняют в умственном развитии своих сверстников, хорошо учатся, активно участвуют в жизни школы или колледжа¹⁰⁹.

¹⁰⁴ Bowen H. R. Op. cit., p. 191.

¹⁰⁵ Несколько примеров таких семей приводит в своих путевых заметках советский футуролог И. В. Бестужев-Лада. См.: США — экономика, политика, идеология, 1979, № 5, с. 71—72.

¹⁰⁶ Bowen H. R. Op. cit., p. 217.

¹⁰⁷ Education, Income and Human Behavior, p. 187—194.

¹⁰⁸ Blue-Collar Workers. N. Y., 1971, p. 208.

¹⁰⁹ Bowen H. R. Op. cit., p. 197.

Образованная часть населения всегда отличалась склонностью к экспериментам в области морали. Студенческое движение 60-х годов нанесло сильный удар по обветшавшим пуританским устоям, способствовало утверждению в среде интеллигенции духа терпимости в вопросах морали, более свободной, раскованной манеры поведения.

Многообразие интересов представителей интеллигенции, богатая и разносторонняя внутренняя жизнь создают определенный психологический потенциал, помогающий человеку компенсировать неудовлетворяющие его стороны существования, сохранять душевное равновесие. Но адаптивные возможности психики не бесконечны. Утверждение в психологии и сознании интеллигенции новых потребностей и мотивов поведения, плохо укладывающихся в прокрустово ложе традиционных американских ценностей, создает конфликтные ситуации в повседневной жизни. Для перевода на язык большой политики эти конфликты должны восприниматься личностью как определенная закономерность, как логическое следствие ее положения в системе социальных связей данного общества. Такой переход, характеризующий уровень политического сознания представителей соответствующего класса или слоя, дается с немалым трудом и во многом зависит от идейно-политических традиций страны, от характера классовых конфликтов и способа их разрешения, присущих данному обществу.

Глава шестая

ИСТОРИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ФОРМИРОВАНИЯ СОЗНАНИЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ: ТРАДИЦИИ И НОВЫЙ ОПЫТ

Идейно-политические традиции американского общества

Идейно-политические традиции общества, характерные для него модели политического поведения и их идеологическое обоснование формируются в процессе исторической практики в результате борьбы и взаимодействия различных классов и слоев. В формировании идейно-политических традиций особую роль играют наиболее крупные, значительные события национальной истории, открывающие широкий простор для деятельности различных сил. Они закрепляют новое соотношение классовых сил, закладывают основы дальнейшего развития, оставляют прочный, устойчивый след в общественном сознании. Такими переломными событиями, вехами американской истории принято считать войну за независимость 1775—1783 гг., приведшую к образованию Соединенных Штатов, и гражданскую войну между Севером и Югом, вспыхнувшую в середине прошлого века. Эти два крупнейших события американской истории самым тесным образом связаны между собой, поскольку гражданская война 1861—1865 гг. явилась логическим завершением буржуазной революции конца XVIII в.

Конечно, идейно-политические традиции зарождаются и развиваются не только в периоды бурных потрясений. Немалое значение имеют характер и формы классовой борьбы в «тихие», относительно спокойные периоды эволюционного развития.

Американская история, довольно короткая и не имеющая таких драматических разрывов, которыми богата история европейских государств, создала у американцев особое отношение к своему прошлому. Известный французский социолог, хорошо знакомый с американской жизнью, пишет: «Соединенные Штаты — страна, у которой скорее есть прошлое, чем история, где люди и события прошлого кажутся частью современной жизни... В Соединенных Штатах постоянно чувствуешь стремление к исторической преемственности. Кажется, что Джефферсон и Линкольн слушают, что о них говорят на уроках истории... У студента Гарварда наверняка есть ощущение связи времен, идущей к нему от 1636 г.»¹.

Многие американцы, даже если речь идет о потомках первых переселенцев, прибывших в Новый Свет в начале XVII в., в состоянии восстановить свою родословную вплоть до того момента, когда их предки впервые ступили на американский берег. В сознании образованного американца книжное знание истории страны неразрывно переплетается с семейными преданиями, живой устной традицией, стирающей грань между прошлым и настоящим, придающей историческим событиям современное звучание.

Живая связь прошлого и настоящего сохраняется благодаря высокой степени преемственности, характерной для американского общества. Эта преемственность явилась одной из отличительных черт бурных событий, с которых начинается история Соединенных Штатов, буржуазной революции конца XVIII в. Блок классовых сил, возглавивших борьбу североамериканских колоний за независимость, — буржуазия Севера и земельная аристократия Юга — сохранил идейно-политическую гегемонию во время революции и после ее победы². Неоднородность социального состава вождей американской революции, необходимость постоянно учитывать интересы рабовладельческой аристократии Юга предопределили умеренность, ограниченность программы революционных преобразований, выработанной и осуществленной восставшими колонистами. Слабость, политическая неоформленность демо-

¹ 1636-й — год основания колледжа в Гарварде. См.: *Touraine A. L'université et société aux Etats-Unis*. P., 1972, p. 18—19; см. также: p. 136.

² См.: *Фурсенко А. А.* Американская революция и образование США. Л., 1978, с. 383, 399.

кратического крыла революционного лагеря не позволили ему в полной мере проявить себя, в какой-то момент перехватить инициативу, наложить свой отпечаток на ход и итоги революции, как это сделали народные массы во Франции. Консолидации левого крыла патриотов мешала ограниченность задач революции, острие которой было направлено вовне, против власти британской короны. Незавершенность американской революции, оставившей нерешенной проблему плантационного рабства, в дальнейшем привела к гражданской войне Севера и Юга, в результате которой буржуазные отношения получили возможность беспрепятственно развиваться на всей территории страны. Среди советских исследователей, занимавшихся американской революцией, высказывалась такая точка зрения, что по накалу революционной борьбы, по масштабам и глубине общественных преобразований она уступает не только французской, но и английской³.

Стремление к преемственности чувствуется и в политических институтах страны. Декларация независимости — манифест рождающейся американской государственности — сохраняет свое значение и поныне как изложение основных принципов политической организации общества⁴. Конституция Соединенных Штатов — старейшая в истории человечества писаная конституция. Две крупнейшие буржуазные партии страны — демократическая и республиканская, — сложившиеся в середине прошлого века, доминируют на политической арене. «Для американцев нет ничего более святого, чем их политические институты. Конституция, принцип разделения властей им столь же дороги, как и «американский образ жизни». В Вашингтоне царит атмосфера священнодействия, значительно более сильная, чем в любой другой столице», — пишет известный французский социолог М. Крозье⁵.

В поисках решения новых проблем американцы постоянно обращаются к прошлому, апеллируют к мудрости отцов, ко всему подходят с традиционными мерками. За внешней динамичностью американской жизни скрывается устойчивый консервативный фон. Отмечая поверхностный

³ Война за независимость и образование США. М., 1976, с. 505.

⁴ См.: Яковлев Н. Н. Декларация независимости. — США — экономика, политика, идеология, 1976, № 7, с. 49.

⁵ Crozier M. Le mal américain. P., 1980, p. 201; см. также: p. 228; Politics and the Oval Office: Towards Presidential Governance / Ed. A. J. Meltsner. San Francisco, 1981, p. 52.

характер расхожих представлений об Америке как стране, склонной к нововведениям и смелым экспериментам. Р. Миллс писал: «...в действительности США — это консервативная страна, и притом без какой-либо признанной консервативной идеологии»⁶.

Преимущество, сохранение на последующих этапах основных элементов предшествующего развития, устойчивость правящих группировок прежде всего объясняются тем фактом, что история США укладывается в рамки одной общественно-экономической формации. Вся история Соединенных Штатов есть история развития и утверждения капиталистического способа производства, буржуазных общественных отношений.

Усеченность американской истории, отсутствие в ней иных моделей социальной организации, кроме буржуазной, наложили глубокий отпечаток на развитие классовой борьбы в стране, на сознание и поведение различных классов и слоев общества. Она дала возможность господствующему классу создать и поддерживать в общественном сознании представление о «естественном», «нормальном» характере буржуазных отношений, целиком и полностью соответствующих природе человека. Логическим следствием подобных представлений, получивших широкое распространение в американском обществе, является идея вечности, незыблемости буржуазных порядков. Центральное место в этой системе представлений занимала идея индивидуального успеха в «обществе равных возможностей». Ее утверждению в общественном сознании способствовала большая социальная мобильность, характерная для Америки XIX в.

В Соединенных Штатах господствующий класс сумел навязать массам свою идейно-политическую гегемонию более полно, чем в любой другой стране капиталистического мира. Он смог это сделать используя исключительно благоприятные условия развития капитализма в США (буржуазный тип личности переселенцев, отсутствие серьезного сопротивления со стороны отживающего феодализма, «американский путь» развития капитализма в сельском хозяйстве, совпадение периода формирования национальной идеологии и бурного развития капитализма, довольно высокий жизненный уровень населения, длительная культурная изоляция американского общества и

⁶ Миллс Р. Властвующая элита. М., 1959, с. 448.

исключительная сила националистических предрассудков в сознании масс, слабость антибуржуазных идейно-политических течений), умело представив свои интересы как общезначимые, отвечающие потребностям всего общества.

Благоприятные условия развития американского капитализма скрадывали его противоречия, усыпляюще действовали на сознание масс. Текучесть американской жизни прошлого века, подвижность классовых границ тормозили процесс формирования рабочего класса, размывали питательный слой пролетарской идеологии. Местные и региональные различия часто перевешивали социальные, что в свою очередь укрепляло дух солидарности внутри отдельных районов страны. Этнические перегородки, разделявшие различные отряды рабочего класса США, затрудняли взаимопонимание, препятствовали объединению сил в борьбе за общие интересы. Впрочем, буржуазное мировоззрение глубоко проникло и в рабочую среду. В письме к Ф. Зорге Энгельс отмечал: «Удивительно, хоть и вполне естественно, насколько в такой молодой стране, никогда не знавшей феодализма и с самого начала развивавшейся на буржуазной основе, буржуазные предрассудки крепко засели также и в рабочем классе»⁷.

Степень прочности идейно-политической гегемонии господствующего класса была такова, что в период домонополистического капитализма коренные проблемы общественно-политической жизни США, поиск решения которых мог привести к разработке социалистической альтернативы, оказались в тени, как бы «вынесенными за скобки», подавались как псевдопроблемы, не заслуживающие серьезного обсуждения.

Прочность буржуазных предрассудков в сознании масс позволила господствующему классу широко использовать представительные институты, в течение долгого времени обходиться без мощного централизованного аппарата управления, избегать открытого противостояния власти и народа. Упор на малоощутимые, плотно вплетенные в ткань повседневной жизни экономические методы принуждения сдерживал развитие политического сознания масс.

Даже крупнейшие события американской истории — буржуазные революции конца XVIII и середины XIX в. — не стимулировали развитие политического сознания масс в той степени, как это сделали ранние буржуазные рево-

⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 37, с. 476.

люции в Западной Европе. Американская революция конца XVIII в. не знала того богатства идейно-политических течений, как английская или французская. Революционное творчество масс, проявившееся в движении аболиционистов в середине прошлого века, не привело к формированию прочной, устойчивой революционно-демократической традиции в американской политической жизни последней трети XIX столетия.

Это неудивительно, если вспомнить, что в отличие от Великой французской революции перед американскими буржуазными революциями XVIII—XIX вв. не стояла задача коренного переворота в сфере экономики, замены одного вида собственности другим. Их характерной особенностью, затруднявшей развитие классового сознания масс, было отсутствие четкой поляризации классовых сил. По своему социальному составу патриоты и лоялисты, сторонники Союза и конфедераты качественно не отличались друг от друга, во главе каждого из борющихся лагерей неизменно стояли представители буржуазии⁸. Сама форма, которую приняли эти революции,— война за независимость и война Севера и Юга — скрывала их классовое содержание и сдерживала политическое развитие масс.

Осуществление буржуазно-демократических преобразований под эгидой господствующего класса, не позволившее народным массам проявить себя самостоятельной силой, дало в руки буржуазии важнейший рычаг идейно-политического влияния на рабочий класс. Ленин писал: «Главная историческая причина, которая обусловила особую выпуклость и (временную) силу буржуазной рабочей политики в Англии и Америке, это — давняя политическая свобода и необычайно выгодные, сравнительно с другими странами, условия для развития капитализма вглубь и вширь»⁹.

Отсутствие серьезной оппозиции буржуазии обеднило общественно-политическую жизнь Соединенных Штатов. В США классовые конфликты и противоречия не получили столь полного и законченного развития в сфере политики, как в Европе. В отличие от европейских классовое лицо американских политических партий было весьма расплывчатым и неопределенным.

⁸ Буржуазную природу плантаторов и плантационного хозяйства отмечали Маркс и Энгельс. См.: Там же, т. 26, ч. II, с. 329; т. 30, с. 196.

⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 22, с. 232.

Неоформленность классовых делений в идейно-политической жизни Соединенных Штатов объясняется и характером массовых движений. В истории оппозиционных движений в США относительно велик удельный вес непролетарского компонента, в первую очередь городской и сельской мелкой буржуазии, выступавшей в защиту интересов мелкого собственника. Мелкобуржуазные движения, направленные против засилья крупного капитала, полностью оставались в рамках буржуазных представлений и идеалов. Отсутствие общедемократических задач, таких, как борьба за политические права и свободы, не способствовало объединению усилий мелкобуржуазной оппозиции и рабочего движения. В свою очередь рабочий класс, оказавшийся в социальной изоляции и столкнувшийся с исключительно сильным противником в лице американской буржуазии, не смог — в основной своей массе — преодолеть корпоративную фазу развития сознания, создать массовую пролетарскую партию, которая объединила бы широкие слои трудящихся вокруг программы социалистических преобразований.

Отсутствие массовой рабочей партии, стержня, вокруг которого могли бы группироваться оппозиционные силы, лишило точки опоры демократические движения, превратило их в аморфные коалиции с рыхлой структурой, хрупкие и недолговечные. Слабость, неразвитость классового сознания масс проявились и в религиозной окраске социальных движений, сохранившейся вплоть до наших дней.

Узость горизонтов, приземленность политической жизни, основным содержанием которой является дележ общественного «пирога» между различными «группами интересов», лишили ее исторического измерения, превратили в процесс согласования сиюминутных интересов. Бесконечный торг, сделки, компромиссы стали альфой и омегой американской политики. Голый практицизм политического мышления позволяет «запереть» движения социального протеста в рамках повседневного сознания и поведения, гасить их прежде, чем они приобретут политическую окраску.

Установление идейно-политической гегемонии буржуазии в жизни страны вовсе не означает, что в истории американского народа нет прогрессивных, революционно-демократических традиций. Ленин в «Письме к американским рабочим» отмечал подлинно революционный харак-

тор таких крупнейших событий американской истории, как восстание американских колоний против Англии и гражданская война Севера и Юга¹⁰. Декларация независимости, «первая декларация прав человека»¹¹, стала символом революционных традиций американского народа. Конечно, к Декларации апеллируют представители разных политических течений, но в идейном арсенале прогрессивных сил Америки она занимает особое место. И американские исследователи-марксисты, и советские историки единодушно отмечают непреходящее значение Декларации¹². На протяжении двух столетий в Декларации черпают вдохновение участники демократических движений. Радикалы сегодня ссылаются на демократические принципы Декларации, обосновывая необходимость борьбы против засилья монополий в жизни страны¹³. Революционные потенции американского народа, проявившиеся в войне за независимость и гражданской войне Севера и Юга, заложили основу идейно-политической традиции, которую продолжили аболиционисты, участники движений социального протеста, боевое крыло рабочего движения, молодые интеллигенты-радикалы 60-х годов. На антикапиталистический заряд, который несут в себе демократические завоевания американского народа, указывал Ленин. Он писал: «Демократическая республика противоречит „логически“ капитализму, ибо „официально“ приравнивает богатого и бедного»¹⁴.

Продолжение и развитие революционно-демократических традиций американского народа — задача крайне сложная. Многие представления, навязанные господствующим классом, прочно вошли в национальное сознание, приобрели силу и устойчивость предрассудка. Прогрессивные силы страны постоянно находятся под огнем противника, они ведут тяжелую борьбу, нередко в условиях изоляции. Выпавшие на их долю суровые испытания отпу-

¹⁰ Там же, т. 37, с. 48, 58. См. также: *Фостер У. З.* Очерк политической истории Америки: Пер. с англ. М., 1953, с. 177.

¹¹ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 16, с. 17.

¹² *Аптекер Г.* Американская революция 1763—1783. М., 1962, с. 134; *Он же.* О классовом характере американской революции.— Пробл. мира и социализма, 1975, № 7, с. 76; Война за независимость и образование США, с. 148; *Фурсенко А. А.* Указ. соч., с. 252, 257—258; *Flynn E. G.* On the Declaration of Independence.— Political Affairs, 1982, N 3, p. 27—28.

¹³ См., напр.: *International Herald Tribune*, 1975, 4—5 Oct., p. 5.

¹⁴ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 30, с. 97—98.

гивают многих из тех, кто в принципе разделяет основные установки левых.

Характерные черты общественно-политической жизни США, сформировавшиеся на протяжении многих десятилетий, создают определенный диапазон возможностей, в пределах которого реализуется социальная активность нового слоя в послевоенный период.

Опыт послевоенного развития

В послевоенный период формирование сознания интеллигенции происходит в усложнившемся, быстро меняющемся мире. В частности, сама интеллигенция переживает процесс глубокой трансформации. Многоплановость и быстрота этих изменений сильно затрудняют работу сознания, направленную на выработку адекватной «картины мира» и соответствующих моделей социального поведения.

После второй мировой войны внешнеполитические проблемы прочно вошли в американскую жизнь. Возглавив капиталистический мир, Соединенные Штаты взяли на себя защиту глобальных интересов современной буржуазии. Опираясь на свой экономический и военный потенциал, они стремятся повернуть колесо истории вспять, остановить, а по возможности и обратить назад процесс коренного преобразования мира, начало которому положила Великая Октябрьская революция. Взяв на себя функции мирового жандарма, Соединенные Штаты вступили в конфликт со всеми революционными силами современности.

Растущее значение внешнеполитических проблем нашло отражение в сознании интеллигенции страны. Как отмечает американский автор: «Начиная со второй мировой войны на протяжении целого периода внешняя политика оставалась основным объектом интереса со стороны интеллектуалов в соответствии с их представлением о внешней политике как центральной проблеме, стоящей перед страной»¹⁵.

Разгром фашистских держав в самой тяжелой и кровопролитной из войн, которые знала история человечества, породил у многих людей доброй воли надежду на

¹⁵ Kadushin Ch. American Intellectual Elite. Boston; Toronto, 1974, p. 234.

установление прочного мира на земле, на развитие в послевоенном мире сотрудничества и взаимопонимания между народами. Однако уже в начале 1948 г., характеризуя настроения в американской столице, известные обозреватели Д. и С. Олсон писали: «Сегодняшнюю атмосферу Вашингтона никак не назовешь послевоенной. Надо прямо сказать — это предвоенная атмосфера»¹⁶. Проводимая правящими кругами США политика «сдерживания» и «отбрасывания» коммунизма, приведшая к «холодной войне» и расколу мира на два противостоящих военно-политических блока, сильно повлияла на состояние умов американцев. По данным одного из опросов Гэллага, проведенного в конце второй мировой войны, большинство американцев, в первую очередь представители интеллигенции, выступали за союз и сотрудничество с СССР в послевоенном мире¹⁷. Через два-три года положение резко изменилось. Под влиянием буржуазной пропаганды оживились традиционные антикоммунистические стереотипы и предрассудки, прочно укоренившиеся в массовом сознании.

Волна антикоммунистических настроений, поднимающаяся в стране, захватила основную часть радикальной и либеральной интеллигенции, идейно сформировавшейся в годы «нового курса». Во время американской интервенции в Корею большинство представителей интеллигенции поддерживали внешнюю политику правительства¹⁸.

Почти полное отсутствие организованной оппозиции среди интеллигенции в годы корейской войны объясняется не только внешнеполитическими соображениями. В условиях «холодной войны» сама интеллигенция оказалась под ударом со стороны правых, консервативных сил. Знаменосцем крестового похода против интеллигенции, выдержанного в худших традициях американского антиинтеллектуализма, стал сенатор Джозеф Маккарти, председатель сенатской комиссии по расследованию антиамериканской деятельности. Умело обыгрывая настроения обывателя, маккартисты развернули бешеную кампанию, направленную против любых проявлений ина-

¹⁶ Цит. по: Кан А. Время решений. М., 1963, с. 31.

¹⁷ См.: Маттиас Л. Обратная сторона США. М., 1968, с. 142.

¹⁸ Public Opinion Quarterly, 1970, N 1, p. 138; Kadushin Ch. Op. cit., p. 104, 198.

комыслия. Как и после первой мировой войны, по всей стране шла «охота на ведьм».

Хотя сигналом к атаке послужила речь Маккарти в заштатном городке Уилинге (Западная Вирджиния) 9 февраля 1950 г., гонения на прогрессивно настроенную интеллигенцию начались значительно раньше. Еще в марте 1947 г. президент Трумэн издал исполнительный приказ № 9835 о проверке лояльности государственных служащих. В соответствии с распоряжением президента во всех министерствах и ведомствах были созданы советы по проверке лояльности, которые проводили «чистку» государственного аппарата. Только в 1948—1950 гг. было проведено более 3,6 млн. расследований, в результате которых были уволены тысячи чиновников¹⁹. В министерстве юстиции был составлен список «подрывных» организаций, принадлежность к которым грозила серьезными неприятностями.

Однако исполнительная власть не могла своими силами ликвидировать идейно-политическое наследие «нового курса». Как отмечают известные американские социологи Д. Рисмэн и Н. Глэйзер, еще в начале 1950 г. в общественной жизни США чувствовалось влияние рузвельтовской эпохи²⁰. Чтобы покончить с носителями еретического духа 30-х годов, необходимо было мобилизовать общественное мнение, и тогда на сцене появился Маккарти. Как выяснилось впоследствии, за спиной бесноватого сенатора стояла зловещая фигура Г. Гувера, бессменного шефа ФБР, питавшего глубокую антипатию к интеллектуалам²¹.

Заработали на полную мощность следственные комитеты конгресса, самочинно присвоившие себе функции суда. Правда, в отличие от обычных судов члены комитетов не считали себя связанными требованиями судебной процедуры. Характеризуя лихорадочную деятельность этих комитетов, У. Липпман писал: «Это такое позорное место, где человек теряет свое доброе имя часто без доказательств и, как правило, без предоставления права на защиту, которым пользуются в обычном суде. Это

¹⁹ Маринин С. Б. США: политика и управление. М., 1967, с. 201.

²⁰ The Radical Right. Garden City, 1964, p. 106.

²¹ Demaris O. The Director. N. Y., 1975, p. 77, 80, 84, 166—167; О тесной связи между ФБР и комитетом палаты представителей по расследованию антиамериканской деятельности см.: Donner F. J. The Un-americans. N. Y., 1961, p. 273—281.

суд, где людей привлекают к ответственности и обвиняют в действиях, которые фактически не являются незаконными»²².

Кроме слушаний в Вашингтоне, следственные комитеты устраивали выездные сессии по всей стране. Например, комитет палаты представителей провел заседания в 25 городах, в некоторых из них по несколько раз²³. Деятельность комитетов широко освещалась прессой, радио, телевидением. Сами комитеты, используя свои досье, выпускали огромное количество пропагандистской литературы. Например, с 1949 по 1959 г. следственный комитет палаты представителей предал гласности материалы, касающиеся 60 тыс. человек и 13 тыс. организаций²⁴.

Как отмечает известный нью-йоркский юрист Ф. Доннер, автор книги «Антиамериканцы», в своей «охоте на ведьм» следственные комитеты эксплуатировали антикоммунистические предрассудки американцев²⁵. Они координировали деятельность консервативных сил в масштабе всей страны. В качестве связующего звена между комитетами и страной, их карающей десницы использовались правые организации.

На чертовой мельнице маккартизма людей стирали в порошок. Отказ от сотрудничества со следственным комитетом превращал человека в политически неблагонадежного и ставил его под удар. По данным профессора Д. Поллитта, изучавшего деятельность комитета палаты представителей за 2 года, из 64 «недружелюбных» свидетелей 50 потеряли работу²⁶. «Кинорежиссеры, профсоюзные деятели, профессора университетов с тридцатилетним стажем исчезали с работы, не оставив следа, превращались в ничто, грозное предупреждение остальным; с менее известными людьми расправлялись с еще большей легкостью», — пишет американский автор²⁷.

Особое внимание маккартисты уделяли системе образования, проверке политической благонадежности учителей и преподавателей вузов. Они требовали от тех, кто

²² Цит. по: Кан А. Заметки о национальном скандале. М., 1961, с. 197.

²³ Donner F. J. Op. cit., p. 9.

²⁴ Ibid., p. 266.

²⁵ Ibid., p. 11.

²⁶ Ibid., p. 61.

²⁷ Dickstein M. Gates of Eden. N. Y., 1977, p. 68.

занят преподаванием, принятия специальной присяги о лояльности, вменяли им в обязанность вести на занятиях антикоммунистическую пропаганду. Чистка государственного аппарата, начатая при президенте-демократе Трумэне, продолжалась при республиканце Эйзенхауэре. В 1953—1954 гг. с государственной службы было уволено более 8 тыс. «подозрительных», многие тысячи чиновников были переведены на менее секретную работу, обычно с понижением в должности²⁸. Не избежали проверки лояльности даже либерально настроенные церковники²⁹.

В годы маккартизма страна, по словам члена Верховного суда Дугласа, была охвачена «черным безмолвием страха». Люди боялись, что малейший неверный шаг, неосторожно сказанное слово могут стоить репутации, положения в обществе, карьеры. Вспоминая то время, американский автор пишет: «Стремясь хоть в какой-то форме показать свою „добропорядочность“, американцы читали „правильные“ газеты и журналы, заводили „правильных“ друзей, вступали в „правильные“ организации и клубы. Кто не делал этого, лишался политического доверия. Истерия приняла невероятные формы»³⁰.

Многие издания, рассчитанные на образованного читателя, такие, как «Комментари» или «Энкаунтер», активно проповедовали антикоммунизм. ЦРУ тайно финансировало ведущие журналы и культурные организации, выступавшие с позиций «холодной войны»³¹. Леворадикальная интеллигенция, игравшая значительную роль в общественно-политической жизни страны в период «нового курса», уходит с авансцены. Горечь несбывшихся надежд породила у нее апатию и разочарование. Падают тиражи либеральных журналов³². Только маленькая горстка независимых интеллигентов осмеливается критиковать основные направления внутренней и внешней политики правящих кругов США³³.

²⁸ *Зубок Л. И., Яковлев Н. Н.* Новейшая история США. М., 1972, с. 259.

²⁹ *Кислова А. А.* Идеология и политика американской баптистской церкви. М., 1969, с. 160.

³⁰ *Мартиас Л.* Указ. соч., с. 188.

³¹ *Dickstein M.* Op. cit., p. 28.

³² *Grimes A.* Contemporary American Liberalism.— The Annals of the American Academy of Political and Social Science: Conservatism, Liberalism and National Issues, 1962, Nov., p. 26.

³³ *Dickstein M.* Op. cit., p. 40.

Антиинтеллектуализм стал правилом хорошего тона в американской столице, сама принадлежность к интеллигенции считалась сомнительной характеристикой. В одном из выступлений, относящихся к 1954 г., президент Эйзенхауэр заявил: «У нас куда как много мудрецов, так называемых интеллигентов, которые шатаются везде и доказывают, что неправы все, кто не согласен с ними. Между прочим, я слышал определение интеллигента, на мой взгляд, очень интересное,— это человек, которому требуется больше слов, чем нужно, чтобы сказать больше, чем он знает»³⁴. Яд антиинтеллектуализма проник и в среду интеллигенции, где почва была подготовлена бурным притоком выходцев из других слоев населения, питавших глубокое предубеждение в отношении культуры. Он отравлял внутренний климат в сфере духа, порождал комплексы неполноценности и мучительную раздвоенность сознания.

Казалось, что история повторяется, что Америка переживает очередной приступ антиинтеллектуализма, как в 20-е годы. Однако в эпоху НТР ведущая страна капиталистического мира не могла позволить волне иррационализма увлечь себя дальше определенного предела. Поэтому в отличие от предыдущих вспышек подобных настроений, неоднократно зафиксированных в американской истории, антиинтеллектуализм 50-х годов носил не столько социально-психологический, сколько политический характер. Это был не бунт против разума, а сознательная кампания, направленная на ограничение общественного влияния леволиберальной интеллигенции. Отдавая дань духу времени, она была по-своему рациональна.

Двойственность отношения официальной Америки к людям умственного труда наиболее отчетливо видна на примере ученых. Рисуя образ человека науки в сознании власть имущих в начале 50-х годов, американский автор пишет: «Ученые были одновременно незаменимы и ненадежны, являясь своего рода бесценным имуществом, подверженным опасности внезапной порчи, или взрывчатым веществом, опасным, как атомная энергия, которой они одни могли управлять»³⁵. В правящих кругах США даже в самые мрачные дни маккартистской реакции недовольство и опасения, которые внушали интеллектуалы,

³⁴ Зубок Л. И., Яковлев Н. Н. Указ. соч., с. 257.

³⁵ Цит. по: Гурко Л. Кризис американского духа. М., 1958, с. 20.

сочетались с трезвым пониманием того факта, что в новую историческую эпоху без них не обойтись. Спад общественной активности левой интеллигенции, символическим выражением которого стало «молчаливое поколение» студентов 50-х годов, был вызван не только психозом «холодной войны» и чувством страха перед маккартизмом. Фашизм, вторая мировая война поколебали оптимистический взгляд на мир, характерный для американской интеллигенции. Безграничная вера в прогресс, в человеческий разум плохо согласовалась с трагическим опытом недавнего прошлого. «Холодная война», несущая в себе призрак атомной смерти, убивала надежду на будущее. Сознание тщетности усилий изменить мир парализовало волю, побуждало плыть по течению, полагаясь на судьбу.

Паралич воли, покорность судьбе отражали крайне невыгодный для радикалов баланс сил в Америке середины XX в. В отличие от европейского американский капитализм значительно окреп за годы войны. В первое послевоенное десятилетие перспектива обновления общества оказалась отодвинутой далеко на задний план. Утрата перспективы заметно усилила процесс социальной и в какой-то мере идейной интеграции левой интеллигенции. Материальная основа интеграционных процессов была создана послевоенным экономическим подъемом, во многом достигнутым за счет наращивания военного потенциала. В период, когда в сознании американцев еще были свежи воспоминания о трудностях и лишениях военных и предвоенных лет, на фоне нищеты, разоренной Европы неожиданно обретенное материальное благополучие и уверенность в будущем ослабляли критический настрой левой интеллигенции. В угаре предпринимательской лихорадки первых послевоенных лет, способствовавшей возрождению традиционных мифов и представлений, старые, идущие еще от 30-х годов проблемы регулирования экономики казались в значительной мере утратившими свою актуальность, а новые, порожденные углублением социальных противоречий в американском обществе, еще не проявились со всей остротой.

Изменение образа жизни лиц интеллектуального труда, связанное с переселением в пригороды, также способствовало распространению конформизма среди интеллигенции. Освоение дорогостоящего потребительского стандарта, на котором основан пригородный образ жизни, прочно фокусировало интересы личности в сфере

материального потребления³⁶. Будучи вырванными из городской среды, раздираемой глубокими противоречиями, обитатели пригородов оказались в искусственно созданном мире преуспевающего «среднего класса», известного своим консервативным настроением³⁷. Психологическая атмосфера пригородов, ставших заповедниками традиционного индивидуализма, благоприятствовала уходу в частную жизнь, замыканию в узком мире личных интересов, характерному для 50-х годов. Вспоминая то время, историк американской культуры послевоенного периода пишет: «В 50-е годы дом и семья, заработок и потребление, культивирование своего огорода стояли на первом месте»³⁸.

Не хлебом единым, не одними материальными сообщениями определялось новое отношение бывших радикалов к своей стране. Трагический опыт фашизма заставил многих по-новому оценить демократические завоевания американского народа. Угроза установления тоталитарного режима, которую несли в себе действия Маккарти и его подручных, сделали необходимым защиту гражданских прав и свобод.

Изменение международного положения США также способствовало принятию левой интеллигенцией основных ценностей американизма. Превращение Соединенных Штатов в ведущую державу капиталистического мира помогло представителям интеллигенции избавиться от комплекса неполноценности по отношению к своим европейским коллегам, преодолеть ощущение провинциальности американской жизни. Бурный рост в послевоенный период научно-технической интеллигенции, сильно подверженной идейному влиянию мира бизнеса, способствовал распространению конформизма в интеллектуальной среде.

Все же примирение критически настроенной части интеллигенции с действительностью, происшедшее в 50-е годы, имело определенные пределы. Оно действовало больше в сфере поведения, чем в сознании³⁹. Мате-

³⁶ См.: Михайлов Е. Д. США: проблемы больших городов. М., 1973, с. 187.

³⁷ Hamilton R. T. Class and Politics in the United States. N. Y., 1972, p. 348.

³⁸ Dickstein M. Op. cit., p. 50.

³⁹ Lipset S. M. Political Man. N. Y., 1960, p. 342; Bell D. The Cultural Contradictions of Capitalism. L., 1976, p. 42.

риальное благополучие и растущий престиж интеллектуального труда не могли скрыть внутреннюю пустоту и бессодержательность американской жизни⁴⁰. Возведенные в ранг государственной политики бесчинства маккартистов заставляли задуматься о судьбе интеллигента в Америке. В конце 50-х годов появляется целый ряд художественных произведений и научных работ, по своему духу глубоко враждебных господствующей культуре. Это брожение умов, предвещающее новые времена, было особенно заметно среди нью-йоркской интеллигенции и в академическом мире, которые сохраняли определенную духовную независимость даже в самые мрачные дни маккартистской реакции⁴¹. В колледжах и университетах на смену повальному увлечению спортом приходит интерес к науке и искусству; новые фигуры, ранее находившиеся на периферии культурной жизни, — Аллен Гинзберг, Пол Гудмен, Норман Мейлер, Райт Миллс, Герберт Маркузе, Норман Браун — становятся кумирами студенческой молодежи⁴². Мысленно возвращаясь в годы своей юности, проведенные в Колумбийском и Йельском университетах, Моррис Дикстейн пишет: «Конец 50-х годов был плодотворным временем рождения идей, которые стали претворяться в жизнь в более деятельной, менее склонной к рефлексии общественной атмосфере последующего периода... Начинать в ту пору самостоятельную жизнь было захватывающе интересно»⁴³. Он вспоминает, что вместе с друзьями по университету испытывал ностальгию по 30-м годам, «красному десятилетию»⁴⁴.

Быстро растущая популярность в студенческой среде нонконформистских поэтов, писателей, публицистов, теоретиков знаменовала начало нового периода в истории американской интеллигенции. На этот раз дух протеста и мятежа овладевал не художественным авангардом, как в начале века или в 20-е годы, а значительной частью

⁴⁰ *Bell D. The End of Ideology*. Glencoe, 1960, p. 374—375.

⁴¹ *Lazarsfeld P., Thielens W., jr. The Academic Mind*. Glencoe, 1958, p. 95.

⁴² Спустя почти два десятилетия М. Дикстейн пишет в своей книге: «Я хорошо помню то впечатление, которое произвели на нас, студентов-выпускников, работы Райта Миллса в конце 50-х годов. На сером, унылом фоне академической науки он казался смельчаком-одиночкой» (*Dickstein M. Op. cit.*, p. 58).

⁴³ *Ibid.*, p. 88.

⁴⁴ *Ibid.*, p. 252.

нового поколения интеллигенции, которой бунтующие представители американской культуры помогли уяснить причины ее внутренней неудовлетворенности окружающим миром и выработать новую систему жизненных ценностей и идеалов⁴⁵.

В свою очередь выход на широкую аудиторию оказал глубокое влияние на мироощущение первых провозвестников будущей «новой левой». Перед лицом засилья правых профлидеров в американском рабочем движении 50-х годов первое поколение теоретиков «новой левой», сознательно идентифицировавшее себя с интеллигенцией, все свои надежды на осуществление глубоких преобразований в жизни американского общества связывало с деятельностью этого слоя.

Появление идеологии, провозглашавшей интеллигенцию ведущей силой общественного развития, при всей наивности, утопичности этой позиции знаменовало собой важный этап в развитии сознания нового слоя. В теоретических построениях «новых левых» отразился поиск американской интеллигенцией самостоятельной, независимой от господствующего класса идейно-политической позиции. В Америке 50-х годов, проникнутой духом общественной апатии и смирения, появление неконформистских теорий интеллигенции создало идейные предпосылки активного участия представителей этого слоя в массовых демократических движениях следующего десятилетия⁴⁶.

Духовное влияние первых провозвестников «новой левой» подкреплялось силой примера. На фоне внутренне раздвоенной либерально-радикальной интеллигенции 50-х годов, общественные убеждения которой почти не претворялись в активные действия, они являли собой образец единства слова и дела. Своей общественной позицией они предвосхитили типичную фигуру молодого интеллигента-активиста 60-х годов. Вспоминая Райта Миллса, умершего в 1962 г., М. Дикстайн пишет: «Сам Миллс является прототипом ангажированного интеллигента 60-х годов, отчетливо сознающего общественное назначе-

⁴⁵ О пробуждении студенческого движения во второй половине 50-х годов см.: *Rexroth K. Students Take Over.*— *New Left Review*, 1960, Sept.-Oct., p. 38—41.

⁴⁶ Подробнее см.: *Замошкин Ю. А. Личность в современной Америке.* М., 1980, гл. 9; *Гаджиев К. С. Эволюция основных течений американской буржуазной идеологии.* М., 1982, гл. 6.

ние своей профессиональной деятельности и — в лучших традициях — исполненного чувства моральной и политической ответственности интеллигенции»⁴⁷.

Во второй половине 50-х годов развитие событий способствовало выходу американской интеллигенции из состояния оцепенения периода маккартизма. Достигнутое благодаря миролюбивой политике Советского Союза и других социалистических государств ослабление международной напряженности приостановило нагнетание антикоммунистической истерии, несколько разрядило внутривнутриполитическую атмосферу в стране. Укрепление международных позиций стран социалистического лагеря, победа кубинской революции⁴⁸, появление первого социалистического государства в западном полушарии показали всю бесперспективность политики сдерживания коммунизма военными средствами, взятой на вооружение правящими кругами США. Появление на международной арене молодых независимых государств, проводящих политику нейтралитета и неприсоединения, размывало биполярную, манихейскую картину мира, насаждаемую в сознании американцев. Страна устала от балансирования на грани ядерной катастрофы. Образование на базе агрессивного внешнеполитического курса американского империализма могущественного военно-промышленного комплекса вызывало растущее беспокойство в Соединенных Штатах. В глазах мыслящих американцев политика «холодной войны» утрачивала свои основания, начинала казаться устаревшей, не соответствующей духу времени. Еще в начале 60-х годов, задолго до широкой эскалации военных действий США во Вьетнаме, 26% ведущих представителей американской интеллигенции решительно выступали против политики «холодной войны», а еще 55% принимали ее с многочисленными оговорками⁴⁹. Жажда мира стала одной из основ зарождавшегося студенческого движения.

В конце 50-х годов стал очевидным глубокий анахронизм маккартистского движения. Запуск Советским Союзом первого искусственного спутника Земли в октябре 1957 г. наглядно показал правящим кругам США, что в эпоху научно-технической революции разгул антиин-

⁴⁷ *Dickstein M.* Op. cit., p. 59.

⁴⁸ Фидель Кастро был одним из кумиров левого студенчества Америки конца 50-х годов. См.: *Ibid.*, p. 58.

⁴⁹ *Kadushin Ch.* Op. cit., p. 119.

интеллектуалистских страстей грозит серьезным отставанием в экономическом соревновании двух общественно-политических систем.

Маккартизм оставил глубокий след в сознании интеллигенции. Беспрепятственный разгул низменных страстей показал силу и устойчивость антиинтеллигентских предрассудков в психологии обывателя, лишней раз заставил усомниться в врожденной мудрости «среднего человека», что всегда считалось в США одной из аксиом, на которых держится общество. У тех, кто молчал перед лицом маккартистского произвола, надолго осталось чувство вины; у нового поколения интеллигенции, сформировавшегося в эти годы, сложился устойчивый стереотип либерала старого образца как человека, неспособного активно отстаивать свои взгляды⁵⁰. Корни многих коллизий в общественно-политической жизни Соединенных Штатов последующих десятилетий уходят в период маккартизма⁵¹.

Политическое пробуждение интеллигенции в конце 50-х годов стимулировалось быстро набирающими силу массовыми демократическими движениями, прежде всего движением за гражданские права черных американцев, широко развернувшимся в стране после решения Верховного суда о десегрегации школьного обучения, принятого в 1954 г. Американские и неамериканские авторы единодушно отмечают исключительно важную роль, которую сыграло негритянское движение в возрождении критического духа среди интеллигенции⁵². Расовая проблема вобрала в себя все беды и пороки послевоенной Америки, стала своего рода магическим кристаллом, позволяющим разглядеть оборотную сторону внешнего процветания и благополучия 50-х годов. Причем на этот раз инициаторами выдвижения на первый план проблемы граждан-

⁵⁰ Keniston K. *Young Radicals*. N. Y., 1968, p. 179.

⁵¹ Ограничимся одним примером. В начале 60-х годов, задолго до Уотергейта, Р. Никсон писал, что его деятельность в рядах маккартистов «вызывала ненависть и вражду по отношению ко мне — и не только среди коммунистов, но и среди значительной части прессы и интеллигенции» (*Nixon R. M. Six Crises*. N. Y., 1962, p. 69).

⁵² Coser L. A. *Men of Ideas*. 2 ed. N. Y., 1966, p. 353; Touraine A. *Op. cit.*, p. 226, 231; Flacks R. *Young Intelligentsia in Revolt*. — In: *Class and Conflict in American Society*. Chicago, 1973, p. 252, 253; Kadushin Ch. *Op. cit.*, p. 235; Shils E. *Intellectuals and their Discontents*. — *American Scholar*, 1976, vol. 45, N 2, p. 198.

ских прав афроамериканцев были не признанные мэтры либерализма, властители дум интеллигенции, а студенты колледжей.

Открытие другой, непарадной Америки произошло в тот момент, когда в господствующем классе США заметно активизировались силы, выступающие за разработку глобальной стратегии буржуазного реформизма, направленной на утверждение ведущей роли США в современном мире. Взятая ими на вооружение стратегия «новых рубежей», связанная с именем Дж. Кеннеди, требовала широкого использования интеллектуального потенциала страны. Гонения на интеллигенцию периода маккартизма сменились подчеркнутым вниманием и усиленным обхаживанием со стороны власть имущих. Новая ситуация официального признания большой ценности интеллектуального труда, во многом противоречащая предшествующему опыту американской интеллигенции, застала ее врасплох и породила в ее среде жаркие споры, какую линию поведения избрать в ответ на настойчивые попытки властей привлечь лучшие интеллектуальные силы страны к тесному сотрудничеству⁵³.

Недолгое президентство Кеннеди внесло в ряды либеральной интеллигенции раскол более глубокий, чем маккартизм. Многие ее видные представители откликнулись на призыв властей и, руководствуясь различными соображениями, собрались под знамена молодого, энергичного президента. В годы президентства Кеннеди окончательно сложился и оформился либеральный истеблишмент, важным компонентом которого стала преуспевающая верхушка интеллигенции. Сам президент — уроженец Бостона, воспитанник Гарварда, представитель образованной элиты Восточного побережья, — казалось, символизировал начало новой эры американской истории — эры, когда интеллект и власть, знание и богатство, культура и престиж становятся синонимами.

Идейно-политическим кредо образовавшейся вокруг Кеннеди влиятельной группировки правящей элиты стал неолиберализм. Либерализм 60-х годов не был простым перепевом идей «нового курса» Рузвельта. Неолибералы, уповая на возросшие возможности государственно-монополистического капитализма, ставили перед собой значи-

⁵³ *Hofstadter R. Anti-intellectualism in American Life. N. Y., 1963, p. 393.*

только более сложные задачи, чем их предшественники. При помощи государственных рычагов они рассчитывали ликвидировать отставание Соединенных Штатов от других развитых капиталистических стран в сфере социальной инфраструктуры, решить острые проблемы американского общества, такие, как нищета и несправедливость негритянского населения, существование обширных зон бедности, кризис городов, архаичский характер систем образования и здравоохранения, хищническое использование природных ресурсов страны. В поисках решения проблем они были технократически рациональны, стремились использовать достижения современной науки.

Параллельно — во взаимодействии и борьбе — с либеральным истеблишментом оформилось «новое левое» движение. Подчеркнутое внимание официальной Америки к теневым сторонам национальной жизни способствовало пробуждению гражданского сознания в новом поколении интеллигенции. Первой школой гражданственности стало для него участие в борьбе негритянского населения за свои права. Неспособность либерально-реформистского лагеря решить проблемы, стоящие перед страной, эскалация «холодной войны», в первые два года администрации Кеннеди стимулировали процесс самоопределения «новой левой».

В вузах оживились либеральные и радикальные группировки, хотя большинство студентов еще не вышли из состояния оцепенения периода маккартизма⁵⁴. Одновременно активизировались и правые. Созданная осенью 1960 г. консервативная студенческая организация «Молодые американцы за свободу» к весне 1962 г. насчитывала 25 тыс. человек, объединенных в 180 местных организаций⁵⁵. Но в студенческой среде тон все больше задавали молодые радикалы.

С осени 1964 г., когда на первый план в сознании бунтующего студенчества выдвинулась проблема положения и роли человека интеллектуального труда в американском обществе, движение вступило в новую фазу, сложную и противоречивую. Причины, характер студенческого движения середины 60-х годов в американской литературе подаются по-разному. Консервативные социо-

⁵⁴ Nation, 1961, Sept. 16, p. 155—157; 1962, May 19, p. 431—439; Annals of the American Academy of Political and Social Science, 1962, Nov., p. 34.

⁵⁵ Nation, 1962, May 19, p. 440.

логи склонны преуменьшать его значение. Д. Белл рассматривает студенческую вольницу как апофеоз культуры модернизма, распространение образа жизни богемы среди значительной части интеллигенции⁵⁶. Э. Лэдд и С. Липсет трактуют студенческое движение 60-х годов как одну из вспышек протеста, время от времени нарушающих покой американских вузов⁵⁷. Основной порок подобных интерпретаций — отсутствие верной исторической перспективы, игнорирование связи между студенческим движением протеста и развитием антикапиталистической тенденции в сознании и поведении интеллигенции.

Авторы, сочувственно относящиеся к молодым радикалам, — К. Кенистон, А. Турен, Р. Флэкс, М. Дикстайн — оценивают их более адекватно. Они подчеркивают, что студенческое движение затронуло все стороны американской жизни, отмечают его большой общественный потенциал⁵⁸.

В основе студенческого движения середины 60-х годов лежал кризис традиционных ценностей и моделей поведения, поиски нового, более гуманного образа жизни, открывающего широкий простор для развития личности. Его участники считали, что существующие общественные институты подавляют индивидуальность, действуя с механической размеренностью автоматов. Тесной, неразрывной связью морали и политики, поисков личного счастья и социальной справедливости, культурной и общественной проблематики студенческий протест напоминал движение прогрессивной интеллигенции начала века⁵⁹.

В проблематике студенческого движения классовые противоречия современного капитализма преломились в виде посягательств на индивидуальную свободу, угрозы дегуманизации личности. Экзистенциалистское видение мира, свойственное молодым радикалам, оставляло в тени реальные механизмы классового господства. Примат чувства над разумом, характерный для нового поколения

⁵⁶ *Bell D. The Cultural Contradictions of Capitalism. L., 1976, p. 123.*

⁵⁷ *Ladd E. C., jr., Lipset S. M. The Divided Academy. N. Y., 1975, p. 300—301.*

⁵⁸ *Keniston K. Op. cit., p. 324—325; Touraine A. Op. cit., p. 249; Flacks R. Op. cit., p. 264; Dickstein M. Op. cit., p. 8, 96, 262, 276—277.*

⁵⁹ Развернутая характеристика идейно-психологических основ студенческого движения дана в кн.: *Новинская М. И. Студенчество США. М., 1977.*

интеллигенции, мешал рациональному освоению накопленного опыта.

Тем не менее студенческое движение 60-х годов оставило глубокий след в общественном сознании. Оно со всей остротой поставило проблему моральной ответственности интеллигенции, нанесло сильный удар по дорогой сердцу либералов иллюзии независимости профессиональной деятельности от социального контекста, в котором она осуществляется. Антирационалистический настрой движения отражал не столько бунт против разума, сколько нежелание использовать его как орудие укрепления существующей системы.

Стихийный характер протеста, преобладание морально-этических мотивов не позволили студенческому движению в полной мере проявить свой политический потенциал. Однако в условиях социально-политического кризиса второй половины 60-х годов студенческие волнения вызвали сильный резонанс в стране.

Вследствие того влияния на политику правящих кругов, которое приобрел либеральный истеблишмент, 60-е годы стали временем расцвета и крушения либеральных иллюзий. Десятилетие, начавшееся эйфорией первых дней президентства Кеннеди, закончилось восстаниями в негритянских гетто больших городов, студенческими волнениями, бесславным провалом американской политики во Вьетнаме, приходом в Белый дом президента, сделавшего карьеру на волне маккартизма.

Политическую несостоятельность либералов подтвердила война во Вьетнаме. Хотя во второй половине 60-х годов либеральная интеллигенция утратила прежнее расположение официальных кругов Вашингтона, многие ее представители активно поддерживали вьетнамскую политику правительства. Это неудивительно, поскольку война во Вьетнаме была логическим следствием идеи глобального «сдерживания» коммунизма, исповедуемой либералами со второй половины 40-х годов.

Вьетнам — небольшая страна в далекой Юго-Восточной Азии, о существовании которой ранее не ведало подавляющее большинство американцев, — во второй половине 60-х годов выдвинулся на первый план в политической жизни США. Выделяя Вьетнам в пестром калейдоскопе событий бурного десятилетия, американский автор пишет: «Эта официально необъявленная война стала важнейшим событием 60-х годов, в конечном счете отодви-

нувшим все остальное на задний план. Движение за гражданские права, борьба с бедностью, бунт молодежи, сексуальная революция и большие изменения в нормах поведения — все испытало на себе сильнейшее влияние войны. Невозможно понять американских интеллектуалов, не поняв их отношение к войне»⁶⁰.

Бурление страстей, вызванное войной во Вьетнаме, явилось важнейшим элементом политического опыта американской интеллигенции в послевоенный период. Американская политика во Вьетнаме вызывала бурные споры среди интеллигенции, в частности в академических кругах⁶¹. В глазах интеллигенции особую актуальность проблеме Вьетнама придавало быстро растущее во второй половине 60-х годов недовольство студенчества вьетнамской политикой правительства⁶². Если вначале антивоенные настроения среди интеллигенции были слабее, чем в других слоях населения, то за пару лет ситуация коренным образом изменилась: основная часть интеллигенции перешла в ряды оппозиции⁶³.

Колоссальный общественный резонанс Вьетнама, его воздействие на души и умы американцев можно понять лишь в контексте истории Соединенных Штатов последних десятилетий. Во вьетнамском конфликте в концентрированном виде отразились основные проблемы и противоречия внешней политики США после второй мировой войны. За оценкой различными слоями населения вьетнамской политики правительства стояли вещи гораздо более фундаментальные — отношение к политике «холодной войны», проводимой Соединенными Штатами в послевоенные годы, представление о роли и месте Америки в современном мире. В 1970 г., когда для интеллектуальной элиты США провал американской политики во Вьетнаме был совершенно очевиден, один из ее представителей заявил в интервью: «Я думаю, что только глубоко сидящий страх перед коммунизмом мешает нам покончить с этой войной»⁶⁴.

⁶⁰ *Kadushin Ch. Op. cit.*, p. 123; см. также: Gallup Opinion Index, 1967, Dec., p. 9, 16.

⁶¹ *Ladd E. C., jr., Lipset S. M. Op. cit.*, p. 102—103, 229.

⁶² См., напр.: *Вопр. истории*, 1978, № 6, с. 123; *Government and Opposition*, 1966, N 3, p. 369—370; *Social Science Quarterly*, 1971, June, p. 153; *Campus Unrest*. Wash., 1970, p. 47—48.

⁶³ *Public Opinion Quarterly*, 1970, N 1, p. 135.

⁶⁴ *Kadushin Ch. Op. cit.*, p. 156.

Тесная, неразрывная связь проблемы Вьетнама со всем комплексом внешнеполитических оценок и представлений, сложившихся в общественном сознании в годы «холодной войны», заставляет нас анализировать уроки Вьетнама в широком контексте основных идейно-политических установок американской интеллигенции. Вьетнам, несомненно, ускорил процесс изживания антикоммунистических предрассудков в сознании части интеллигенции, начавшийся во второй половине 50-х годов. Активное участие ее представителей — деятелей науки и культуры, священнослужителей, студентов — в антивоенном движении помогло им освободиться от догм «холодной войны», более трезво оценить внешнюю политику страны. Один из них впоследствии писал: «Во Вьетнаме мы не только проиграли войну и потеряли субконтинент; мы также утратили переполняющую нас уверенность, что американское оружие и американские намерения как-то связаны с идеалом справедливости и моралью, а не просто с жаждой власти. Америка потерпела военное поражение, но еще более сокрушительный удар был нанесен по „идее“ Америки, ее тщательно культивируемому образу»⁶⁵. Под влиянием Вьетнама многие представители интеллигенции, перешедшие на конформистские позиции в конце 40-х годов, вновь обрели способность к критическому анализу.

Однако даже столь сильное потрясение, как провал американской политики в Юго-Восточной Азии, не могло полностью разрушить сложившиеся стереотипы. Это хорошо видно на примере интеллектуальной элиты США. По-видимому, это была первая влиятельная группировка в стране, которая поняла необходимость прекращения войны. В конце 1965 г., когда подавляющее большинство населения полностью поддерживало вьетнамскую политику правительства, ее не одобряли $\frac{3}{4}$ ведущих представителей интеллигенции. К 1970 г. доля представителей интеллектуальной элиты, считающих ошибкой посылку войск во Вьетнам, возросла до 90% (в целом по стране 56% опрошенных)⁶⁶.

Но, несмотря на почти единодушную оппозицию ведущих представителей интеллигенции вьетнамской политике правительства, критический пересмотр догм «хо-

⁶⁵ *Dickstein M.* Op. cit., p. 271.

⁶⁶ *Kadushin Ch.* Op. cit., p. 133, 124.

лодной войны» даже в этой профессионально подготовленной и хорошо информированной среде шел довольно медленно. Хотя в 60-е годы среди интеллектуальной элиты США число противников политики «холодной войны» выросло приблизительно вдвое (с $\frac{1}{4}$ до $\frac{1}{2}$), другая половина не изменила в корне свои внешнеполитические установки. Вьетнам не столько пополнил ряды убежденных противников воинствующего антикоммунизма, сколько показал, что Соединенные Штаты не в состоянии диктовать свою волю другим народам. Оценивая масштабы и характер изменений внешнеполитических установок интеллектуальной элиты США в указанный период, необходимо учитывать также, что они были подготовлены — наряду с Вьетнамом — многими другими событиями 60-х годов⁶⁷.

Ограниченность влияния Вьетнама на сознание наиболее авторитетных представителей американской интеллигенции обусловлена самим характером оппозиции интеллектуальной элиты вьетнамской политике правительства. Она исходила из соображений сугубо практического порядка: война отвергалась не по идейным или этическим мотивам, а потому, что она не «сработала», не дала желаемый эффект. Среди оппозиционно настроенной интеллектуальной элиты страны почти 80% выражали несогласие с вьетнамской политикой правительства, руководствуясь «политическим реализмом», около 40 — идейными мотивами и немногим более 20% — моральным протестом (некоторые указали не одну причину)⁶⁸. Как отмечает один из идеологов «новых левых», Н. Чомски, отношение основной части интеллигенции к вьетнамской политике правительства было столь же прагматичным⁶⁹.

Вьетнамская война, расколовшая американское общество, породила острые коллизии в среде интеллигенции. Демаркационные линии прошли не только между сторонниками и противниками политики правительства, но и внутри оппозиции. Прагматический подход фрондирующей интеллектуальной элиты резко контрастировал с моральным негодованием бунтующего студенчества. Разнобой в рядах оппозиции ослаблял ее дееспособность, подрывал моральный дух.

⁶⁷ Ibid.. p. 204, 209, 214.

⁶⁸ Ibid., p. 173.

⁶⁹ Mondo operaio, 1978, N 3, p. 103.

Различия подхода к проблеме Вьетнама, обнаружившиеся у представителей разных поколений оппозиционно настроенной интеллигенции, не были данью конъюнктуре. За ними скрывался не только разный жизненный опыт, но и разные формы восприятия мира. XX век с его войнами, революциями, контрреволюциями, ужасом фашистских лагерей смерти долго обходил стороной Североамериканский континент. Жестокий опыт XX столетия был воспринят американцами во многом умозрительно, он почти не затронул глубинные пласты национальной психологии⁷⁰. В середине 60-х годов стараниями всеобщего телевидения война впервые пришла в каждый американский дом. В отличие от своих предшественников новое поколение интеллигенции — дети телевизионного века, выросшие под дамокловым мечом атомной смерти и отличающиеся особой остротой эмоционального восприятия, — сумело почувствовать страдания небольшого народа, живущего где-то за тридевять земель.

Война во Вьетнаме явилась не столько фактором сплочения, сколько раскола либерально-радикальной интеллигенции. Она сместила центр тяжести общественной жизни страны во внешнеполитическую сферу, где взаимопонимание между различными либеральными и радикальными группировками давалось с особым трудом. Быстрая радикализация американского студенчества во второй половине 60-х годов⁷¹ не сопровождалась заметным полевением либералов, тем более массовых отрядов лиц интеллектуального труда. Механизм социального взаимодействия, существующий внутри либерально-радикальной интеллигенции, оказался серьезно нарушенным, что отрицательно сказалось на ее общественно-политическом потенциале.

Усиление идейно-политических разногласий в либерально-демократическом лагере на пороге 70-х годов

⁷⁰ Через несколько лет после окончания войны Р. Миллс писал: «Перед большинством внимательных наблюдателей вторая мировая война предстала как странно нереальное событие... не были глубоко затронуты ни чувства, ни убеждения. Люди сидели в кино между сменами; отрешенно, даже с явным безразличием смотрели, как подвергаются массированным бомбардировкам дети в тесных подвалах европейских городов... Это было время душевной спячки» (*Mills R. White Collar*. N. Y., 1951, p. 328).

⁷¹ См., напр.: *Sondages*, 1971, N 3/4, p. 94; *Sociology of Education*, 1969, N 2, p. 204; *Campus Unrest*, p. 48, 49.

объясняется не только противоречиями, порожденными войной во Вьетнаме. К концу 60-х годов становятся все более очевидными распад демократического движения на отдельные элементы, усталость и апатия в стране, нежелание продолжать какую-либо реформаторскую деятельность.

До предела заполненное событиями десятилетие потрясло до основания мир интеллектуального труда. Политика властно ворвалась в жизнь людей, не давая возможности укрыться в башне из слоновой кости. В раскаленной атмосфере 60-х годов все, вплоть до мельчайших нюансов поведения, приобрело политическое значение.

Активное участие в острых коллизиях бурного десятилетия стимулировало идейно-политическое размежевание в рядах интеллигенции. К началу 70-х годов в США насчитывалось более 450 «подпольных» газет с общим тиражом 5 млн. экз. и 20 млн. читателей⁷². «Новое левое» движение возродило в среде интеллигенции радикальную традицию, под корень подрубленную маккартистами. Созданная в 1960 г. радикальная организация «Студенты за демократическое общество» к концу десятилетия насчитывала около 100 тыс. членов⁷³. В периоды подъема студенческого движения радикалы превращались в грозную силу, способную повести за собой большинство студентов⁷⁴. Из радикалов, получивших боевое крещение в студенческие годы, вышла большая когорта профессиональных политиков. Известный американский журналист Т. Уайт констатировал: «В это время (60-е годы.— В. К.) целое поколение вожаков американской молодежи проделало тот же путь: от требования свободы слова к борьбе за гражданские права, а дальше к движению за мир и к Маккарти (или Р. Кеннеди) и таким образом в профессиональную политику. Футболисты, герои 20-х годов, оставались в университетских городках; студенты-активисты, герои 60-х, десятками и сотнями выходившие на национальную политическую

⁷² США — экономика, политика, идеология, 1977, № 6, с. 77.

⁷³ Массовые движения социального протеста в США. М., 1978, с. 243.

⁷⁴ См., напр.: *Campus Unrest*, p. 49; *Miles M. W. The Radical Probe: The Logic of Student Rebellion*. N. Y., 1974, p. 17—19; *Class and Conflict in American Society* / Ed. R. Lejeune. Chicago, 1973, p. 256—257.

арепу, развернули свою деятельность в масштабе всей страны»⁷⁵. Возрождение радикализма в студенческой среде приободрило левую интеллигенцию, впадшую в уныние в период маккартизма.

Одним из результатов студенческого движения протеста было появление целой плеяды молодых ученых-гуманитариев радикального толка⁷⁶.

Наиболее драматично шло размежевание либеральной интеллигенции. Суровый опыт второй половины 60-х годов, разбив многие иллюзии предшествующего периода, поставил либералов перед необходимостью выбора между демократическим движением, не всегда считающимся с требованиями «закона и порядка», и официальной позицией властей, готовых при случае обрушить репрессии на протестующую Америку. Углубление демократического содержания массовых движений, выдвижение на первый план проблемы социального равенства еще более осложнили положение либералов.

В этой ситуации сила притяжения демократического лагеря была явно недостаточной. В силу особенностей своего подхода — в первую очередь устойчивого примата практики над теорией⁷⁷ — молодые радикалы 60-х годов мало что могли противопоставить идейной гегемонии умеренно либеральных группировок. Поэтому, несмотря на оптимистические прогнозы некоторых теоретиков «новой левой»⁷⁸, идейный кризис либерального истеблишмента не привел к радикализации сознания значительной части интеллигенции. В то же время напуганная размахом демократических движений и их радикализацией определенная часть либеральной интеллигенции эволюционировала вправо — на консервативные позиции.

Идейно-политическая слабость левого крыла интеллигенции отчетливо проявилась в 70-е годы, в период спада массовых демократических движений. Ослабление глобальных позиций американского империализма, растущая конкуренция со стороны других капиталистических государств, усиление негативных тенденций в экономике страны знаменовали собой конец исключительно благо-

⁷⁵ White T. H. The Making of the President 1972. N. Y., 1973, p. 98.

⁷⁶ См., напр.: Кантор Р. Е. «Новые левые» в Американской исторической ассоциации. — *Вопр. истории*, 1971, № 9, с. 181—191; *Public Opinion*, 1981, Oct.-Nov., p. 4—5.

⁷⁷ См., напр.: Keniston K. *Op. cit.*, p. 174, 177, 180.

⁷⁸ См. напр.: *Class and Conflict in American Society*, p. 254.

приятного для США периода развития, начавшегося после второй мировой войны. Высокий уровень безработицы в сочетании с галопирующей инфляцией убеждал всех и каждого, что время «жирных коров» осталось позади. Резкое падение темпов экономического роста ограничило возможности социального маневрирования господствующего класса. Постоянные скандалы и злоупотребления властью, символом которых стал Уотергейт, подорвали доверие к общественным институтам⁷⁹. На смену традиционному американскому оптимизму пришли ощущение общего неблагополучия, растерянность, утрата веры в будущее. На пороге 80-х годов известные американские социологи констатировали: «Соединенные Штаты вступают в 80-е годы менее, чем когда-либо в этом столетии, уверенные в способности своих руководителей справиться с политическими, социальными и экономическими проблемами»⁸⁰. В обстановке нестабильности и неуверенности широкое распространение получили различные антиобщественные явления: алкоголизм, наркомания, преступность.

Изменение тонуса жизни больно ударило по интеллигенции. Известный французский социолог М. Крозье, весенний семестр 1980 г. проработавший в Гарварде, пишет в своей книге с характерным названием «Американский недуг»: «Еще пятнадцать, даже десять лет назад я знал счастливых интеллигентов, семьи которых тоже были счастливы. Перед ними открывался мир, у них консультировались, они имели вес в обществе. Университеты были храмом, в которых царил культ торжествующего разума... Эта эйфория давно прошла, и в течение нескольких лет счастливый интеллигент превратился в полного горечи»⁸¹. Ухудшение социально-экономического положения лиц интеллектуального труда не привело к широкому распространению среди интеллигенции организованных форм протеста, объективно имеющих антикапиталистическую направленность. Скорее наоборот, даже там, где в 60-е годы были сильны антикапиталистические настроения, возрождаются традиционные модели поведения, основанные на принципах буржуазного индивидуализма. В 70-е годы в университетах и колледжах, бывших основными очагами брожения в предшест-

⁷⁹ См.: *Politics and the Oval Office*, p. 49—51.

⁸⁰ *Public Opinion*, 1980, Apr.-May, p. 45.

⁸¹ *Crozier M. Op. cit.*, p. 59.

вующее десятилетие, воцарилось внешнее спокойствие, студенты с головой ушли в учебу и свои житейские заботы.

Раскрывая причины спада студенческого движения в 70-е годы, Робин Робертс, президент студенческого союза Южноиллинойского университета, заявил корреспонденту «Монд»: «Мы воспринимаем основные ценности нашей политической и экономической системы с изрядной долей скептицизма. И потом сейчас нет настоящих причин для выступлений: война окончена, а черные, преисполненные решимости уладить свои дела самостоятельно, без посторонней помощи, подействовали обескураживающе на либералов. В этой ситуации у каждого свои заботы: студенты много занимаются, чтобы успешно сдать экзамены, и, поскольку большинство наших студентов вынуждено подрабатывать, чтобы платить за обучение, у них почти нет времени для какой-либо политической деятельности»⁸².

Тяжелое положение на рынке труда, неопределенность жизненных перспектив деморализуют студентов. Вернувшись в Гарвард после десятилетнего перерыва, М. Крозье обнаружил разительные перемены в настроениях учащихся. Он пишет: «Внешне они были теми же, что и раньше,— схватывающими на лету, открытыми, умными, работающими. Но они были печальны, потеряли вкус к жизни, им казалось, что у них нет будущего... Впрочем, это было не просто безразличие или апатия, за ними сквозила насмешка, почти упоение поражением»⁸³.

Пессимизм студентов порожден оценкой не только своих возможностей, но и положения дел в стране. Характеризуя настроение в кампусах, один из них заявил в интервью: «Существует такое чувство, что страна не развивается, что ее институты больше не работают»⁸⁴. Кризис доверия к общественным институтам убивает в студентах желание заниматься политикой. По данным общенационального опроса, проведенного в конце 70-х годов, только 38% первокурсников интересовались политикой и лишь 8% участвовали в какой-либо политической кампании⁸⁵. Аналогичный опрос, проведенный в начале

⁸² Le Monde, 1976, 25—26 janv., p. 4.

⁸³ Crozier M. Op. cit., p. 56—57.

⁸⁴ US News and World Report, 1980, Febr. 25, p. 29.

⁸⁵ Ibid.

80-х годов, подтвердил устойчивость этой тенденции⁸⁶.

Уход в личную жизнь, поглощенность повседневными заботами, жестокая конкуренция, начинающаяся еще на школьной скамье, ориентация на индивидуальные пути решения жизненных проблем — характерные приметы социально-психологического облика интеллигента 70-х годов. Спад политической активности лиц интеллектуального труда способствовал выдвижению на первый план консервативно настроенных группировок интеллигенции. К концу десятилетия в обстановке растущего недовольства политическую инициативу захватили «неоконсерваторы», среди которых много бывших либералов⁸⁷.

Вытеснение на обочину радикалов и либералов объясняется не только усилением консервативных настроений в стране. В новой ситуации 70-х годов ни те ни другие не смогли предложить убедительную программу решения национальных проблем, в то время как, казалось, давно сданные в архив идеи консерваторов приобрели немалую популярность. Рупором правых идеологов стали консервативные «мозговые центры», созданные в середине десятилетия при щедрой финансовой поддержке бизнеса, такие, как Институт современных исследований в Сан-Франциско и Международный институт экономических исследований в Лос-Анджелесе, и пропагандистская машина монополий, развернувшая во второй половине 70-х годов беспрецедентную кампанию, направленную на обработку общественного мнения.

Борьба идей нашла отражение в сознании массовых отрядов интеллигенции. Сужение экономических возможностей американского капитализма со всей остротой поставило проблему приоритетов, выбора целей. У многих представителей интеллигенции политический либерализм, терпимость в вопросах морали сочетаются с экономическим консерватизмом⁸⁸. Как показал опрос общественного мнения, проведенный в 1980 г., среди лиц с высшим образованием больше сторонников сокращения государственных расходов, чем в других слоях населения. Но в

⁸⁶ Ibid., 1981, Dec. 28; 1982, Jan. 4, p. 87—88; см. также: Newsweek, 1981, Nov. 23, p. 40.

⁸⁷ Подробнее см.: Мельвилль А. Ю. Социальная философия современного американского консерватизма. М., 1980. См. также: Nation, 1979, Sept. 22, p. 228; Le Monde, 1981, 21 janv., p. 5.

⁸⁸ Politics and the Oval Office, p. 43; US News and World Report, 1980, Febr. 25, p. 68.

зависимости от политических взглядов опрошенных одни выступили за сокращение социальных ассигнований, другие — военных расходов⁸⁹.

Ренессанс консервативной идеологии, реставрация традиционных моделей поведения не означали возвращения к сытой самоуспокоенности первого послевоенного десятилетия. Опыт 60-х годов не прошел бесследно для интеллигенции. Помимо окрепшей уверенности в своих силах, он избавил ее от многих иллюзий. Американский оптимизм, базирующийся на сознании исключительности исторической судьбы, предусмотренной Соединенным Штатам, оказался серьезно подорванным. Экономические и политические потрясения 70-х годов также не настраивали интеллигенцию на радужный лад. Крупнейшие события общественно-политической жизни США середины 70-х годов — Уотергейт, разоблачение незаконной деятельности разведывательных органов — вскрыли опасность чрезмерного сосредоточения власти в отдельных звеньях государственного аппарата, реальную угрозу вырождения буржуазно-демократических институтов в слегка замаскированный тоталитаризм. Кризис системы государственно-монополистического регулирования показал иллюзорность надежд, связанных с расширением функций государства.

Как и в 60-е годы, новые настроения интеллигенции наиболее полно и адекватно выразила студенческая молодежь. В середине 70-х годов после посещения одного из университетских кампусов корреспондент «Монд» писал: «У многих американцев появилось новое групповое сознание, лишившее их уверенности во всем, кроме одного: их страна более не свободна от грехов и пороков Старого Света»⁹⁰.

Углублению понимания природы американского общества молодой интеллигенцией способствовало значительное расширение сферы социального опыта студенчества в последнее десятилетие. Экономические потрясения, высокий уровень инфляции и безработицы, быстрый рост платы за обучение в вузах вынуждают многих студентов в той или иной форме совмещать учебу с работой. Все более широкое вовлечение студентов в сферу трудовых отношений знакомит их на практике с основами полит-

⁸⁹ Public Opinion, 1980. Oct.-Nov., p. 24.

⁹⁰ Le Monde, 1976, 25—26 janv., p. 4.

экономии современного капитализма. Как справедливо отмечает советская исследовательница Л. А. Салычева, «вступление в армию наемных работников еще во время обучения сталкивает студентов со всеми проблемами и трудностями рынка труда, что серьезно влияет на социальную психологию современного американского студенчества»⁹¹. Широкое распространение в 70-е годы системы длительных перерывов в учебе, используемых для приобретения практических навыков и знакомства с реальной жизнью⁹², также способствует расширению общественного кругозора студентов.

Спад демократического движения не означал возвращения к полной пассивности 50-х годов. В 70-е годы в стране активно действовали массовые движения, закаленные в боях предшествующего десятилетия: негритянское, женское. Значительно расширила сферу своей деятельности «Адвокатура в интересах общества» — сеть демократических организаций, созданная в 1964 г. молодым адвокатом Р. Нэйдером для защиты рядовых граждан от произвола монополий и властей. Оформилось движение в защиту окружающей среды, проводились широкие политические кампании. Многие организаторы и активисты демократических движений 70-х годов получили закалку в студенческом движении 60-х годов. Правда, в 70-е годы демократические движения раздроблены и, как правило, не выходят за рамки социально-экономических требований⁹³.

В новых условиях перестроили свою деятельность радикалы. Неудачи политических представителей протестующей Америки — Ю. Маккарти, Р. Кеннеди, Дж. Макговерна — подорвали надежды на быстрое обновление общества. Политически активная часть молодого поколения интеллигенции стремилась найти такие формы борьбы за свои общественные идеалы, которые не позволили бы правящим кругам изолировать ее, используя обстановку временного спада демократического движения. Изменение стратегии отразило и растущее разочарование части радикалов тактикой прямых действий, и стремление преодолеть полосу отчуждения, отделяющую их от страны. В от-

⁹¹ Массовые движения социального протеста в США, с. 266—267.

⁹² См., напр.: Time, 1978, May 22, p. 51.

⁹³ Подробнее см.: Массовые движения социального протеста в США; США: обострение социальных противоречий и массовые демократические движения. М., 1980, гл. 3.

личие от 60-х годов центр тяжести деятельности радикалов сместился на повседневную организационную работу среди масс: на предприятиях, в учреждениях, в рабочих кварталах. Предпринимались также попытки создать общенациональные политические организации, такие, как Новое американское движение или Народная комиссия по празднованию двухсотлетия образования США.

В отличие от их предшественников для радикалов 70-х годов характерно более отчетливое понимание связи различных явлений и процессов, их обусловленность основными социально-экономическими характеристиками американского общества. Характеризуя новый уровень политического сознания радикалов, одна из американских газет писала в середине десятилетия: «Радикалы полагают, что в основе всех проблем Соединенных Штатов лежит одна причина — монополистический капитализм. «Десять лет назад, когда студенческое движение еще только начиналось, мы рассматривали каждую проблему изолированно, — говорит Дэйв Макрейнолдс, сорокапятилетний ветеран движения за гражданские права и против войны во Вьетнаме. — Сейчас мы наконец поняли... что необходимо атаковать сами капиталистические структуры»»⁹⁴.

Несмотря на общий консервативный фон 70-х годов, они стали важной вехой в развитии политического сознания интеллигенции, в расширении и углублении мотивов антимонаполистического протеста растущей армии работников умственного труда. Проведенный в начале 80-х годов опрос студентов показал, что в вузах существует немалый политический потенциал. По своим политическим взглядам студенты скорее тяготеют к либералам, чем консерваторам, особенно когда речь идет о таких проблемах, как права женщин и расовых меньшинств, энергетический кризис, защита среды и потребителей. Очень беспокоит студентов угроза ядерной войны⁹⁵.

Для того чтобы существующий потенциал претворился в активные действия, необходим был «всеобщий предлог», цель, способная объединить различные группировки интеллигенции. Такой целью стала борьба за мир. Усиление агрессивных тенденций американского империализма на рубеже 80-х годов, рост международной

⁹⁴ International Herald Tribune, 1975, Oct. 4—5, p. 1.

US News and World Report, 1981, Dec. 28; 1982, Jan. 4, p. 88; см. также: Political Affairs, 1981, N 7, p. 29—34.

напряженности, угроза ядерной катастрофы всколыхнули общественное мнение страны, активизировали миролюбивые силы. В антивоенных мероприятиях, проведенных в день ветеранов в ноябре 1981 г., в 150 кампусах страны приняло участие 100 тыс. человек⁹⁶. Среди активистов антивоенного движения начала 80-х годов, быстро охватившего всю страну,— много ученых, врачей, религиозных деятелей. Так же как в годы вьетнамской войны, борьба за мир стала важнейшим направлением общественной деятельности интеллигенции.

⁹⁶ Newsweek, 1981, Nov. 23, p. 40.

Глава седьмая

ПОЗНАНИЕ И СОЗНАНИЕ

Роль социологических факторов

Мировоззрение класса или слоя в конечном счете определяется его объективным положением в системе общественных отношений. Раскрытие этой глубинной связи явлений требует от исследователя-марксиста постоянного соотнесения духовной деятельности с объективными характеристиками социального бытия соответствующей макрогруппы. Как правило, он лишен такой возможности из-за отсутствия необходимого эмпирического материала. Например, буржуазные авторы, характеризуя идейно-политические позиции интеллигенции, оставляют в тени основные закономерности процесса формирования политического сознания представителей этого слоя, уделяя особое внимание поискам различных корреляций, порой ничего не дающих для понимания сути явлений. Подобная мистификация в значительной мере облегчается тем обстоятельством, что речь идет о слое, занимающем промежуточное, переходное положение в социальной структуре современного капитализма.

Другим методологическим пороком проводимых в этой области * конкретных исследований является узость и схематизм классификации политических позиций представителей интеллигенции. Как правило, они ограничиваются континуумом «консерватизм — либерализм» с включением одной или нескольких промежуточных градаций,

поредко не раскрывающих реальное содержание отдельных позиций. Все же эмпирический материал, введенный в оборот буржуазными социологами, представляет определенный интерес и для исследователя-марксиста, поскольку он дает возможность охарактеризовать различные стороны процесса формирования политического сознания интеллигенции.

Новый исторический опыт, будучи категорией общезначимой для всего слоя в целом, различными его представителями воспринимается и усваивается по-своему. В этом хаосе восприятий есть своя система, свои закономерности. В Соединенных Штатах в отличие от Европы с ее богатыми традициями идейно-политической борьбы, оставившей глубокий след в коллективной памяти, гораздо большее значение в формировании сознания личности имеют конкретные социальные характеристики индивида.

Конечно, это противопоставление с Европой не абсолютно. Идейно-политические факторы играют немалую роль в формировании сознания массовых отрядов американских трудящихся, особенно интеллигенции. Поэтому речь идет лишь о соотношении идейно-политических и социально-психологических компонентов, о степени влияния тех и других на сознание личности.

Для характеристики влияния жизненных обстоятельств на политические убеждения можно использовать данные конкретных социологических исследований академического персонала. Проведенные Э. Лэддом и С. Липсетом опросы преподавателей вузов показали, что их политические позиции мало определяются социальным происхождением. Авторы пишут: «Мы установили, что, как правило, социальное происхождение слабо влияет на политические взгляды преподавателей... Их политические оценки мало зависят от того, выросли ли они в рабочей семье, где родители не имеют среднего образования, или в семье специалиста с университетским дипломом»¹.

В качестве подтверждения можно привести пример из другой работы тех же авторов. Несмотря на то что, как показывают опросы, проводившиеся в течение нескольких десятилетий, мелкий бизнес не симпатизирует профсоюзам, вузовские преподаватели, дети мелких предпринима-

¹ Ladd E. C., jr., Lipset S. M. *Academics Politics and the 1972 Election*. Wash., 1973, p. 79. См. также: *Idem*. *The Divided Academy*. N. Y., 1975, p. 176.

телей, так же поддерживали колдоговоры и стачки, как их коллеги, вышедшие из рабочей среды².

Несущественность социального происхождения с точки зрения формирования политических взглядов человека интеллектуального труда говорит о слабости, неразвитости политических субкультур различных классов и слоев американского общества, силе идейного влияния буржуазии на массы. В длительном процессе политической социализации, через который проходит интеллигент, значение социального происхождения постепенно сходит на нет.

Сказанное выше не означает, что среда, в которой происходит формирование интеллигента, не играет никакой роли. Большое значение имеет этническая принадлежность, определенная этнокультурная традиция. Анализируя политические позиции академического персонала, вышеназванные авторы установили, что по своим убеждениям представители некоторых расовых и этнических меньшинств (негры, евреи) значительно либеральнее своих коллег³. Даже среди представителей интеллектуальной элиты страны, где этнические различия сглажены и почти незаметны, они порой дают себя знать в политическом сознании и поведении личности⁴.

Основным носителем этнокультурной традиции является семья. Однако ее значение в процессе становления взглядов личности этим не ограничивается. «Идея, что семье принадлежит основная роль в выработке политических установок личности, пользуется широкой поддержкой», — констатирует американский политолог Р. Кэптор⁵.

Правда, в Америке семья играет менее значительную роль в формировании личности, чем в Европе, уступая часть своих прерогатив спонтанно образующимся группам сверстников. Более скептическое отношение к мудрости отцов в Новом Свете, по-видимому, отражает исторический опыт процесса ассимиляции различных этнических групп, необходимой предпосылкой которого были разрыв с прошлым и освоение новой реальности. Сказывается и

² Ladd E. C., jr., Lipset S. M. Professors, Unions and American Higher Education. Berkeley, 1973, p. 37.

³ Ladd E. C., jr., Lipset S. M. The Divided Academy, p. 90, p. 158, Table 42, 161—162, 167, 177; p. 178, Table 55.

⁴ Kadushin Ch. American Intellectual Elite. Boston; Toronto, 1974, p. 134—135.

Cantor R. D. Voting Behavior and Presidential Elections. Itasca, 1975, p. 43.

подвижность, изменчивость американской жизни, быстро обесценивающая прежний опыт. Все же, особенно у потомственных интеллигентов, основы мировоззрения закладываются в семье. Сильное влияние семьи на формирование взглядов представителей интеллигенции, особенно ее политически активной части, отмечают и советские, и американские авторы⁶.

Длительный, интенсивный процесс обучения также накладывает глубокий отпечаток на психологию и сознание личности. С этой точки зрения особенно важны студенческие годы. Как утверждает автор обобщающего труда о значении высшего образования в американском обществе, «многие (но не все) авторитеты рассматривают студенческие годы как период значительного изменения личности и видят в колледже или университете благоприятную среду для развития ее в нужном направлении»⁷.

Сам выбор профессии и вуза — первое серьезное решение человека, вступающего в самостоятельную жизнь, — часто отражает глубинные установки личности. Переход из узкого, замкнутого мирка, ограниченного семьей и общиной, к студенческой жизни с ее богатством и разнообразием интересов способствует духовному раскрепощению личности, росту ее интеллектуальной активности. «Первые два года, — вспоминает М. Дикстайн начало учебы в Колумбийском университете, — я находился в состоянии шока, вызванного широким знакомством с западной литературой и общественной мыслью, а также с художественной жизнью Нью-Йорка, с которой я едва соприкасался в мои отшельнические школьные годы. Это было духовное пробуждение и обращение в новую веру. Классическая культура, игра мысли и шок современного искусства потрясли меня до основания... Я жаждал все прочесть, все увидеть, все узнать. Хотя я еще во многом сохранял прежние религиозные убеждения, светская культура стала моей новой религией со своими каноническими текстами и

Кон И. С. Студенческие волнения и теория «конфликта поколений». — США — экономика, политика, идеология, 1971, № 3, с. 37; Новинская М. И. Исторические традиции и леворадикальное сознание. — Вopr. философии, 1975, № 5, с. 99, 102; Новинская М. И. Студенчество США. М., 1977, с. 112, 117; Keniston K. Young Radicals. N. Y., 1968, p. 54, 62—63, 66; Class and Conflict in American Society / Ed. R. Lejeune. Chicago, 1973, p. 248; Ladd E. C., jr., Lipset S. M. The Divided Academy, p. 115, 181.

⁷ Bowen H. R. Investment in Learning: the Individual and Social Value of American Higher Education. San Francisco, 1978, p. 105.

устной традицией так же, как университет стал для меня вторым домом»⁸.

Пребывание в студенческой среде, свободной и раскованной, подрывает слепую веру в авторитеты, помогает избавиться от многих предрассудков, создает благоприятные условия для развития самостоятельности мышления. Социологические исследования, проводившиеся в течение нескольких десятилетий, показывают, что во время обучения в вузе студенты эволюционируют влево, постепенно пропитываясь либеральным духом академической среды⁹.

Правда, как отмечает Бауэн, в процессе обучения новые взгляды усваиваются студентами скорее как абстрактные идеи, чем личные убеждения¹⁰. Для того чтобы они стали основой поведения, необходим определенный жизненный опыт. Его легче приобрести в периоды подъема демократических движений, которые всегда находят отклик в студенческой среде. Вспоминая свою молодость, которая пришлась на такой период в жизни страны, один из активистов радикального движения 60-х годов охарактеризовал происшедшую с ним метаморфозу следующим образом: «Я начинал свою студенческую жизнь как приверженец демократической партии, дитя средних слоев, продукт пригородной Америки. Когда я кончал колледж, я был членом руководства СДО. Что-то произошло за эти годы, что изменило меня»¹¹. Среди событий второй половины 60-х годов, оказавших на него наиболее сильное влияние, он назвал войну во Вьетнаме и зверское избие-ние активистов антивоенного движения, устроенное полицией в Чикаго в августе 1968 г., когда в городе проходил очередной съезд демократической партии.

Идейно-политический заряд, полученный личностью в студенческие годы, нередко сохраняется на всю жизнь. Он становится одной из основ ее политического сознания и поведения. Среди преподавателей высших учебных заведений, которые вышли из колледжа с левыми убеждениями, 37% охарактеризовали свои взгляды как «левые»,

⁸ Dickstein M. Gates of Eden. N. Y., 1977, p. 251.

⁹ См., напр.: Monsen G., Cannon M. The Makers of Public Policy. American Power Groups and their Ideologies. N. Y., 1965, p. 185—187; Ladd E. C., jr., Lipset S. M. The Divided Academy, p. 181; Bowen H. R. Op. cit. p. 143, 216.

¹⁰ Bowen H. R. Op. cit., p. 125.

¹¹ The Progressive. 1974, Jan., p. 47.

и то время как среди тех, кто в студенческие годы был консерватором, считал себя левым лишь 1%¹². Проведенные в 70-е годы опросы общественного мнения показали, что многие из вчерашних студентов-бунтарей сохранили верность убеждениям своей молодости¹³. Как отмечает С. Липсет, в колледжах и университетах выделяются своей левизной молодые преподаватели социальных и политических наук, идейно сформировавшиеся в 60-е годы¹⁴. Да и в сфере бизнеса «шестидесятники» отличались от своих старших коллег независимостью суждений, склонностью к либеральным взглядам¹⁵.

Данные о голосовании академического персонала подтверждают значимость идейно-политического выбора, сделанного еще в молодые годы. На президентских выборах 1968 г. за кандидатов небольших левых партий и группировок голосовали 15% бывших студентов левой ориентации и менее 1% — консервативного толка. С другой стороны, на тех же выборах Р. Никсона поддерживали 68% последних и менее 7% первых¹⁶. «Существуют убедительные доказательства того, что ранняя политическая социализация очень важна», — отмечают Э. Лэдд и С. Липсет, говоря о значении студенческих лет в формировании идейных позиций лиц интеллектуального труда¹⁷.

В этом отношении интересны фигуры, оказавшиеся на разломе эпох, вступающие в самостоятельную жизнь в переходный период, когда одно поколение сменяется другим. Они являются связующим звеном между ними, хотя не чувствуют себя легко и свободно ни с теми, ни с другими¹⁸.

Общественные взгляды, убеждения личности служат основой ее политического поведения. Это особенно верно в применении к столь идеологизированному социальному образованию, как интеллигенция. Конечно, с годами под влиянием жизненного опыта первоначальный импульс, полученный в молодости, слабеет, особенно если речь идет о левых убеждениях. Как показывают социологиче-

¹² Ladd E. C., jr., Lipset S. M. The Divided Academy, p. 184.

¹³ Public Opinion, 1980, Febr.-March, p. 38—39.

¹⁴ US News and World Report, 1979, Dec. 31, p. 85.

¹⁵ Time, 1978, March 6, p. 38.

¹⁶ Ladd E. C., jr., Lipset S. M. The Divided Academy, p. 182—183, p. 184; Table 57, p. 181.

¹⁷ Ibid., p. 184; см. также: p. 76.

¹⁸ См., напр.: Dickstein M. Op. cit., p. 255.

ские исследования, в Соединенных Штатах возраст является вторым по значению после идеологии фактором, определяющим политическое сознание и поведение лиц интеллектуального труда.

Если пол не оказывает существенного влияния на формирование идейно-политических убеждений личности (вероятно, женщины, стремящиеся овладеть интеллектуальной профессией, в процессе жесткого отбора приспособляются к нормам и требованиям окружающей среды)¹⁹, то возраст выступает как независимая и сильно действующая переменная. Еще в середине 50-х годов американские исследователи П. Лэзарсфелд и В. Тиленс установили, что молодые преподаватели общественных дисциплин гораздо чаще, чем их старшие коллеги, признают за коммунистами и другими радикалами право работать в высших учебных заведениях, свободно исповедуя свои убеждения²⁰. Э. Лэдд и С. Липсет, проведя два широких опроса академического персонала в конце 60-х — начале 70-х годов, также пришли к выводу, что существует прямая зависимость между возрастом и позицией преподавателей по разным вопросам, представляющим общественный интерес: по мере движения от младших к старшим возрастным категориям растет консерватизм, причем наиболее отчетливо это проявляется в подходе к внутриуниверситетским проблемам²¹. В 60-е годы в поведении представителей интеллектуальной элиты США прослеживается та же закономерность: молодежь более чутко, чем старшее поколение, реагировала на наиболее острые проблемы американского общества — расовую и Вьетнам — и проявила большую готовность поддерживать демократические движения²².

¹⁹ В то же время дискриминация, которой постоянно подвергаются женщины в сфере интеллектуального труда, по-видимому, настраивает их на критический лад. Эти настроения усиливаются феминистским движением, получившем широкий размах в 70-е годы. Л. Вильсон отмечает, что среди преподавателей вузов женщины либеральнее мужчин. См.: *Wilson L. American Academics*. N. Y., 1979, p. 194.

²⁰ *Lazarsfeld P. F., Thielens W., jr. The Academic Mind*. Glencoe, 1958, p. 247—250.

²¹ *Ladd E. C., jr., Lipset S. M. The Divided Academy*, p. 187, 190, 215; Table 60, p. 188; Table 61, p. 189; см. также: *Wilson L. Op. cit.*, p. 195.

²² *Kadushin Ch. Op. cit.*, p. 134, 235. Правда, медленнее других в лагерь оппозиции вьетнамской политике правительства переходили

С принадлежностью к определенному поколению связана и острота восприятия тех или иных общественных проблем. В 1970 г. представители интеллектуальной элиты США в списке проблем, стоящих перед страной, на первое место поставили внешнюю политику и отношения между расами. Представители старшего поколения интеллигенции, пережившие начиная с 30-х годов не одну резкую смену внешнеполитического курса США, отдавали приоритет международным делам. Относительно молодая часть элиты, на которую произвело сильное впечатление движение за гражданские права черных американцев, широко развернувшееся в стране начиная с середины 50-х годов, была более всего озабочена расовой проблемой. Она проявляла больший интерес к внутренним проблемам, чем представители старшего поколения, и более активно выступала за проведение экономических и социальных реформ²³.

Подобно семье и вузу в формировании политического сознания человека интеллектуального труда большую роль играет сфера деятельности, которую он выбирает. Выше отмечалось, что выбор точки приложения сил далеко не в последнюю очередь продиктован сложившимися представлениями человека об обществе, в котором он живет, о смысле и цели жизни. Поэтому разные сферы деятельности — бизнес, госаппарат, система образования, наука и культура — привлекают людей с разными идейными установками²⁴. В повседневной трудовой деятельности эти различия усиливаются и закрепляются. В результате каждая сфера имеет свое лицо, отражающее идейно-политические установки, характерные для ее представителей.

Например, американские колледжи и университеты издавна считаются прибежищем вольнодумцев. Наряду со студенчеством персонал высших учебных заведений пользуется репутацией одной из наиболее либеральных группировок. За последние 50 лет накоплен большой фактический материал, показывающий, что по своим политическим убеждениям академическая интеллигенция находится значительно левее центра. Результаты многочисленных опросов, проводившихся начиная с 30-х годов говорят о

ла промежуточная группа, люди в возрасте от 40 до 60 лет. См.: Ibid., p. 134.

²³ Ibid., p. 225, 230, 243, 256, 259; Table 25, p. 249.

²⁴ См., напр.: *Lipset S. M. Political Man*. N. Y., 1960, p. 325.

более либеральном настрое преподавателей колледжей и университетов по сравнению не только с другими представителями средних слоев, но и с рабочими и лицами с низким уровнем доходов. В ходе опроса, проведенного в Чикаго в 1937 г., в поддержку «нового курса» Ф. Д. Рузвельта высказались 84% преподавателей общественных дисциплин и 65% преподавателей естественных наук, 56% рабочих и около 15% юристов, врачей, дантистов и инженеров²⁵. По данным общенационального опроса 60 тыс. преподавателей вузов, проведенного в 1969 г., при оценке претендентов от демократической партии на выборах 1968 г. 31 521 человек отдавал предпочтение либералу Ю. Маккарти и 25 443 — центристу Г. Хэмфри, ставшему официальным кандидатом демократов на пост президента²⁶.

Либерализм вузовского персонала проявляется в различных вопросах внутренней и внешней политики. Только 20% преподавателей, опрошенных весной 1969 г., решительно возражали против утверждения, что «основной причиной негритянских волнений в городах является белый расизм», в то время как по результатам опроса, проведенного институтом Гэллапа в мае 1968 г., 73% белого населения страны и 54% окончивших колледж считали, что там, где они живут, с неграми обращаются «так же, как с белыми»²⁷. Опросы, проведенные Гэллапом и Харрисом в марте 1970 г., показали, что доставку детей в школы на автобусах, одобряло менее 20% населения. Однако в высших учебных заведениях 46% персонала, опрошенного годом раньше, поддерживало эту меру, направленную на ликвидацию расовой дискриминации в сфере образования²⁸.

59% преподавателей, опрошенных в 1969 г., осудили действия чикагской полиции, жестоко расправившейся с участниками антивоенных демонстраций в августе 1968 г. В ходе общенационального опроса, проведенного сотрудниками Центра по исследованию общественного мнения Мичиганского университета в ноябре 1968 г., задавался

²⁵ Ladd E. C., jr., Lipset S. M. *Academics, Politics and 1972 Election*, p. 11—12.

²⁶ Ladd E. C., jr., Lipset S. M. *Professors, Unions and American Higher Education*, p. 14.

²⁷ *Public Opinion Quarterly*, 1968, N 4, p. 699, 700; Ladd E. C., jr., Lipset S. M. *Academics, Politics and the 1972 Election*, p. 15.

²⁸ Ladd E. C., jr., Lipset S. M. *Academics, Politics and the 1972 Election*, p. 15.

аналогичный вопрос. Не одобряли действия полиции 25 % опрошенных, 37 % лиц с высшим образованием и 52 % обладателей ученой степени²⁹.

Академические круги в числе первых выступили против войны во Вьетнаме. В результате общенационального опроса, проведенного в 1966 г., выяснилось, что — в то время как считала ошибкой американское вмешательство во Вьетнаме $\frac{1}{3}$ населения США — среди преподавателей высшей школы 51 % не одобрял вьетнамскую политику правительства. К этому выводу большинство американцев пришли лишь к лету 1968 г., когда стало ясно, что патриотические силы Вьетнама не поставят на колени. По данным опросов, проводившихся в 1969 г., никсоновскую политику «вьетнамизации» войны поддерживали 56 % американцев и только 40 % преподавателей вузов³⁰.

Как показывают опросы, даже среди американских студентов, несмотря на многочисленные антивоенные демонстрации, большинство в течение долгого времени поддерживали вьетнамскую политику правительства. Число студентов, которые считали, что Соединенные Штаты сделали ошибку, начав военные действия во Вьетнаме, достигло 50 % лишь к весне 1968 г. В октябре 1969 г. вьетнамская политика Никсона скорее встречала одобрение, чем неодобрение в студенческой среде (50 % опрошенных — «за», 44 % — «против») ³¹.

Некоторые американские исследователи, признавая, что академические круги склонны к либерализму, тем не менее утверждают, что их либерализм кончается у ворот университетских городков, что они становятся консервативными, когда решаются профессиональные проблемы, непосредственно затрагивающие их интересы. Хотя это наблюдение в определенной степени верно, все же преподаватели занимают более либеральные позиции, чем подавляющее большинство американцев, даже тогда, когда дело касается различных сторон жизни высших учебных заведений. Реакция академического персонала на волну студенческих выступлений, прокатившуюся по университетским городкам в конце 60-х годов, была далеко не единодушной. По данным общенационального опро-

²⁹ Public Opinion Quarterly, 1970, N 1, p. 7; Ladd E. C., jr., *Lipset S. M. Academics, Politics and the 1972 Election*, p. 17.

³⁰ Ladd E. C., jr., *Lipset S. M. Academics, Politics and the 1972 Election*, p. 14.

³¹ *Ibidem*. The Divided Academy, p. 32.

са преподавателей вузов, проведенного в марте 1969 г., 42% опрошенных одобрили студенческие выступления последних лет, в то время как 58% отнеслись к ним отрицательно. Опрос, проведенный в 1972 г., дал аналогичные результаты: 44% — «за», 56% — «против». Большинство преподавателей были обеспокоены нарушениями закона, которыми сопровождались некоторые выступления, особенно нарушением нормальной жизни вуза. В то же время только $\frac{1}{4}$ опрошенных считала, что студенческими демонстрациям «не место в университетских городках»³².

Аналогичные результаты дал социологический опрос, проведенный в крупном университете одного из штатов Среднего Запада весной 1970 г., сразу после того, как университет более десяти дней был закрыт в результате студенческих волнений. Хотя опрошенные разошлись в своих оценках студенческих выступлений, среди преподавателей существовало отчетливо выраженное стремление занять умеренную позицию по отношению к бунтующим студентам. Значительное большинство опрошенных считали, что тактика студентов была некорректной, но администрация должна была пойти навстречу их требованиям³³. Как отмечал А. Турен, столь же раздвоенным было отношение к студенческому движению преподавателей высших учебных заведений многих стран Запада³⁴.

В целом реакция академического персонала на студенческие волнения в кампусах была значительно более терпимой, чем реакция широкой публики (94% опрошенных весной 1969 г. высказались за «более жесткую позицию в отношении студенческих беспорядков») ³⁵. Даже среди лиц с высшим образованием, опрошенных в мае 1970 г., забастовки студентов по политическим мотивам не одобряли 73% (в целом по стране 82%)³⁶. Согласно опросам, проведенным в конце 60-х годов идею участия студентов в принятии решений, затрагивающих различные стороны жизни высшей школы, такие, как учебные программы, порядок перехода на последний курс, требования, предъявляемые к претендентам на степень бакалавра, дисцип-

³² *Iidem*. Academics, Politics and the 1972 Election, p. 17.

³³ Sociology and social research. Los Angeles, 1972, N 4, p. 423.

³⁴ Touraine A. L'université et société aux Etats-Unis. P., 1972, p. 217.

³⁵ Ladd E. C., jr., Lipset S. M. Academics, Politics and the 1972 Election, p. 17.

³⁶ Sondages, 1971, N 3/4, p. 93.

лишарные нормы, поддерживали значительное большинство преподавателей и лишь $\frac{1}{3}$ населения страны³⁷.

Преподаватели довольно точно и объективно оценивают свои политические позиции. В результате первого опроса академического персонала, проведенного в 1966 г. сотрудниками Национального центра изучения общественного мнения при Чикагском университете, было установлено, что 61% считает себя либералами, 28% — консерваторами и 11% заявили, что они «ни те ни другие»³⁸. Два опроса вузовских преподавателей, проведенные Э. Лэддом и С. Липсетом на рубеже 70-х годов, дали аналогичные результаты: около половины причисляли себя к либералам и левым, четверть — к консерваторам и еще четверть занимала промежуточные позиции³⁹. По данным опросов 1969—1970 гг., в среднем 46% персонала высших учебных заведений и только 20% американцев считали, что по своим политическим убеждениям они находятся левее центра⁴⁰. Согласно опросам, в 1977 г. доля либералов в академической среде была значительно больше, чем в среднем по стране (45 и 27%)⁴¹.

«Комплекс левизны» свойствен преподавателям не только американских вузов. Характеризуя свои идейно-политические позиции, преподаватели британских колледжей и университетов дали не менее основательный крен влево, чем их американские коллеги⁴². Как отмечают авторы монографии, посвященной английскому академическому персоналу, «по своим политическим симпатиям университетские преподаватели гораздо ближе к рабочему классу, чем к верхушке средних слоев, к которой они принадлежат по уровню доходов, статусу, образованию, образу жизни и другим объективным показателям социального положения»⁴³. Действительно, в 60-е годы среди

Ladd E. C., jr., Lipset S. M. Academics, Politics and the 1972 Election, p. 18.

³⁸ *Ladd E. C., jr., Lipset S. M. The Divided Academy, p. 26.*

³⁹ *Ibid. Academics, Politics and the 1972 Election, p. 68.*

⁴⁰ *Ibid., p. 15.*

⁴¹ *Public Opinion, 1981, Oct.-Nov., p. 3.*

⁴² *Halsey A. H., Trow M. The British Academics. Cambridge, 1971, p. 403.*

⁴³ *Ibid., p. 400—401; см. также: Williams G. The Academic Labour Market: Economic and Social Aspects of a Profession. N. Y., 1974, p. 409.*

преподавателей британских вузов наибольшей популярностью пользовались лейбористы⁴⁴.

Принадлежность к определенной сфере деятельности, оказывая глубокое влияние на сознание и поведение, конечно, не ведет к полной унификации политических взглядов ее представителей. Будучи огромным сложным образованием, высшая школа содержит в себе предпосылки для выявления целой гаммы политических позиций. За либеральным фасадом колледжей и университетов скрываются глубокие, устойчивые различия в политических позициях представителей разных академических дисциплин. На протяжении нескольких десятилетий значительная часть преподавателей вузов никогда не находилась левее центра. Удельный вес умеренных и консерваторов возрастает по мере движения от социологов и политологов к представителям классических гуманитарных дисциплин, юристам и искусствоведам, далее к естественникам, преподавателям педагогических и медицинских факультетов, затем к школам бизнеса и инженерным школам, факультетам дошкольного воспитания и ведения домашнего хозяйства и, наконец, к сельскохозяйственным факультетам, отличающимся особым консерватизмом. Почти $\frac{2}{3}$ обществоведов с одобрением встретили появление студенческого движения протеста по сравнению с $\frac{2}{3}$ естественников и $\frac{1}{3}$ преподавателей сельскохозяйственных факультетов⁴⁵. Считали себя левыми или либералами 69% обществоведов, 42% естественников и 28% преподавателей прикладных дисциплин (инженерные факультеты, школы бизнеса, сельскохозяйственные факультеты)⁴⁶.

Та раздвоенность академического персонала в отношении бунтующих студентов, о которой говорилось выше, была порождена глубокими идейными расхождениями, существующими внутри высшей школы. В свою очередь отношение к студенческому движению стало новой линией водораздела в академической среде, наложившейся на традиционное деление на либералов и консерваторов.

Аналогичные расхождения между преподавателями разных факультетов проявляются в подходе к решению

⁴⁴ *Williams G.* The Academic Labour Market, p. 405.

⁴⁵ *Ladd E. C., jr., Lipset S. M.* Academics, Politics and the 1972 Election, p. 28.

⁴⁶ *Ladd E. C., jr., Lipset S. M.* Professors, Unions and American Higher Education, p. 39.

других острых проблем высшей школы, таких, как политика вузов в отношении черных американцев, привлечение старшекурсников к управлению колледжами и университетами и т. п. Степень этих расхождений тем больше, чем теснее профессиональные проблемы увязаны с общенациональными, с политической борьбой в масштабе всей страны. Указывая на глубокие расхождения в академическом мире, американские авторы пишут: «Академическая специальность определяет политическую ориентацию преподавателей в такой степени, что ставит под сомнение любое упоминание о единой политике *ученых*. Между социологическими и инженерными факультетами существует такой разрыв в политических позициях и поведении, который можно было бы ожидать только от наиболее полярных социальных групп, существующих в американском обществе»⁴⁷.

Даже между представителями близких, родственных дисциплин существуют устойчивые различия политических взглядов. Социологи, антропологи и психологи существенно левее экономистов и политологов, физики более либеральны, чем химики. Наконец, внутри одной области знания политические позиции варьируются в зависимости от специализации. Например, среди психологов на левом фланге находятся те, кто занимается социальной психологией, в центре — специалисты в области клинической психологии, правее центра — психологи-экспериментаторы.

Глубокие идейно-политические расхождения между преподавателями, работающими в одном вузе и занимающими одинаковое положение в академической иерархии, указывают на существование внутри высшей школы политических субкультур, питательной средой которых служат факультеты определенного профиля.

Объективной основой формирования различных политических группировок в американских колледжах и университетах являются академические дисциплины и связанные с ними области практической деятельности. Подобно основным сферам трудовой деятельности, каждая специальность притягивает людей с разными ценностями и интересами. Молодые либералы, стремящиеся к служению общественному благу, тяготеют к гуманитарным дисциплинам, в то время как их более консервативных и

⁴⁷ Ladd E. C., jr., Lipset S. M. The Divided Academy, p. 92.

не столь идеалистически настроенных сверстников привлекают различные виды профессиональной подготовки, прямо отвечающие потребностям бизнеса.

В процессе обучения — так же как впоследствии в трудовой деятельности — идейно-политические расхождения усиливаются и закрепляются. Не случайно в авангарде студенческого движения 60-х годов шли гуманитарные факультеты⁴⁸. События 1968 г. во Франции подтверждают эту закономерность: инициаторами студенческих выступлений в Нантере, ставших прологом «красного мая», были социологи, психологи и филологи.

Выше отмечалось, что вместе с профессией выбирают и определенный круг знакомств. Работа по специальности предполагает обширную систему связей в академическом мире и вне его. Представители одной профессии, разбросанные по разным уголкам страны, нередко гораздо теснее связаны между собой, чем преподаватели разных дисциплин, работающие в одном вузе. Люди, принадлежащие к определенной профессиональной среде, как правило, близки и по своим жизненным установкам, которые закрепляются в процессе общения и взаимодействия.

В США система высшего образования самым тесным образом связана с различными сферами практической деятельности и испытывает на себе их идейно-политическое влияние. Академическая специальность во многом определяет характер связей и знакомств во внешнем мире. Чем ближе область деятельности к миру бизнеса, тем, как правило, консервативнее ее представители. Так, относительная консервативность химиков по сравнению с физиками не в последнюю очередь объясняется значительно более тесными связями с миром частного предпринимательства, влиянием его ценностей и норм. Химики чаще, чем физики, устраиваются на работу в крупные фирмы. Их исследования чаще сулят быстрый экономический эффект, они скорее способны заинтересовать деловой мир и найти в нем поддержку. Например, в 1968/69 академическом году 10% химиков и лишь 2% физиков, работающих в вузах, получили субсидии от частных фирм на проведение научных исследований⁴⁹.

Поскольку во внешнем мире преподаватели высших учебных заведений в основном связаны с высококвалифи-

⁴⁸ The Journal of Social Issues, 1967, N 3, p. 118.

⁴⁹ Ladd E. C., jr., Lipset S. M. The Divided Academy, p. 72.

цированными специалистами, работающими в той же области, несомненно, что глубокий раскол академического мира, о котором говорилось выше, отражает серьезные идейно-политические расхождения, существующие между представителями разных профессий.

Наконец, само содержание научной деятельности не является идейно нейтральным. Сфера интересов современного вуза широка и многообразна. Она включает в себя различные стороны жизни природы и общества. Работа над определенным кругом проблем постепенно вводит исследователя в особый мир идей и интересов, созданный трудом его предшественников. Она приобщает его к нормам и ценностям профессиональной среды, прививает присущий ей стиль мышления, вырабатывает определенный угол зрения, под которым он смотрит на мир. Так, представители прикладных наук, занятые решением глубоко практических задач, значительно более консервативны, чем их коллеги, ведущие фундаментальные исследования. Их относительный консерватизм во многом определяется большей степенью сопричастности миру бизнеса, о чем говорилось выше. Но и содержание трудовой деятельности накладывает определенный отпечаток на мировоззрение личности. Стремление ученых, ведущих фундаментальные исследования, к свободному поиску истины, к творческому, самостоятельному труду стимулирует развитие неконформистских тенденций в сознании и поведении. Знакомство с величайшими достижениями человеческого гения, которого требует научный поиск, помогает увидеть духовную узость и ограниченность буржуазного утилитаризма.

Одним из показателей удельного веса фундаментальных исследований в той или иной сфере деятельности высшей школы является количество аспирантских программ. Например, в конце 60-х годов 50% преподавателей общей ботаники и лишь 13% преподавателей биохимии работали в высших учебных заведениях, не имеющих аспирантов. Не имея хорошо оборудованных центров подготовки научных кадров, зоологи и ботаники — в отличие от биохимиков — преимущественно занимались учебной, а не исследовательской работой. Такое распределение занятий соответствовало сложившимся предпочтениям тех и других. Среди биологов общего профиля только 26% заявили, что для них наибольший интерес представляет исследовательская работа, по сравнению с 76% биохимиков.

В этой связи американские авторы отмечают, что по своим политическим взглядам биохимики значительно либеральнее, чем зоологи и ботаники, хотя, если сравнивать тех, кто работает в однотипных учебных заведениях, разрыв существенно сократится⁵⁰.

Наряду с содержанием различных видов научной деятельности немалое значение имеет степень их близости к общественно-политическим реалиям. То движение слева направо от социологов к преподавателям сельскохозяйственных факультетов, о котором говорилось выше, в общем и целом отражает постепенное удаление от наиболее животрепещущих проблем американского общества.

Зависимость политических позиций академического персонала от степени и характера общественной ангажированности соответствующих научных дисциплин хорошо видна на примере близких областей знания, таких, как социология, с одной стороны, и политология и экономическая наука — с другой. По роду деятельности экономисты и политологи тяготеют к тем, кто олицетворяет богатство и власть. В центре внимания тех и других находится механизм функционирования социальной системы. Хотя их исследования неизбежно выявляют противоречия между основными принципами, на которых зиждется общество, и его реальной практикой, в своих практических рекомендациях они, как правило, не идут дальше умеренных реформ, направленных на то, чтобы сгладить противоречия идеальной модели и реальности. Будучи прагматиками, они не выдвигают альтернативы существующему порядку вещей.

В отличие от экономиста и политолога внимание социолога в первую очередь привлекают не обезличенные процессы и механизмы, а живые люди с их заботами и стремлениями, страданиями и надеждами. В силу своих профессиональных обязанностей он нередко вынужден обращаться к наиболее неприглядным сторонам действительности. Органические пороки американского общества — власть богатства, социальное неравенство, расовая дискриминация, кризис городов, разгул преступности, наркомания и психические заболевания — знакомы ему не понаслышке, даже если он вырос в обстановке довольства и благополучия.

⁵⁰ Ibid., p. 91.

Весьма характерно, что из среды социологов вышло значительное число леворадикальных и леволиберальных активистов. Отвечая на вопрос о своей партийной идентификации, больше половины (53%) социологов, опрошенных в конце 60-х годов, указали на левое крыло демократической партии. По результатам другого опроса, проведенного среди социологов в 1964 г., число считающих себя социалистами превышало общую численность консервативных и умеренных республиканцев и консервативных демократов⁵¹. Среди интеллектуальной элиты страны социологи также выделяются своим радикализмом⁵².

В силу своего комплексного характера специализация оказывает постоянное влияние на политическое сознание академического персонала. «Раз сформировавшись, (профессиональные — В. К.) субкультуры представляют собой больше, чем просто сумму составных частей. Постепенно создается целая система характерных стилей, интересов, ценностей, традиций, вырабатывается общий подход к различным явлениям общественно-политической жизни, и в этой атмосфере приходит вся трудовая жизнь специалистов», — резюмируют американские авторы⁵³. Даже представители интеллектуальной элиты, давно оставившие углубленные занятия в какой-либо области профессиональной деятельности ради выработки общих идей, предназначенных для распространения среди широких кругов интеллигенции, не могут уйти от влияния своей первоначальной специализации⁵⁴.

В процессе политического самоопределения вузовского персонала академическая специальность взаимодействует с целым рядом других факторов. Многое зависит от идейно-политического микроклимата, существующего внутри учебного заведения. Еще в середине 50-х годов американские исследователи Лэзарсфелд и Тиленс установили прямую зависимость между академическим уровнем вуза и степенью терпимости его преподавателей по отношению к инакомыслию и нестандартному поведению. Старые, престижные университеты, завоевавшие определенную автономию от внешнего мира, известны своим либерализмом. Они притягивают к себе нонконформистски настроен-

⁵¹ Ibid., p. 111—112.

⁵² Kadushin Ch. Op. cit., p. 259.

⁵³ Ladd E. C., jr., Lipset S. M. The Divided Academy, p. 69.

⁵⁴ Kadushin Ch. Op. cit., p. 242.

ных преподавателей и студентов. В обстановке терпимости, выгодно отличающей элитарные вузы, легче живется и работает человеку критического склада ума. Неудивительно, что в общественно-политической жизни США преподаватели лучших колледжей и университетов занимают позиции значительно левее своих коллег, работающих в обычных, заурядных вузах.

Чувствуя себя довольно уверенно, преподаватели элитарных колледжей и университетов критически оценивают академические порядки и предъявляют повышенные требования к администрации. Им более свойственна неудовлетворенность авторитарной системой организации труда, чем, например, преподавателям двухгодичных колледжей⁵⁵.

Даже в таком больном для преподавателей вопросе, как отношение к студенческому движению, реакция академического персонала зависела от характера учебного заведения. Как показал опрос, проведенный более чем в трехстах колледжах и университетах на рубеже 70-х годов, студенческим выступлениям оказывали большую поддержку преподаватели университетов, чем четырех- и двухгодичных колледжей. Чем выше престиж учебного заведения, тем более широкий отклик среди преподавателей встречали бунтующие студенты. Сочувственное отношение преподавателей подбадривало студентов, стимулировало их политическую активность⁵⁶.

Вот еще один пример того, какое значение имеет внутренний микроклимат, существующий в академических учреждениях. В Соединенных Штатах, как и в других развитых капиталистических странах, врачи — один из наиболее консервативных отрядов интеллигенции, известный своей приверженностью принципам свободного предпринимательства. Однако преподаватели медицинских школ настроены довольно либерально. По мнению американских исследователей, одной из основных причин того, что врачи, работающие в системе высшего образования, по политическим убеждениям сильно отличаются от своих практикующих коллег, является воздействие либеральной атмосферы элитарных вузов, где сосредоточены две трети преподавателей-медиков⁵⁷.

⁵⁵ Ladd E. C., jr., Lipset S. M. Professors, Unions and American Higher Education, p. 34.

⁵⁶ Sociology of Education, Albany, 1972, N 1, p. 81, 86, 91.

⁵⁷ Ladd E. C., jr., Lipset S. M. The Divided Academy, p. 91, 257.

Существующие внутри академического персонала различия в уровне престижа дают аналогичный эффект. Наиболее признанные, плодотворно работающие исследователи проявляют большую склонность критиковать слева существующие порядки, чем рядовые науки⁵⁸. Нечто подобное можно наблюдать и среди интеллигенции в целом: по своим политическим взглядам интеллектуальная элита либеральнее любой другой категории лиц интеллектуального труда, включая преподавателей элитарных вузов⁵⁹.

Либеральное кредо ведущих ученых — явление далеко не новое. Первые исследования идейно-психологических установок академического персонала, проведенные психологом Джеймсом Лейба в 1913—1914 гг. и повторно в 1933 г., показали, что религиозные убеждения наиболее известных ученых — как естественников, так и гуманитариев — гораздо слабее, чем у их менее именитых коллег. Более того, Лейба установил, что чем выше уровень научных достижений ученого, тем слабее его вера. Хотя религиозные и политические убеждения — это не одно и то же, многочисленные исследования показывают, что у американцев они тесно связаны между собой: атеизм, как правило, удел свободомыслящих.

Исторический материал также свидетельствует о либерализме ведущих ученых, в этой среде получили идейную оснастку реформистские движения начала века и «новый курс» Рузвельта.

В 1955 г. П. Лэзарсфелд и В. Тиленс провели исследование политических ориентаций ученых-обществоведов и обнаружили прямую зависимость между достигнутым профессиональным уровнем и готовностью активно отстаивать либеральные взгляды. Ведущие ученые-обществоведы периода маккартизма обнаружили наибольшую склонность к участию в политической борьбе и готовность защищать гражданские права коммунистов и других инакомыслящих⁶⁰. Ряд опросов вузовского персонала, проведенных в 60—70-е годы, выявил ту же закономер-

Ibid., p. 145; Table 32, p. 146—147.

Kadushin Ch. Op. cit., p. 27, 347; *Daedalus*, 1972, Summer, p. 147.
Lazarsfeld P., Thielens W. The Academic Mind, Glencoe, 1958, p. 144—146.

ность: «верхи» академической общины неизменно оказывались либеральнее, чем ее «низы»⁶¹.

Либерализм верхушки профессуры Э. Лэдд и С. Липсет объясняют ее высоким интеллектуальным уровнем, близостью по своим общественным функциям к идеальному типу интеллигента — человека культуры, занятого поиском новых оригинальных идей и решений⁶². Конечно, особенности труда ученых накладывают отпечаток на сознание, но подобное объяснение представляется неполным и односторонним. Прежде всего неясно, что причина и что следствие, эволюционирует ли человек влево под влиянием академических успехов, или, наоборот, уровень профессиональных достижений исследователя зависит от его общественно-политических взглядов. Ведь неортодоксальность взглядов, нежелание идти проторенной дорогой часто говорят о натуре незаурядной, способной на многое. Например, среди интеллектуальной элиты США наибольшим престижем пользуются те, кто в студенческие годы был радикалом⁶³.

Даже если исходить из того, что успешная академическая карьера развивает критическое отношение к действительности, то причины этого феномена далеко не ограничиваются характером труда исследователя. Они кроются в особенностях социального опыта этой категории интеллигенции. Научная карьера предполагает постепенное отождествление личности с либеральной политической культурой элитарных вузов, не приемлющей многих установок мира бизнеса. Идеино-политический микроклимат, в котором живут и работают известные ученые, усиливает настроения социального критицизма. Наконец, не последнюю роль играет устойчивость положения ведущих профессоров, которую гарантирует трудовой договор, заключаемый на длительный срок. Справедливости ради надо отметить, что авторы делают заявку на поиск в этом направлении, но она остается нераскрытой⁶⁴.

Высокая степень отождествления с традиционной академической культурой предопределила негативную реакцию многих наиболее плодотворно работающих исследо-

⁶¹ См., напр.: *Social Forces*, 1968, Dec., p. 149; *Minerva*, 1970. Oct., p. 544; *Ladd E. C., jr., Lipset S. M. Academics, Politics and the 1972 Election*, p. 24.

⁶² *Ladd E. C., jr., Lipset S. M. The Divided Academy*, p. 144—145, 149.

⁶³ *Kadushin Ch. Op. cit.*, p. 32.

⁶⁴ *Ladd E. C., jr., Lipset S. M. The Divided Academy*, p. 161.

пителей на студенческие выступления второй половины 60-х годов, грозившие, по их мнению, разрушить тот идеал университета, который был им дорог. Оставаясь либералами в вопросах большой политики, во внутриуниверситетских делах они перешли на консервативные позиции⁶⁵. Их неприятие молодежного движения протеста вписывается в общую реакцию интеллектуальной элиты на культурный нигилизм бунтующих студентов.

Еще менее убедительно выглядит попытка авторов трактовать относительный либерализм научной элиты как свидетельство несостоятельности классового подхода к политическим процессам, происходящим в академическом мире⁶⁶. Конечно, существующие между преподавателями вузов различия в уровне доходов и научном статусе нельзя рассматривать как классовые. Тем более нет оснований, как это делают авторы, превращать классовый анализ политического сознания и поведения в механическое распределение на реформаторов и консерваторов в зависимости от положения в профессиональной таблице о рангах⁶⁷.

Относительная слабость, неопределенность идейно-политических размежеваний в американском обществе повышает значение малых групп в формировании сознания лиц интеллектуального труда. Наличие в социальном положении личности двух или более элементов, действующих в одном направлении и взаимно усиливающих друг друга, определяет ее позиции по широкому кругу вопросов. В зависимости от определенного набора характеристик (возраст, профессия, место работы, этническая принадлежность и т. д.) она оказывается в довольно замкнутом мире, со своими устойчивыми политическими предпочтениями. Например, социолог из элитарного университета вращается в среде, тяготеющей к левому крылу демократической партии, в то время как преподаватель школы бизнеса или инженерного факультета, работающий в захудалом провинциальном вузе, находится в окружении убежденных республиканцев. Даже среди интеллектуальной элиты, довольно независимой в своих суждениях, конкретные особенности положения отдельных ее представителей,

Ibid., p. 215, 216—217, 241; *Kadushin Ch. Op. cit.*, p. 279.

Ladd E. C., jr., Lipset S. M. *The Divided Academy*, p. 146—147, 148, 261.

⁶⁷ Ibid., p. 131—132.

характер их непосредственного окружения играют немалую роль при определении политических позиций⁶⁸

Тот факт, что политические позиции интеллигента можно рассматривать как функцию определенного набора социальных характеристик, говорит о слабости, неразвитости политических субкультур внутри этого слоя. Непомерно высокий удельный вес микросоциологических факторов, не уравновешенных идейно-политическими моментами, в формировании общественного сознания лиц умственного труда — перекося, образовавшийся в результате длительной, устойчивой гегемонии буржуазии в американском обществе.

Особенности сознания

Сознание интеллигенции, как любой другой социальной общности, представляет собой диалектическое единство механизма познания окружающего мира и результатов этого процесса освоения действительности. Если результаты зависят от характера когнитивного механизма, то и он испытывает обратное воздействие содержательной стороны сознания. Так же как и в других сферах деятельности, достижения неразрывно связаны с развитием соответствующих способностей личности, которые требуют постоянного применения. Все же надо начать с характеристики когнитивного механизма человека интеллектуального труда, поскольку она дает возможность лучше понять картину мира, существующую в сознании интеллигенции.

Влияние социологических факторов на сознание интеллигента говорит о взаимосвязи конкретной ситуации, в которой находится человек, и его представлений об окружающем мире, но не раскрывает ее характер. Для того чтобы превратиться в мировоззрение, хаос впечатлений должен быть пропущен через сознание, где он соответствующим образом препарируется и обрабатывается. Процесс познания не является изолированным актом отдельного индивида, он опирается на всю систему связей и отношений человека с внешним миром, которая определяется его объективным положением в обществе. Социальная обусловленность процесса отражения действительности в сознании личности предполагает существование в со-

⁶⁸ *Kadushin Ch. Op. cit.*, p. 135.

примененном буржуазном обществе разных моделей познания мира.

Так, в применении к интеллигенции категория социального опыта отличается известным своеобразием. По своей структуре, соотношению отдельных компонентов социальный опыт человека интеллектуального труда заметно отличается от опыта рабочего, служащего, фермера. Если в формировании сознания представителей других массовых отрядов трудящихся основную роль играет жизненный опыт, полученный в процессе практической деятельности, то для интеллигента большое значение имеет освоение опыта в опосредованных, умозрительных формах: через профессиональную деятельность или на основе информации, полученной из разных источников, среди которых велико значение всякого рода печатной продукции. За счет таких форм освоения опыта его границы значительно расширяются, в нем растет значение культурно-исторического элемента. В то же время опосредованное восприятие действительности, свойственное представителям интеллигенции, создает дополнительные возможности целенаправленной обработки сознания со стороны господствующего класса.

Конечно, соотношение различных компонентов социального опыта меняется в зависимости от категории лиц интеллектуального труда. Представители тех отрядов интеллигенции, которые придавлены грузом материальных забот, например учителя, не могут уделять много времени и сил самообразованию, культурному росту. Напротив, такие относительно привилегированные категории лиц умственного труда, как, например, преподаватели элитарных вузов, легко могут получить полноценную информацию по любому вопросу. Точно так же удельный вес основных составляющих социального опыта лиц интеллектуального труда колеблется в зависимости от общей ситуации в стране: состояние экономики, политическая атмосфера прямо отражаются на характере восприятия представителями интеллигенции явлений действительности. Однако, несмотря на существующее внутри интеллигенции неравенство в отношении доступа к знаниям, культуре и перепады конъюнктуры, в целом индивидуальные возможности самостоятельной оценки событий и явлений общественной жизни, которыми располагают представители этого слоя, значительно шире, чем у других отрядов трудящихся.

Эти возможности создаются образованием. Оно развивает у человека интерес к общественным делам, вкус к политике. Ряд опросов, проведенных в 50—60-е годы, показал, что лица с высшим образованием гораздо больше интересуются общественно-политическими проблемами, чем менее образованные слои населения. Например, среди тех, кому было от 37 до 48 лет, сильный интерес к политике проявляли 27% окончивших начальную школу, 41 — среднюю и 71% — высшую⁶⁹. Неудивительно, что в интеллигентных семьях дети рано приобщаются к политике.

Разжигая интерес, образование одновременно помогает человеку ориентироваться в хитросплетениях общественной жизни. Оно разрушает стереотипы, приучает сопоставлять различные точки зрения, развивает способность логически мыслить, оперировать широкими категориями. Высшая школа развивает аналитические способности, позволяющие разобраться в нюансах позиций различных сторон.

Выработанное еще на студенческой скамье умение перерабатывать и анализировать большой объем информации закрепляется в процессе трудовой деятельности, которая требует непрерывного обновления багажа знаний. Обширный круг связей и знакомств, отличающий человека интеллектуального труда, помогает составить представление о том, что происходит в мире. Те широкие возможности познания жизни, которые открывает современная культура, также в первую очередь доступны представителям интеллигенции.

Конечно, благотворное влияние образования сказывается по-разному в зависимости от человека и той среды, в которой прошли его студенческие годы. Потомственный интеллигент с дипломом гуманитарного факультета элитарного университета обладает иным кругозором, чем сын фермера, получивший инженерное образование в захудалом колледже. Но и тот и другой прошли определенную школу мысли, развивающую в человеке общественную жилку.

Поэтому, несмотря на существенные различия в угле зрения, под которым воспринимают новый социальный опыт лица интеллектуального труда, сам механизм во-

⁶⁹ Hyman H. H., Wright Ch. R., Reed J. Sh. The Enduring Effects of Education. Chicago; London, 1975, p. 88—90, 176—179,

приятия и закрепления в сознании представителей интеллигенции основных реалий общественной жизни имеет много общего. Характерные особенности этого механизма хорошо видны на примере интеллектуальной элиты. Знакомство ее представителей с одной из наиболее острых проблем американского общества — расовой — происходило по-разному. Среди тех, кто проявлял интерес к этой стороне жизни, одна треть узнала о существовании расовой дискриминации на собственном опыте, другая — в результате профессиональных занятий, третья — из сообщений средств массовой информации о первых битвах за расовую интеграцию в государственных школах, маршах протеста, выступлениях студентов, восстаниях в гетто. Принятое в 1954 г. Верховным судом постановление, направленное против сегрегации в системе народного образования, оказало сильное влияние на интеллектуальную элиту страны⁷⁰.

Как показывает приведенный пример, даже для представителей интеллектуальной элиты индивидуальный жизненный опыт служит одной из основных предпосылок формирования политического сознания. Умение человека разглядеть в повседневной жизни общественные драмы и коллизии определяется его кругозором, способностью проникнуть в суть явлений. Образование, раскрепощая и оттачивая ум, дает возможность лучше понять происходящее, увидеть важное и значительное там, где поверхностный взгляд равнодушно скользнет мимо.

Так, прозябание афроамериканцев на положении граждан второго сорта стало тягостным откровением для многих представителей интеллектуальной элиты. Столкновение с расовым неравенством в детстве, во время службы в армии в годы второй мировой войны, в начале трудовой деятельности оставило глубокий след в их душе, заставило задуматься о том, как осуществляются на практике демократические принципы, записанные в американской конституции. Из литературы, посвященной студенческому движению 60-х годов, известно, какое сильное впечатление на его будущих активистов произвело знакомство с жизнью негритянского населения на юге страны.

Столкновение с другими проявлениями социальной несправедливости также способствует пробуждению критического сознания. Одна из активисток антивоенного

Kadushin Ch. Op. cit., p. 265.

движения вспоминает, как во время учебы в аспирантуре она впервые увидела, как живут бедняки: «Неожиданно я поняла, что такое бедность. И это были не книги, а реальная жизнь. Это меня поразило...»⁷¹

Усиление социальных контрастов в условиях плохой экономической конъюнктуры 70-х годов обнажило неприглядные стороны американской действительности. Символом дальнейшей поляризации американского общества стала интеллектуальная столица страны Нью-Йорк, где купающийся в роскоши Манхэттен соседствует с кварталами нищеты. Бывший президент телекомпании Си-Би-Эс А. Тэйлор, ставший руководителем коммерческой организации «Нью-Йоркское партнерство», занимающейся реконструкцией города, заявил корреспонденту «Тайм»: «Нью-Йорк сегодня — это остров несметных богатств, окруженный морем материальных лишений»⁷².

Первостепенная роль, которую играет жизненный опыт в определении общественных позиций представителей американской интеллигенции, во многом объясняется особенностями формирования массового политического сознания в США. Выше отмечалось, что политические устремления американцев сфокусированы в социально-экономической сфере, ограничены материальными интересами. Поэтому в Америке в отличие от Европы политическое сознание личности малодифференцировано от сознания обыденного. События и явления повседневной жизни относительно быстро и легко переводятся на язык политики, разумеется, в привычных для американца формах.

Подобно тому как обыденное сознание и поведение личности питается жизненным опытом родителей и близких, также и политическое сознание и поведение опираются на определенный семейный опыт, семейную традицию. Например, американский исследователь Р. Гиллэм отмечает, что в «Белых воротничках» Р. Миллса преломились история семьи и жизненный опыт автора⁷³

Велико значение определенного комплекса жизненных ценностей и ориентаций и в становлении радикального сознания. Молодые радикалы, с которыми беседовал К. Кенистон, отмечали, что их приход в ряды активи-

⁷¹ Keniston K. Op. cit., p. 126. Аналогичное потрясение пережила в свое время ветеран Компартии США Джессика Смит. См.: Political Affairs, 1982, Apr., p. 33.

⁷² Time, 1980, Aug. 18, p. 16.

⁷³ Theory and Society, 1981, Jan., p. 5, 13.

стов студенческого движения был естественным следствием отказа от стандартной модели поведения, в которой все подчинено погоне за индивидуальным успехом. Медленно, на ощупь выбирая свой жизненный путь, они стали радикалами задолго до того, как осознали себя таковыми.⁷⁴ Советские исследователи, занимавшиеся американскими «новыми левыми», также отмечали, что в основе их протеста лежали морально-этические мотивы, поиски новых жизненных ценностей.⁷⁵

Слитность, нерасчлененность обыденного и политического сознания позволили американским «новым левым» осуществить более полный и органичный синтез политического и культурного радикализма, более адекватно, чем их европейские единомышленники, выразить глубинные потребности и стремления личности в условиях современного капитализма. Обратной стороной характерного для Соединенных Штатов симбиоза обыденного и политического сознания является его неприспособленность к фиксации опыта общественной борьбы в идейно-политических понятиях и категориях. Незакрепленность накопленного опыта в определенной системе взглядов затрудняет развитие антикапиталистических тенденций в общественном сознании, усиливает влияние буржуазной идеологии. История Соединенных Штатов полна примерами быстро возникавших и столь же быстро исчезающих массовых оппозиционных движений. Одним из наиболее свежих примеров такого рода, имеющим непосредственное отношение к нашей теме, является студенческое движение 60-х годов.

Как мы видели, для представителей интеллектуальной элиты страны профессиональная деятельность была столь же важным источником знаний по расовой проблеме, как индивидуальный жизненный опыт. Точно так же каждый третий представитель интеллектуальной элиты определил свою позицию по другой важной проблеме общественно-политической жизни США 60-х годов — вьетнамской — на основе информации, так или иначе связанной с его профессиональной деятельностью.⁷⁶

Интеллигент сталкивается с общественными проблемами и как гражданин, и как специалист. Причем его

⁷⁴ Keniston K. Op. cit., p. 97, 106, 120, 147, 148.

Новинская М. И. Указ. соч., с. 112—113, 145—147; Юлина Н. С. Буржуазные идеологические течения в США. М., 1971, с. 113.

Kadushin Ch. Op. cit., p. 145.

обращение к ним в качестве специалиста дает ему возможность увидеть несостоятельность существующих стереотипов, приблизиться к пониманию реального положения дел. Выше говорилось о том, сколь важную роль играет специальность и связанная с ней область профессиональной деятельности в формировании общественного сознания человека интеллектуального труда. Она определяет характер его интересов, особенно в Соединенных Штатах с их культом профессионализма. Когда представителей интеллектуальной элиты, отличающихся широтой интересов, попросили указать общественную проблему, которой они уделяют наибольшее внимание, половина назвала вопросы, относящиеся к сфере их профессиональной компетенции⁷⁷.

Сфера профессиональной деятельности определяет не только направленность интересов личности, но и ее угол зрения на происходящее. В процессе интенсивного взаимодействия между коллегами вырабатывается общий взгляд на мир. Например, представители технической интеллигенции к обществу подходят с теми же мерками, что и к неодушевленной природе, игнорируя специфику социальных процессов⁷⁸.

Конечно, идейно-политический климат внутри професий не остается неизменным, он испытывает на себе влияние процессов, происходящих в обществе. Формирование больших профессиональных отрядов интеллигенции сопровождалось утверждением корпоративных форм сознания, отражающих противоречивое положение этого слоя: его привилегированный характер по отношению к другим отрядам наемного труда, с одной стороны, и бессилие перед лицом властвующей элиты — с другой⁷⁹. В зави-

⁷⁷ Ibid., p. 246; table 29, p. 251.

⁷⁸ «Как только эти парни (сотрудники атомной лаборатории в Лос-Аламосе.— В. К.) становятся квалифицированными специалистами,— жалуется школьный администратор,— они также становятся теологами, политиками, писателями и урбанистами» (Time, 1979, Dec. 10, p. 14). См. также: The American Journal of Economics and Sociology, 1981, Jan., p. 60.

⁷⁹ В применении к научно-технической интеллигенции советские авторы характеризуют это противоречие следующим образом: «...в сознании этого слоя порой причудливо соединяются характерные для технократического сознания претензии и иллюзии и в то же время настроения недовольства и критицизма. Для «технократов без власти» фетишизация специализированного знания и «новой технологии» (наконец, сама идея «технократической революции», или «власти экспертов») часто является

симости от особенностей социального положения, специфики общественных функций различных категорий интеллигенции корпоративные формы сознания получают соответствующее идейное оформление: служение ученых «чистой науке», «искусство для искусства» у художников, технократические проекты инженерно-технической интеллигенции, отстаивание чиновничеством государственных интересов. Все корпоративные идеологии объединяет стремление изолировать профессиональную деятельность от социального контекста, в котором она реализуется, что позволяет довольно легко их интегрировать в господствующую систему взглядов. Характерный для американской интеллигенции упор на техническую сторону профессиональной деятельности упрощает эту задачу.

В то же время корпоративизм, руководствуясь внутренней логикой профессиональной деятельности, несет в себе зародыши потенциального конфликта с буржуазной системой ценностей, ориентированной на получение прибыли. Присущее корпоративизму стремление поставить во главу угла групповые интересы также знаменует собой известный отход от принципов классического буржуазного индивидуализма.

Корпоративизм получил наиболее полное развитие в мире «свободных профессий», таких, как врачи и юристы. Более молодые отряды лиц интеллектуального труда, например инженеры, духовное формирование которых происходило под влиянием идеологии бизнеса, усваивали ценности и нормы буржуазной среды⁸⁰.

Существуют значительные перепады и внутри отдельных отрядов лиц интеллектуального труда: корпоративный дух особенно силен среди профессиональной элиты.

«Золотым веком», периодом расцвета корпоративных идеологий были 50-е годы. Благодаря своей способности сочетать выражение определенных групповых интересов с политическим конформизмом корпоративные формы сознания служили идейным прибежищем интеллигенции в период маккартизма. Рост в общественном сознании

«превращенной формой» выражения их недовольства прежде всего тем, что они не располагают реальной властью» (*Замосшкин Ю. А., Могрошилова Н. В. «Техницистское» сознание и его эволюция. — США — экономика, политика, идеология, 1975, № 6, с. 24*). Аналогичное противоречие в сознании участников студенческого движения 60-х годов отмечает А. Турен: *Touraine A. Op. cit., p. 220.*

⁸⁰ См., напр.: *Noble D. F. America by Design. N. Y., 1977, p. 42.*

понимания необходимости проведения целого комплекса реформ — систем образования, здравоохранения, социального законодательства и др., — важная роль, которую были призваны сыграть в осуществлении этих реформ представители различных отрядов интеллигенции, не могли не отразиться на корпоративном сознании. Усиление различных форм идейно-политического протеста начиная со второй половины 50-х годов также подрывало внутреннюю замкнутость корпоративного мышления. Студенческое движение 60-х годов, со всей остротой поставившее проблему социальной ответственности интеллигенции, требовало расширения профессиональных горизонтов. Выдвинув новое поколение интеллигенции на авансцену жизни страны, оно способствовало появлению «социального измерения» в корпоративном сознании. Живой интерес к общественным проблемам, стремление выйти за узкопрофессиональные рамки характерны и для определенной части студенчества 70-х годов.

Так же как жизненный опыт, профессиональная деятельность может способствовать появлению критического духа. Один из героев последней книги С. Теркеда «Американские мечты: утраченные и обретенные» рассказывает: «Уже в интернатуре я начал понимать, что дело поставлено не так, как следовало бы. Мне всегда казалось, что любое решение принимается исходя из интересов больного. Но потом я увидел, что для состоятельного пациента подбирается соответствующий хирург. Мне и в голову не могло прийти, что подобные вещи возможны в медицине»⁸¹.

Такой путь радикализации сознания открыт в первую очередь для гуманитариев, которые в своей профессиональной деятельности, как правило, исходят из определенных идейно-политических установок. Так, по собственному признанию, в процессе работы над книгой повлияли и К. Кенистон, и Ч. Кадушин⁸². Но и труд представителей научно-технической интеллигенции может стать источником оппозиционных настроений. Ленин, обращаясь к известному американскому ученому и изобретателю, социалисту по убеждениям, Ч. Штейнмецу, писал: «...Вы, как представитель электротехники и притом в одной из передовых по развитию техники стран, убе-

⁸¹ Цит. по: Лит. газ., 1981, 14 февр., с. 15.

⁸² Keniston K. Op. cit., p. 296; Kadushin Ch. Op. cit., p. VIII.

дились в необходимости и неизбежности замены капитализма новым общественным строем, который установит планомерное регулирование хозяйства и обеспечит благосостояние всей народной массы на основе электрификации целых стран»⁸³.

Однако преодоление корпоративной ограниченности сознания — сложный и длительный процесс. Он зависит от ряда обстоятельств: степени идейной автономии, духовной независимости от давления окружающей среды, характера взаимосвязи профессиональных и общественных проблем, социально-экономического положения соответствующей категории лиц интеллектуального труда, условий профессиональной деятельности, созданных для нее господствующим классом.

Расширение масштабов профессиональной деятельности, распространение ее на различные сферы жизни общества привели к тесному переплетению социальных и профессиональных проблем. Выход за корпоративные рамки сознания и поведения начинается со стремления направить свою профессиональную деятельность на службу общественным, а не частным интересам. Коллективный характер труда подавляющего большинства специалистов, как правило, требует объединения усилий в борьбе за изменение приоритетов профессиональной деятельности. Одной из важнейших предпосылок демократизации тех сфер жизни общества, в которых широко используется интеллектуальный труд, является рост значения специалистов в процессе принятия решений. В 60-е годы бастующие учителя выдвинули лозунг «Предоставить учителям право голоса при решении вопросов школьной политики» и кое-где сумели заставить школьные советы считаться с мнением своих выборных органов⁸⁴.

В 70-е годы трудно было найти такую сферу профессиональной деятельности, в которой не сформировалась группа специалистов, ориентирующихся на служение общественным интересам. О некоторых из них — речь впереди в связи с радикальным движением. Но с точки зрения эволюции профессиональных норм наиболее важными отличительными чертами минувшего десятилетия являются изменение общего социально-психологического климата внутри интеллигентных профессий,

⁸³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 147.

⁸⁴ Малькова З. А. Современная школа США. М., 1971, с. 83.

усиление демократических тенденций, рост сознания своей ответственности перед обществом, стремление способствовать своей деятельностью решению социальных проблем⁸⁵. Даже в инженерных ассоциациях развернулись оживленные дискуссии об ответственности технических специалистов перед обществом, инженеры все чаще прибегают к юридическим средствам защиты общественных интересов от антисоциальной практики бизнеса⁸⁶.

Постепенное освобождение от корпоративных шор ведет к основательной перестройке сознания и поведения личности. Ее профессиональная деятельность наполняется новым содержанием. Молодой юрист, пожертвовавший блестящей карьерой ради того, чтобы стать «адвокатом бедняков», подчеркивает принципиальное отличие своей новой работы от предыдущей: «Я по-прежнему работаю юристом, но это другое... Мы представляем интересы тех, кто стал жертвой полицейского произвола»⁸⁷.

Новое понимание профессионального долга заставляет на многое смотреть по-иному. Тот же юрист, суммируя свой опыт работы в гетто, сказал: «Это дало мне возможность многое увидеть и понять, что происходит в нашем обществе, что делает с человеком система»⁸⁸. В свою очередь трезвое представление об обществе помогает развеять иллюзии корпоративного сознания, в частности его веру в возможность автономного, не выходящего за узкоцеховые рамки решения профессиональных проблем. Один из участников радикального движения, врач-психиатр из Окланда, в 60-е годы помогавший «черным пантерам» создавать медицинские клиники в гетто, заявил, явно имея в виду многочисленные проекты реформы системы здравоохранения, разрабатываемые в США: «Я не думаю, что можно социализировать медицину, не социализировав общество»⁸⁹.

⁸⁵ См., напр.: Кантор Р. Е. 86-е и 87-е годовые собрания американской исторической ассоциации (1971 и 1972 гг.).— *Вопр. истории*, 1973, № 11, с. 171—176; Иконников А. В. В мире американской архитектуры.— *США — экономика, политика, идеология*, 1975, № 6, с. 61; Шестаков В. П. Путешествие в кинематографическую Америку.— *США — экономика, политика, идеология*, 1977, № 1, с. 53; Dickstein M. *Op. cit.*, p. 250; *US News and World Report*, 1980, Febr. 25, p. 67.

⁸⁶ См., напр.: *Iron Age*, 1981, Febr. 11, p. 43—47.

⁸⁷ *Terkel St. Working*. N. Y., 1974, p. 537.

⁸⁸ *Ibid.*, p. 540.

⁸⁹ *International Herald Tribune*, 1975, Oct. 4—5, p. 5.

Конечно, перестройка сознания, освобождение его от корпоративных иллюзий не идут легко и гладко. Над человеком довлеют предрассудки профессиональной среды, он находится под постоянным воздействием буржуазной идеологии. Но, вступив на путь поисков и сомнений, он не сможет вновь бездумно плыть по течению. Как сказал другой герой книги Теркела, рядовой служащий, ставший активным участником антивоенного движения: «Разбудив человека, вы не можете заставить его уснуть»⁹⁰.

Как мы отмечали, третьим источником знаний интеллектуальной элиты по расовой проблеме, по своему значению не уступающим ни индивидуальному жизненному опыту, ни профессиональной деятельности, были средства массовой информации. В современном буржуазном обществе, особенно американском, средства массовой информации играют исключительно важную роль в формировании общественного мнения. Однако отношение представителей интеллигенции к средствам массовой информации несколько иное, чем у «среднего американца». Если для типичного американца основным источником информации является телевидение, то интеллигенты тяготеют к печатному слову⁹¹. 35% представителей интеллектуальной элиты определили свое отношение к вьетнамской войне под влиянием прочитанного и только один человек (из 110) — на основании увиденного на телеэкране⁹².

Один из бывших активистов антивоенного движения, молодой преподаватель лечебной гимнастики из Милуоки, вспоминал почти десять лет спустя, сколь сильное впечатление произвел на него специальный выпуск журнала «Рэмпартс», в котором рассказывалось об использовании напалма против детей во Вьетнаме: «Я никогда не забуду этот номер. Он показал мне с жестокой очевидностью, что значит напалм для вьетнамца. С тех пор напалм всегда предстает передо мной в образе ребенка, на долю которого выпала ужасная смерть или еще более ужасная жизнь»⁹³.

Terkel St. Op. cit., p. 527.

По данным многочисленных опросов 60—70-х годов, лица с высшим образованием проводят у телевизора меньше на 30—40 минут в день, чем остальные американцы. См.: *Public Opinion*, 1981, Oct. / Nov., p. 35.

Kadushin Ch. Op. cit., p. 143, 146.

⁹³ *The Progressive*, 1974, Jan., p. 47.

Стремясь разобраться в происходящем, интеллигент обращается не к массовой печатной продукции; он предпочитает специальную литературу, статьи в журналах с небольшим тиражом, рассчитанных на образованную публику, а также солидную прессу. Например, на рубеже 70-х годов почти 20% представителей интеллектуальной элиты страны сформулировали свою позицию по Вьетнаму главным образом на основе информации, почерпнутой из «Нью-Йорк таймс»⁹⁴. Представители интеллигенции проявляют наибольший интерес к колонкам новостей, репортажам с места событий, аналитическим и редакционным статьям. С теми же мерками они подходят и к телепередачам⁹⁵.

Анонимные материалы не пользуются большим доверием в глазах представителей интеллигенции. Среди авторских материалов — независимо от того, где они напечатаны, — они склонны принять на веру только те, под которыми стоит подпись человека известного и уважаемого в их среде. Как отмечает Ч. Кадушин, отношение представителей интеллигенции к своим источникам информации во многом сохраняет личную окраску, которая была ему свойственна до появления современных средств массовой информации⁹⁶.

В периоды общественного подъема, как, например, в 60-е годы, бурно растущий спрос на информацию ведет к распространению в среде интеллигенции маленьких, неконтролируемых крупным капиталом газет и журналов.

Стремление представителей интеллигенции получить полноценную, объективную информацию по интересующему их вопросу побуждает также обращаться к друзьям и знакомым, которые являются специалистами в данной области. Потребность в квалифицированной оценке специалиста особенно велика, когда речь идет о таких сложных, запутанных проблемах, как, например, многие вопросы внешней или военной политики. Здесь на помощь интеллигенту приходит развитая сеть неформальных связей и коммуникаций, существующая в мире интеллектуального труда. Приток новой информации от специалистов был одной из важнейших причин роста оппозиции вьетнамской политике правительства среди интеллектуальной элиты страны. Не менее 20% ее представителей опреде-

⁹⁴ *Kadushin Ch. Op. cit., p. 141.*

⁹⁵ *Bowen H. R. Op. cit., p. 95.*

⁹⁶ *Kadushin Ch. Op. cit., p. 216.*

лили свое отношение к войне под влиянием друзей и знакомых ⁹⁷.

Благодаря своему избирательному, критическому подходу к средствам массовой информации, способности контролировать — в известных пределах, разумеется, — качество получаемой информации определенная часть интеллигенции оказалась более защищенной, чем другие категории трудящихся, от идейно-психологического воздействия со стороны господствующего класса, осуществляемого по этим каналам ⁹⁸.

Наряду с индивидуальным жизненным опытом, профессиональной деятельностью, обильной информацией, поступающей из разных источников, еще одним важным фактором формирования сознания человека интеллектуального труда является его сопричастность миру культуры. Интерес к культуре, искусству всегда выделял интеллигента в американском обществе, превращая его в «белую ворону». В соответствии с установками американского прагматизма подобные виды деятельности, не сулящие осязаемой выгоды, считались пустой тратой времени, недостойной серьезного человека. Эти установки, ставшие неотъемлемым элементом национальной психологии, оказали глубокое влияние и на интеллигенцию, особенно инженерно-техническую. Неудивительно, что по своему культурному уровню американская интеллигенция, пропитанная духом практицизма, значительно уступает европейской.

Поэтому в Америке для человека умственного труда осознание своей принадлежности к интеллигенции, своей внутренней связи с определенной духовной традицией означает нечто большее, чем простую констатацию реального положения вещей. Взяв в качестве ориентира идеи, гуманистические ценности, выработанные мировой культурой, человек обретает способность противостоять утилитарной философии бизнеса.

Преодоление профессиональной ограниченности, расширение духовных горизонтов во многом зависит от внешних условий, окружающей среды: чем дальше от сферы бизнеса отстоит соответствующая область интеллектуальной деятельности, чем теснее человек связан с миром культуры, тем больше он склонен причислять себя к ин-

⁹⁷ Ibid., p. 126, 145.

⁹⁸ См., напр.: *Вайнштейн Г. И. Американские рабочие: сдвиги в общественном сознании.* М., 1977, с. 86.

теллигенции. Но даже среди преподавателей вузов, опрошенных в 1969 г., только половина согласилась с утверждением: «Я интеллектуал». Однако среди ведущих профессоров-гуманитариев 90% считали себя интеллектуалами⁹⁹. По данным другого опроса, относящегося к середине 70-х годов, только 11% преподавателей вузов полагали, что слово «интеллектуал» лучше всего характеризует их роль¹⁰⁰.

Как и следовало ожидать, проблемы культуры занимают одно из центральных мест в сознании представителей интеллектуальной элиты, особенно тех из них, кто пользуется наибольшим престижем. В списке проблем, стоящих перед страной, ведущие представители интеллигенции отвели культуре и ценностям третье место перед экономическими, социальными, экологическими и другими проблемами¹⁰¹. Своим обостренным интересом к духовной жизни общества они разительно отличались от других элитарных группировок (бизнесмены, профсоюзные боссы, правительственные чиновники, конгрессмены, партийные лидеры, руководители добровольных организаций)¹⁰².

Студенческое движение 60-х годов также подтвердило значение культуры, духовных ценностей в формировании сознания интеллигенции. Многие активисты движения — интеллигенты во втором и третьем поколении¹⁰³. Американские авторы отмечали широту их духовных запросов и интересов, богатство внутреннего мира. Молодые активисты антивоенного движения, с которыми беседовал Кеннистон, рассказывали, что они с детства чувствовали себя непохожими, отличными от своих сверстников, в частности благодаря рано проявившейся у них склонности к серьезной умственной деятельности, которая окрепла с годами¹⁰⁴.

Однако неприятие молодыми радикалами либеральной культуры за ее оторванность от жизни, академизм было воспринято многими властителями дум интеллигенции как нигилизм, вспышка антиинтеллектуализма в своем ста-

⁹⁹ *Kadushin Ch. Op. cit.*, p. 15—16.

¹⁰⁰ *Wilson L. American Academics*, p. 197—198.

¹⁰¹ *Kadushin Ch. Op. cit.*, p. 225.

¹⁰² *Ibid.*, p. 240, 241.

¹⁰³ *Journal of Social Issues*, 1967, N 3, p. 117.

¹⁰⁴ *Keniston K. Op. cit.*, p. 70—72, 82, 88, 174, 176, 209.

не¹⁰⁵. Среди представителей интеллектуальной элиты лозунг контркультуры, выдвинутый бунтующими студентами, поддерживали только люди радикальных убеждений и кое-кто из тех, кто помоложе¹⁰⁶. Конфликт представителей различных поколений, разгоревшийся вокруг проблем культуры, создал труднопреодолимые барьеры между мэтрами-либералами и молодыми радикалами.

Человек интеллектуального труда отличается от «среднего американца» не только источниками формирования политического сознания, но и его структурой. В своем подходе к политике американцы руководствуются стремлением к выгоде, расхожими представлениями и мало используют другие критерии. Столь упрощенный подход к сложным явлениям общественной жизни препятствует развитию более высоких форм политического сознания, способных аккумулировать социальный опыт и выражать его в определенной системе понятий и категорий, призванной стать ориентиром в практической деятельности.

Эта модель сознания получила широкое распространение и среди лиц интеллектуального труда, особенно тех, кто тесно связан с миром бизнеса. Прагматизм мышления, неприязнь к теоретическим построениям всегда отличали американскую интеллигенцию. Сила идейного влияния буржуазии, устойчивое преобладание позитивистских тенденций в американской культуре не способствовали глубокому осмыслению общественных явлений интеллигенцией. В послевоенный период даже среди интеллектуальной элиты господствует прагматический подход¹⁰⁷.

Свойственный американской интеллигенции прагматизм облегчает переваривание буржуазной культурой оппозиционных идейных течений, усиливает конформистскую тенденцию в сознании и поведении этого слоя. Например, в отличие от тех, кто руководствовался идейными или моральными соображениями, прагматики неохотно переходили в ряды оппозиции вьетнамской войне, и, даже сделав это, в основном сохраняли идейные установки периода «холодной войны»¹⁰⁸.

Несмотря на общность философских позиций, прагматизм политического мышления интеллигента нельзя при-

¹⁰⁵ Kadushin Ch. Op. cit., p. 283; Dickstein M. Op. cit., p. 253.

¹⁰⁶ Kadushin Ch. Op. cit., p. 286.

¹⁰⁷ Ibid., p. 162, 175, 248.

¹⁰⁸ Ibid., p. 174, 195.

равнивать к стандартизованному сознанию обывателя. У образованного человека шире кругозор, его сознанию базируется на рациональных предпосылках, он склонен к активному участию в политике, в суждениях чаще опирается на собственный опыт. Широко понимая критерии полезности, он обладает развитым политическим сознанием.

Конечно, прагматизм не является априорной характеристикой американского сознания, унаследованной интеллигенцией. Он утвердился в национальном сознании под влиянием определенного комплекса исторических причин, и сила его воздействия зависит от конкретных обстоятельств. После бурных идейных дебатов 30-х годов прагматический подход восторжествовал в интеллигентной среде в период маккартизма, когда заговорили о «конце идеологии». Появление «новых левых», демократический подъем 60-х годов, оживление идейных споров несколько ослабили прагматический настрой интеллигенции. В начале 70-х годов Ч. Кадушин отмечал некоторые признаки реидеологизации сознания интеллигенции. В частности, он указывал на тот факт, что среди интеллектуальной элиты страны 60% прагматиков противостояли 40% людей идейно убежденных¹⁰⁹. В 70-е годы эта тенденция, по-видимому, сохранилась. Так, по оценкам американских исследователей, в конце 50-х годов идейными соображениями руководствовалась 1/3 лиц с высшим образованием, в конце 70-х — большинство¹¹⁰.

Влияние прагматизма на сознание интеллигенции поддается изнутри его несоответствием социально-психологическим установкам этого слоя. Образование вырабатывает у человека определенную культуру мышления, и в отличие от многих других социальных общностей представители интеллигенции тяготеют к целостному, обладающему внутренним единством взгляду на мир. Такое единство критериев оценки различных общественно-политических явлений может обеспечить только идеология.

Среди интеллигенции тенденция идеологизации сознания и поведения очень отчетливо проявляется в академическом мире. За небольшим исключением (не более 10%) преподаватели вузов проявляют большую последовательность в своем отношении к различным вопросам, пред-

¹⁰⁹ Ibid., p. 175, 233.

¹¹⁰ Campbell A. et al. The American Voter. N. Y., 1960, p. 250; Bowen H. R. Op. cit., p. 147.

ставляющим общественный интерес: идет ли речь о национальных или внутривузовских проблемах, либералы остаются либералами, консерваторы — консерваторами¹¹¹. Например, 80% сочувствующих студенческому движению протеста конца 60-х годов на президентских выборах 1972 г. голосовали за Макговерна, в то время как 70% осуждавших студентов проголосовали за Никсона¹¹². Столь же велики были расхождения по другим вопросам между сторонниками Никсона и Макговерна¹¹³.

Напряженное идейно-политическое противостояние, существующее в академическом мире, чувствуется и в повседневной жизни вузов. При решении многих вопросов политические соображения играют важную роль. Беседуя с корреспондентом влиятельного буржуазного еженедельника Т. Лоуви, политолог из Корнельского университета, заявил: «Тем, кто придерживается других взглядов, говорят, что они не удовлетворяют профессиональным требованиям, и они могут остаться без контракта и работы»¹¹⁴.

Такой же последовательностью идейно-политических позиций отличаются и протестантские священники, причем их общественные взгляды тесно связаны с религиозными убеждениями: и в теологических спорах, и в политических баталиях разделительная черта между либералами и консерваторами проходит одинаково¹¹⁵.

Внутреннее единство различных сторон социального поведения образованного человека, их органическое переплетение, в основе которого лежит определенный комплекс идейно-политических позиций, получили наглядное выражение в лице интеллигентских кружков. Интеллигентские кружки — большие неформальные объединения друзей, знакомых, единомышленников, часто вокруг какого-либо общественно-политического журнала — несут на себе отпечаток исторической ситуации, в которой они возникли, проблем, будораживших тогда общественное сознание. Различные группировки внутри интеллектуальной элиты, которые Ч. Кадушин застал в 1970 г., в основном сложи-

¹¹¹ Ladd E. C., jr., Lipset S. M. *The Divided Academy*, p. 42, 203, 214; Table 67, p. 215.

¹¹² Ibid., p. 233; Table 76, p. 236.

¹¹³ Ladd E. C., jr., Lipset S. M. *Academics, Politics and 1972 Election*, p. 83.

¹¹⁴ US News and World Report, 1978, Nov. 6, p. 64.

¹¹⁵ См., напр.: *Public Opinion Quarterly*, 1970, N 1, p. 46—47.

лись в 40—50-х годах и отражали идейно-политическое деление того времени.

Интеллигентские кружки — фабрики идей, здесь они рождаются, входят в оборот, получают путевку в жизнь. По своему характеру они несколько напоминают политические группировки и в известной мере восполняют отсутствие в Соединенных Штатах развитой политической инфраструктуры.

Стремление ангажированного интеллигента строить жизнь в соответствии с убеждениями наиболее сильно, порой доходя до сектантства, проявляется у представителей политических меньшинств. К. Кенистон отмечает, что, даже не будучи к этому вынужденными обстоятельствами, молодые радикалы замыкались в своем узком круге. На этом тесном пятачке умещалось все — работа, дружба, любовь, развлечения ¹¹⁶.

Высокая степень идеологизации политического сознания многих представителей интеллигенции обеспечивает не только смысловое единство позиций личности по разным вопросам, но и их устойчивость, преемственность во времени. Когда появляется новая общественная проблема, реакцию интеллигента часто можно предсказать исходя из его идейно-политических предпочтений. К началу 70-х годов среди интеллектуальной элиты страны убежденными сторонниками политики правительства в Юго-Восточной Азии оставались только отпетые «ястребы» времен «холодной войны». Все, кто в 50-е годы отрицательно относился к политике «холодной войны», находились в рядах оппозиции ¹¹⁷.

Сам характер мотивов, заставивших человека выступить против вьетнамской политики правительства, также зависел от его отношения к «холодной войне». В свою очередь мотивы, приведшие человека в лагерь оппозиции, определяли те выводы, которые он для себя извлек на будущее. Так закладывалась цепочка, о которой говорилось выше в связи с прагматизмом: бывшие приверженцы политики «холодной войны», во второй половине 60-х годов из прагматических соображений перешедшие на сторону оппозиции (поскольку вьетнамская война не «сработала», не достигла своей цели), сумели, несмотря на провал аме-

¹¹⁶ Keniston K. Op. cit., p. 152.

¹¹⁷ Kadushin Ch. Op. cit., p. 135.

риканской политики во Вьетнаме, в основном сохранить свое видение мира образца 50-х годов.

Устойчивость политических взглядов человека интеллектуального труда, естественно, не означает их неизменности. Новый опыт нередко противоречит сложившимся представлениям, и они не всегда могут выдержать его напор. Здесь многое зависит от реакции человека на новое, от его способности извлекать уроки из пережитого. Например, дальнейшая эволюция убежденных сторонников «холодной войны» во многом определялась их отношением к войне во Вьетнаме. Против продолжения политики «холодной войны» выступали более половины тех, кто считал необходимым немедленно вывести американские войска из Вьетнама, треть тех, кто предлагал провести переговоры, и считанные единицы среди тех, кто был готов воевать до победного конца¹¹⁸. Пересмотр прежних взглядов под влиянием нового опыта воспринимается личностью как **естественный процесс развития, диалектическое отрицание прошлого.**

В то же время без идейного стержня политические взгляды человека носят поверхностный характер и легко меняются в зависимости от обстоятельств. Быстрая смена настроений американского студенчества в послевоенный период во многом объясняется отсутствием прочных убеждений. Как отмечает К. Лэш, среди молодых радикалов конца 60-х годов наиболее последовательными оказались те, кто имел развитое политическое сознание и верил в возможность политического решения проблем, стоящих перед страной¹¹⁹.

К важнейшим особенностям когнитивного механизма человека интеллектуального труда надо отнести широту кругозора. Эта характерная черта общественно-политического сознания интеллигенции прямо связана с всеобщим, универсальным характером умственного труда. В отличие от других отрядов трудящихся основой формирования сознания интеллигенции обычно служат не локальные конфликты и противоречия, а большие общественные проблемы. Так, причиной возникновения студенческого движения второй половины 60-х годов были не узкогрупповые интересы, а коренные противоречия американского обще-

¹¹⁸ Ibid., p. 209.

¹¹⁹ См., напр.: Mondo operaio, 1978, N 3, p. 106.

ства¹²⁰. Даже в тех случаях, когда требования студентов носили весьма ограниченный характер, как, например, во время волнений в Колумбийском университете весной 1968 г., за ними стояли большие общенациональные проблемы¹²¹. Широта духовных горизонтов, способность к сопереживанию отличают и молодых радикалов, героев книги К. Кенистона. Они отождествляют себя со всем человечеством и ищут ответа на основные вопросы нашего времени¹²².

Переходя к содержательной стороне сознания лиц интеллектуального труда, надо сразу отметить его многослойность и противоречивость. Общественное сознание интеллигенции в сжатом, концентрированном виде впитало в себя всю историю страны.

Древнейший, наиболее глубинный пласт американского сознания — религиозный. Как отмечалось выше, в отличие от феодальной Европы религия не противостояла американской буржуазии как сила, тесно связанная со старым порядком. Отсутствие в стране единой церкви, претендующей на монополию в духовной жизни общества, смягчало остроту конфликта светской и религиозной культуры. В американской культуре не утвердилась боевая антиклерикальная традиция. Многочисленные церковные деноминации в целом сохранили свое влияние, и религиозные убеждения, как правило, служат идейно-психологической основой консервативных взглядов. Например, среди преподавателей вузов — независимо от религиозной принадлежности — глубоко верующие люди наиболее консервативны по своим политическим убеждениям¹²³. Не случайно оживление религиозной жизни в США совпадает с периодами общественной апатии. Так было в 20-е и 50-е годы. Усиление религиозных настроений наблюдалось и в 70-е годы, отмеченные спадом демократических движений.

Первостепенное значение религии в общественно-политической жизни США подтвердила и президентская кампания 1976 г., когда обращение к религиозным основам национального сознания помогло малоизвестному по-

¹²⁰ См., напр.: *Students Protest: Annals of the Academy of Political and Social Science* / P. G. Altbach, R. S. Laufer et al. Philadelphia. 1971, p. 41; *Sondages*, 1971, N 3/4, p. 94.

¹²¹ См., напр.: *Dickstein M.* Op. cit., p. 268.

¹²² *Keniston K.* Op. cit., p. 258, 279, 290.

¹²³ *Ladd E. C., jr., Lipset S. M.* *The Divided Academy*, p. 162.

литику из Джорджии Дж. Картеру стать хозяином Белого дома.

В то же время необходимо отметить, что религиозная этика, принципы социального равенства и справедливости, заложенные в раннем христианстве, могут способствовать пробуждению активного политического протеста. Вооруженную борьбу против рабства начали религиозные проповедники Нат Тернер и Джон Браун, пожертвовавшие своей жизнью ради правого дела. На религиозные корни прогрессистского движения указывает К. Лэш¹²⁴. Религия играла значительную роль в формировании духовного облика молодых радикалов 60-х годов¹²⁵. Старый баптистский гимн «Мы преодолеем» стал боевым кличем студенческого движения. В этой связи М. Дикстейн отмечает: «Дух 60-х годов говорил о превращении религиозной утопии в светский гуманизм»¹²⁶. Следы этого превращения остались в утопической окраске сознания, эсхатологической устремленности протестующего студенчества. Видные церковные деятели Соединенных Штатов активно участвуют в массовых демократических движениях послевоенного периода: за гражданские права негритянского населения, за отказ от имперских амбиций, за прекращение гонки вооружений и упрочение мира на земле.

Все же на массовом уровне религия тесно связана с консерватизмом. С этой точки зрения важно отметить, что представители интеллигенции более религиозны, чем рабочие¹²⁷. Однако образование, влияние либеральной академической культуры постепенно подтачивают основы религиозного мировоззрения. По данным одного из опросов, проведенного на рубеже 70-х годов, 32,1% соискателей докторской степени не имели никаких религиозных предпочтений, хотя только 5,7% из них не получили религиозное воспитание¹²⁸. Даже в консервативной среде преуспевающих молодых менеджеров религия явно сдает позиции: большинство считает себя агностиками, т. е. людьми, которым не свойственна институциональная религиозность¹²⁹.

¹²⁴ *Lasch Ch.* The New Radicalism in America. N. Y., 1965, p. 11.

¹²⁵ *Keniston K.* Op. cit., p. 31, 65, 80.

¹²⁶ *Dickstein M.* Op. cit., p. VIII.

¹²⁷ См.: *Фурман Д. Е.* Религия и социальные конфликты в США. М., 1981, с. 182—184.

¹²⁸ *Wilson L.* Op. cit., p. 25.

¹²⁹ *Fortune*, 1980, Apr. 7, p. 84.

Другим важнейшим пластом национального сознания, тесно связанным с его религиозной основой, является совокупность представлений, образующих ядро идеологии «американизма»¹³⁰. Центральное место в этой системе взглядов занимает индивидуализм. Протестантизм, с самого начала задававший тон в американской жизни, акцентировал глубоко личный, не опосредованный церковной иерархией характер веры человека, способствовал утверждению индивидуалистического сознания. В силу ряда особенностей исторического развития Соединенных Штатов, о которых выше шла речь, буржуазный индивидуализм пустил глубокие корни в сознании американцев.

Индивидуализм служит идейно-психологической основой консервативных течений в американской политике. Но на принципах индивидуализма базируется и либеральная, а нередко и социалистическая мысль. В 70-е годы академический мир оказался расколотым предложением ввести специальные квоты, облегчающие доступ в высшие учебные заведения представителям тех категорий населения — негры, чиканос, женщины, — удельный вес которых среди студентов явно недостаточен. Руководствуясь традиционными принципами буржуазной морали, многие видные ученые и литераторы, столпы либеральной мысли, возражали против признания в такой форме определенных прав не за отдельными индивидами, а социальными группами¹³¹. Как показало принятое в 1978 г. Верховным судом США решение по «делу Бакке», объявившее систему квот при приеме в вузы незаконной, их позиция получила широкую поддержку в стране¹³². Индивидуализм, препятствуя развитию «социального измерения» в сознании человека, не дает ему возможность понять внутреннюю закономерность, обусловленность тех или иных событий и явлений.

Индивидуализм, одна из краеугольных основ американского сознания, вовсе не обязательно ведет к общест-

¹³⁰ Анализ этого слоя американского сознания посвящена монография К. С. Гаджиева «США: эволюция буржуазного сознания» (М., 1981).

¹³¹ Один из них, редактор журнала «Комментарии» Н. Подгорец, заявил в интервью: «Я думаю, что ни один принцип не имеет такого значения для американской системы, как идея, что закон должен подходить к людям как отдельным индивидам, а не членам определенной группы» (US News and World Report, 1979, Dec. 24, p. 58).

¹³² См.: Public Opinion, 1978, March-Apr., p. 39—40.

венной пассивности и конформизму. Из этого источника питаются и свободолюбивые, демократические традиции американского народа. Стремление освободиться от пут личной зависимости, стать хозяином своей судьбы гнало людей из феодальной Европы за океан. Представление о самоценности человеческой личности, чувство независимости, собственного достоинства, готовность отстаивать личные права и свободы служат морально-психологической основой оппозиционных движений. Эта тенденция общественного сознания также нашла отражение среди интеллигенции. В оценке негативных сторон американской жизни представители интеллектуальной элиты мало отличались от соотечественников. Однако они проявили бóльшую, чем остальные, озабоченность проблемой гражданских прав и свобод¹³³. Такая же установка существует и в академическом мире. Профессор физики, преподающий в университете на Западном побережье, объясняя, почему он голосовал против Никсона на президентских выборах 1972 г., сказал: «Конституционные права несовместимы с Никсоном». Отвечая на тот же вопрос, психолог, преподающий в университете на юге страны, назвал две основные причины, заставившие его проголосовать против Никсона: «Эрозия свободы слова при Никсоне и произведенные им назначения в состав Верховного суда»¹³⁴.

Другим важнейшим постулатом «американизма» является идея «явного предначертания», особой исторической миссии, выпавшей на долю США. Проведенный в начале 1981 г. в штате Коннектикут опрос показал, что эту точку зрения разделяет подавляющее большинство интеллигенции¹³⁵.

Идеология «американизма» освящает существующий порядок вещей, и отказ от ее догм ведет к радикализации сознания.

В лоне «американизма» развиваются две основные системы взглядов: консерватизм и либерализм. Хотя не всегда можно провести четкую демаркационную линию, отделяющую консерваторов от либералов, между ними сохраняются существенные различия, в первую очередь по

¹³³ *Kadushin Ch. Op. cit.*, p. 232.

¹³⁴ *Ladd E. C., jr., Lipset S. M. Academics, Politics and the 1972 Election*, p. 92.

¹³⁵ *Public Opinion*, 1981, June-July, p. 24.

вопросу о роли государства в жизни общества¹³⁶. Отражая реакцию личности на происходящее, этот пласт сознания обладает гораздо большей подвижностью, чем два предыдущих. Соотношение консерваторов и либералов внутри интеллигенции постоянно меняется в зависимости от политической конъюнктуры. Но в целом для нее характерна глубокая идейно-политическая дифференциация, в частности за счет выделения значительного либерального крыла.

Образование готовит человека к восприятию либеральных идей. Гуманистические идеалы европейской культуры, заложенные в современной системе высшего образования, плохо согласуются с американской действительностью, порождая стремление к переменам. Проведенный в середине 70-х годов опрос студентов показал, что, если среди первокурсников консерваторов и либералов почти поровну (24 и 30%), на последнем курсе явно преобладают либералы (20 и 53%). Правда, в последующие годы этот либеральный дух в значительной мере выветривается. По данным другого опроса начала 70-х годов, доля консерваторов среди дипломированных специалистов и лиц, не имеющих высшего образования, была одинаковой (43 и 42%). Тем не менее интеллигенция выделялась из общей массы относительно высоким удельным весом либералов (32 и 20%). Как отмечает Бауэн, выпускники вузов придерживаются относительно либеральных взглядов по широкому кругу вопросов¹³⁷. Проведенный во время президентских выборов 1980 г. опрос избирателей дал аналогичные результаты. Удельный вес консерваторов среди лиц, учившихся в колледжах и университетах, был таким же, как и в других слоях населения, но доля либералов — в 1,5—2 раза больше¹³⁸.

Действительно, представители интеллигенции нередко проявляют широту подхода к проблеме. Например, в конце 60-х годов выпускники колледжей с большим пониманием и сочувствием, чем другие слои населения, относились к борьбе афроамериканцев за свои права¹³⁹. Прове-

¹³⁶ См. подробнее: Современное политическое сознание в США. М., 1980; *Замошкин Ю. А.* Личность в современной Америке. М., 1980; *Гаджиев К. С.* Эволюция основных течений американской буржуазной идеологии. М., 1982.

¹³⁷ *Bowen H. R.* Op. cit., p. 146, 149.

¹³⁸ Public Opinion, 1981, Febr.-March, p. 21.

¹³⁹ The Public Opinion Quarterly, 1968, N 4, p. 697, 699, 700, 702; 1970, N 1, p. 6.

денный в феврале 1973 г. опрос показал, что лица с высшим образованием чаще, чем остальные, выступают за увеличение государственных ассигнований на социальное развитие (образование, общественный транспорт, охрана среды, социальные пособия, жилищное строительство для малоимущих, здравоохранение). Зато они были сдержаннее других, когда речь шла о расходах на вооружение, автострады, сельское хозяйство¹⁴⁰. Правда, ряд опросов 70-х годов дает более сложную и противоречивую картину. По сравнению с остальным населением учившиеся в колледже либеральнее в одних вопросах (охрана среды, сокращение военных расходов, нормы поведения, отношение к инакомыслящим) и консервативнее в других (национализация, выравнивание доходов, социальные пособия)¹⁴¹.

Носителями либеральных идей являются те категории интеллигенции, которые наиболее активно участвуют в формировании общественного сознания: интеллектуальная элита, академический мир, протестантские священники, работники средств массовой информации. Либерализм более адекватно, чем консерватизм, выражал потребности развития американского капитализма в течение целого исторического периода, начало которому положил «новый курс» Рузвельта. Д. Белл констатирует: «...как идеология либерализм господствует в культуре последних десятилетий»¹⁴².

Конечно, идею государственного регулирования экономических и социальных процессов можно трактовать по-разному, и современный американский либерализм — в зависимости от того, какие его элементы берутся на вооружение, — служит отправной точкой различных моделей политического поведения. Весь послевоенный период был временем интенсивного идейно-политического размежевания среди либералов. Особенно бурно этот процесс шел во второй половине 60-х годов, когда либеральная Америка оказалась расколотой крупнейшими событиями национальной жизни: войной во Вьетнаме и студенческим движением протеста.

¹⁴⁰ Strumpel B., Cowan Ch., Juster F. T., Schmiedeskamp J. Surveys of Consumers 1972—73. Ann Arbor, 1975, p. 66, 71, 74.

Public Opinion, 1980, Febr.-March, p. 38—39; June-July, p. 35; Oct.-Nov., p. 15, 25, 27.

Bell D. The Cultural Contradictions of Capitalism. L., 1976, p. 79.

К общенациональной основе американского сознания надо отнести и продолжающую мелкобуржуазную традицию идеологию «среднего класса», основанную на представлении о достигнутом упорным трудом положении в обществе, которое человек надеется упрочить в будущем. В этой идеологии причудливо переплетаются разные тенденции, она может быть направлена и против верхов, и против низов.

На этот сплав представлений (религия, «американизм», консерватизм или либерализм, мировоззрение «среднего класса»), ставших основой национального сознания, наслаиваются корпоративные идеологии, в которых тоже сосуществуют противоречивые тенденции.

Богатство и разнообразие тенденций, заложенных в сознании американской интеллигенции, не означает, что все они получают одинаковый простор для развития. В зависимости от общественно-политического климата в стране, особенностей индивидуальной судьбы одни тенденции в сознании человека берут верх над другими, оттесняя их на задний план. Если попытаться подвести общий итог этого непрерывно идущего процесса политического самоопределения, то надо сразу отметить умеренность американской интеллигенции, слабость, неразвитость антикапиталистических элементов в ее сознании и поведении. Хотя треть представителей интеллектуальной элиты страны в молодые годы придерживалась радикальных убеждений, к моменту опроса (1970 г.) от их бывшего радикализма мало что осталось¹⁴³. Даже среди склонных к левизне ученых-обществоведов, представителей творческой интеллигенции радикалы составляют незначительное меньшинство¹⁴⁴.

Антикапиталистический настрой — удел небольших, анклавных группировок интеллигенции, сумевших освободиться от духовной тирании буржуазной среды.

Конформизм американской интеллигенции отражает определенный баланс классовых сил, в целом весьма неблагоприятный для боевого крыла рабочего движения. Исключительные трудности, на которые наталкивается борьба за обновление американского общества, порождают у многих критически настроенных представителей интеллигенции чувство бессилия. Уже знакомая нам Нора

¹⁴³ *Kadushin Ch. Op. cit.*, p. 28, 126.

¹⁴⁴ *Ladd E. C., jr., Lipset S. M. The Divided Academy*, p. 122; *Saturday Review*, 1970, Febr. 28, p. 79.

Уотсон говорит: «Вы признаете себя вытесненным на обочину. Человеком, который едва может повлиять на что-либо происходящее в этом обществе... Все, что вам остается,— это, не опускаясь на дно, найти себе нишу, где у вас будет еда, одежда, убежище. Это смерть. Это она и есть»¹⁴⁵. Ей вторит Филип да Винчи, адвокат бедняков: «Кое-что вы можете изменить. Но мы не добились большого прогресса... В ответ на каждый шаг вперед, который мы делаем, нас отбрасывают на четыре назад... Чувство бессилия делает вас душевно больным»¹⁴⁶.

Внутренний баланс общественных сил — малоблагоприятный для радикалов — ухудшается еще больше за счет миграционных процессов. В послевоенный период, особенно в годы вьетнамской войны, многие критически мыслящие американцы покинули родину и обосновались на чужбине¹⁴⁷. Заметно изменился и политический облик иммигрантов, прибывающих в США со всех концов света. Если в XIX в. в Америке нашли вторую родину многие революционеры, бежавшие из Европы, то в XX столетии Соединенные Штаты стали «землей обетованной» для ищущих прибежище представителей всякого рода контрреволюционных движений.

За послевоенный период США приняли более 1,4 млн. беженцев¹⁴⁸. Многие из них, пропитанные злобой и ненавистью к революционным силам современности, принесли с собой искаженный образ внешнего мира, который хорошо ложится на устоявшиеся американские стереотипы.

¹⁴⁵ *Terkel St. Op. cit.*, p. 524.

¹⁴⁶ *Ibid.*, p. 539, 540.

¹⁴⁷ С 1968 по 1978 г. число живущих за границей американцев, среди которых много представителей интеллигенции, увеличилось с 812 тыс. до 1523 тыс. человек (US News and World Report, 1979, March 19, p. 42). Советский журналист, долго работавший во Франции, писал: «Я знал многих представителей интеллигенции США в Париже. Они уехали, разочаровавшись во всем,— писатели, художники, журналисты, кинорежиссеры. Это своего рода протест, тяга к стране, где сильно демократическое движение. Они не рвут с капитализмом, до этого далеко, но рвут с американским капиталистическим обществом. Есть „внутренняя эмиграция“ — люди уезжают в глубокую провинцию, ближе к природе, стараются прекратить все привычные связи с обществом. Я встречал таких на севере, в горах, на одиноких фермах, возле канадской границы. Есть они и в Нью-Йорке» (Раггани Г. Разочарованное общество.— Правда, 1975, 13 дек.).

¹⁴⁸ US News and World Report, 1980, Oct. 13, p. 60.

Однако, несмотря на все трудности, в сознании интеллигенции США развивается леворадикальная тенденция, продолжающая революционно-демократические традиции американского народа. В послевоенный период ее развитие связано с деятельностью «новых левых». Как известно, основными очагами «нового левого» движения были колледжи и университеты. Аккумулятором социального недовольства стала вузовская интеллигенция, находящаяся на средних ступенях иерархической лестницы интеллектуальных профессий и занимающая центральное место в мире умственного труда в том виде, в котором он сложился в Соединенных Штатах. Большое значение имеют высокая степень концентрации академического персонала и постоянное воздействие на него студенческой среды.

В выдвижении на первый план преподавателей вузов сыграли свою роль и социально-политические факторы. Если в первой половине XX в. ядром интеллектуальной оппозиции миру бизнеса были деятели культуры, то в послевоенный период в результате погрома, учиненного маккартистами, распыленности и неорганизованности творческой интеллигенции, вытеснения ее на обочину жизни «массовой культурой», а также вследствие роста влияния и престижа вузов лидирующая роль перешла к академическому персоналу, в первую очередь к представителям новых общественных дисциплин: социологам, политологам, психологам.

Как справедливо отмечалось в советской литературе, органическим пороком «нового левого» движения, ставшим одной из причин его быстрого распада, был стихийный характер. Преобладание эмоционального начала в деятельности «новых левых» подтверждают воспоминания одного из активных участников движения, сына известного дипломата и общественного деятеля Криса Кенна: «Пик моей активности связан с борьбой, разгоревшейся вокруг общественного парка в Беркли. Я был в пикете, и я чувствовал, что мы боремся за правое дело, но я не понимал по-настоящему, что происходит. Я просто чувствовал, что мы правы. Это напоминало вечеринку. Были бурные митинги, в которых участвовал весь кампус. Мы сидели и говорили всю ночь напролет о том, что мы сделаем. Это было захватывающим — настоящее братство. Единственный раз на моей памяти кампус Санта-Крус был действительно единым. Это было удиви-

тельное чувство. Я все еще помню об этом, потому что было очень здорово. Но это было чувство, действовавшее независимо от разума»¹⁴⁹. Примат чувства над разумом, характерный для многих участников «нового левого» движения, ослабил его воздействие на сознание нового поколения интеллигенции.

Тем не менее кризис традиционных основ американского сознания, одним из симптомов которого было появление «новых левых», продолжает углубляться. Серьезные внутренние и внешние потрясения, которые пережили Соединенные Штаты в 60—70-е годы, подорвали американский оптимизм и веру в исключительность своей исторической судьбы. Доверие к общественным институтам упало до рекордно низкого уровня. Данные опросов свидетельствуют, что в среде интеллигенции эти процессы развиваются несколько медленнее, чем в других слоях населения, но существующие различия сравнительно невелики¹⁵⁰. У представителей интеллигенции, склонных к рациональному осмыслению действительности, кризисные явления в американском обществе усиливают интерес к иным формам социальной организации и другим идеологиям. В 60-е годы такую идейную эволюцию проделал известный историк, один из представителей интеллектуальной элиты страны, с которым беседовал Ч. Кадушин. В ходе интервью он сказал: «Под влиянием войны во Вьетнаме, расового кризиса, кризиса городов, всех взаимопереплетающихся кризисов человек — я думаю, это довольно распространенное явление — ощущает потребность в единой точке зрения на все эти проблемы, которые связаны между собой, точке зрения, позволяющей их рассматривать не как изолированные явления... которые надо анализировать поодиночке... а нечто такое, что характеризует саму природу нашего общества. Под влиянием всего этого я и многие другие заинтересовались социализмом и теорией, которая с ним идентифицируется, — марксизмом»¹⁵¹. В 70-е годы в обстановке непрекращающихся экономических трудностей, кризиса государственных институтов, получившего название «уотергейтского дела», влияние марксизма среди интеллигенции продолжа-

¹⁴⁹ Цит. по: *Moyers B. Listening to America*. N. Y., 1972, p. 232.

¹⁵⁰ См., напр.: *Public Opinion*, 1980, Oct.-Nov., p. 25; 1981, June-July, p. 29; *Politics and the Oval Office: Towards Presidential Governance* / Ed. A. J. Meltsner. San Francisco, 1981, p. 51. *Kadushin Ch. Op. cit.*, p. 257.

ло расти. В частности, марксистские идеи распространяются в академической среде¹⁵².

Сдвиги в общественном сознании представителей интеллигенции — особенно если речь идет о его радикализации — не влекут за собой немедленного изменения их политического поведения. Для того чтобы они претворились в активные действия, необходимы определенный внутренний настрой и благоприятные внешние условия. Кенистон на примере своих героев характеризует эти необходимые предпосылки участия личности в борьбе за преобразование общества следующим образом: чувство личной ответственности за происходящее, наличие образцов для подражания среди окружающих, существование тесного круга друзей и единомышленников, на которых можно опереться в трудную минуту, убеждение, что твои усилия не напрасны¹⁵³. Нетрудно заметить, что легче всего они реализуются на практике в периоды общественного подъема наподобие того, который Соединенные Штаты пережили в 60-е годы. Конечно, характеристика Кенистона далеко не полна, она ограничивается психологическими факторами, но в ней намечен механизм включения личности в демократическое движение, перехода от слова к делу.

¹⁵² См.: XXII Национальный съезд Коммунистической партии США. М., 1982, с. 96—97; Political Affairs, 1980, N 12, p. 29—30; US News and World Report, 1978, Nov. 6, p. 64; 1979, Dec. 31, p. 85.

¹⁵³ Keniston K. Op. cit.. p. 133—146.

Глава восьмая

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ

В ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ США

Лица интеллектуального труда и профсоюзы

Хотя представители интеллигенции приобщились к профсоюзному движению в конце прошлого века, массовая юнионизация лиц интеллектуального труда — явление послевоенного периода. Еще в 50-е годы интеллигенция не проявляла большой тяги к профсоюзам. Однако два последние десятилетия заметно изменили традиционную

модель отношений между работником и нанимателем в мире интеллектуального труда.

Капиталистическая рационализация интеллектуального труда, сопровождавшая переход к интенсивной фазе научно-технической революции, заставляет специалистов уделять особое внимание защите своих материальных интересов. С этой целью они все чаще обращаются к испытанным средствам борьбы рабочего класса: профсоюзам, колдоговорам, забастовкам. По данным министерства труда США, в 1970 г. в стране насчитывалось не менее 2568 тыс. «профессиональных и технических работников», объединенных в 92 профессиональных союза¹. К середине 70-х годов число членов этих союзов и ассоциаций увеличилось до 3 млн. человек². Около миллиона из них были членами профсоюзов, входящих в АФТ—КПП³.

В 60—70-е годы быстро растут профсоюзы государственных служащих. Первые профсоюзы служащих госаппарата возникли еще в начале XX в. Однако до начала 60-х годов они не признавались федеральными органами власти. Штаты и местные органы власти вообще не разрешали служащим вести какую-либо профсоюзную деятельность. Президентский указ № 10988, изданный Дж. Кеннеди в 1962 г., за которым последовали соответствующие постановления местных органов власти, санкционировал деятельность профсоюзов и введение системы колдоговоров среди государственных служащих. С 1963 по 1975 г. два крупнейших профсоюза государственных служащих — Американская федерация служащих штатов, графств и муниципалитетов (АФСШГМ) и Американская федерация государственных служащих (АФГС) — увеличили свою численность в 3 раза⁴. На рубеже 80-х годов первая насчитывала 1 млн., вторая — 700 тыс. человек⁵.

В 60—70-е годы юнионизация получила широкое распространение среди крупнейшей категории интеллигенции, учителей. Созданная по инициативе чикагских учителей в 1916 г. Американская федерация учителей (АФУ) — цеховой профсоюз, входящий в Американскую федерацию труда, — вплоть до начала 60-х годов влачила

¹ US News and World Report, 1975, Nov. 10, p. 61.

² Harvard Business Review, 1976, May-June, p. 119.

³ US News and World Report, 1974, Oct. 14, p. 66.

Harvard Business Review, 1976, May-June, p. 120.

US News and World Report, 1979, Aug. 27, p. 18; 1980, June 11, p. 54.

жалкое существование. В 1934 г. она насчитывала только 10 тыс. членов, в 1950 г. — около 35 тыс.⁶ Быстрый рост численности АФУ начался после того, как в 1961 г. ее нью-йоркский филиал, Объединенная федерация учителей, добился права вести коллективные переговоры от имени учителей Нью-Йорка. С 1963 по 1978 г. число членов АФУ увеличилось в 5 раз и достигло 0,5 млн. человек⁷.

В 70-е годы профсоюзное движение распространилось на новые, ранее практически не затронутые сферы интеллектуального труда. Менее чем за десятилетие профсоюзы стали значительной силой в системе высшего образования. В 1968 г. колдоговорами в вузах было охвачено всего 10 тыс. человек, подавляющее большинство которых работало в младших (коммунальных) двухгодичных колледжах⁸. К 1977 г. сфера действия колдоговоров распространилась на 430 высших учебных заведений страны и включала 120 тыс. преподавателей и других специалистов высокой квалификации⁹. Комментируя успехи профсоюзов в высшей школе, Э. Лэдд и С. Липсет пишут: «Если во второй половине 60-х годов наиболее значительными событиями в американских кампусах были студенческие выступления и реакция преподавателей на попытки политизировать академическую жизнь, то в 70-е годы основной проблемой внутренней жизни вузов стала организация преподавателей в профсоюзы и введение системы колдоговоров»¹⁰.

Даже такие привилегированные отряды интеллигенции, как врачи и юристы, оказались захваченными волной юнионизации. В середине 70-х годов различные профсоюзы врачей насчитывали почти 40 тыс. членов¹¹. Сфера действия колдоговоров распространилась также на тысячи юристов, входящих в профсоюзы государственных служащих или независимые профессиональные ассоциации. В середине 70-х годов влиятельный буржуазный ежене-

⁶ Collective Bargaining in Higher Education — the Developing Law / Ed. J. R. Wladeck, S. C. Wladeck. N. Y., 1975, p. 118.

⁷ Harvard Business Review, 1976, May-June, p. 120; US News and World Report, 1978, Sept. 18, p. 79.

⁸ Collective Bargaining in Higher Education — the Developing Law, p. 100.

⁹ Faculty Bargaining in Public Higher Education. San Francisco, 1977, p. 30.

¹⁰ Ladd E. C., jr., Lipset S. M. The Divided Academy. N. Y., 1975, p. 243.

¹¹ US News and World Report, 1975, Nov. 10, p. 61—62.

дельник писал: «В настоящее время врачи и даже юристы носят в кармане профсоюзные билеты. Фактически немногие специалисты остаются глухими к уговорам профсоюзных организаторов. Более того, новообращенные в профсоюзную веру, не колеблясь, прибегают к стачкам для того, чтобы подкрепить свои требования»¹².

Многие традиционные ассоциации специалистов, созданные главным образом для контроля за соблюдением профессиональных и этических норм в соответствующей области интеллектуальной деятельности, постепенно берут на себя заключение колдоговоров и другие функции такого рода, превращаясь по сути, если не по форме, в профсоюз. Наиболее ярким примером эволюции в этом направлении является Национальная ассоциация просвещения (НАП). С момента создания ассоциации в 1857 г. в центре ее внимания были повышение статуса учителей в обществе путем улучшения профессиональной подготовки, установление формальных критериев отбора для желающих заниматься преподаванием и т. д. Однако с начала XX в. НАП уделяет все больше внимания улучшению условий труда и повышению оплаты учителей общественных школ. В 60-е годы под влиянием больших успехов, достигнутых АФУ, она была вынуждена перенять многие ее установки и методы деятельности. В 70-е годы число членов ассоциации быстро растет, и к концу десятилетия НАП, насчитывающая 1,8 млн. человек, стала одним из крупнейших профсоюзов страны¹³.

Другой пример такого рода — Американская ассоциация профессоров университетов (ААПУ), наиболее представительная и влиятельная организация преподавателей вузов. Созданная в 1915 г. ААПУ считала своей основной задачей защиту академических свобод. Столкнувшись с серьезной конкуренцией со стороны АФУ и НАП, распространивших свою деятельность на высшие учебные заведения, ААПУ была вынуждена начиная с 1966 г. в течение нескольких лет полностью изменить свое отношение к коллективным методам борьбы. На своей очередной конференции в 1972 г. ассоциация подавляющим большинством голосов приняла систему коллективных договоров¹⁴.

¹² Ibid., p. 61.

¹³ Ibid., 1978, Sept. 18, p. 79.

¹⁴ Аналогичные процессы происходят в других странах. Например, такую же эволюцию проделала Ассоциация преподавателей университетов, объединяющая около 60% преподавателей англий-

В 70-е годы новые веяния чувствуются и в других ассоциациях специалистов. Еще в начале десятилетия орган деловых кругов журнал «Данс» писал, что члены профессиональных обществ все более настойчиво требуют от своих организаций защитить их материальные интересы¹⁵.

Оценивая степень влияния профсоюзов в мире интеллектуального труда, надо учитывать тот факт, что они представляют не только интересы своих членов. Например, АФГС, насчитывавшая в середине 70-х годов 325 тыс. человек, при заключении коллективных договоров выступала от имени 600 тыс. федеральных служащих¹⁶.

Стремление правящих кругов США переложить бремя экономических тягот на плечи трудящихся вызывает активное противодействие с их стороны. В 60—70-е годы заметным явлением социально-экономической жизни страны стали забастовки лиц интеллектуального труда.

В авангарде забастовочной борьбы американской интеллигенции идут учителя, наиболее низко оплачиваемая категория специалистов. Кривая забастовок учителей пошла вверх с середины 60-х годов и достигла высшей точки в 1968/69 учебном году, когда было зарегистрировано 114 забастовок¹⁷. Этот показатель был перекрыт в 1975/76 учебном году под влиянием наиболее серьезного экономического кризиса за весь послевоенный период. Бастующих учителей поддерживали профсоюзы в Делавэре, Коннектикуте, Иллинойсе¹⁸. В второй половине 70-х годов уровень стачечной борьбы учителей оставался высоким, а 1979/80 учебный год принес новый взрыв активности — 242 забастовки¹⁹.

В своей борьбе учителя далеко не одиноки. С начала 60-х годов заметно активизировались государственные служащие. С 1960 по 1972 г. число забастовок служащих госаппарата выросло более чем в 10 раз: с 36 до 375²⁰. В конце 60-х годов ареной забастовок и пикетов стали такие крупные издательства, как «Мак Гроу-Хилл», «Гроув», «Харпер и Роу». За профсоюзную или полити-

ских университетов. См.: *Halsey A. H., Trow M. The British Academics. Cambridge, 1971, p. 184—189.*

¹⁵ DUN'S, 1972, March, p. 46—48.

¹⁶ Harvard Business Review, 1976, May-June, p. 120.

¹⁷ Малькова З. А. Современная школа США. М., 1971, с. 363.

¹⁸ Междунар. жизнь, 1976, № 6, с. 123.

¹⁹ US News and World Report, 1981, Sept. 7, p. 50.

²⁰ Statistical Abstract of US, 1967. Wash., 1967, p. 249; 1974, p. 369.

ческую деятельность были уволены многие редакторы^{20а}. В середине 70-х годов в стране прошли забастовки медицинских работников, киноактеров, работников радио и телевидения. Забастовку рабочих завода компании «Форд» в Дирборне в сентябре—октябре 1976 г. поддержали более тысячи инженеров и научных работников этого предприятия²¹. В конце 70-х годов бастовали пилоты северо-западных авиалиний, актеры кино, радио и телевидения.

Даже из этого неполного перечня явствует, что забастовки стали обычным явлением в мире интеллектуального труда. Отмечая широкое использование представителями интеллигенции традиционных методов борьбы рабочего класса в последнее десятилетие, профсоюзный журнал писал: «Действительно, рабочее движение 70-х годов включает не только учителей и преподавателей колледжей, но и многие другие категории наемных специалистов — пилотов авиалиний, актеров, художников, инженеров, музыкантов и писателей»²².

Во второй половине 70-х годов стачки лиц интеллектуального труда отличались особым упорством и жесточечностью. Зафиксированы случаи, когда бастующие учителя, не подчинившиеся решению суда о прекращении забастовки, были брошены за решетку, а на их профсоюзы наложены крупные денежные штрафы.

Хотя в этих конфликтах центральное место занимают требования повышения зарплаты, увеличения занятости, улучшения условий труда, объективно они направлены против социально-экономической политики буржуазного государства, ставят под сомнение сложившуюся систему национальных приоритетов.

Быстрый рост профсоюзов специалистов явился результатом серьезных изменений в положении и сознании лиц интеллектуального труда. Будучи различными по своему характеру, они усиливают тягу представителей интеллигенции к коллективным действиям. Для низкооплачиваемых категорий лиц интеллектуального труда решающее значение имел рост необеспеченности материальных условий существования. Плохая конъюнктура на рынке труда, снижение жизненного уровня заставляют многих представителей интеллигенции искать новые пути защиты своих интересов.

^{20а} The New York Times Book Review, 1970, Aug. 16, p. 10.

²¹ Правда, 1976, 14 окт.

²² American Federationist, 1977, N 4, p. 23.

Стремление добиться справедливой оплаты труда всегда было мощным стимулом для вступления в профсоюз. Не случайно первые профсоюзы лиц интеллектуального труда возникли среди наиболее низкооплачиваемых категорий: музыкантов (1896 г.), актеров (1913 г.) и учителей (1916 г.) Журналисты, считающие себя профессионалами высокого класса, в течение нескольких десятилетий сопротивлялись юнионизации, и потребовался шок «великого кризиса» 30-х годов, чтобы заставить их объединиться. Тогда же был создан и профсоюз киноактеров.

Таким образом, в процессе юнионизации была своя закономерность: он начался среди наиболее низкооплачиваемых отрядов интеллигенции (творческая интеллигенция, учителя), затем распространился на промежуточные категории (журналисты, преподаватели колледжей и университетов) и, наконец захватил наиболее доходные, престижные профессии (врачи, юристы).

В послевоенный период обращение представителей различных отрядов интеллигенции к коллективным действиям также часто диктовалось материальной необходимостью. В связи с невиданным подъемом забастовочного движения учителей буржуазный еженедельник писал: «Центральное место во всех этих конфликтах занимает проблема зарплаты. Сейчас учителя зарабатывают в среднем 14 244 долл. в год, и их покупательная способность с трудом поспевает за ростом стоимости жизни»²³. В колледжах и университетах идея коллективной защиты своих интересов нашла отклик у тех, кто находится в наиболее трудных условиях²⁴. Нередко персонал высших учебных заведений обращается к системе колдоговоров, неожиданно оказавшись перед угрозой снижения жизненного уровня в результате режима экономии, осуществляемого властями штата. В то же время одна из основных причин слабого влияния профсоюзов среди инженеров и ученых заключается в том, что они в течение длительного времени находились в относительно благоприятном материальном положении. Наступление предпринимателей на их жизненный уровень началось сравнительно недавно, и сознанию требуется известное время, чтобы освоиться в новой ситуации.

²³ US News and World Report, 1978, Sept. 18, p. 79.

²⁴ Wilson L. American Academics. N. Y., 1979, p. 164.

Другим важнейшим проявлением растущей неустойчивости материального положения лиц интеллектуального труда стали массовые увольнения специалистов в 70-е годы. Трудовые контракты специалистов, как правило, не содержат гарантий рабочего места. Даже в сфере высшего образования, где положение специалистов надежнее, чем в мире бизнеса, его в целом нельзя считать устойчивым. Естественно, что преподаватели без постоянного контракта, не ощущающие твердой почвы под ногами, стремятся объединить свои усилия²⁵. Им импонирует позиция профсоюзов, согласно которой новые назначения надо рассматривать как своего рода проверку, и каждый, кто в течение определенного срока доказал, что он справляется со своими обязанностями, имеет право на постоянный контракт, даже если тем временем на это место объявится более сильный претендент.

Снижение оплаты труда заставило многих представителей интеллигенции отказаться от привычных представлений, изменить отношение к профсоюзам. Один из них, муниципальный служащий из Атланты, заявил корреспонденту «Тайм»: «Всю свою жизнь я был настроен против профсоюзов. Я всегда считал, что специалисты могут сами о себе позаботиться. Но в сегодняшней социально-экономической ситуации вступление в профсоюз — это лучший способ защитить то, что мы имеем»²⁶.

Ухудшение социально-экономического положения лиц интеллектуального труда, необходимость защиты рабочего места, достигнутого жизненного уровня, несомненно, сыграли роль катализатора процесса юнионизации, особенно среди наиболее уязвимых в материальном отношении отрядов интеллигенции. Однако масштабы процесса, его быстрое распространение на новые категории специалистов говорят о том, что обращение лиц интеллектуального труда к коллективным методам борьбы за свои интересы объясняется соображениями принципиального порядка. Оно вызвано фундаментальными сдвигами в положении и сознании представителей интеллигенции, связанными с постепенной утратой индивидуального статуса в условиях ГМК. Создание гигантских комплексов, в которых трудятся сотни и тысячи специалистов, наглядно показывает, что в американском обществе знания и профессиональные

²⁵ Collective Negotiations in Higher Education / Ed. C. R. Hughes et al. Callinville, 1973, p. 40.

²⁶ Time, 1980, Sept. 15, p. 42.

навыки не являются более «редким товаром» и не могут служить предметом законной гордости обладателя. Потеряв былую исключительность и окружающий их ореол, многие интеллектуальные профессии перестали быть символом особого положения в обществе. Это такие же виды деятельности, как и многие другие, не дающие серьезных оснований для профессионального гонора.

Перепроизводство специалистов, в том числе самой высокой квалификации, подрывает позиции интеллигента на рынке труда, лишает его уверенности в будущем. «Независимо от характера нанимающей организации — будь то корпорация, университет или правительственное агентство — немногие внутри нее чувствуют, что они обладают достаточным весом, чтобы самостоятельно строить карьеру или работу», — пишет профсоюзный деятель²⁷.

Под влиянием изменений в объективном положении рушатся социально-психологические барьеры, долгое время разделявшие мир интеллектуального труда и профсоюзы, которые считались пригодными только для рабочих. Например, в середине 70-х годов 60—70% преподавателей вузов высказались в поддержку колдоговоров, за более активную — вплоть до стачек — защиту своих интересов²⁸. Невозможность контролировать свою судьбу, чувство бессилия перед лицом работодателей заставляют людей интеллектуального труда, презрев табу традиционной «профессиональной этики», объединиться, чтобы совместными усилиями отстаивать свои интересы²⁹.

Будучи ответной реакцией на деперсонализацию социально-экономических функций интеллигенции, юнионизация легче всего осуществляется там, где интеллектуальный труд приобрел массовый, стандартизованный характер. Наиболее далеко она зашла среди учителей, которые никогда не считались специалистами высокой квалификации и не имели соответствующего статуса в американском обществе. На рубеже 80-х годов $\frac{2}{3}$ учителей состояли в профсоюзах³⁰. Среди преподавателей высших учебных заведений первыми откликнулись на призыв профсоюзных организаторов те, кто не имея солидной научной

²⁷ Harvard Business Review, 1976, May-June, p. 122.

²⁸ Faculty Bargaining in Public Higher Education, p. 26.

²⁹ Аналогичные социально-психологические процессы происходят среди английской интеллигенции. См.: Песчанский В. В. Служащие в буржуазном обществе. М., 1975, с. 182.

³⁰ US News and World Report, 1980, Sept. 15, p. 14.

репутации, в основном занимался преподавательской работой³¹. Такой тип преподавателя чаще всего встречается в двухгодичных колледжах, и они идут впереди в процессе юнионизации высшей школы³².

Внешним проявлением превращения интеллигента в легко заменимый «винтик» машины государственно-монополистического капитализма являются бюрократизация различных видов интеллектуального труда, низведение специалиста до роли простого исполнителя. Авторитарность системы управления вызывает растущее недовольство среди лиц интеллектуального труда. В середине 70-х годов ведущий теоретический орган мира бизнеса писал: «Беседы с представителями профсоюзов, активно участвующих в организации специалистов, подтверждают, что основной проблемой является недовольство методами руководства и процессом принятия решений»³³. Стремление участвовать в решении производственных задач, в определении своей профессиональной судьбы заставляет представителей интеллигенции все чаще обращаться к профсоюзам. В разговоре с Теркелом Лилит Рэйнолдс, высокопоставленная служащая одного из правительственных агентств, ставшая профсоюзным организатором, сказала: «Мы (имеется в виду местное отделение АФГС.— В. К.) стремимся участвовать в разработке политики... Через профсоюз люди доводят свое мнение до сведения начальства, и оно вынуждено все больше прислушиваться к ним»³⁴.

Быстрое утверждение профсоюзов в сфере высшего образования связано также с изменением механизма управления колледжами и университетами. Появление огромных «мультиверситетов», превращение вузов в «фабрики знаний» неизбежно ведут к бюрократизации, уничтожают дух коллегиальности в отношениях между персоналом и администрацией. Подрыв традиций самоуправления, использование на административных постах профессиональных менеджеров, стремящихся распространить на высшие учебные заведения методы управления, выработанные в мире бизнеса, вызывают серьезное недовольство персонала. Юнионизация в вузах вдохнула новую жизнь в органы самоуправления, академические сенаты.

³¹ Ladd E. C., jr., Lipset S. M. The Divided Academy, p. 253.

³² Faculty Bargaining in Public Higher Education, 1977, p. 25.

³³ Harvard Business Review, 1976, May-June, p. 122.

³⁴ Terkel St. Working. N. Y., 1974, p. 345.

Опираясь на профсоюзы, специалисты стремятся использовать укрепление своих позиций по отношению к нанимателю также для того, чтобы получить возможность честно выполнять профессиональный долг, трудиться, руководствуясь общественными, а не частными интересами.

Обращение специалистов к профсоюзам стимулировалось не только изменениями в сфере интеллектуального труда, но и более широкими процессами, происходящими в американском обществе. По-видимому, быстрое распространение юнионизации среди лиц интеллектуального труда было подготовлено развитием цехового, корпоративного сознания в первой половине XX в. Большое влияние на представителей интеллигенции оказало студенческое движение 60-х годов. На примере студентов они могли лишний раз убедиться в необходимости организации для защиты своих прав и интересов. Мощная эгалитарная, антииерархическая тенденция, которая начиная с середины 60-х годов проявляется в разных сферах жизни американского общества, помогает преодолевать характерную для интеллигенции ориентацию на индивидуальное продвижение.

Определенное значение имеет «эффект имитации», когда приобщение к коллективным методам борьбы одних отрядов интеллигенции влияет на сознание и поведение других. Например, преодолению психологических барьеров на пути юнионизации персонала высших учебных заведений серьезно способствовало наличие в стране профсоюзов журналистов, музыкантов, актеров, инженеров, психологов. Точно так же появление очагов юнионизации в какой-либо области интеллектуальной деятельности облегчает колеблющимся вступление в профсоюз.

Рост влияния профсоюзов в сфере интеллектуального труда наталкивается на сильное сопротивление и происходит весьма неравномерно. Господствующий класс использует все средства, чтобы помешать приобщению интеллигенции к пролетарским методам борьбы за свои права. В его распоряжении мощь монополий и репрессивный аппарат буржуазного государства. Экономический нажим, шантаж, обработка общественного мнения, антипрофсоюзное законодательство — все идет в ход, чтобы отбить у представителей интеллигенции вкус к коллективным действиям.

Антипрофсоюзная кампания истеблишмента находит отклик в среде интеллигенции. Вторжение профсоюзов

вызывает противоречивую реакцию в мире интеллектуального труда. Отношение специалиста к коллективным, организованным действиям определяется прежде всего его общими идейно-политическими установками. С начала XX в. многие известные своим либерализмом ученые, общественные деятели, журналисты выступали за юнионизацию сферы интеллектуального труда и активно участвовали в деятельности профсоюзов. Среди вузовских преподавателей либеральных и радикальных убеждений значительно больше сторонников профсоюзов и пролетарских методов борьбы, чем среди их консервативных коллег³⁵. Быстрому росту профсоюзов государственных служащих способствовало появление в госаппарате новых людей, заметно отличающихся от чиновничества старого образца. Как и в период «нового курса», создание на волне реформистских начинаний 60-х годов правительственных учреждений, призванных способствовать ослаблению социального неравенства (наподобие Управления равных возможностей), привлекло на государственную службу молодых либералов-идеалистов. Вступление в профсоюз было для них естественным шагом, соответствующим внутренним убеждениям³⁶.

Поскольку партийные привязанности определяются раньше, чем отношение к профсоюзу, они влияют на процесс юнионизации: демократу легче найти дорогу в профсоюз, чем республиканцу.

Отношение специалистов к профсоюзам во многом зависит от характера нанимающей организации, ее внутреннего микроклимата. Наибольшие трудности процесс юнионизации лиц интеллектуального труда встречает в сфере бизнеса, известной своим антипрофсоюзным настроением. Инженеры, работающие в государственных учреждениях, гораздо чаще вступают в профсоюз, чем их коллеги из частного сектора. Во второй половине 70-х годов 90% преподавателей вузов, принявших систему коллективных договоров, работали в государственных колледжах и университетах³⁷.

Непопулярность профсоюзов в частном секторе объясняется не только общими установками менеджмента.

³⁵ Ladd E. C., jr., Lipset S. M. *The Divided Academy*, p. 255, 258.

³⁶ О растущей юнионизации служащих социальных ведомств см.: *White Collar and Professional Stress* / Ed. C. L. Cooper, J. Marshall. N. Y., 1980, p. 182—183.

³⁷ *Faculty Bargaining in Public Higher Education*, p. 30.

Идея коллективной защиты своих интересов плохо согласуется с жизненной ориентацией работающих здесь специалистов, сделавших ставку на карьеру, индивидуальное продвижение по иерархической лестнице. Не случайно профессиональные организации ученых и инженеров, основательно пропитанные философией бизнеса, отличаются умеренностью, ориентацией на хозяев, а не на мир наемного труда ³⁸.

Отношение специалиста к профсоюзам в конечном счете определяется его жизненными планами, оценкой своих возможностей, выбором путей и средств достижения поставленных целей. Ориентированные на карьеру больше полагаются на свои силы, чем на коллективные действия. Те, кто лишен возможности продвижения, ищут в профсоюзах точку опоры в борьбе за свои интересы. Так, разное отношение к профсоюзам преподавателей элитарных вузов и двухгодичных колледжей диктовалось различным положением на лестнице успеха. Несмотря на свой либерализм, преуспевающие представители академической общины часто выступают против распространения деятельности профсоюзов на высшую школу. Неприятие ведущими профессорами тред-юнионистских норм объясняется их приверженностью традиционному принципу продвижения, основанному на индивидуальных научных достижениях.

Отказ от традиционных представлений о несовместимости профессионального статуса с принадлежностью к профсоюзу легче дается новому поколению интеллигенции. Например, среди академической молодежи идея юнионизации получила значительно большую поддержку, чем среди преподавателей старшего возраста ³⁹.

В случае, когда есть выбор между несколькими организациями, заключающими коллективные договоры, он определяется теми же факторами, что и само решение вступить в профсоюз. Все, что толкает человека в профсоюз, способствует выбору наиболее боевой организации; все, что препятствует этому шагу, заставляет остановиться на наиболее умеренной.

Утверждение профсоюзов в мире интеллектуального труда, будучи закономерным результатом развития интеллигенции в условиях ГМК, оказывает обратное влия-

³⁸ American Journal of Economics and Sociology, 1981, Jan., p. 58.

³⁹ Ladd E. C., jr., Lipset S. M. The Divided Academy, p. 255.

ние на сознание и поведение этого слоя, способствует преодолению сложившихся стереотипов и устоявшихся предрассудков. Деятельность профсоюзов ставит определенный предел произволу начальства, помогает служилой интеллигенции обрести уверенность в своих силах, чувство собственного достоинства. Новые формы борьбы за свои интересы укрепляют ростки коллективизма в сознании представителей интеллигенции, способствуют объединению усилий ее многочисленных отрядов. Участие в профсоюзной деятельности создает кадры активистов, которые по своим жизненным установкам противостоят идеологии и практике менеджмента.

Появление крупных, влиятельных профсоюзов лиц интеллектуального труда превратило их в значительную силу в рабочем движении и в политической жизни США. Например, Национальная ассоциация просвещения — второй (после водителей грузовиков) по численности профсоюз страны. Годовой бюджет НАП, финансируемый за счет членских взносов, превышает 250 млн. долл. В штаб-квартире ассоциации, разместившейся в шестиэтажном здании вблизи Белого дома, работает 600 человек. В ее распоряжении — 1436 платных организаторов, действующих по всей стране⁴⁰. Массовый приток специалистов в профсоюзы оказывает благотворное влияние на рабочее движение страны, создает благоприятные предпосылки для формирования единого фронта борьбы трудящихся против гнета капитала.

Важно отметить, что сфера влияния представителей интеллигенции в рабочем движении США не ограничивается профсоюзами лиц интеллектуального труда. В 70-е годы в аппарат профсоюзов пришли сотни активистов студенческого движения 60-х годов. Как правило, выходцы из обеспеченных семей, дети «среднего класса», они не думали о профсоюзной карьере. Знакомство с жизнью профсоюзов, историей, традициями рабочего движения стало поворотным пунктом их биографии. Они пришли в профсоюзы, движимые убеждением, что, по словам одного из них, «проблемы, над которыми мы бились в 60-е годы, нельзя решить до тех пор, пока рабочее движение не станет мощной прогрессивной силой, выступающей за преобразование общества»⁴¹. Разбросанные по всей стра-

⁴⁰ US News and World Report, 1979, June 11, p. 71.

⁴¹ Ibid., March 19, p. 79.

не молодые профсоюзные деятели новой формации поддерживают тесные связи друг с другом, образуя, по словам буржуазного еженедельника, «своего рода активистское подполье внутри профсоюзной бюрократии, в которой заправляют более старые и консервативные боссы»⁴². Они борются за демократизацию внутренней жизни профсоюзов, усиление влияния профсоюзов на Юге, права женщин, охрану труда и здоровья рабочих, сокращение рабочего времени.

Они отказываются перейти на службу бизнесу, хотя это сулит увеличение оклада в два-три раза. Один из них заявил: «Я никогда не работал ради денег». Другой выразил общий настрой следующим образом: «Вся моя карьера связана с профсоюзом. Для меня нет работы более значительной, чем вместе с другими бороться против тех сил, которые угрожают их жизни». Свою повседневную деятельность они связывают с определенной исторической перспективой. Раскрывая ее, молодая профсоюзная деятельница из этой когорты сказала: «В рабочем движении я вижу возможность добиться определенной социальной справедливости. Это гораздо больше, чем просто работа»⁴³.

Стремясь найти свое место в классовой борьбе, идущей в американском обществе, другая группа молодых радикалов, бывших активистов студенческого движения, избрала несколько иную линию поведения. Вдохновленные примером легендарных рабочих вожakov Юджина Дебса, Билла Хейвуда, Уильяма Фостера, они предприняли своеобразную попытку «хождения в народ». В 1971 г. в Нью-Йорке 40 молодых радикалов создали Коалицию рядовых таксистов. Осенью 1974 г. платформа коалиции, носившая социалистический характер, собрала 20% голосов членов нью-йоркского профсоюза водителей такси, насчитывающего 25 тыс. человек⁴⁴.

Появление левых интеллигентов в профсоюзной среде — после двадцатилетнего перерыва, вызванного разгулом маккартизма, — способствует вызреванию прогрессивных тенденций в рабочем движении страны.

Приобщение интеллигенции к пролетарским методам борьбы за свои интересы — процесс сложный и противо-

⁴² Ibid.

⁴³ Ibid., p. 80.

⁴⁴ International Herald Tribune, 1975, Oct. 4—5, p. 5.

речивый. Усиление влияния профсоюзов среди специалистов, свидетельствуя о развитии ростков коллективизма, вовсе не означает автоматического перехода лиц интеллектуального труда на последовательно антикапиталистические позиции. Профсоюз может рассматриваться и как средство достижения индивидуальных целей, удовлетворения личных амбиций. Юнионизация может вести к усилению цеховых, корпоративных элементов в сознании и поведении интеллигенции, к яростной защите своих привилегий. Опасность такого рода особенно велика в Соединенных Штатах, где корпоративизм пустил глубокие корни в рабочем движении.

Интеллигенция и партийно-политический механизм

В послевоенный период роль интеллигенции в общественно-политической жизни страны значительно возросла. К традиционным рычагам влияния интеллигенции, связанным с разработкой и распространением идей, формированием общественного мнения, активным участием в массовых движениях, прибавились новые, созданные быстрым ростом этого слоя, превращением умственного труда в важнейший компонент социального механизма. Усиление политического влияния лиц интеллектуального труда происходит на разных уровнях: индивидуальном, групповом, в масштабе всего слоя.

Для характеристики новой политической роли интеллигенции можно использовать материалы избирательных компаний, научное значение которых высоко ценил Ленин⁴⁴. Бурный рост интеллигенции, превращение ее в третью по величине (после рабочих и рядовых служащих) категорию трудящихся, придает ей немалый вес в избирательном процессе, в ожесточенной борьбе за всякого рода выборные должности, которая постоянно идет в американском обществе. Удельный вес представителей интеллигенции особенно велик в местах концентрации лиц интеллектуального труда, например в университетских городках.

Значение интеллигенции в избирательном процессе еще больше увеличивается благодаря ее высокой политической активности. Вкус к участию в избирательных

⁴⁴ См., напр.: *Ленин В. И. Полн. собр. соч.*, т. 22, с. 331.

кампаниях прививается американцам еще в школе. Среди поступающих в вуз немало людей с политическими амбициями. За время учебы в колледже они приобретают необходимые навыки. Неудивительно, что лица с высшим образованием не проявляют такой отчужденности в отношении политики, как рядовые американцы. Они принимают активное участие во всех перипетиях избирательных кампаний: выдвижение кандидатов, сбор средств, агитация среди избирателей, собрания партийного актива, первичные выборы, голосование на выборах. Среди дипломированных специалистов доля регулярно вносящих политические пожертвования в 4 раза выше, чем среди тех, кто не получил начального образования⁴⁵. По данным опроса, проведенного в 1976 г., всегда принимали участие в президентских выборах 43% лиц со средним образованием и 71% — с высшим⁴⁶. В статье, напечатанной в «Нью-Йорк таймс» в разгар избирательной кампании 1980 г., известные американские политологи, авторы книги «Кто голосует?» Р. Вольфингер и С. Розенстоун, отмечают, что на долю лиц с высшим образованием, составляющих менее 12% населения, приходится почти 16% участвующих в выборах⁴⁷.

Значение политической активности интеллигенции увеличивается в связи с кризисом двухпартийной системы. В последние десятилетия две основные партии США — демократическая и республиканская — постепенно утрачивают контроль над избирателем. Ослабление традиционных партийных привязанностей, появление большого контингента независимых избирателей создают благоприятные условия для проявления политической инициативы со стороны небольших, но хорошо организованных групп. Широкое распространение системы первичных выборов (праймериз) также развязывает инициативу снизу. Представители интеллигенции стремятся использовать открывшиеся возможности для организации массовой поддержки близких им по духу кандидатов. Они принимают активное участие в борьбе за политическую власть вплоть до ее высших эшелонов, нередко действуя вопреки воле

⁴⁵ The Annals, 1976, May, p. 20.

⁴⁶ Public Opinion, 1980, Apr.-May, p. 34; см. также: *Key V. O. Politics, Parties and Pressure Groups*. N. Y., 1964, p. 587; *Annals of the American Academy of Political and Social Science*, 1974, Sept., p. 92; *Statistical Abstract of U. S.*, 1977, p. 508.

⁴⁷ New York Times, 1980, May 29, p. A-23.

партийных боссов. Партийные активисты из числа интеллигентов были душой избирательных кампаний видных политических деятелей США — Б. Голдуотера, Ю. Маккарти, Дж. Макговерна, Д. Андерсона, — в разное время претендовавших на роль хозяина Белого дома⁴⁸.

Широкое участие представителей интеллигенции наложило свой отпечаток на характер этих кампаний. В отличие от кампаний многих других претендентов они развивались не сверху, а снизу, не путем закулисных сделок партийных боссов, а благодаря энергичной деятельности партийного актива. «Низовой» характер избирательных кампаний вышеназванных претендентов подтверждается данными об источниках финансирования. Львиная доля средств на проведение этих кампаний была получена за счет небольших индивидуальных пожертвований. Например, общие суммы взносов, собранных Макговерном и Никсоном после 7 апреля 1972 г. (т. е. после того, как вступил в силу закон о финансировании общенациональных избирательных кампаний, принятый в 1971 г. — *В. К.*), были практически равными (около 43 млн. долл.), но у Макговерна 69,8% собранных средств приходилось на долю небольших (до 100 долл.) пожертвований, у Никсона — только 13,2⁴⁹. Исключительно важная роль, которую сыграли небольшие индивидуальные пожертвования в финансировании избирательных кампаний Б. Голдуотера, Ю. Маккарти, Дж. Макговерна, Д. Андерсона, является показателем небывалой активности рядовых сторонников этих претендентов: общее число мелких доноров, своими взносами поддержавших Б. Голдуотера, достигло 650 тыс., Ю. Маккарти — 150 тыс. Дж. Макговерна — 600 тыс. — 1 млн., Д. Андерсона — 217 тыс. человек⁵⁰.

Другими характерными чертами, выделяющей эти кампании на общем фоне политической жизни США, являются их четкая идейная направленность, тесная связь

⁴⁸ См., напр.: *Schlesinger S. C. The New Reformers. Boston, 1975, ch. 5.*

⁴⁹ *Adamany D. W., Agree G. E. Political Money. A Strategy for Campaign Financing in America. Baltimore; London, 1975, p. 32.* Тесную связь Никсона с обладателями крупных состояний подтверждает тот факт, что в 1972 г. 153 человека внесли в фонд его избирательной кампании 20 млн. долл.: *US News and World Report, 1980, Sept. 29, p. 25.*

⁵⁰ *Alexander H. E. Financing the 1968 Election. Lexington, 1971, p. 44; Annals, 1976, May, p. 22; Time, 1980, Nov. 17, p. 30.*

предвыборных платформ претендентов с определенными тенденциями массового сознания: консервативной — у Голдуотера, либерально-демократической — у Маккарти и Макговерна, либеральной — у Андерсона. Опыт президентских кампаний двух последних десятилетий показывает, что активное участие интеллигенции придает политической борьбе более отчетливую идеологическую окраску. Любопытно отметить, что соответствующие идейные течения (консервативное к первой половине 60-х годов, леволиберальное на рубеже 70-х годов) превращались в общенациональные политические движения в тот момент, когда их «звездный час» был позади. Они «выпадали в осадок» в сферу политики.

Хотя ни одна из этих кампаний не увенчалась успехом, они стали заметным явлением в политической жизни страны.

Активное участие десятков и сотен тысяч представителей интеллигенции в избирательных кампаниях, выдвижение из ее среды политических деятелей разного калибра превратили мир интеллектуального труда во влиятельную силу. Например, в 1976 и 1980 гг. лица с высшим образованием составляли 64—65% делегатов партийных съездов демократов и республиканцев⁵¹. По сравнению с избирателями соответствующих партий идейный облик делегатов был гораздо более определенным: либеральный — у демократов, консервативный — у республиканцев⁵².

Параллельно с увеличением политического веса интеллигенции растет значение отдельных ее компонентов. Наряду с юристами и врачами, которые и раньше пользовались немалым влиянием благодаря своему положению в обществе, связям, финансовым возможностям, все более видную роль в общественно-политической жизни страны играют другие отряды интеллигенции, например учителя. В 70-е годы огромная армия учителей обнаружила немалый политический потенциал. Делегатами первого мини-съезда демократической партии (Канзас-сити, 1974 г.) были 100 членов Национальной ассоциации просвещения (НАП), т. е. приблизительно столько же, сколько от всех профсоюзов, входящих в АФТ—КПП. На выборах в конгресс 1974 г. одержали победу

⁵¹ Public Opinion, 1980, Oct.-Nov., p. 43.

⁵² Ibid., p. 7, 39—41.

более 75% кандидатов (большинство из них демократы), которых поддерживали НАП и АФУ. Отмечая возросшую политическую активность учителей, «Нью-Йорк таймс» писала в середине десятилетия: «По количеству затраченных средств и усилий, по эффективности в сборе голосов организованные учителя — еще несколько лет назад новички в политике — превзошли любую другую группу интересов»⁵³. В избирательной кампании 1976 г. НАП — впервые в своей истории — официально поддержала кандидатуру Дж. Картера, предвыборная программа которого содержала обещание создания министерства просвещения. НАП ассигновала более 3 млн. долл. и мобилизовала тысячи своих членов для участия в избирательной кампании 1980 г.⁵⁴

От учителей не отстают врачи. С 1973 по 1979 г. Американская медицинская ассоциация и ее филиалы израсходовали на выборы в конгресс 5 млн. долл. — возможно, больше любой другой лоббистской группировки⁵⁵.

Включение новых отрядов интеллигенции в политическую жизнь страны не ограничивается участием в избирательных кампаниях. Они все чаще поставляют профессиональных политиков, постепенно тесня юристов. Например, с 1966 по 1979 г. доля юристов в законодательных собраниях штатов уменьшилась с 26 до 20%. Зато растет представительство других категорий специалистов: учителей, лиц свободной профессии, служащих фирм и корпораций, чиновников, работников средств массовой информации и деятелей культуры. В 1979 г. на их долю приходилось 30% законодателей штатов⁵⁶.

Опираясь на накопленный потенциал, различные отряды интеллигенции развернули энергичную лоббистскую деятельность в центральных и местных органах власти. «Цель многих доноров, — писала „Нью-Йорк таймс“, — получить доступ к официальным лицам и сотрудникам их аппарата. Главный лоббист Национальной ассоциации просвещения объяснил мотивы, которыми руководствуется его организация, оказывая финансовую поддержку кандидатам в конгресс, следующим образом:

⁵³ New York Times, 1975, Jan. 15, p. 58.

⁵⁴ US News and World Report, 1980, July 14, p. 65.

⁵⁵ Ibid., 1979, March 5, p. 39.

⁵⁶ Ibid., Dec. 17, p. 74.

„Не надо думать, что они у нас в кармане. Но, конечно, для нас дверь открыта немного шире, чтобы мы могли войти и поделиться своими заботами“»⁵⁷. Курс на резкое сокращение социальных расходов, взятый администрацией Рейгана, вынуждает все новые отряды интеллигенции искать ходатаев по своим делам в коридорах власти в Вашингтоне. Например, деятели науки и искусства, никогда не имевшие собственного лобби, нанимают лоббистов для защиты своих интересов. Лоббистская деятельность многочисленных организаций специалистов облегчается наличием в госаппарате большого числа представителей интеллигенции.

Активизация политической деятельности массовых отрядов интеллигенции не случайно совпала с ухудшением положения на рынке интеллектуального труда. Она продиктована стремлением защитить материальные интересы специалистов в условиях неблагоприятной экономической конъюнктуры. Представители интеллигенции убеждаются на деле, что для этого недостаточно иметь свои профсоюзы, сколь влиятельными они ни были; необходимо прямое воздействие на органы государственной власти.

Плоды этой деятельности налицо. Так, во время обсуждения законопроекта о создании министерства просвещения НАП отрядила 2 тыс. своих представителей для обработки конгрессменов⁵⁸. Благодаря энергичной лоббистской деятельности НАП законопроект прошел в палате представителей минимальным большинством в 14 голосов⁵⁹.

Современная эпоха сделала людей науки и культуры, специалистов в области информации непременными участниками процесса управления. В этом отношении США не являются исключением. В поисках решения сложных проблем, с которыми сталкивается Америка сегодня, политические деятели вынуждены все чаще обращаться к специалистам разного профиля. Сотни тысяч специалистов высокой квалификации заняты в сфере управления.

⁵⁷ New York Times, 1974, Nov. 3. О лоббистской деятельности одной из наиболее влиятельных профессиональных организаций, Американской медицинской ассоциации, см.: Thayer G. Who Shakes the Money Tree? N. Y., 1973, p. 211—212.

⁵⁸ Newsweek, 1980, July 14, p. 29.

⁵⁹ US News and World Report, 1979, Oct. 8, p. 6,

Они оказывают немалое влияние на процесс принятия решений, в том числе на самом высоком уровне⁶⁰.

В послевоенный период широкое распространение получили различные формы связи мира интеллектуального труда и политического персонала: комиссии, комитеты, исследовательские группы, консультативные органы. Труды специалистов, их оценки и рекомендации неизменно привлекают внимание творцов внутренней и внешней политики страны. Научный подход приобрел респектабельность в глазах правящей элиты.

Подключение интеллигенции к рычагам управления государством — процесс не прямолинейный, особенно на вершине пирамиды власти. Основная тенденция прокладывает себе дорогу через резкие колебания политической конъюнктуры, в частности связанные с борьбой внутри господствующего класса. Консервативные круги, отдавая дань традиционному антиинтеллектуализму, не жалуют интеллигенцию⁶¹. Реформистски настроенное крыло буржуазии придает большое значение эффективному использованию интеллектуального потенциала страны, и, когда бразды правления переходят в руки его представителей, они стремятся привлечь лучшие умы на службу государству. Правда, в американской истории XX в. таких примеров сравнительно немного: вряд ли ее символами могут служить фигуры типа Франклина Рузвельта или Джона Кеннеди, они скорее исключение, чем правило.

Новая роль интеллектуального труда в процессе управления получила наиболее концентрированное выражение в деятельности «фабрик идей», научных учреждений, занятых разработкой актуальных политических проблем. Без них не может обойтись ни одна администрация, и в зависимости от политической конъюнктуры то одни, то другие «мозговые центры» выдвигаются на первый план. При Никсоне и Форде часто обращались

⁶⁰ То же самое происходит в Англии. См.: *Перегудов С. П.* Лейбористская партия в социально-политической системе Великобритании. М., 1975, с. 337.

Известный идеолог «твердого индивидуализма» У. Бакли как-то заявил, что он бы скорее доверил управление страной 2 тыс. человек, чьи фамилии значатся первыми в телефонной книге Бостона, чем преподавателям Гарварда и Массачусетского технологического института. См.: *US News and World Report*, 1980, Febr. 25, p. 66.

за советом в Американский предпринимательский институт, при Картере был в фаворе Институт Брукингса. Поставщиком кадров и идей для администрации Рейгана стали такие оплоты консервативной мысли, как Гуверовский институт, Центр стратегических и международных исследований Джорджтаунского университета, Институт современных исследований, Фонд наследия, Институт анализа внешней политики.

Специализация управленческой деятельности значительно расширила профессиональный состав правящей элиты. Наряду с юристами в нее входят экономисты, политологи, социологи, представители других интеллектуальных профессий. Например, в первом картеровском кабинете было четыре экономиста с докторской степенью: М. Блюменталь, Дж. Шлезингер, Х. Крепс и Р. Маршалл.

Индивидуальные возможности участия в политике, которыми располагают представители интеллигенции, не ограничиваются прямым влиянием на ход государственных дел. При помощи современных средств массовой информации они могут воздействовать на общественное мнение. Неофициальные связи с представителями политической элиты в Вашингтоне и на местах дают им возможность довести свою точку зрения до сведения истеблишмента. Правда, в Соединенных Штатах повседневное взаимодействие интеллектуальной и политической элиты ограничено вследствие того, что столица не является центром культурной жизни страны и многие ведущие представители интеллигенции далеки от обычной политической кухни.

Усиление влияния интеллигенции, происходящее по разным линиям, превратило ее в важный фактор внутривнутриполитического развития, что нашло отражение в общественном сознании. Уже в 50-е годы показателем растущей роли лиц интеллектуального труда в жизни страны явилось фактическое совпадение оценок общественных потенций нового слоя идеологами маккартизма и первыми теоретиками «новых левых»: и те и другие (разумеется, со своих позиций) рассматривали интеллигенцию как значительную политическую силу. Общественный подъем 60-х годов вывел интеллигенцию на авансцену национальной жизни, обнаружил накопленный ею внушительный потенциал. В 70-е годы, несмотря на спад демократического движения, общественно-политические

позиции интеллигенции еще более упрочились. Одним из показателей изменившегося положения лиц интеллектуального труда в обществе, их возросшего престижа и влияния является тот факт, что в первой половине десятилетия, несмотря на сдвиг вправо в массовом сознании и поведении, консервативным силам не удалось — как в 50-е годы — развернуть широкую идейно-политическую кампанию, направленную против либеральной интеллигенции, хотя администрация Никсона неоднократно предпринимала такие попытки. Указывая на широкую оппозицию в стране планам администрации организовать под предлогом борьбы с радикалами систему тотальной слежки и новую «охоту за ведьмами», известный итальянский публицист Джанфранко Корсини заканчивает один из своих американских репортажей, датированных весной 1971 г., следующими словами: «Похоже, еще до того, как машина была пущена в ход, начался кризис неомаккартизма»⁶².

Показательно, что в отличие от периода маккартизма в начале 70-х годов инициатором травли инакомыслящих выступил Белый дом, а не конгресс. В изменившемся социально-психологическом климате организаторы подобной кампании не могли рассчитывать на широкую поддержку в стране и возлагали свои надежды на репрессивный аппарат буржуазного государства. Со своей стороны либералы доказали на деле — и это является одним из основных уроков серии политических скандалов, символом которых стал Уотергейт, — что в отличие от прошлого они способны дать по рукам душеприказчикам покойного сенатора, сколь высокие посты они ни занимали.

Рост общественной активности представителей интеллигенции идет весьма неравномерно. Приобщение человека к политике происходит под влиянием его ценностей и ориентаций, представлений о смысле и цели жизни. Степень вовлеченности интеллигента в политический процесс зависит от многих факторов и обстоятельств. Важнейшие из них: доступ в сферу власти, идейные убеждения, традиции политической активности, существующие в той этнокультурной среде, из которой он вышел, специальность, интеллектуальный престиж.

Участие в общественной жизни вырабатывает вкус к политике, помогает установить необходимые связи, зави

⁶² *Corsini G.* La grande crisi americana. Roma, 1974, p. 62.

затѣ знакомства. «Среди тех, кто однажды прикоснулся к деятельности политическаго механизма,— пишет о героях своей книги Ч. Кадушин,— большинство сохраняет доступ в сферу власти, хотя он может варьироваться от одной администрации к другой»⁶³. Чувство причастности к власти оказывает сильное влияние на поведение человека. Люди с положением, имеющие прямой доступ к сильным мира сего, вряд ли станут участвовать в демонстрациях или кампаниях гражданскаго неповиновения. В случае необходимости они скорее изберут другой путь, предпочитая действовать в коридорах власти, а не на улице.

Идеология, стержень сознания лиц интеллектуальнаго труда, накладывает глубокий отпечаток на поведение. Высокая степень идеологизированности сознания и поведения — отличительная черта интеллигента в США. Для рядовоаго американца, напротив, характерен большой «зазор» между идейными позициями и политическим поведением.

Идейные симпатии и антипатии пронизывают все поведение интеллигента. Они проявляются не только в сфере политики, но и в частной жизни. Один из героев книги Кадушина, характеризуя нравы своей среды, сказал автору: «В идеале ваше отношение к людям не должно зависеть от того, согласны ли вы с ними или нет, но на практике это очень трудно. Разногласия отражаются на отношениях между людьми»⁶⁴.

Даже поведение в сфере потребления не свободно от действия идейных установок. Проведенное в середине 70-х годов обследование 3500 преподавателей колледжей показало, что консервативная часть академическаго персонала предпочитает американскіе машины (а наиболее консервативная — автомобили производства «Дженерал моторс»), в то время как либералы склонны покупать машины иностранных марок⁶⁵. В целом среди преподавателей вузов процент владельцев импортных автомобилей был значительно выше, чем в среднем по стране⁶⁶. В тяготении к неамериканским моделям проявился либеральный дух академической среды.

⁶³ *Kadushin Ch. Op. cit.*, p. 316.

⁶⁴ *Ibid.*, p. 80.

⁶⁵ *Time*, 1976, Apr. 26, p. 26.

⁶⁶ *Wilson L. Op. cit.*, p. 202.

Идеология определяет не только общественное лицо человека, но и степень его социальной активности, особенно если речь идет об участии в движении протеста. Наибольшую политическую дееспособность обнаруживают радикалы, вероятно, потому, что они менее других могут положиться на естественный ход событий. За счет большой активности радикалы нередко производят впечатление более значительной силы, чем они есть на самом деле. Радикализация сознания интеллигенции является, как это было в 60-е годы, одной из важнейших предпосылок увеличения ее политической активности. Зато деидеологизация сознания, переход на прагматические позиции часто служит идейным симптомом роста общественной пассивности, ухода в частную жизнь.

Этнокультурная среда, в которой формируется личность, прививает ей определенное представление о политике, о возможных и желательных способах участия в жизни общества.

Важный индикатор политической активности личности — ее профессиональная принадлежность. Профессиональные субкультуры, о которых говорилось выше, содержат в себе определенные образцы политического поведения. Они вырабатываются постепенно и отражают групповой опыт участия в общественных делах. В Соединенных Штатах, где в силу особенностей исторического развития нивелирующее воздействие субкультуры всего слоя на его отдельные компоненты весьма слабо, существующие внутри интеллигенции — особенно между технической и гуманитарной — различия политического почерка налицо. Например, между 1965 и 1971 гг. на ежегодных конгрессах различных профессиональных ассоциаций, объединяющих ученых-естественников, не было принято ни одной политической резолюции. В то же время ежегодные заседания Американской философской ассоциации, Ассоциации современных языков, Американской антропологической ассоциации не обходились без острых политических дискуссий по вьетнамской политике правительства и расовой проблеме. Но наиболее яростными дебатами, ожесточенным противоборством консерваторов и либералов были отмечены ежегодные собрания специалистов в области современных общественных дисциплин⁶⁷.

⁶⁷ Ladd E. C., jr., Lipset S. M. The Divided Academy, p. 105—106.

Конечно, не следует думать, что ученые-естественники абсолютно аполитичны. Но даже когда дело касается бомб и ракет, их политическая деятельность, как правило, носит частный, не публичный характер, она скорее направлена на то, чтобы повлиять на высокопоставленных чиновников, чем на общественное мнение. Правда, последние годы внесли значительные коррективы в это привычное распределение ролей. Агрессивная политика американского империализма, чреватая угрозой ядерной катастрофы, вызывает растущую тревогу ученых, открыто выступающих в защиту мира, против гонки вооружений.

От профессиональной принадлежности зависит также степень сопричастности общественным делам. Если выбор профессии определяется глубинными установками личности, то ее возможности участия в политике во многом «заданы» приобретенной специальностью. Профессионально свободная ориентация в сложных проблемах, представляющих значительный общественный интерес, намного увеличивает шансы попасть в «обойму» причастных к выработке политических решений. Внимание представителя властвующей элиты гораздо скорее привлекут статьи известного журналиста или политолога, чем гуманитария традиционного толка. Среди профессоров университетов, опрошенных Ч. Кадушиным, были вхожи к людям, облеченным властью, более 40% специалистов в области современных общественных дисциплин и немногим более 10% гуманитариев классического образца⁶⁸.

В то же время общая тенденция увеличения социальной активности лиц интеллектуального труда постепенно размывает традиционные барьеры, отделяющие интеллигенцию от политики.

Положение человека на лестнице престижа прямо отражается на его политическом поведении. Профессиональное признание укрепляет уверенность в себе, открывает перед человеком новые горизонты, стимулирует интерес к большим общественным проблемам. Неудивительно, что наибольшую активность — даже когда речь идет об актах гражданского неповиновения — проявляют неформальные лидеры, те, кто на виду, кто благодаря своим профессиональным достижениям пользуется особым уважением в среде интеллигенции.

⁶⁸ *Kadushin Ch. Op. cit.*, p. 314—315.

Переплетаясь и взаимодействуя, эти факторы определяют степень участия человека в политической деятельности. Несмотря на относительно высокий уровень политической активности интеллигенции, ее общественный потенциал реализуется далеко не в полной мере. Критический настрой часто не проявляется в конкретных действиях, особенно у служащих корпораций и госаппарата, которые чувствуют себя беззащитными перед лицом начальства. Внутренняя раздробленность, значительная изолированность от других категорий трудового населения, сохранение определенных психологических барьеров по отношению к политике также тормозят дальнейший рост влияния интеллигенции в жизни страны. Многие видные представители интеллигенции по-прежнему считают политику грязным делом, недостойным порядочного человека. Даже среди интеллектуальной элиты большинство не стремится активно участвовать в политической жизни страны⁶⁹. Резко возрастает общественная пассивность интеллигенции в периоды спада демократических движений. В ее основе — чувство социальной изоляции и страх перед последствиями своих действий.

Сфера политической деятельности интеллигенции очень широка. Она включает в себя и партийно-политический механизм, и массовые общественные движения. В рамках двухпартийной системы симпатии специалистов скорее на стороне республиканцев⁷⁰, что отражается на результатах голосования (табл. 2).

Таблица показывает, что в послевоенный период 60—70% лиц с высшим образованием отдают свои голоса «великой старой партии», как именуют себя республиканцы. Более скромные результаты Голдуотера и Никсона в 1968 г. объясняются конъюнктурными причинами, но и они — как и другие республиканские кандидаты — набрали среди лиц интеллектуального труда на 10% больше, чем в среднем по стране.

В 70-е годы республиканцы сохранили свои позиции среди интеллигенции. Проведенные в день президентских выборов опросы показали, что в 1976 и 1980 гг. 56—

⁶⁹ Ibid., p. 248—249, 329.

⁷⁰ См., напр.: *Rossiter C. Parties and Politics in America*. Ithaca, 1960, p. 102; *Public Opinion Quarterly*, 1970, N 1, p. 85; *Annals of the American Academy of Political and Social Science*, 1971, Sept., p. 94; *Bowen H. R. Investment in Learning: the Individual and Social Value of American Higher Education*. San Francisco, 1978, p. 153.

Таблица 2. Голосование на президентских выборах в зависимости от уровня образования, 1952—1972 гг. (%)

Уровень образования избирателей	1952 г.		1956 г.	
	Стивенсон	Эйзенхауэр	Стивенсон	Эйзенхауэр
Начальное	52	48	50	50
Среднее	45	55	42	58
Высшее	34	66	31	69
Всего	44,6	55,4	42,2	57,8

Уровень образования избирателей	1960 г.		1964 г.	
	Кеннеди	Никсон	Джонсон	Голдуотер
Начальное	55	45	66	34
Среднее	52	48	62	38
Высшее	39	61	52	48
Всего	50,1	49,9	61,3	38,7

Уровень образования избирателей	1968 г.			1972 г.	
	Хэмфри	Никсон	Уоллес	Макговерн	Никсон
Начальное	52	33	15	49	51
Среднее	42	43	15	34	66
Высшее	37	54	9	37	63
Всего	43,0	43,4	13,6	38	62

Источник: The Gallup Poll, May 1975, N 119, p. 27.

57% специалистов и управляющих голосовали за кандидата республиканцев⁷¹.

В определенной мере прореспубликанские симпатии интеллигенции объясняются особенностями формирования этого слоя. Значительная часть представителей интеллигенции — выходцы из традиционных средних слоев,

⁷¹ New York Times, 1976, Nov. 4, p. 25; US News and World Report, 1980, Nov. 17, p. 29; Public Opinion, 1981, Dec.-Jan., p. 42.

отличающихся большим консерватизмом. Среди них много убежденных республиканцев⁷².

Немалое значение имеет этнический фактор. Несмотря на постепенное выравнивание диспропорций, в мире интеллектуального труда преобладают коренные, «стопроцентные» американцы. Потомки старой эмиграции, принадлежащие к многочисленным протестантским церквям, они чаще голосуют за республиканцев. Например, среди преподавателей вузов на президентских выборах 1968 г. за Никсона проголосовали 42% белых протестантов и только 25% католиков⁷³.

Но в основном тяготение высокообразованных американцев к республиканцам связано с определенной самоидентификацией, с чувством принадлежности к миру собственности и привилегий. Республиканцы, свои люди в мире большого бизнеса, могут рассчитывать на поддержку многочисленных категорий интеллигенции, находящихся в орбите его идейного влияния. Скажем, врачи и юристы, наиболее обуржуазившиеся категории интеллигенции, неизменно выступают на стороне республиканцев. Например, на выборах в конгресс в 1972 г. медицинские ассоциации внесли в избирательные фонды республиканских кандидатов 755 тыс. долл., демократических — 192 тыс.⁷⁴

Массовое переселение лиц интеллектуального труда в пригороды, символизирующее повышение социально-экономического статуса, также на руку республиканцам. В этой связи советский автор пишет: «Такое развитие способствовало концентрации в пригородах консервативных и в то же время социально более или менее однородных сил. Их консервативность предопределила политическую, партийную ориентацию пригородных поселений (пригороды — главная цитадель республиканцев)»⁷⁵. Облегчает задачу республиканцев и миграция специалистов с северо-востока на юго-запад страны, традиционную базу их политического влияния.

Среди лиц с высшим образованием республиканскому большинству противостоит значительное (30—40%) демо-

Hamilton R. J. Class and Politics in the United States. N. Y., 1972, p. 365.

⁷³ *Ladd E. C., jr., Lipset S. M. The Divided Academy, p. 161.*

⁷⁴ *Adamany D. W., Agree G. W. Op. cit., p. 37.*

⁷⁵ *Михайлов Е. Д. США: проблемы больших городов. М., 1973, с. 188.*

кратическое меньшинство. В борьбе за голоса образованных американцев у демократов есть свои козыри. Демократы представляют интересы этнических и религиозных меньшинств и пользуются их поддержкой. Например, среди преподавателей вузов, вышедших из негритянской или еврейской среды, подавляющее большинство голосует за демократов⁷⁶. Демократы выступают за государственное регулирование социально-экономических процессов, что отвечает интересам специалистов, занятых в сильно разросшейся социальной инфраструктуре американского капитализма: государственном управлении, науке, образовании, здравоохранении, организации досуга. Эти большие непривилегированные отряды интеллигенции, по своему положению и социальному опыту довольно близкие к другим категориям трудящихся, видят в демократах партию, способную лучше понять чаяния и стремления «простого человека»⁷⁷. В президентской кампании 1972 г. крупнейшие организации учителей, НАП и АФУ, поддержали Макговерна. Несмотря на решение о нейтралитете, принятое исполкомом АФТ-КПП, Федерация служащих штатов, графств и муниципалитетов, выступила на стороне демократического кандидата. Потерпевший на выборах сокрушительное поражение Дж. Макговерн набрал среди преподавателей вузов 56% голосов, на 13% больше, чем Никсон⁷⁸.

Либеральный облик демократической партии импонирует людям, прошедшим школу мысли. Проведенный в середине 70-х годов опрос студентов показал, что в период обучения в вузе демократы приобретают новых сторонников за счет республиканцев⁷⁹.

Демократы гораздо чаще апеллируют к интеллигенции, чем республиканцы. В своих предвыборных выступлениях кандидаты партии на пост президента Э. Стивенсон, Дж. Кеннеди, Дж. Макговерн неизменно подчеркивали

⁷⁶ Ladd E. C., jr., Lipset S. M. Academics, Politics and the 1972 Election, p. 79; *Idem*. The Divided Academy, p. 177.

⁷⁷ См., напр.: Lazarsfeld P. F., Thielens W., jr. The Academic Mind. Glencoe, 1958, p. 14, 28, 401—402; Lipset S. M. Political Man, Ch. 10; Rossiter C. Op. cit., p. 102—103; Public Opinion, 1981, Oct.-Nov., p. 3. Аналогичное явление можно наблюдать в Англии, где соответствующие отряды интеллигенции голосуют за лейбористов. См.: Песчанский В. В. Служащие в буржуазном обществе. М., 1975, с. 316.

⁷⁸ Ladd E. C., jr., Lipset S. M. The Divided Academy, p. 222.

⁷⁹ Bowen H. R. Op. cit., p. 153.

необходимость использования интеллектуального потенциала страны на благо общества. Их призыв не остался без ответа. По свидетельству Р. Хофстедтера, «интеллектуалы поддерживали Стивенсона с готовностью и единодушием, не имеющими прецедентов в американской истории»⁸⁰. Представители интеллигенции внесли немалый вклад в одержанную с большим трудом победу Кеннеди над Никсоном и играли значительную роль в его администрации. К началу 70-х годов среди интеллектуальной элиты страны почти не было сторонников республиканцев⁸¹.

Особенно тесные отношения существуют между левым крылом партии и миром науки и культуры. В 1968 г. Ю. Маккарти, бросивший смелый вызов официальному руководству партии во главе с президентом Джонсоном, поддержали многие ученые, писатели, поэты, драматурги⁸². «Феномен Макговерна», выдвижение его кандидатом на пост президента от демократической партии вообще невозможно объяснить вне связи с политической деятельностью некоторых группировок интеллигенции, прежде всего из академического мира. В президентской кампании 1976 г. либералы остались верны себе, предпочтя центристу Картеру деятеля левого крыла партии М. Юдолла. Комментируя результаты первичных выборов, политический обозреватель «Нью-Йорк таймс» писал: «Юдолл творил чудеса среди молодых либералов. Он собрал огромное большинство голосов в университетских городках вроде Кембриджа (Массачусетс) или Энн-Арбора (Мичиган), но выглядел довольно жалко в других местах»⁸³.

Активно участвуя в жизни партии, интеллигенция стала влиятельной силой в стане демократов. Например, в избирательной кампании 1980 г. исход поединка между президентом Картером и сенатором Кеннеди в значительной степени зависел от позиции учителей. Поддержав

⁸⁰ Hofstadter R. Anti-intellectualism in American Life. N. Y., 1963, p. 222.

Kadushin Ch. Op. cit., p. 27. В послевоенный период такой же альянс между значительной частью интеллигенции и лейбористской партией сложился в Англии. См.: Перегудов С. П. Указ. соч., с. 76, 81—82, 397—398; Marxism Today, 1979, July, p. 215.

⁸² См. Линник В. А. Президентская кампания Ю. Маккарти 1968 г.— Американский ежегодник, 1972. М., 1972, с. 210—229; Мулярчик А. С. Американские писатели и общественная борьба.— США — экономика, политика, идеология, 1976, № 3, с. 78.

⁸³ New York Times, 1976, June 19, p. L-8.

президента, НАП помогла склонить чашу весов в его сторону ⁸⁴.

В распределении представителей интеллигенции по всему политическому спектру значительную роль играют и другие факторы социологического порядка. Так же как на сознание, на поведение сильное влияние оказывают нормы профессиональной микросреды. На президентских выборах 1972 г. среди преподавателей вузов за кандидата демократов Дж. Макговерна проголосовали 75% персонала социологических факультетов, 70% работающих на гуманитарных факультетах, половина естественников и только 30% преподавателей факультетов прикладного характера, таких, как школы бизнеса, инженерные и сельскохозяйственные факультеты. По итогам голосования социологи и преподаватели прикладных дисциплин оказались гораздо дальше друг от друга, чем, например, бизнесмены и рабочие ⁸⁵.

Не столь устойчиво, более подвержено конъюнктурным колебаниям влияние такого фактора, как возраст. Возрастные различия приобретают существенное значение, когда речь идет о поддержке левых программ и кандидатов. На президентских выборах 1948 г. за кандидата прогрессивной партии Г. Уоллеса и социалиста Н. Томаса проголосовали 17% преподавателей социологических факультетов моложе 30 лет и 3% старше 60 лет. На президентских выборах 1972 г. Макговерна поддерживали 72% преподавателей вузов моложе 35 лет и только 42% старше 50 лет. По данным опроса Гэллапа, роль возрастного фактора в общих итогах голосования была гораздо более скромной: за кандидата демократов проголосовали 42% избирателей моложе 35 лет и 36% старше 50 лет. На президентских выборах 1964 г., где центристу-демократу Л. Джонсону противостоял правый республиканец Б. Голдуотер, картина была прямо противоположной: в голосовании академического персонала не зафиксировано никаких различий, связанных с возрастом ⁸⁶.

⁸⁴ US News and World Report, 1980, July 14, p. 65; Newsweek, 1980, July 14, p. 28—29. В отличие от НАП Американская федерация учителей выступила на стороне Кеннеди, но это была довольно слабая компенсация.

⁸⁵ Ladd E. C., jr., Lipset S. M. Academics, Politics and the 1972 Election, p. 75—76.

⁸⁶ Ibid., p. 76—77.

Хотя между ними пролегла целая эпоха, президентские выборы 1948 и 1972 гг. имеют одну общую черту. Они пришлись на то время, когда надежды на обновление американского общества развеялись как дым и страна поворачивала вправо. В этих условиях определенная часть молодой интеллигенции превращалась в реликт эпохи, посетителей идеалов времени, уходящего в прошлое.

За внешне устойчивым соотношением политических сил внутри интеллигенции скрывается растущее разочарование деятельностью обеих партий. Образованные американцы все меньше отождествляют себя с двухпартийной системой и постепенно переходят в разряд независимых избирателей, не связанных соображениями партийной лояльности. Этот феномен, характерный для политической жизни Америки последних десятилетий⁸⁷, наиболее полное развитие получил среди интеллигенции.

Образованные американцы всегда отличались большей независимостью политического поведения, чем основная часть населения. В 1944 г., по данным опросов Гэллапа, 47% лиц с высшим образованием считали себя республиканцами, 31 — демократами и 21% — независимыми. К началу 60-х годов произошли небольшие изменения: слегка уменьшилась доля республиканцев, чуть повысился процент демократов, в то время как независимые составляли около одной четверти опрошенных. В бурных потрясениях 60-х годов партийные привязанности представителей интеллигенции быстро расшатывались и слабели. Опросы, проведенные фирмой Гэллапа в 1972 г., показали, что наибольшим влиянием среди образованных американцев пользуется «партия независимых». 37% избирателей, учившихся в колледже, объявили и себя независимыми, 32 — республиканцами, 31% — демократами. Среди преподавателей вузов половина считала себя независимыми⁸⁸.

Еще интенсивнее процесс отхода от основных политических партий развивался в студенческой среде. По данным опросов Гэллапа, во второй половине 60-х годов доля независимых среди студентов колледжей и университетов увеличилась с 39 до 52%⁸⁹.

⁸⁷ Public Opinion, 1980, Feb.-March, p. 34; Oct.—Nov., p. 15.

⁸⁸ Ladd E. C., jr., Lipset S. M. Academics, Politics and 1972 Election, p. 42, 73.

⁸⁹ Annals, 1971, Sept., p. 93.

Опросы показывают, что рост числа независимых избирателей среди интеллигенции происходит за счет республиканцев. Однако, несмотря на внешнюю стабильность своего влияния в мире интеллектуального труда, демократы тоже оказались затронутыми процессом перемен. Для многих представителей интеллигенции идентификация с демократической партией приобрела другой внутренний смысл. На смену эмоциональным привязанностям, порожденным определенной идейно-политической традицией, пришла трезвая оценка позиции партии и ее кандидатов по интересующим человека проблемам⁹⁰. Способность демократов учитывать специфические интересы лиц интеллектуального труда предотвратила быструю эрозию влияния партии среди наиболее образованной части электората.

Более рациональный, прагматический подход, не придающий большого значения партийным этикеткам, проявился и в так называемом «расколоте» голосовании, когда человек одновременно голосует за кандидатов разных партий, претендующих на выборные должности. Анализ результатов выборов 1968 г. показал, что с ростом уровня образования избирателей увеличивается процент «расколотых» голосов⁹¹.

Ослабление связей представителей интеллигенции с основными партиями увеличивает вероятность поддержки образованными слоями населения какой-либо третьей силы, стремящейся нарушить монополию демократов и республиканцев на политическую власть. Как правило, речь идет о левых силах, поскольку, как показывают приведенные выше результаты голосования за Уоллеса в 1968 г.⁹², маловероятно, что такая поддержка будет оказана партии, атакующей сложившиеся политические структуры справа. В прошлом интеллигенция принимала активное участие в деятельности недолговечных третьих партий, время от времени возникающих на левом фланге политической системы США. В середине XIX в. это были фрисойлеры (10,1% голосов на президентских вы-

⁹⁰ Эта перестройка сознания и поведения происходит во всем электорате. См.: *Pomper G. M. Voters Choice*. N. Y., 1975, ch. 8, 9; *Miller W., Levitan T. Leadership and Change*. Cambridge, 1976, p. 165; *Nie N., Verba S. et al. The Changing American Voter*. Cambridge, 1976, p. 302; *Pomper G. M. et al. The Election of 1976. Reports and Interpretations*. N. Y., 1977, p. 74.

⁹¹ The Gallup Opinion Index, 1968, Dec., Report N 42.

⁹² См. с. 338 настоящей книги.

борах 1848 г.), в первые десятилетия XX в. — прогрессисты Т. Рузвельта (27,4% голосов на президентских выборах 1912 г.) и Лафоллета (16,6% голосов на президентских выборах 1924 г.)⁹³. На президентских выборах 1948 г. кандидаты левых партий Г. Уоллес и Н. Томас в основном опирались на представителей интеллигенции. Некоторые категории лиц интеллектуального труда, например ученые-обществоведы, оказывают широкую поддержку левым партиям и группировкам⁹⁴.

Неудовлетворенность значительной части интеллигенции ограниченными возможностями выбора, которые предоставляет двухпартийная система, проявилась и в избирательной кампании 1980 г. Независимый кандидат в президенты Д. Андерсон пользовался наибольшей популярностью в мире интеллектуального труда, особенно среди молодежи. Несмотря на республиканское происхождение, он снискал симпатии многих либералов, отвернувшихся от президента Картера. Среди интеллигенции процент поданных за Андерсона голосов был почти вдвое выше, чем в среднем по стране⁹⁵.

Вместе с тем не надо переоценивать степень разочарования интеллигенции в двухпартийной системе. Несмотря на поспешные прогнозы, основанные на экстраполяции тенденций 60-х годов, «партия независимых» так и не стала первой партией страны по количеству сторонников. В 70-х — начале 80-х годов происходит стабилизация политического влияния основных партий страны, сторонники которых составляют около 70% избирателей⁹⁶. Более того, анализ поведения избирателей показывает, что большинство «независимых» сохраняют определенную связь с основными партиями страны⁹⁷. У лиц интеллектуального труда так же, как и остальных избирателей, объявление себя независимыми носит в значительной степени вербальный характер; оно говорит об ослаблении, а не утрате партийных привязанностей.

Характеризуя отношение леволиберальной интеллигенции к перспективе создания третьей партии, надо также

⁹³ *Mazmanian D. A. Third Parties in Presidential Elections: Studies in Presidential Selection.* Wash., 1974, p. 5.

⁹⁴ *Ladd E. C., jr., Lipset S. M. The Divided Academy*, p. 122—123.

⁹⁵ *Public Opinion*, 1980, Apr.-May, p. 20, 41; June — July, p. 13, 15, 24, 25; *Newsweek*, 1980, Nov. 17, p. 12; Nov. 24, p. 36.

⁹⁶ *Public Opinion*. 1981, Dec.-Jan., p. 38.

⁹⁷ *Politics and the Oval Office: Towards Presidential Governance* / Ed. A. J. Meltsner. San Francisco, 1981, p. 40—41.

учитывать, что американцы с присущим им практицизмом стремятся быстрее достичь своей цели⁹⁸. Поэтому они часто предпочитают действовать в рамках сложившейся политической структуры, скажем, внутри демократической партии, полагая, что это дает больше шансов на успех. Пример Макговерна показывает, что такие расчеты не лишены оснований. Их также сдерживает боязнь, распылив свои силы, невольно подыграть правым.

Тем не менее возможность прорыва двухпартийной системы слева не исключена, в частности благодаря усилиям радикально настроенной интеллигенции.

Реализация общественных потенций интеллигенции происходит не только в сфере большой политики. Немалое значение имеет деятельность на местах, где представители интеллигенции также проявляют повышенную активность⁹⁹. Более того, в Соединенных Штатах, где оппозиционные силы часто не в состоянии создать устойчивую политическую организацию, такие формы социальной активности позволяют сохранить накопленный потенциал в периоды спада массовых демократических движений. Так было в 50-е годы, когда основными центрами интеллигентской оппозиции маккартизму стали университеты. Подобную картину можно было наблюдать и в первой половине 70-х годов, когда в атмосфере растущей апатии и безразличия университетские города стали хранителями демократических традиций 60-х годов. В этот период в крупных университетских центрах — Беркли (Калифорния), Энн-Арбор (Мичиган), Кембридж (Массачусетс), Мэдисон (Висконсин) — существовали «либерально-радикальные» городские советы.

Появление на политической карте страны таких анклавов влияния левой интеллигенции отражается не только на соотношении сил на местном уровне. Например, Рональд Деллэмс — черный конгрессмен из Калифорнии, регулярно избирающийся в высший законодательный орган Соединенных Штатов Америки от Беркли и Северного Окланда, — один из наиболее либеральных членов палаты представителей.

⁹⁸ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 39, с. 149.

⁹⁹ Afford R. R., Scoble H. M. Sources of Local Political Involvement. — American Political Science Review, 1968, N 4, p. 1195; Bowen H. R. Op. cit., p. 156, 216.

Благодаря тесной связи различных аспектов ее общественной деятельности присутствие интеллигенции становится все более заметным во всех сферах политической жизни США.

Интеллигенция и рабочий класс: проблемы союза

Важнейшей причиной, сковывающей рост влияния американской интеллигенции, не позволяющей ей в полной мере проявить свой политический потенциал, является глубоко укоренившаяся ориентация на господствующий класс. Интеллигенция может противостоять соединенной мощи монополий и государства только в союзе с другими отрядами трудящихся, в первую очередь с рабочим классом.

В послевоенный период расширяются и углубляются объективные предпосылки такого союза. Сближение интеллигенции и рабочего класса по основным параметрам социально-экономического положения, рост образовательного и культурного уровня пролетариата, увеличение в составе специалистов доли выходцев из рабочей среды способствуют ликвидации барьеров, разделявших мир физического и умственного труда. Объективное совпадение интересов трудовой интеллигенции и рабочего класса требует объединения усилий в борьбе за ограничение произвола монополий. Приобщение различных отрядов лиц интеллектуального труда к пролетарским методам борьбы за свои права облегчает налаживание сотрудничества. Кризис потребительских идеалов, растущее разочарование в общественных институтах создают благоприятные условия для распространения антикапиталистической идеологии.

В то же время реализация объективных предпосылок союза знаний и труда наталкивается на большие трудности. Американская буржуазия, используя различные — от подкупа до репрессий — рычаги влияния, стремится не допустить развития политической самостоятельности масс. В арсенале средств, взятых на вооружение господствующим классом, особое место занимают методы идейно-психологического воздействия. В частности, широко используются особенности сознания различных категорий трудящихся для разжигания противоречий между ними. Например, представителям интеллигенции постоян-

но внушается мысль, что их статус не имеет ничего общего с миром физического труда. Одна из героинь книги Теркела, фабричная работница, вспоминает, каким презрением она была окружена на конференции, большинство участниц которой составляли лица интеллигентных профессий¹⁰⁰.

В борьбе за идейную гегемонию в обществе мощным оружием в руках буржуазии остается антиинтеллектуализм. В массе своей американцы скептически относятся к культуре, миру духовных ценностей. Один из героев Кенистона, потомственный интеллигент, вспоминает, что и он, и его родители, занятые серьезной интеллектуальной деятельностью, всегда чувствовали себя изолированными от окружающих¹⁰¹. Тот же холодок сквозит и в отношении к вузам, часовым, охраняющим вход в мир интеллекта. В беседе с Б. Мойерсом Л. Чолмерс, президент Канзасского университета, сказал: «Высшее образование всегда было „чем-то чуждым“ большинству американцев, основной массе людей, никогда не имевших возможности учиться в колледже. Помните, как они окрестили Стивенсона яйцеголовым? Когда речь идет о том, чтобы дать образование детям, это их первоочередная забота. Но, абстрактно говоря, они сомневаются, действительно ли нужно высшее образование»¹⁰². Территориальная обособленность кампусов усиливает взаимное отчуждение мира интеллекта и «среднего американца».

На застарелый антиинтеллектуализм наслаиваются страхи и опасения, взращенные XX в. Та подозрительность и тревога, которую вызывают в душе рядового американца крупный бизнес, большое правительство, огромные «мультиверситеты», не могут не распространяться на лиц интеллектуального труда, широко представленных в этих звеньях общественного механизма.

Тред-юнионистское сознание, насаждаемое правыми профсоюзными лидерами в рядах рабочего класса, также не способствует укреплению связей с интеллигенцией. Ограничиваясь экономическими требованиями, многие рабочие не проявляют большого интереса к политике. Даже те, кто стихийно тяготеет к социализму, далеко не всегда видят в интеллигенции потенциального союзника, способного помочь овладеть революционной теорией.

¹⁰⁰ *Terkel St. Op. cit.*, 1974, p. 293.

¹⁰¹ *Keniston K. Op. cit.*, p. 70.

¹⁰² *Moyers B. Listening to America*. N. Y., 1972, p. 112.

Одним из результатов разрыва между пролетариатом и интеллигенцией является преобладание среди искренних сторонников социализма в американском рабочем движении «социалистов чувства».

Отсутствие прочных связей с миром физического труда оказывает сильное негативное влияние и на интеллигенцию. Социальная изоляция интеллигенции, стимулируя развитие группового самосознания, в то же время придает ему корпоративно-замкнутый характер. Не чувствуя себя частью мира труда, подавляющее большинство представителей интеллигенции воспринимают свою ситуацию через призму узкопрофессиональных, цеховых интересов.

От разобщенности различных категорий трудового населения особенно страдают люди прогрессивных убеждений. После распада широкой либерально-демократической коалиции, созданной в 30-е годы, социальная изоляция левой интеллигенции дополнилась идейно-политической. Оказавшись в гетто, радикально настроенные представители интеллигенции возвели эту ситуацию в абсолют, придали ей некий фатальный характер. Теоретики «новых левых» списали со счетов рабочий класс как революционную силу, возложив свои надежды исключительно на молодую интеллигенцию¹⁰³. Авангардистские теории роли интеллигенции в революционном процессе родились преимущественно на американской почве как продукт специфической ситуации, в которой находятся бунтующие интеллектуалы. В их мировоззрении причудливо сочетается элитарное ощущение своей исключительности с глубоким демократизмом.

Бурные потрясения 60-х годов обнажили стену непонимания и враждебности, отделяющую ищущую часть интеллигенции от «среднего американца». Крис Кеннан, один из активных участников студенческого движения, вспоминает, что его единомышленники воспринимали Америку — за исключением двух узких полосок земли вдоль Атлантического и Тихоокеанского побережий, где находятся крупнейшие кампусы, — как чужую, враждебную страну. Самым тяжелым днем его жизни был день после расстрела студенческой демонстрации в Кентском

¹⁰³ Mills C. W. Letter to the New Left.— New Left Review, 1960, Sept.-Oct., p. 22—23. Интересно отметить, что эту идею «новых левых» подхватили некоторые «неоконсерваторы». См.: папр.: Ladd E. C., jr., Lipset S. M. The Divided Academy, p. 313.

университете, когда он увидел, с каким безразличием встретили эту новость пассажиры электрички, идущей из Принстона в Нью-Йорк¹⁰⁴.

Характерное для студентов-активистов ощущение утраты связи с родной страной питалось реальным опытом. Постепенно сгущавшаяся вокруг студенческого движения недоброжелательная атмосфера отражала определенный настрой в стране, особенно в рабочей среде. Проведенный в конце 1969 — начале 1970 г. опрос 477 белых жителей пригородов Лос-Анджелеса показал, что рабочие настроены гораздо более враждебно по отношению к студенческому движению, чем служащие и интеллигенция. Воспитанные в духе уважения к традиционным ценностям американского общества рабочие не принимали жизненной философии бунтующего студенчества, им претил нигилизм молодых радикалов. Даже среди молодых рабочих требования студентов не встречали поддержку¹⁰⁵.

Противоречия, порожденные различными традициями, чувствовались и в студенческой среде. Как отмечает социолог М. Майлз, дети рабочих, которым посчастливилось стать студентами, были ориентированы на учебу, овладение профессией, карьеру. В их глазах молодые радикалы из обеспеченных семей были лишь помехой на пути к заветной цели — вузовскому диплому¹⁰⁶.

Но даже американская жизнь 60-х годов дала немало примеров поисков взаимопонимания с обеих сторон. Рабочие, с которыми беседовал Теркел, не раз проявляли симпатию к студентам¹⁰⁷. Советский журналист рассказывает в своей книге об учителе из Техаса, ставшем профсоюзным организатором, о двух молодых католических священниках, защищающих права мексиканских рабочих в США¹⁰⁸. В 60-е годы в среде интеллигенции растет интерес к народной культуре — музыке, фольклору.

Критическое переосмысление уроков 60-х годов заставило определенную часть молодых радикалов изменить свое отношение к простому человеку, предпринять своеобразную попытку «хождения в народ». Один из них,

¹⁰⁴ Moyers B. Op. cit., p. 233.

¹⁰⁵ American Sociological Review, 1972, N 3, p. 339, 344.

¹⁰⁶ Miles M. W. The Radical Probe. The Logic of Student Rebellion. N. Y., 1971, p. 279—280.

¹⁰⁷ См., напр.: Terkel St. Op. cit., p. XXXVII, 193.

¹⁰⁸ Кондрашов С. Указ. соч., с. 303—304, 339.

Ф. Бюлер, в середине 1969 г. приехавший по приглашению муниципального совета в маленький городок Джонсонвилль в штате Южная Каролина, чтобы возглавить городской центр планирования развития, обосновал свою позицию в письме другу следующим образом: «Я приехал сюда потому, что считаю, что проблемы этой страны имеют слишком глубокие корни, чтобы их можно было решить послеобеденным маршем или демонстрацией, назначенной на уик-энд... Кто-то должен превратить прозрение «увитых плющом» мозговых центров в этос и этику одноэтажной Америки. Когда дети играют на задворках, где проходят сточные канавы и кишат москиты, уборка мусора становится этической проблемой»¹⁰⁹.

Новый социальный опыт студенчества 70-х — начала 80-х годов, в котором первостепенную роль играет знакомство с материальной стороной жизни, облегчает налаживание связей с миром физического труда. В отличие от своих предшественников, радикалов 60-х годов, сегодняшние студенты все более отчетливо понимают, что без поддержки рабочего класса невозможно организовать массовое прогрессивное движение, ориентированное на глубокие демократические преобразования.

Несмотря на все препоны, установление союза между лицами физического и умственного труда вполне реально. Об этом говорит опыт 30-х годов, «красного десятилетия». Немало примеров сотрудничества ангажированной интеллигенции и рабочих активистов дал послевоенный период. Так, среди организаторов небольшой левой «партии граждан», на президентских выборах 1980 г. набравшей около 220 тыс. голосов¹¹⁰, мы встречаем известные фигуры: эколог Б. Коммонер, писатель-документалист Ст. Теркел, профсоюзный вожак Эд Садловски.

Отсутствие какой-либо фатальной предопределенности в образовавшемся разрыве между интеллигенцией — особенно ее творческим ядром — и народом подтверждает и пример негритянской общины США. Слабая, маловлиятельная цветная буржуазия не сумела стать идейно-политическим гегемоном афроамериканцев. Черная Америка больше доверяет своей интеллигенции, чем буржуазии. В отличие от белой Америки негритянская интеллигенция не только не изолирована, но является духовным вождем своего народа.

¹⁰⁹ *Moyers B.* Op. cit., p. 352.

¹¹⁰ *New York Times*, 1980, Nov. 6, p. A25.

Укреплению единства трудящихся отдают все силы американские коммунисты. В принятой на XIX съезде программе Компартии США (1969 г.) подчеркнуто, что основная задача, стоящая перед демократическими силами, — создание широкой антимонополистической коалиции во главе с рабочим классом. По мнению коммунистов, только единые действия трудового народа могут служить противовесом мощи монополий¹¹¹.

Политическим выражением антимонополистической коалиции призван стать союз левых и центристских сил, созданный на четкой, принципиальной основе. У коммунистов накоплен немалый опыт таких союзов, в том числе и в послевоенный период. Например, в избирательной кампании 1968 г. компартия поддержала Ю. Маккарти, выступавшего с леволиберальных позиций. В 80-е годы, как отмечал Гэс Холл, сотрудничество коммунистов с лево-центристскими силами и движениями будет расширяться¹¹². На этой основе можно решить важнейшую задачу, стоящую перед прогрессивными силами страны, — создание массовой партии рабочего класса.

В рамках стратегии коммунистов значительное место отводится союзу лиц физического и умственного труда. Коммунисты исходят из того, что по мере роста влияния пролетариата он становится все более значительной интеллектуальной силой, стимулирующей появление интеллигентов нового типа, выходцев из рабочего класса и других слоев населения, готовых бороться за освобождение трудящихся от гнета капитала¹¹³. В программе компартии сказано: «Интеллигенция играет прогрессивную роль не как изолированная сила, а как сила, участвующая в совместной борьбе с главной движущей силой общественного прогресса — рабочим движением и его союзниками в их борьбе с властью монополий»¹¹⁴. На XXII съезде Коммунистической партии США (1979 г.) указывалось на необходимость усилить работу среди интеллигенции, чтобы способствовать развитию новых позитивных тенденций в ее сознании и поведении¹¹⁵.

¹¹¹ Political Affairs, 1981, Sept., p. 2.

¹¹² Ibid., Jan., p. 6.

¹¹³ Ibid., 1977, Apr., p. 2—5.

¹¹⁴ Цит. по: США — экономика, политика, идеология, 1971, № 1, с. 95.

¹¹⁵ XXII Национальный съезд Коммунистической партии США. М., 1982, с. 96—97, 186—187.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Наше исследование является еще одним подтверждением роли интеллигенции в освободительной борьбе пролетариата, в мировом революционном процессе. Правда, во многом это доказательство от противного: слабость революционного крыла рабочего движения США не в последнюю очередь объясняется сохранением подавляющего большинства представителей интеллигенции в орбите идейно-политического влияния буржуазии. Будучи продуктом специфической ситуации, которую в конечном счете определяло соотношение классовых сил в обществе, американская интеллигенция в свою очередь способствовала ее закреплению.

По сравнению с Европой процесс формирования американской интеллигенции отличался большим своеобразием. В силу особенностей исторического развития США выделение лиц интеллектуального труда в относительно самостоятельный слой населения со своими запросами и интересами происходило медленно, с трудом. Вплоть до последних десятилетий XIX в. спрос на интеллектуальный труд оставался весьма ограниченным, топкий культурный слой растворялся в мелкобуржуазной стихии.

В Соединенных Штатах процесс становления интеллигенции как социальной и социально-психологической общности тормозился рядом обстоятельств. Буржуазные ценности, нормы, представления, глубоко проникнув в толщу национальной психологии, образовали прочный сплав в сознании масс, приобрели силу и устойчивость народного предрассудка. Высокие темпы развития экономики, радикальный характер преобразований и ломок, которые осуществлял американский капитализм в своем поступательном движении, сильно обесценивали значение социального опыта, который одно поколение интеллигенции могло передать другому. Это препятствовало развитию чувства исторической преемственности, формированию устойчивого самосознания нового слоя. В теч-

ние долгого времени идейно-политическая гегемония буржуазии не встречала сколько-нибудь значительного противодействия в мире интеллектуального труда, основная часть которого оказалась в орбите влияния бизнеса. Антибуржуазные течения в американской культуре, общественной мысли были вынуждены развиваться в условиях социальной изоляции.

Бурный рост интеллигенции с конца XIX в., превращение умственного труда в стеновой хребет различных видов деятельности изменили положение творцов и носителей культуры в американском обществе. В настоящее время специалисты высокой квалификации составляют значительный сегмент трудового населения, оказывающий немалое влияние на общественно-политическую жизнь страны. Происходящие внутри интеллигенции процессы приобрели большое значение с точки зрения перспектив развития США. Превращение интеллигенции во влиятельную силу заметно ослабило традиционный антиинтеллектуализм американской жизни.

Становление интеллигенции как социальной общности — при всей ее гетерогенности — сопровождалось утверждением в ее среде определенной системы ценностей и ориентаций, моделей поведения, образа жизни. Во многом имитирующие строй мыслей и чувств буржуазной личности, они не воспроизводят его буквально. В среде интеллигенции формируется субкультура, не во всем соответствующая «американскому образу жизни».

Превращение лиц интеллектуального труда в массовый слой изменило процесс формирования общественно-го сознания интеллигенции. Сфера ее социального опыта заметно расширилась, в нем появились новые компоненты. В этой связи надо отметить, что в 70-е — начале 80-х годов мир интеллектуального труда испытал на себе неблагоприятные последствия капиталистической рационализации в условиях перехода к интенсивной фазе научно-технической революции.

Формирование общественно-политического сознания интеллигенции — процесс сложный и противоречивый. Бурный рост армии интеллектуального труда, появление все новых подразделений специалистов не позволяют интеллигенции конституироваться в относительно гомогенное социальное образование. Социальная и профессиональная разнородность этого слоя, глубокие различия в характере опыта его отдельных отрядов и категорий, про-

межуточное положение в системе классовых отношений буржуазного общества затрудняют поиск общих координат сознания, выделяющих интеллигенцию в пестрой социальной мозаике современного капитализма.

В целом можно сказать, что в послевоенный период в рядах американской интеллигенции идет процесс идейно-политической дифференциации. Основная масса лиц интеллигентных профессий по-прежнему является носителем и активным проводником буржуазной идеологии. Значительная часть интеллигенции тяготеет к правым силам. В этой среде получают идейную оснастку консервативные и реакционные течения в общественно-политической жизни США.

В то же время в сознании растущей части лиц интеллектуального труда усиливаются оппозиционные, антимонополистические тенденции. Превращение миллионов специалистов в обезличенные винтики гигантского механизма государственно-монополистического капитализма вызывает активный протест с их стороны. Проявлением растущего социального недовольства трудовой интеллигенции стало объединение специалистов в профсоюзы, широкое использование пролетарских методов борьбы за свои интересы.

Благодаря своей численности, активности, разветвленной системе формальных и неформальных связей и отношений интеллигенция играет все более значительную роль в политической жизни страны. Ее присутствие особенно заметно в массовых демократических движениях. При всей непоследовательности, половинчатости, идейной ограниченности интеллигентской оппозиции она создает реальную возможность расширения антимонополистического фронта. Параллельно среди левой интеллигенции образуются группы, интересующиеся марксистской теорией и ориентирующиеся на социалистическую перспективу. В Америке, так же как в других капиталистических странах, идет процесс превращения интеллигенции в «тот пролетариат умственного труда, который призван плечом к плечу и в одних рядах со своими братьями рабочими... сыграть значительную роль в революции»¹.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 22, с. 432.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Маркс К., Энгельс Ф.* Немецкая идеология.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 3.
- Маркс К., Энгельс Ф.* Манифест коммунистической партии.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 4.
- Маркс К.* Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 8.
- Маркс К.* Президенту Соединенных Штатов Америки Аврааму Линкольну.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 16.
- Маркс К.* Капитал, т. 1.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23.
- Маркс К.* Теории прибавочной стоимости.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 26, ч. I и II.
- Энгельс Ф.* Партия рабочих.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 19.
- Энгельс Ф.* Приложение к американскому изданию «Положение рабочего класса в Англии».— Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 21.
- Энгельс Ф.* Введение к работе К. Маркса «Гражданская война во Франции».— Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 22.
- Энгельс — Марксу*, 23 мая 1862 г.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 30.
- Энгельс — Ф. А. Зорге*, 16—17 сент. 1886 г.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 36.
- Энгельс — К. Шмидту*, 11 янв. 1889 г.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 37.
- Энгельс — Ф. А. Зорге*, 16 янв. 1895 г.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 39.
- Энгельс — Ф. А. Зорге*, 18 марта 1893 г.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 39.
- Энгельс — Н. Ф. Даниельсону*, 17 окт. 1893 г.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 39.
- Энгельс — Ф. А. Зорге*, 2 дек. 1893 г.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 39.
- Ленин В. И.* Рец. на кн. К. Каутского «Бернштейн и с.-д. программа».— Полн. собр. соч., т. 4.
- Ленин В. И.* Что делать? — Полн. собр. соч., т. 6.
- Ленин В. И.* Революционный авантюризм.— Полн. собр. соч., т. 6.
- Ленин В. И.* Задачи революционной молодежи. Письмо первое.— Полн. собр. соч., т. 7.
- Ленин В. И.* Предисловие к русскому переводу книги «Письма И. Ф. Беккера, И. Дицгена, Ф. Энгельса, К. Маркса и др. к Ф. А. Зорге и др.» — Полн. собр. соч., т. 15.
- Ленин В. И.* Аграрная программа социал-демократии в русской революции. Автореферат. Полн. собр. соч., т. 17.
- Ленин В. И.* В Америке.— Полн. собр. соч., т. 22.
- Ленин В. И.* Итоги выборов.— Полн. собр. соч., т. 22.

- Ленин В. И.* Капитализм и иммиграция рабочих.— Полн. собр. соч., т. 24.
- Ленин В. И.* О карикатуре на марксизм и об «империалистическом экономизме». — Полн. собр. соч., т. 30.
- Ленин В. И.* Статистика и социология.— Полн. собр. соч., т. 30.
- Ленин В. И.* Государство и революция.— Полн. собр. соч., т. 33.
- Ленин В. И.* Один из коренных вопросов революции.— Полн. собр. соч., т. 34.
- Ленин В. И.* Письмо к американским рабочим. Полн. собр. соч., т. 37.
- Ленин В. И.* Детская болезнь «левизны» в коммунизме.— Полн. собр. соч., т. 41.
- Ленин В. И.* Письмо Чарльзу П. Штейнмецу.— Полн. собр. соч., т. 45.
- Международное Собрание коммунистических и рабочих партий 5—17 июня 1969 г. Документы и материалы. М., 1969.
- Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976.
- Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981.
- XXII Национальный съезд Коммунистической партии США. М., 1982.

СТАТИСТИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ, СПРАВОЧНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

- Digest of Educational Statistics 1975. Wash., 1976.
- A Century of Population Growth. Wash., 1909.
- The Condition of Education. Wash., 1980 Ed.
- Current Population Report. Wash., 1969.
- The Education Digest. Wash., 1978.
- Employment and Earnings. Wash., 1975—1977.
- Employment of Scientists and Engineers, 1950—1970. Wash., 1973.
- Federal Spendings and Scientists and Engineer Employment. Wash., 1970.
- Historical Statistics of the United States: Colonial Times to 1957. Wash., 1960.
- Manpower Comments. Wash., 1974—1976.
- Manpower Report of the President. Wash., 1972—1975.
- A Measure of Success. Federal Support for Continuing Education. Wash., 1973.
- 1970 Census of Population. Wash., 1973.
- The 1972 Scientist and Engineering Population Redefined. Wash., 1975.
- Pocket Data Book. USA. 1971. Wash., 1971.
- Profiles of Ph. D's in the Sciences: Summary Report on Follow-up of Doctorate Cohorts 1935—1960. Wash., 1965.
- Report on Higher Education. Wash., 1971.
- Research and Development in Industry 1973. Wash., 1975.
- Selected Characteristics of Persons in Fields of Science or Engineering, 1976, Wash., 1978.
- Scientists, Engineers and Physicians from Abroad. Wash., 1972.
- Statistical Abstract of the United States. Wash., 1970—1980.
- Twelfth Census of the United States, taken in the year 1900: Census reports. Vol. 2. Population. Wash., 1902, pt 2.
- Unemployment Rates and Employment Characteristics for Scientists and Engineers, 1971. Wash., 1972.

US Census of Population: 1950. Wash., 1954.

US Employment and Training Report of the President. Wash., 1976—1981.

ЛИТЕРАТУРА

Американский ежегодник. М., 1970—1982.

Аптекер Г. Американская революция 1763—1783. М., 1962.

Арбатов Г. А. Идеологическая борьба в современных международных отношениях. М., 1970.

Баталов Э. Я. Социальная утопия и утопическое сознание в США. М., 1982.

Белявская И. А. Буржуазный реформизм в США (1900—1914). М., 1968.

Белявская И. А. Теодор Рузвельт и общественно-политическая жизнь США. М., 1978.

Богина Ш. А. Иммиграция в США. М., 1965.

Богина Ш. А. Иммигрантское население США. Л., 1976.

Богомолов А. С. Буржуазная философия США XX века. М., 1974.

Болховитинов Н. Н. США: проблемы истории и современная историография. М., 1980.

Брайс Д. Американская республика. М., 1890, ч. III.

Брукс В. В. Писатель и американская жизнь. М., 1967.

Вайнштейн Г. И. Американские рабочие: сдвиги в общественном сознании. М., 1977.

Война за независимость и образование США. М., 1976.

Гаджиев К. С. США: эволюция буржуазного сознания. М., 1981.

Гаджиев К. С. Эволюция основных течений американской буржуазной идеологии. М., 1982.

Городские средние слои современного капиталистического общества. М., 1963.

Громыко Анаст. А. 1036 дней президента Кеннеди. М., 1971.

Гэлбрейт Д. Новое индустриальное общество. М., 1969.

Де-Леон Д. Избр. произведения. М.; Л., 1932.

Дементьев И. П. Идеинная борьба в США по вопросам экспансии. М., 1973.

Дилгенский Г. Г. Рабочий на капиталистическом предприятии. М., 1969.

Ефимов А. В. США: Пути развития капитализма. М., 1969.

Живейнов Н. Капиталистическая пресса США. М., 1956.

Замошкин Ю. А. Кризис буржуазного индивидуализма и личность. М., 1966.

Замошкин Ю. А. Личность в современной Америке. М., 1980.

Заславский Д. О. Очерки истории Северо-Американских Соединенных Штатов, XVIII и XIX вв. М., 1931.

Захарова М. Н. Народное движение в США против рабства, 1831—1860. М., 1965.

Зорин В. Некоронованные короли Америки. М., 1970.

Зорин В. Мистеры миллиарды. М., 1972.

Зубок М. И., Яковлев Н. Н. Новейшая история США. М., 1972.

Иванов Р. Ф. Авраам Линкольн и гражданская война в США, М., 1964.

Иванов Р. Ф. В. И. Ленин о Соединенных Штатах Америки. М., 1965.

Иванова Э. П. Научно-техническая революция в США. М., 1971.

- Идеологическая борьба и мировой революционный процесс. М., 1978—1982.
- Кан А. Время решений. М., 1963.
- Каримский А. М. Революция 1776 года и становление американской философии. М., 1976.
- Карцева Е. Н. «Массовая культура» в США и проблемы личности. М., 1974.
- Кинг М. Л. Есть у меня мечта... М., 1970.
- Кислова А. А. Идеология и политика американской баптистской церкви. М., 1969.
- Кислова А. А. Социальное христианство в США. М., 1974.
- Козенко Б. М. Юджин Дебс, социалист. Саратов, 1967.
- Кондрашов С. Свидание с Калифорнией. М., 1975.
- Косенко Е. И. Молодежь в современном американском обществе. М., 1977.
- К столетию гражданской войны в США. М., 1961.
- Куропятник Г. П. Фермерское движение в США. М., 1971.
- Лан В. И. США: от испано-американской до первой мировой войны. М., 1975.
- Лан В. И. США: от первой до второй мировой войны. М., 1976.
- Лан В. И. США в военные и послевоенные годы. М., 1978.
- Ландберг Ф. 60 семейств Америки. М., 1948.
- Ландберг Ф. Богачи и сверхбогачи. М., 1975.
- Липицкий М. И. Уильям Хейвуд. М., 1974.
- Литературная история Соединенных Штатов Америки / Пер. с англ. М., 1977—1979. Т. I—III.
- Маккарти Ю. Вновь посетив Америку. М., 1981.
- Маклярский Б. И. «Великое общество»: декларации и действительность. М., 1969.
- Мальков В. Л. «Новый курс» в США. М., 1973.
- Мальков В. Л. Том Муни. М., 1976.
- Малькова З. А. Современная школа в США. М., 1971.
- Манькин А. С. История двухпартийной системы США. М., 1981.
- Масленников В. И. США: государство и наука. М., 1971.
- Маринин С. Б. США: политика и управление. М., 1967.
- Массовые движения социального протеста в США. М., 1978.
- Материалы первого симпозиума советских историков-американистов (30 нояб.— 3 дек. 1971), М., 1973. Ч. I.
- Маттиас Л. Обратная сторона США. М., 1968.
- Мельвил А. Ю. Социальная философия современного американского консерватизма. М., 1980.
- Мельников А. Н. Современная классовая структура США. М., 1974.
- Иеньшиков С. М. Миллионеры и менеджеры. М., 1965.
- Миллс Р. Властвующая элита. М., 1959.
- Минервин И. Г. США: проблемы управленческих кадров в промышленности. М., 1974.
- Минц М., Козн Д. Америка, инкорпорейтед. М., 1973.
- Митрохин Л. Н. Негритянское движение в США: идеология и практика. М., 1974.
- Михайлов Е. Д. США: проблемы больших городов. М., 1973.
- Надель С. Н. Научно-техническая интеллигенция в современном буржуазном обществе. М., 1971.
- Надель С. Н. Современный капитализм и средние слои. М., 1978.
- Наджафов Д. Г. Народ США — против войны и фашизма. М., 1969.
- Национальные процессы в США. М., 1973.

- Новая Программа КП США.— США — экономика, политика, идеология. 1971, № 1.
- Новинская М. И. Студенчество США. М., 1977.
- Паррингтон В. Л. Основные течения американской мысли. М., 1962, т. III.
- Петровский В. Э. Суд Линча. М., 1967.
- Севостьянов Г. Н., Уткин А. И. Томас Джефферсон. М., 1976.
- Сивачев Н. В. Политическая борьба в США в середине 30-х годов XX века. М., 1966.
- Сивачев Н. В., Язков Е. Ф. Новейшая история США. М., 1980.
- Симуш П. И. Социальная роль и судьба интеллигенции. М., 1969.
- Слэзкин Л. Ю. У истоков американской истории. М., 1978; М., 1980.
- Современное политическое сознание в США. М., 1980.
- Согрин В. В. Истоки современной буржуазной идеологии в США. М., 1975.
- Согрин В. В. Идеиные течения в американской революции XVIII века. М., 1980.
- США: обострение социальных противоречий и массовые демократические движения. М., 1980.
- Тимофеев Т. Т. Рабочий класс в центре идейно-теоретического противоборства. М., 1979.
- Токвиль А. де. Демократия в Америке. Киев, 1860. Т. 1.
- Токвиль А. де. О демократии в Америке. М., 1897.
- Тропольская И. М. Интеллигенция как особая общность. М., 1974.
- Филиппова Л. Д. Высшая школа США. М., 1981.
- Фонер Ф. История рабочего движения в США. М., 1966. Т. III.
- Фостер У. З. Очерк политической истории Америки / Пер. с англ. М., 1953.
- Фурман Д. Е. Религия и социальные конфликты в США. М., 1981.
- Фурсенко А. А. Американская революция и образование США. Л., 1978.
- Шейнин Ю. М. Наука и милитаризм в США. М., 1963.
- Шикин Ю. М. Современные буржуазные концепции интеллигенции. Л., 1975.
- Шлепаков А. Н. США: социальная структура общества и его национальный состав. Киев, 1976.
- Шляхтин П. А. Интеллигенция в современном буржуазном обществе. Киев, 1980.
- Эпштейн С. Капитаны большого бизнеса. М., 1979.
- Юлина Н. С. Буржуазные идеологические течения в США. М., 1971.
- Яницкий О. П. Урбанизация и социальные противоречия капитализма. М., 1975.
- Aaron D. Writers on the Left. Oxford; New York, 1977.
- Bazon D. T. Power in America: The Politics of the New Class. N. Y., 1967.
- Bell D. The End of the Ideology. Glencoe, 1960.
- Bell D. The Coming of Post-Industrial Society. N. Y., 1973.
- Bell D. The Cultural Contradictions of Capitalism. L., 1976.
- Bendix R., Lipset S. M. Class, Status and Power. N. Y., 1966.
- Benson Ch. The Cheerful Prospect. Boston, 1965.
- Berle A. A., Means G. C. The Modern Corporation and Private Property. N. Y., 1932.
- Berle A. A. Power without Property. N. Y., 1959.
- Blue-Collar Workers. N. Y., 1971.

- Boorstin D. J.* The Americans: The Colonial Experience. Harmondsworth, 1965.
- Boorstin D. J.* The Americans: National Experience. N. Y., 1967.
- Boorstin D. J.* The Americans: The Democratic Experience. N. Y., 1973.
- Bowen H. R.* Investment in Learning: the Individual and Social Value of American Higher Education. San Francisco, 1978.
- Burnham J.* The Managerial Revolution. N. Y., 1941.
- Brooks V. W.* Howells. N. Y., 1959.
- Brzezinski Z.* Between Two Ages. N. Y., 1970.
- Calvert M. A.* The Mechanical Engineer in America, 1830—1910. Baltimore, 1967.
- Campbell A. et al.* The American Voter. N. Y., 1960.
- Campus Unrest. Wash., 1970.
- Cantor R. D.* Voting Behavior and Presidential Elections. Itasca, 1975.
- Chomski N.* American Power and the New Mandarins. N. Y., 1969.
- Class and Conflict in American Society / Ed. R. Lejune. Chicago, 1973.
- Collective Bargaining in Higher Education — the Developing Law / Ed. J. R. Vladeck and S. C. Vladeck. N. Y., 1975.
- Collective Negotiations in Higher Education / Ed. C. R. Hugnes e. a. Callinville, 1973.
- Conant J. B.* Slums and Suburbs. N. Y., 1961.
- Corsini G.* La grande crisi americana. Roma, 1974.
- Coser L. A.* Men of Ideas. N. Y., 1966.
- Cowley M.* Exile's return. L., 1961.
- Cremin L. A.* American Education. N. Y., 1970.
- Curti M. E.* The Growth of American Thought. New York; London, 1943.
- Crozier M.* Le mal américain. P., 1980.
- Demaris O.* The Director. N. Y., 1975.
- Dickstein M.* Gates of Eden. N. Y., 1977.
- Donner F. J.* The Un-Americans. N. Y., 1961.
- Earnest E.* Expatriates and patriots. Durham, 1968.
- Education, Income and Human Behavior / Ed. F. T. Juster. N. Y., 1975.
- The Engineer and the Social System / Ed. R. Perrucci, Y. E. Gerstl. N. Y., 1969.
- Faculty Bargaining in Public Higher Education. San Francisco, 1977.
- Feldman K. A., Newcomb T. M.* The Impact of College on Students. San Francisco, 1969.
- Felix D.* Protest: Sacco — Vanzetti and the Intellectuals. Bloomington, 1965.
- Fermi L.* Illustrious Immigrants. Chicago; London, 1968.
- Folger J. K., Astin H.* Human Resources and Higher Education. N. Y., 1970.
- Folger J. K., Nam Ch. B.* Education of American Population. Wash., 1967.
- Freeman J.* An American Testament. N. Y., 1936.
- Freeman R. B.* The Market for College-trained Manpower. Cambridge, 1971.
- Gans H.* Popular Culture and High Culture. N. Y., 1975.
- Gould J. M.* The Technical Elite. N. Y., 1966.
- Gouldner A. W.* The Future of Intellectuals and the Rise of the New Class. N. Y., 1979.
- Gurko L.* Crisis of the American Mind, L., 1956,

- Halsey A. U., Trow M.* The British Academics. Cambridge, 1971.
- Hamilton R. F.* Class and Politics in the United States. N. Y., 1972.
- Harris N.* The Artist in American Society. N. Y., 1966.
- Hofstadter R.* Antiintellectualism in American Life. N. Y., 1963.
- Hofstadter R.* The American Political Tradition. L., 1967.
- Hyman H. H., Wright Ch. R., Reed J. Sh.* The Enduring Effects of Education. Chicago; London, 1975.
- Jankelovich D.* The New Morality. N. Y., 1974.
- Jeager R. C.* Losing It. N. Y., 1980.
- Kadushin Ch.* American Intellectual Elite. Boston; Toronto, 1974.
- Keniston K.* Young Radicals. N. Y., 1968.
- Kerr K.* The Uses of the University. N. Y., 1963.
- Key V. O.* Politics, Parties and Pressure Groups. N. Y., 1964.
- Kocka J.* White Collar Workers in America 1890—1940. London; Beverly Hills, 1980.
- Ladd E. C., Jr., Lipset S. M.* Academics, Politics and the 1972 Election. Wash., 1973.
- Ladd E. C., Jr., Lipset S. M.* Professors, Unions and American Higher Education. Berkeley, 1973.
- Ladd E. C., Jr., Lipset S. M.* The Divided Academy. N. Y., 1975.
- Lasch Ch.* The New Radicalism in America. N. Y., 1965.
- Lazarsfeld P., Thielens W.* The Academic Mind. 1958.
- Lipset S. M.* Political Man. Garden City, 1960.
- Lipset S. M.* Rebellion in University. Boston, 1972.
- Main J. T.* The Social Structure of Revolutionary America. Princeton, 1965.
- Mann Ch. R.* A Study of Engineering Education. Boston, 1918.
- Martin J. K.* Men in Rebellion. N. Y., 1976.
- May H. F.* The End of American Innocence. Oxford; New York, 1979.
- Mazmanien D. A.* Third Parties in Presidential Elections. Studies in Presidential Selection. Wash., 1974.
- Miles M. W.* The Radical Probe: The Logic of Student Rebellion. N. Y., 1971.
- Miller W., Levitan T.* Leadership and Change. Cambridge, 1976.
- Mills W.* White Collar. N. Y., 1951.
- Moyers B.* Listening to America. N. Y., 1972.
- Murphy G., Likert R.* Public Opinion and the Individual. N. Y., 1967.
- Murray R. K.* Red Scare. N. Y., 1964.
- Nie N., Verba S. et al.* The Changing American Voter. Cambridge, 1976.
- Nixon R. M.* Six Crises. N. Y., 1962.
- Noble D. F.* America by Design. N. Y., 1977.
- Parkes H. B.* The USA: A History. N. Y., 1954.
- Parsons T.* The Social System. Glencoe, 1952.
- Parsons T.* Essays in Sociological Theory. Glencoe, 1967.
- Politics and the Oval Office: Toward Presidential Governance / Ed. A. J. Meltsner. San Francisco, 1981.
- Pomper G. M.* Voters Choice. N. Y., 1975.
- Pomper G. M. et al.* The Election of 1976. Reports and Interpretations. N. Y., 1977.
- The Radical Right. Garden City, 1964.
- Rivlin A. M.* The Role of the Federal Government in Financing Higher Education. Wash., 1961.
- Rossiter C.* Parties and Politics in America. Ithaca, 1960.
- Rosten L. C.* The Washington Correspondents. N. Y., 1937,

- Rudolph F. Curriculum.* San Francisco, 1977.
- Schlesinger A. M.* The Rise of the City, 1878—1898. N. Y., 1933.
- Schlesinger A. M.* The Rise of Modern America, 1865—1951. 2 ed., N. Y., 1954.
- Schlesinger S. C.* The New Reformers. Boston, 1975.
- The Semi—professions and their Organisations: Teachers, Nurses, Social Workers / ed. A. Etzioni. N. Y., 1969.
- Shils E.* Intellectuals and their Discontents.—American Scholar, Wash., 1976, N 2.
- The States and Higher Education. San Francisco; Washington; London, 1976.
- Stevenson E.* Babbits and Bohemians: The American 1920's. N. Y., 1967.
- Terkel St.* Working. N. Y., 1974.
- Thayer G.* Who Shakes the Money Tree? N. Y., 1973.
- Thurrow L. C.* Generating Inequality. N. Y., 1975.
- Touraine A.* L'université et société aux Etats-Unis. P., 1972.
- Trent J. W.* Catholics in College. Chicago; London, 1967.
- Trent J. W., Medsker L. L.* Beyond High School. San Francisco, 1968.
- Turner F. J.* The Frontier in American History. N. Y., 1920.
- Van Riper P. P.* History of the United States Civil Service. Evanston; New York, 1958.
- Veblen T.* The Engineers and the Price System. N. Y., 1936.
- Wells R. V.* The Population of the British Colonies in America before 1776: A Survey of Census Data. Princeton, 1975.
- White Collar and Professional Stress / Ed. C. L. Cooper, J. Marshall. Chichester; New York, 1980.
- White T. H.* The Making of the President 1972. N. Y., 1973.
- Wiebe R. H.* The Search for Order, 1877—1920. N. Y., 1967.
- Williams G.* The Academic Labour Market: Economic and Social Aspects of a Profession. N. Y., 1974.
- Wilson L.* American Academics. N. Y., 1979.
- Wittke C. F.* German-language Press in America. Lexington, 1957.
- Wolff R.* The Ideal of the University. Boston, 1969.
- Wright L. B.* The Cultural life of the American Colonies. 1607—1763. N. Y., 1957.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
Часть первая	
ФОРМИРОВАНИЕ АМЕРИКАНСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ	13
Глава первая	
Лица свободных профессий в домонополистическую эпоху	13
Колониальный период	13
Американский путь	21
Глава вторая	
Интеллигенция в Америке монополий (конец XIX — первая половина XX в.)	50
Формирование государственно-монополистических структур и мир интеллектуального труда	50
Становление сознания	68
Приобщение к политике	91
Часть вторая	
ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В МИРЕ БИЗНЕСА	108
Глава третья	
Интеллектуальный труд в условиях НТР	108
Процесс воспроизводства интеллигенции: американская система образования	108
Социально-экономическое положение специалистов и его отражение в общественном сознании	123
Профессиональная структура интеллигенции	143
Глава четвертая	
Интеллигенция и основные институты американского общества	155
В мире корпораций	156
В коридорах власти	161
В академической среде	169
Глава пятая	
Интеллигент в повседневной жизни	182
Особенности социального облика	182
Мотивы поведения и образ жизни	196

Часть третья	
ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И ПОЛИТИКА	222
Глава шестая	
Исторические основы формирования сознания интеллигенции: традиции и новый опыт	222
Идейно-политические традиции американского общества	222
Опыт послевоенного развития	230
Глава седьмая	
Познание и сознание	258
Роль социологических факторов	258
Особенности сознания	280
Глава восьмая	
Интеллигенция в общественно-политической жизни США	310
Лица интеллектуального труда и профсоюзы	310
Интеллигенция и партийно-политический механизм	325
Интеллигенция и рабочий класс: проблемы союза	347
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	353
БИБЛИОГРАФИЯ	356

Виктор Борисович Кузалдин
АМЕРИКАНСКИЙ КАПИТАЛИЗМ
И ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ
Историко-социологический очерк

Утверждено к печати
ордена Трудового Красного Знамени
Институтом мировой экономики
и международных отношений

Редактор Р. Е. Кантор
Редактор издательства Р. З. Мазо
Художник Н. А. Седельников
Художественный редактор Н. Н. Власик
Технические редакторы М. Н. Комарова, Ф. М. Хенوخ
Корректоры М. В. Ворткова, К. П. Лосева

ИБ № 25004

Сдано в набор 07.01.83
Подписано к печати 12.04.83
Т-02782. Формат 84×108¹/₃₂:
Бумага типографская № 1
Гарнитура обыкновенная
Печать высокая
Усл. печ. л. 19,32. Усл. кр. отт. 19,32. Уч.-изд. л. 21
Тираж 3000 экз. Тип. зак. 2440
Цена 2 р. 30 к.

Издательство «Наука»
117864 ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 90
2-я типография издательства «Наука»
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

**В издательстве
«НАУКА»**

ГОТОВИТСЯ К ИЗДАНИЮ

АМЕРИКАНСКИЙ ЕЖЕГОДНИК. 1983.

25 л. 2 р. 50 к.

В «Ежегоднике» исследуются проблемы государственно-монополистического капитализма и социальной политики правящих кругов США в годы «нового курса» и второй мировой войны, дается критический анализ современной американской буржуазной историографии, уделено внимание вопросам развития национальной культуры Америки, а также канадо-советским отношениям в годы второй мировой войны и массовым выступлениям в Канаде за ядерное разоружение. Имеется библиография работ по истории США и Канады.

ИОАННИСЯН А. Р.

15 л 1 р. 70 к.

Новая работа крупного советского специалиста по истории общественной мысли во Франции написана на основании еще не использованных, в том числе и французами, материалов французских архивов. В отличие от прежних работ, автор в данной монографии прослеживает связь развития коммунистической мысли с рабочим движением, наглядно показывая, что знаменитая фраза «Коммунистического манифеста» «Призрак бродит по Европе, призрак коммунизма» связана с конкретной исторической действительностью, в первую очередь с французской.

Книги можно предварительно заказать в магазинах Центральной конторы «Академкнига», в местных магазинах книготоргов или потребительской кооперации без ограничений.

ДЛЯ ПОЛУЧЕНИЯ КНИГ ПОЧТОЙ ЗАКАЗЫ ПРОСИМ НАПРАВЛЯТЬ ПО АДРЕСУ:

117192 Москва, Мичуринский проспект, 12, магазин «Книга — почтой» Центральной конторы «Академкнига»;

197345 Ленинград, Петрозаводская ул., 7, магазин «Книга — почтой» Северо-Западной конторы «Академкнига»

ИЛИ В БЛИЖАЙШИЙ МАГАЗИН «АКАДЕМКНИГА»:

480091	Алма-Ата, ул. Фурманова, 91-97 («Книга — почтой»);	220012	Минск, Ленинский проспект, 72 («Книга — почтой»);
370005	Баку, ул. Джапаридзе, 13 («Книга — почтой»);	103009	Москва, ул. Горького, 19а;
320093	Днепропетровск, проспект Гагарина, 24 («Книга — почтой»);	117312	Москва, ул. Вавилова, 55/7;
734001	Душанбе, проспект Ленина, 95 («Книга — почтой»);	630076	Новосибирск, Красный проспект, 51;
375002	Ереван, ул. Туманяна, 31;	630090	Новосибирск, Академгородок, Морской проспект, 22 («Книга — почтой»);
664033	Иркутск, ул. Лермонтова, 289;	142292	Пушино, Московской обл., МР «В», 1;
252030	Киев, ул. Ленина, 42;	620151	Свердловск, ул. Мамина-Сибиряка, 137 («Книга — почтой»);
252030	Киев, ул. Пирогова, 2;	700029	Ташкент, ул. Ленина, 73;
252142	Киев, проспект Вернадского, 79;	700100	Ташкент, ул. Шота Руставели, 43;
252030	Киев, ул. Пирогова, 4 («Книга — почтой»);	700187	Ташкент, ул. Дружбы Народов, 6 («Книга — почтой»);
277012	Кипинев, проспект Ленина, 148 («Книга — почтой»);	634050	Томск, наб. реки Ушайки, 18;
343900	Краматорск Донецкой обл., ул. Марата, 1;	450059	Уфа, ул. Р. Зорге, 10 («Книга — почтой»);
660049	Красноярск, проспект Мира, 84;	450025	Уфа, ул. Коммунистическая, 49;
443002	Куйбышев, проспект Ленина, 2 («Книга — почтой»);	720001	Фрунзе, бульвар Дзержинского, 42 («Книга — почтой»);
101104	Ленинград, Литейный проспект, 57;	310078	Харьков, ул. Чернышевского, 87 («Книга — почтой»);
100164	Ленинград, Таможенный пер., 2;		
100024	Ленинград, В/О, 9 линия, 16;		